

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 4 (46), 2016

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2016, 4 (46)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2016, 4 (46)

Association "Rus" (Kishinev, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Сергей Суляк

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михаил Губогло

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Юрий Данилец

Ужгородский национальный университет (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Александр Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Сочинский государственный университет (Россия)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

Editorial Board:

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhail Guboglo

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Yuriy Danilets

Uzhhorod National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Alexander Maiorov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodol'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

Sochi State University (Russia)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus": Ap. 1A, 24 Mihail Kogalniceanu Str., Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2016

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора 7

II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «СЛАВЯНСКИЙ МИР В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Украинский П.А.

**Анализ современной географии топонимов славянского происхождения
в Карпато-Днестровском пространстве: геоинформационный подход к исследованию** 9

Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.

Забывтый золотой век: Ярослав Мудрый и Русь Ярослава – переосмысления XIX – начала XXI в. 26

Меркулов С.А., Дунбинский И.А.

**Славянский мир в работе В.М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их
доисторической жизни»** 44

Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.

«Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт 56

Фроянов И.Я.

**Галицко-Волынская Русь: между Византией, монголами и Римом
(достижения и проблемы новейшей историографии)** 73

Хаминов Д.В.

**Историческая славистика в XX в.: социокультурный и политико-идеологический аспекты
(по материалам высшей школы Сибири)** 100

Байбарин А.А., Машкин Н.А., Шеленговский П.Г.

**Северо-Западный Кавказ с древнейших времен до XIX в.: историографический обзор новейших
публикаций в периодической печати** 119

Фоминых С.Ф., Степнов А.О.

**Статус славянских языков в университетах Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX в.
(на материалах журнала «Славянский век»)** 141

Балаченкова А.П., Ляховицкий Е.А., Цыпкин Д.О.

А.И. Яцимирский – исследователь исторической бумаги карпатских и балканских рукописей 153

Суляк С.Г.

Будущее Галичины в планах Русского народного совета 168

Глуценко Н.А.

**Устав Русского православного католического общества взаимопомощи как источник для изучения
русинской иммиграции в Соединенных Штатах Америки** 191

Зимин И.В., Соколов А.Р., Суляк С.Г.

Николай II в Галиции в 1915 г.: вместе или врозь 205

Данилещь Ю.В.

**Православна церква на Закарпатті в перші роки радянської влади (на документах розсекречених
фондів ДАЗО)** 217

Зиновьев В.П., Троицкий Е.Ф.

Евразийская экономическая интеграция: эволюция, проблемы и перспективы 236

Катунин Д.А.

Болгарский язык в современном законодательстве Республики Сербия 252

Краснопёров А.Ю.

Славянизм в социальных сетях (на примере сообществ «ВКонтакте») 264

Тубалова И.В., Эмер Ю.А.

Концепт «национальный язык» в зеркале белорусских СМИ 276

НЕКРОЛОГ

Памяти Владимира Ивановича Царанова – ученого и общественного деятеля 294

CONTENTS

Editor's Page.....	7
--------------------	---

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE THE SLAVIC WORLD AND CONTEMPORARY CHALLENGES

P.A. Ukrainskiy

Modern Geography of Slavic Toponyms in the Carpathian-Dniester Region: a Geoinformation Approach ...	9
---	----------

E.A. Rostovtsev, D.A. Sosnitsky

The Forgotten Golden Age: Yaroslav the Wise and “Yaroslav’s Rus” – Rethinking in the 19th – 20th centuries	26
---	-----------

S.A. Merkulov, I.A. Dunbinskiy

The Slavic World in V.M. Florinsky's "Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life"	44
--	-----------

A.I. Shcherbinin, N.G. Shcherbinina

“Charting” Slavdom as an Imaginary Construct	56
---	-----------

I.Ya. Froyanov

Galician-Volhynian Rus: Between Byzantium, the Mongols and Rome (Achievements and Challenges of Modern Historiography)	73
---	-----------

D.V. Khaminov

Historical Slavic Studies in the 20th century: Sociocultural, Political and Ideological Aspects (a Case Study of the High School in Siberia)	100
---	------------

A.A. Baibarin, N.A. Mashkin, P.G. Shelengovskiy

The Northwest Caucasus from Ancient Times to the 19th century: A Historiographical Review of the Recent Publications in the Periodicals	119
--	------------

S.F. Fominykh, A.O. Stepanov

The Status of Slavic Languages at the Universities of Austria-Hungary in the late 19th – early 20th centuries (A Case Study of the Magazine “Slavic Century”)	141
--	------------

A.P. Balachenkova, E.A. Lyakhovitsky, D.O. Tsyppkin

A.I. Yatsimirsky as the Researcher of Historical Paper of the Balkan and Carpathian Manuscripts	153
--	------------

S.G. Sulyak

The Future of Galicia in the Plans of the Russian People's Council	168
---	------------

N.A. Glushchenko

The By-laws of the Russian Orthodox-Catholic Society of Mutual aid as a Source for Studying Rusin Immigration in the United States of America	191
--	------------

I.V. Zimin, A.R. Sokolov, S.G. Sulyak

Nicholas II in Galicia in 1915: Together or Apart	205
--	------------

Ju.V. Danilets

Orthodox Church in Transcarpathia in the Early Soviet Years (On Documents From Declassified SATR Fund)	217
---	------------

V.P. Zinoviyev, E.F. Troitskiy

Eurasian Economic Integration: Evolution, Problems and Prospects	236
---	------------

D.A. Katunin

The Bulgarian Language in the Current Laws of Serbia	252
---	------------

A.Yu. Krasnoperov

Slavism in Social Networks (A Case Study of “Vkontakte”)	264
---	------------

I.V. Tubalova, Y.A. Emer

The Concept “National Language” in Belarusian Mass Media	276
---	------------

OBITUARY

In Memory of Vladimir Ivanovich Tsaranov, a Scholar and a Public Person	294
--	------------

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

В последнем в уходящем году номере журнала «Русин» размещены материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов», которая прошла 7–8 октября 2016 г. в Томске. Ее организаторами выступили Томский государственный университет и редакция международного исторического журнала «Русин». В работе форума приняли очное и заочное участие 49 исследователей из России, Украины, Сербии и Молдовы, представивших 32 доклада, посвященных актуальным проблемам истории славянских народов.

На пленарном заседании было предложено создать центр русинистики, который займется изучением истории, языка и культуры русинов.

По итогам работы конференции оргкомитет отобрал ряд статей, выполненных на материалах докладов и прошедших процедуру рецензирования для публикации в этом номере журнала.

В 2017 г., как и в предыдущие годы, выйдет четыре номера международного исторического журнала «Русин». На их страницах будут представлены материалы традиционно проводимых нами совместно с Томским государственным университетом четырех международных научных конференций:

1. Славянские языки в условиях современных вызовов. III Всероссийская научная конференция с международным участием. 12–13 мая 2017 г., Томск.

(Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavlantg>)

2. История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до начала XXI в. (к 100-летию российской революции и гражданской войны). III Международная научно-практическая конференция. 26–27 мая 2017 г., Кишинев.

(Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/carpathian>)

3. Славянский мир в условиях современных вызовов. III Всероссийская научная конференция с международным участием. 6-7 октября 2017 г., Томск.

(Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavworld>)

4. Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Шестые чтения памяти И.А. Анцупова). Международная научно-практическая конференция. 27–28 октября 2017 г.

(Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/antsupov>)

Регистрация участников конференций начнется с января 2017 г.

*С.Г. Суляк,
главный редактор журнала*

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

This issue of *Rusin* contains the materials of the 2nd International Conference “The Slavic World and Contemporary Challenges” held in Tomsk on October 7–8, 2016. The conference was organised by Tomsk State University and the International Journal of History *Rusin*. It attracted 49 scholars from Russia, Ukraine, Serbia, and Moldova, who presented 32 reports on the topical problems of the history of Slavic nations.

At the plenary session it was suggested to create the Centre of Rusin Studies to study the history, language, and culture of Rusins.

Basing on the conference results, the Organizing Committee selected a number of papers that were peer-viewed for publication in this issue.

In 2017, as in previous years, there will be four issues of the International Journal of History *Rusin*. These issues will contain the materials of four international conferences traditionally held in cooperation with Tomsk State University:

1. The Third International Conference “Slavic Languages and Contemporary Challenges” (May 12–13, 2017, Tomsk).

The Conference website: <http://conference.tsu.ru/slavlang>

2. The Third International Conference “History of the Carpathian-Dniester Land From Ancient Times to the Early 21st Century (The 100th Anniversary of the Russian Revolution and Civil war)” (May 26–27, 2017, Chisinau).

The Conference website: <http://conference.tsu.ru/carpathian>

3. The 3rd International Conference “The Slavic World and Contemporary Challenges” (October 6-7, 2017, Tomsk).

The Conference website: <http://conference.tsu.ru/slavworld>

4. International Conference “Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Sixth Readings in Memory of I.A. Antsupov)” (October 27–28, 2017).

The Conference website: <http://conference.tsu.ru/antsupov>

The registration of participants starts in January 2017.

S.G. Sulyak
Editor-in-Chief

УДК 81'373.211.1+528.942 (478+498.3) (=16)

UDK

DOI: 10.17223/18572685/46/2

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОГРАФИИ ТОПОНИМОВ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КАРПАТО- ДНЕСТРОВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ*

П.А. Украинский

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: ukrainski@bsu.edu.ru

Авторское резюме

Представлены результаты изучения современной географии славянских топонимов Карпато-Днестровского пространства. Сведения о населенных пунктах и их названиях получены из картографического интернет-ресурса Open Street Map. При помощи программы ArcGIS 10.1 выполнены анализ и картографирование размещения населенных пунктов, в названиях которых содержатся славянские суффиксы. На исследуемой территории обнаружено 27 суффиксальных формантов славянского происхождения. Большинство из них по отдельности не имеет специфической географии и распределено хаотично. У восьми суффиксальных формантов распределение в пространстве является групповым. Это форманты *-эуць, -инци, -та, -на, -ка, -ава, -иште, -ову*. Общая доля славянских топонимов составляет 28,7 % от числа населенных пунктов на исследуемой территории. Локальная доля славянских топонимов нарастает (от 10 до 70 %), расходясь концентрическими кругами от верховьев реки Тротош к северной и восточной периферии Карпато-Днестровья. Наиболее распространены славянские топонимы в Южной Буковине и Северо-Восточной Бессарабии.

Ключевые слова: ГИС, Карпато-Днестровье, пространственный анализ, славяне, топонимия.

* Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации № 5.78.2014/К.

MODERN GEOGRAPHY OF SLAVIC TOPONYMS IN THE CARPATHIAN-DNIESTER REGION: A GEOINFORMATION APPROACH*

P.A. Ukrainskiy

Belgorod State National Research University
85 Pobeda Street, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: ukrainski@bsu.edu.ru

Abstract

The article dwells on modern geography of Slavic toponyms in the Carpathian-Dniester region. The information about the settlements and their names is taken from the Open Street Map. With ArcGIS10.1, the author analyses and maps the location of the settlements with Slavic suffixes. There are 27 suffixal formants of Slavic origin in the territory under study. Taken separately, most of them are distributed randomly. Eight suffixal formants are grouped. They include such formants as *-ăuți, -inți, -ta, -na, -ka, -ava, -iște, -ovu*. The overall percentage of the Slavic toponyms is 28,7 % of all settlements in the area under study. The local percentage of Slavic toponyms increases (from 10 to 70 %), in concentric circles from the uppers of the river Trotush to the northern and eastern periphery of the Carpathian-Dniester region. Slavic toponyms are most common in South Bukovina and Northeast Bessarabia.

Keywords: GIS, Carpathian-Dniester region, spatial analyst, Slavs, toponymy.

Земли, расположенные между Карпатами и Днестром, исторически были полиэтничными (Суляк 2013: 95–96; Стати, Суляк 2014: 65). Территории, на которых сосуществуют различные этносы, всегда отличаются особым богатством и разнообразием культурного наследия. В полной мере это относится и к Карпато-Днестровскому пространству (Константинова и др., 2008). Одним из элементов культурного наследия этой территории является ее топонимия (топонимикон). Такой взгляд на топонимию как культурное явление получил достаточно широкое распространение, и в соответствии с ним совокупность географических названий уже сама по себе интересна как объект исследования (Купчинська 2009: 82). В то же время топонимия является важным источником сведений для исторических исследований (Сергиевский 1946: 333; Полевой 1979: 99–100;

* The results were obtained as part of the state order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation Nr 5.78.2014/K.

Полевой 1985: 8). На полиэтничных территориях лингвистические особенности топонимов и география распространения различных топонимических форматов часто являются отражением этнических процессов прошлого (Мохов 1964: 98–102; Мохов 1978: 37–41; Полевой 1985: 8–11).

Для Карпато-Днестровского пространства особый интерес представляет славянская топонимия, что связано со значительной ролью славянского населения в развитии этих земель (Мохов 1961: 8–10; Мохов 1978: 35; История 2002: 25–27, 30, 35; Суляк 2004: 78–81; Суляк 2013; Стати, Суляк 2014). В начале 20-х гг. XX в. Маргарета Штэфанеску исследовала славянскую топонимию Запрутской Молдовы, Бессарабии и Буковины (Ștefănescu 1924). Позднее детальные работы по славянской топонимии этого региона выходили в 60-е гг. XX в. (Петрович 1958; Петрович 1963; Карпенко 1963). В последнее время снова вырос интерес к славянской, прежде всего русинской, топонимии Карпато-Днестровья. Об этом свидетельствует ряд публикаций в журнале «Русин» (Суляк 2013; Стати, Суляк 2014; Кожоляк 2014). Стоит отметить, что интерес к этой проблеме наблюдается не только на территории стран СНГ, но и в Румынии (Nicolae 2007; Moldovanu 2009; Butnaru 2011; Buza 2011).

Топонимика является наукой, стоящей на стыке сразу нескольких дисциплин – лингвистики, истории и географии. Поэтому и методы исследований она черпает из разных наук. Из географии в топонимику перекочевал картографический метод. Для Карпато-Днестровского пространства он активно применялся при изучении средневековой топонимии (Полевой 1979: 87–88). Современная реализация картографического метода основана на использовании геоинформационных систем (ГИС). Применение ГИС позволяет существенно расширить возможности картографических исследований топонимии (Zhang 2012: 1–2). Однако для изучения топонимии Карпато-Днестровья до сегодняшнего дня ГИС еще не применялись. По крайней мере, нам такой опыт не известен. Представленная работа имеет целью провести на основе подходов и методов геоинформатики анализ географии современных славянских топонимов Карпато-Днестровского пространства. Эта цель подразумевает решение следующих задач:

- 1) определение доли топонимов славянского происхождения в современной топонимии Карпато-Днестровья;
- 2) выявление ареалов повышенной и пониженной встречаемости славянских топонимов в пределах Карпато-Днестровья;
- 3) выявление характера распределения в пространстве различных славянских формантов.

Методы исследования

Для изучения топонимии Карпато-Днестровья использован геоанализ, также называемый пространственным анализом (в англоязычной литературе – *spatial analysis*). Под ним понимается обширная группа методов, «обеспечивающих анализ размещения, связей и иных пространственных отношений пространственных объектов». Такие методы реализованы в специализированных компьютерных программах – геоинформационных системах (Геоинформатика 2005: 449).

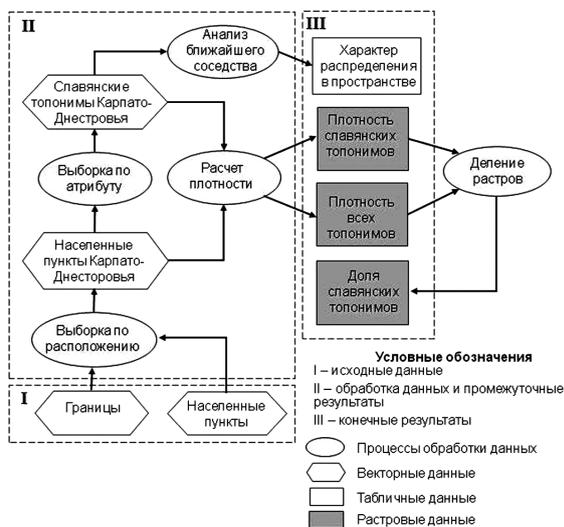

Рис. 1. Схема процесса геоанализа.

В представленном исследовании пространственные объекты – это населенные пункты, в том числе с названиями славянского происхождения. А анализируемыми пространственными характеристиками этих объектов являются размещение в пространстве, характер группирования и плотность размещения. Схема процесса геоанализа, выполненного в данном исследовании, показана на рис. 1. Процедуры анализа и картографирования топонимии, показанные на этой схеме, были осуществлены при помощи ГИС-программы ArcGIS 10.1.

Источники данных

Программа ArcGIS 10.1 работает с векторными пространственными данными в формате шейп-файла (*shapefile, shp*). Все шейп-файлы, использованные для изучения современной славянской топонимии

Карпато-Днестровья, были получены из открытых источников в сети Интернет. Всего задействовано четыре файла:

- шейп-файл точечной геометрии с населенными пунктами Республики Молдова;
- шейп-файл точечной геометрии с населенными пунктами Румынии;
- шейп-файл полигональной геометрии с административно-территориальным делением Республики Молдова;
- шейп-файл полигональной геометрии с административно-территориальным делением Румынии.

Сведения о размещении населенных пунктов (первые два шейп-файла) взяты из проекта Open Street Map (OSM), размещенного по адресу: osm.org (Haklay, Weber 2008). Их использование регламентируется лицензией ODbL, которая разрешает свободное бесплатное копирование, распространение и применение в любых целях, в том числе и коммерческих. OSM – это международный общественный картографический проект, направленный на создание детальных карт всей Земли силами пользователей Интернета. Для Румынии и Молдовы в настоящее время в рамках проекта OSM закартографирована в приемлемом качестве практически вся территория. Сведения об административно-территориальном делении скачаны из интернет-ресурса gadm.org.

Данные проекта OSM в формате шейп-файлов, сгруппированные по странам, доступны для скачивания на ресурсе geofabrik.de. Сведения о размещении населенных пунктов представлены в них слоем точечных объектов. Таблица атрибутов этого слоя содержит названия населенных пунктов. Для исследуемой территории эти названия внесены на румынском языке.

Отбор данных

Исходные шейп-файлы с населенными пунктами Румынии и Молдовы были объединены в один шейп-файл. Затем из него в два этапа произведен отбор интересующих нас населенных пунктов. Сначала были отобраны населенные пункты в пределах Карпато-Днестровья (выборка по расположению). Затем – населенные пункты с названиями славянского происхождения (выборка по атрибутам) (см. рис. 1).

Выборка по расположению сделана на основе шейп-файлов с административно-территориальным делением (они также были предварительно объединены в один шейп-файл). Таким способом получена совокупность всех населенных пунктов Карпато-Днестровья. Из слоя

с населенными пунктами отобраны находящиеся внутри исследуемой территории, очерченной по административным границам. В ее состав были включены восемь жудецов Румынии (Сучава, Ботошань, Яссы, Васлуй, Галац, Вранча, Бакэу, Нямц), расположенных между Карпатами и Прутом, а также все административные районы Республики Молдова, находящиеся между Прутом и Днестром. Таким образом было охвачено практически все Карпато-Днестровское пространство, за исключением Северной Буковины и Буджака.

Из всей совокупности населенных пунктов Карпато-Днестровья при помощи выборки по атрибутам были отобраны населенные пункты с названиями славянского происхождения. Выбор осуществлялся по суффиксам. По сравнению с отбором по корням слов этот вариант выглядит предпочтительнее в силу более высокой повторяемости у суффиксов, чем у корней. В случае с исследуемой территорией суффиксы предпочтительнее еще и из-за опасности выделения «псевдославянских» топонимов. Она связана с тем, что в румынском языке присутствуют славянские заимствования. Отбор же по приставкам менее интересен, чем по суффиксам, поскольку в славянской топонимии приставок гораздо меньше, чем суффиксов.

При конструировании запросов использован список славянских суффиксов топонимов Румынии, который приводит Мирча Буза (Буза 2011: 26–27). Этот список насчитывает 27 суффиксов. В дополнение к этому списку мы включили в рассмотрение суффиксы *-инци*, *-ич*, *-ици*, *-енци*.

Стоит отметить, что наличие славянского суффикса не обязательно указывает на чисто славянский топоним. Встречаются топонимы с романскими корнями и славянскими суффиксами. Также распространен и обратный вариант – славянский корень (в изначальном или романизированном виде) с романским суффиксом (Сергиевский 1946: 340–347). Топонимы с двойными суффиксами (славянский плюс неславянский) отдельно не рассматривались. В таких случаях топоним попадал в рассмотрение, если славянский суффикс стоит в нем на последнем месте.

Картографирование густоты топонимов

Для картографирования густоты распространения объектов в ГИС на основе векторных данных строятся растры плотности. Каждый пиксель таких растровых данных содержит значение плотности. И по этим данным уже можно провести изолинии густоты населенных пунктов. Степень генерализации растров плотности зависит от заданного при их построении радиуса поиска. В нашем случае он выбран равным 50 км.

Для характеристики плотности населенных пунктов в качестве единицы плотности использованы шт./100 км². Выбор такой единицы измерений обусловлен тем, что она применяется для характеристики густоты населенных пунктов в работах, посвященных средневековой топонимии Карпато-Днестровья (Полевой 1979: 94, 96).

Растры плотности были построены для всей совокупности населенных пунктов Карпато-Днестровья и для населенных пунктов со славянскими суффиксами. Затем над этими растрами была произведена математическая операция. Растр густоты славянских топонимов был разделен на растр густоты всех населенных пунктов, и частное было умножено на 100. Таким способом был получен растр, характеризующий изменения доли славянских топонимов в пределах Карпато-Днестровья.

Анализ распределения

Результаты, полученные при анализе густоты всех славянских топонимов, можно уточнить путем анализа распространения отдельных топонимов. При анализе распределения точечных объектов (в масштабе исследуемой территории населенные пункты являются таковыми) выделяют три типа распределения в пространстве – равномерное, хаотичное и групповое. Такая характеристика распределения объектов в пространстве первоначально использовалась в экологии, но затем стала применяться и в других науках (Clark, Evans 1954). Нас интересуют топонимы именно с групповым распределением. Характер распределения можно определить на основе анализа расстояния до ближайшего соседа (NND).

Фактическое NND сопоставляется с расстоянием, необходимым для равномерного распределения при текущей площади исследуемого участка. Если отношение первого ко второму (R) статистически значимо не отличается от 1, то объекты размещены случайным образом (хаотичное размещение). Если R статистически значимо меньше 1, то распределение групповое. Если R статистически значимо больше 1 – распределение равномерное. В нашем случае как статистически значимый показатель рассматривается при p -значении, меньшем 0,1.

Результаты и их обсуждение

Плотность топонимов со славянскими суффиксами

По данным проекта OSM, в пределах Карпато-Днестровского пространства расположены 4 634 населенных пункта. Славянские суффиксы имеются в названиях 1 288 из них, что составляет 27,8 %.

Густота размещения славянских топонимов в пределах Карпато-Днестровья колеблется от 0,05 до 2,5 шт./100 км². Выделяются три ареала с максимальной (2,0–2,5 шт./100 км²) их плотностью (рис. 2, справа). Первый, самый крупный по площади ареал расположен в Бессарабии. Он начинается в крайней северной части этого исторического региона, продолжается на юг в бассейн реки Реут и заканчивается в окрестностях Кишинева. Второй, меньший по площади ареал максимальной густоты славянских топонимов расположен в Запрутской Молдове. Он протягивается в междуречье рек Прут и Серет от города Яссы до города Бакэу. Третий ареал максимальной плотности славянских топонимов (наименьший по площади) расположен в Южной Буковине вокруг города Сучава.

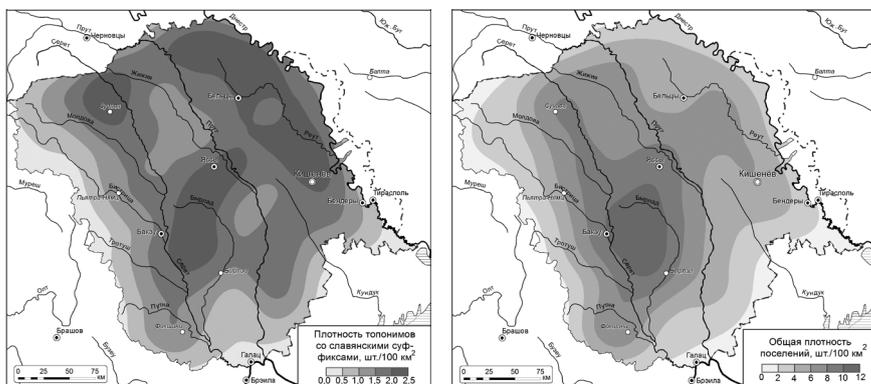

Рис. 2. Плотность славянских топонимов (слева) и общая плотность населенных пунктов (справа) в Карпато-Днестровье.

Три ареала максимальной густоты славянских топонимов окружены ареалом повышенной густоты (1,5–2,0 шт./100 км²). Этот ареал с юга ограничен по линии Бендеры–Бырлад, а с запада – сначала по реке Серет, а далее по реке Молдова. К югу и западу от этой линии (т. е. в направлении к Буджаку и Карпатам) плотность славянских топонимов постепенно снижается до 0,5 шт./100 км² и менее.

Несмотря на то что география плотности славянских топонимов имеет свои особенности, у нее немало общего с географией плотности всей совокупности населенных пунктов Карпато-Днестровья. При визуальном сравнении обеих карт плотности (рис. 2) обнаруживаются черты сходства. В обоих случаях идет понижение при продвижении на запад от реки Серет к Карпатам. Также плотность снижается к югу от линии Кишинев – Бырлад – Фокшаны в направлении Буджака. Еще одна черта сходства – максимальные значения плотности

в междуречье Серета и Бырлада, а также повышенное (на фоне окружающей территории) значение плотности в районе Кодр. Последняя черта сходства говорит о том, что там, где больше населенных пунктов, число славянских топонимов тоже больше, и наоборот. Это значит, что абсолютная величина плотности может вводить в заблуждение, и необходимо также анализировать долю славянских топонимов от общей численности населенных пунктов.

Если проанализировать относительное количество славянских топонимов (долю), то их география предстает несколько в ином виде (рис. 3).

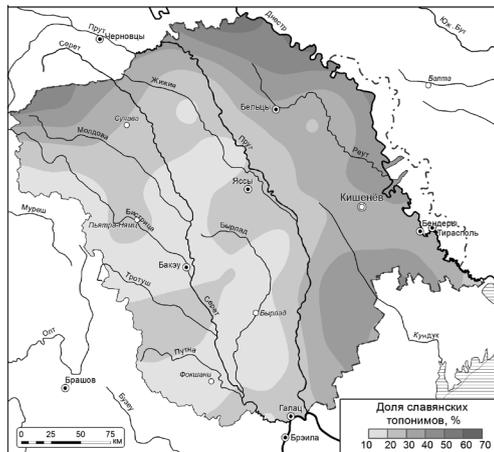

Рис. 3. Доля славянских топонимов.

В целом можно выделить следующие закономерности изменения доли славянских топонимов в Карпато-Днестровском пространстве:

1. К северу от линии Кишинев – Бакэу доля топонимов со славянскими суффиксами растет в северном направлении в Запрутской Молдове и в восточном и северо-восточном направлении – в Бессарабии.

2. При движении к югу от линии Кишинев – Бакэу доля славянских топонимов остается приблизительно постоянной (пониженной в Запрутской Молдове и повышенной в Бессарабии).

3. При движении с запада на восток южнее линии Кишинев – Бакэу (от Карпат к Днестру) доля славянских топонимов растет.

Суммируя эти закономерности, можно сказать, что доля славянских топонимов нарастает, расходясь концентрическими кругами от верховьев реки Тротуш. В этом направлении она увеличивается от значений менее 10 % до значений более 50 %. Исключением из этого является ареал повышенной доли славянских топонимов,

расположенный южнее Бакэу и идущий от Карпат к низовьям реки Тротуш.

Почти на всей территории Карпато-Днестровья топонимы со славянскими суффиксами находятся в меньшинстве по отношению к остальным топонимам. И только на двух участках (Южная Буковина и северо-восток Бессарабии) преобладают славянские топонимы (см. рис. 3), что для современной топонимии (XX в.) отмечалось и другими исследователями (Сергиевский 1946: 340).

Характер пространственного распределения топонимов

Из рассмотренного перечня суффиксов в пределах Карпато-Днестровья найдено 27 суффиксов, представленных в таблице. Не были обнаружены на исследуемой территории суффиксы *-инци*, *-миру*, *-ово*, *-енци*.

Специфическая география есть не только у общей совокупности топонимов со славянскими суффиксами, но и у отдельных формантов. Однако у большинства рассмотренных формантов нет ярко выраженной географии распространения. Это относится к 15 формантам, для которых характерно случайное (хаотичное) распределение в пространстве (таблица). Групповое же распределение в пространстве, указывающее на наличие специфической географии, характерно только для восьми формантов: *-эуць*, *-инци*, *-та*, *-на*, *-ка*, *-ава*, *-иште*, *-ову*. Впрочем, последний формант (ову) представлен всего двумя топонимами. Три форманта (*-инца*, *-мира*, *-ива*) представлены всего одним топонимом, и вопрос о характере пространственного распределения для них отпадает.

Характер распределения в пространстве различных суффиксальных формантов на территории Карпато-Днестровья

№ п/п	Суффикс		Количество	Однородность распределения		
	Румынское написание	Русское написание		R	p-значение	Характер распределения в пространстве
1	ăț	ец	15	0,88	0,38	Хаотичное
2	ava	ава	18	0,79	0,09	Групповое
3	ca	ка	328	0,93	0,02	Групповое
4	ea	я	117	0,97	0,57	Хаотичное
5	eț	ец	15	0,88	0,39	Хаотичное
6	eva	ева	2	1,86	0,02	Равномерное

7	ia	ия	234	0,95	0,12	Хаотичное
8	ic	ик	12	1,12	0,42	Хаотичное
9	ici	ич	17	0,90	0,43	Хаотичное
10	in	ин	20	0,98	0,87	Хаотичное
11	ina	ина	37	0,92	0,36	Хаотичное
12	ința	инца	1	–	–	–
13	inți	инць (инци)	7	0,61	0,05	Групповое
14	iște	иште	13	0,73	0,07	Групповое
15	ița	ица	95	1,01	0,80	Хаотичное
16	iva	ива	1	–	–	–
17	mir	мир	5	1,19	0,42	Хаотичное
18	mira	мира	1	–	–	–
19	na	на	139	0,89	0,01	Групповое
20	oaia	оая	61	0,89	0,11	Хаотичное
21	oi	ой	11	1,17	0,28	Хаотичное
22	ota	ота	7	0,76	0,23	Хаотичное
23	ov	ов	3	0,97	0,91	Хаотичное
24	ova	ова	57	0,96	0,52	Хаотичное
25	ovu	ову	2	0,05	0,01	Групповое
26	ta	та	62	0,79	0,001	Групповое
27	ăuți	эуць (овци)	76	0,57	0,00	Групповое
Все славянские			1 288	0,91	0,00	Групповое
Все существующие			4 634	1,11	0,00	Равномерное

Групповое распределение наиболее выражено у форманта *-эуць*. Топонимы с суффиксом *-эуць* имеют наиболее специфическую географию (рис. 4). Они сосредоточены вдоль северной границы исследуемой территории. Основной ареал распространения этих топонимов начинается в Южной Буковине, переходит в Бессарабию и продолжается на юг вдоль Днестра. Этот ареал отличается высокой плотностью размещения населенных пунктов с суффиксом *-эуць* в названии. К югу, в Северной Бессарабии, формат *-эуць* также встречается, но уже намного реже.

Помимо основного ареала, у форманта *-эуць* есть второй ареал распространения. Он на юго-западе Запрутской Молдавии, примыкая к Карпатам (рис. 4). Этот ареал удален от основного и не смыкается с ним в пространстве. Плотность населенных пунктов с суффиксом *-эуць* в названии здесь низкая, не выше чем в Северной Бессарабии за пределами основного ареала.

С основным ареалом распространения форманта *-эуць* совпадает и размещения формантов *-инци* и *-ову*. Но если формант

-эуць за пределом основного ареала разреженно распространен по северной Бессарабии, то формант *-инци* из основного ареала в разреженном виде распространяется в северную часть Запрутской Молдовы.

Формант *-та* распределен прямо противоположно форманту *-эуць*. Он почти не встречается ни в северном, ни в южном ареале распространения форманта *-эуць*. Только в Северной Бессарабии оба форманта представлены на одной территории (рис. 4).

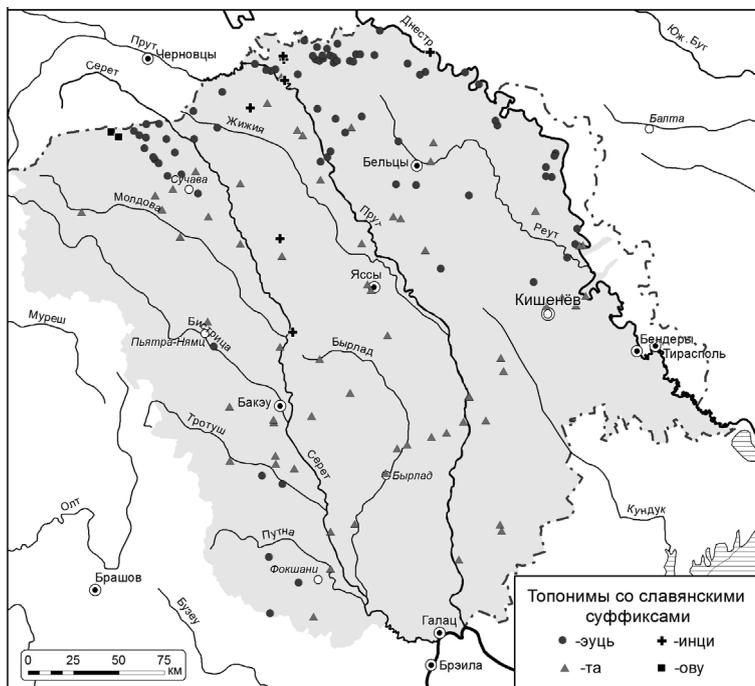

Рис. 4. Распространение формантов *-эуць*, *-инци*, *-та*, *-ову*.

У четырех групп топонимов с групповым распределением в пространстве (с суффиксами *-на*, *-ка*, *-ава* и *-иште*) прослеживаются различия в распространении между историческими регионами Запрутская Молдова и Бессарабия. Так, топонимы с суффиксом *-ава* практически все сосредоточены в Запрутской Молдове, а с суффиксом *-иште* – практически все в Бессарабии (рис. 5).

Топонимы с суффиксами *-на* и *-ка* распространены в обоих исторических регионах. Но топонимы с *-ка* чаще встречаются в Бессарабии, а топонимы с *-на* больше распространены в Запрутской Молдове (рис. 6).

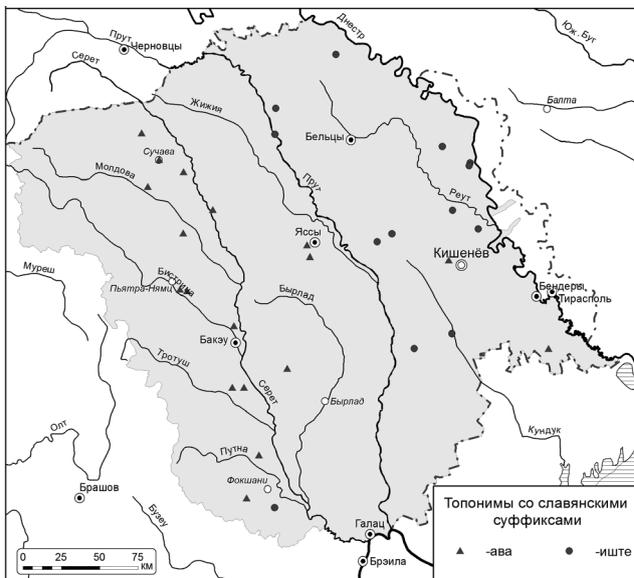

Рис. 5. Распространение формантов *-ава* и *-иште*.

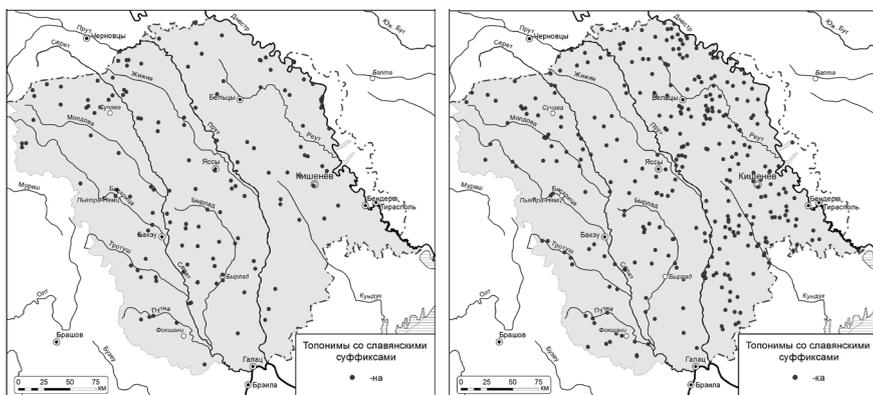

Рис. 6. Распространение формантов *-на* (слева) и *-ка* (справа).

Для форманта *-ка* характерно постепенное нарастание встречаемости при продвижении от Карпат к Днестру. И число топонимов с этим суффиксом резко возрастает к востоку от Прута. У форманта *-на* география более сложная. Он не просто чаще встречается к западу от Прута, но и распределен там неравномерно, образуя два ареала. Один ареал распространения форманта *-на* относится к Южной Буковине. А второй находится между реками Бырлад и Серет, захватывая

окрестности города Бакэу. Различия в распространении формантов *-на* и *-ка* проявляются не только между историческими регионами, но и на локальном уровне. Так, например, вдоль верхнего течения реки Тротуш распространен формант *-ка*, а вдоль нижнего – *-на*.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В современной топонимии Карпато-Днестровья доля топонимов со славянскими суффиксами составляет 28,7 %.

2. Максимальная плотность топонимов со славянскими суффиксами характерна для севера Карпато-Днестровья (Южной Буковины и Северной Бессарабии). Там они преобладают над всеми остальными топонимами. На большей же части Карпато-Днестровья они находятся в меньшинстве.

3. Доля славянских топонимов нарастает, расходясь концентрическими кругами от верховьев реки Тротуш. В этом направлении они увеличиваются от значений менее 10 % до значений более 50 %.

4. Ярко выраженный групповой характер распределения присутствует только у восьми формантов: *-эуць*, *-инци*, *-та*, *-на*, *-ка*, *-ава*, *-иште*, *-ову*. Остальные форманты имеют хаотичное распределение в пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Геоинформатика 2005 - Геоинформатика / Е.Г. Капралов, А.В. Кошкарев, В.С. Тикунов и др.; Под ред. В.С. Тикунова. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 480 с.

История 2002 - История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней / В.Е. Андрушак и др. Кишинев: Elan-Poligraf, 2002. 360 с.

Карпенко 1963 - Карпенко О.Ю. Слов'яно-романські взаємини у буковинській топоніміці // «Славістичний збірник». Видавництво АН УРСР, 1963. С. 158–170.

Кожолянюк 2014 - Кожолянюк Г.К. Славянские топонимы Буковины // Русин. 2014. № 2 (36). С. 192–200.

Константинова и др. 2008 - Константинова Т.С., Тишков А.А., Белоновская Е.А., Герцен А.А. Природное и культурное наследие Карпато-Днестровья: современное состояние и антропогенные изменения // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2008. № 6. С. 94–98.

Купчинська 2009 - Купчинська З. Просторово-часовий вимір української ойконімії: система і тенденції // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. 2009. Вип. 46, ч. II. С. 82–90.

Мохов 1961 - Мохов Н.А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1961. 214 с.

- Мохов 1964 - *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма (от древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1964. 440 с.
- Мохов 1978 - *Мохов Н.А.* Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1978. 132 с.
- Петрович 1958 - *Петрович Е.* Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики // *Romanoslavica*. 1958. Т. I. С. 9–26.
- Петрович 1963 - *Петрович Е.* Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии // *Romanoslavica*. 1963. Т. X. С. 5–12.
- Полевой 1979 - *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979. 200 с.
- Полевой 1985 - *Полевой Л.Л.* Раннефеодальная Молдавия. Кишинев: Штиинца, 1985. 223 с.
- Сергиевский 1946 - *Сергиевский В.М.* Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории // *Известия АН СССР*. 1946. Т. 5, вып. 4. С. 333–350.
- Суляк 2004 - *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории рунсков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. 240 с.
- Суляк 2013 - *Суляк С.Г.* Полиэтничная Молдавия (по данным топонимики и антропонимики) // *Русин*. 2013. № 1 (31). С. 95–105.
- Стати, Суляк 2014 - *Стати В.Н., Суляк С.Г.* Русины в молдавской историографии // *Русин*. 2014. № 1 (35). С. 64–81.
- Butnaru 2011 - *Butnaru D.* Aspects of the Formation of Toponyms from the Neamț River Basin // *Philologica Jassyensia*. 2011. Vol. VII, № 1. P. 39–45.
- Buza 2011 - *Buza M.* On the origins and historical evolution of toponymy on the territory of Romania // *Rev. Roum. Géogr./Rom. Journ. Geogr.* 2011. Vol. 55, № 1. P. 23–36.
- Clark, Evans 1954 - *Clark P.J., Evans F.C.* Distance to nearest neighbor as a measure of spatial relationships in populations // *Ecology*. 1954. Vol. 35, № 4. P. 445–453.
- Haklay, Weber 2008 - *Haklay M., Weber P.* Openstreetmap: User-generated street maps // *Pervasive Computing, IEEE*. 2008. Vol. 7, № 4. P. 12–18.
- Moldovanu 2009 - *Moldovanu D.* Reconstructing an Old Slavic toponymic field: the base* bîrl-in Romanian toponymy and its historical implications // *Zeitschrift für Slawistik*. 2009. Vol. 54, № 3. P. 320–337.
- Nicolae 2007 - *Nicolae I.* Romanian Toponymy-Orientation landmarks // *Review of Historical Geography and Toponomastics*. 2007. Vol. II, № 3–4. P. 35–44.
- Ștefănescu 1924 - *Ștefănescu M.* Rusismele-rutenismele din toponimia românească // *Arhiva. Organul societății istorico-filologice din Iași*. 1924. Anul XXXI. № 3–4. P. 202.
- Zhang 2012 - *Zhang L.* GIS-based Spatial Analysis of Place Names in Yunnan, China: Thesis of doctoral dissertation, Nanjing Normal University, China, 2012. 55 p.

REFERENCES

Kapralov, E.G., Koshkarev, A.V. & Tikunov, V.S. (2005) *Geoinformatika* [Geoinformatics]. Moscow: Akademiya.

Andrushchak, V.E. et al. (eds) (2002) *Istoriya Respubliki Moldova s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The history of the Republic of Moldova since ancient times to the present]. Chisinau: Elan-Poligraf.

Karpenko, O.Yu. (1963) Slov'yano-romans'ki vzaemini u bukovins'kiy toponimitsi [Slavic-Romanian relations in Bucovina toponymy]. In: Bilodid, I.K. (ed.) *Slavistichniy zbirnik* [Slavic collection]. Kiev: Ukrainian AS. pp. 158-170.

Kojolianko, G.K. (2014) Slavic toponyms of Bukovina. *Rusin*. 2 (36). pp. 192-200 (In Russian).

Konstantinova, T.S., Tishkov, A.A., Belonovskaya, E.A. & Gertsen, A.A. (2008) Prirodnoe i kul'turnoe nasledie Karpato-Dnestrov'ya: sovremennoe sostoyanie i antropogennye izmeneniya [Natural and cultural heritage of the Carpathian-Transnistria: The current status and human-induced changes]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 6. pp. 94-98.

Kupchinska, Z. (2009) Prostorovo-chasoviy vimir ukrains'koï oykonimii: sistema i tendentsii. *Visnik Lvivs'kogo universitetu. Seriya filologichna – Visnyk of the Lviv University. Series Philology*. 46 (2). pp. 82-90 (In Ukrainian).

Mokhov, N.A. (1961) *Ocherki istorii moldavsko-russko-ukrainskikh svyazey (s drevneyshikh vremen do nachala XIX v.)* [Essays on the history of the Moldovan-Russian-Ukrainian contacts (from ancient times to the early 19th century)]. Chisinau: Shtiintsa.

Mokhov, N.A. (1964) *Moldaviya epokhi feodalizma (ot drevneyshikh vremen do nachala XIX v.)* [The feudal Moldova (from ancient times to the early 19th century)]. Chisinau: Kartya Moldovenyaske.

Mokhov, N.A. (1978) *Ocherki istorii formirovaniya moldavskogo naroda* [Essays on the history of the formation of the Moldavian people]. Chisinau: Kartya Moldovenyaske.

Petrovich, E. (1958) Slavyano-bolgarskaya toponimika na territorii Rumynskoy Narodnoy Respubliki [The Slav-Bulgarian toponymy in the territory of the Romanian People's Republic]. *Romanoslavica*. I. pp. 9-26.

Petrovich, E. (1963) Geograficheskoe raspredelenie slavyanskikh toponimov na territorii Rumynii [The geographical distribution of the Slavic toponyms in Romania]. *Romanoslavica*. X. pp. 5-12.

Polevoy, L.L. (1979) *Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII–XV vv.* [Essays on historical geography of Moldova in the 13th – 15th centuries]. Chisinau: Shtiintsa.

Polevoy, L.L. (1985) *Rannefeodal'naya Moldaviya* [The early feudal Moldova]. Chisinau: Shtiintsa.

Sergievskiy, V.M. (1946) Toponimiya Bessarabii i ee svidetel'stvo o protsesse

zaseleniya territorii [The toponymy of Bessarabia and its testimony about the process of territory settlement]. *Izvestiya AN SSSR*. 5 (4). pp. 333-350.

Sulyak, S.G. (2004) *Oskolki Svyatoy Rusi. Ocherki etnicheskoj istorii rusnakov Moldavii* [The shards of Holy Rus. Essays on the ethnic history of Moldavian Rusnaks]. Chisinau: Tat'yana.

Sulyak, S.G. (2013) Multiethnic Moldavia (according to toponymic and anthroponymic information). *Rusin*. 1 (31). pp. 95-105 (In Russian).

Stati, V.N. & Sulyak, S.G. (2014) Rusins in Moldavian Historiography. *Rusin*. 1 (35). pp. 64-81 (In Russian).

Butnaru, D. (2011) Aspects of the Formation of Toponyms from the Neamț River Basin. *Philologica Jassyensia*. 7 (1). pp. 39-45.

Buza, M. (2011) On the origins and historical evolution of toponymy on the territory of Romania. *Rom. Journ. Geogr.* 55 (1). pp. 23-36.

Clark, P.J. & Evans, F.C. (1954) Distance to nearest neighbor as a measure of spatial relationships in populations. *Ecology*. 35 (4). pp. 445-453. DOI: 10.2307/1931034

Haklay, M. & Weber, P. (2008) Openstreetmap: User-generated street maps. *Pervasive Computing, IEEE*. 7 (4). pp. 12-18. DOI: 10.1109/MPRV.2008.80

Moldovanu, D. (2009) Reconstructing an Old Slavic toponymic field: the base* bŭrl-in Romanian toponymy and its historical implications. *Zeitschrift für Slawistik*. 54(3). pp. 320-337.

Nicolae, I. (2007) Romanian Toponymy-Orientation landmarks. *Review of Historical Geography and Toponomastics*. II (3-4). pp. 35-44.

Ștefănescu, M. (1924) Rusisme-le-rutenisme-le din toponimia romînească. *Arhiva. Organul societatii istorico-filologice din Iași*. 31 (3-4). p. 202.

Zhang, L. (2012) *GIS-based Spatial Analysis of Place Names in Yunnan, China*. Doc. Diss. Thesis. Nanjing Normal University, China.

Украинский Павел Александрович – кандидат географических наук, младший научный сотрудник отдела геоинформатики Федерально-регионального центра аэрокосмического и наземного мониторинга природных ресурсов и объектов Белгородского национального исследовательского университета (Россия).

Ukrainskiy Pavel - Federal and Regional Centre for Aerospace and Ground Monitoring of Objects and Natural Resources of the Belgorod State National Research University (Russia).

E-mail: Ukrainski@bsu.edu.ru

УДК 82-94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/3

ЗАБЫТЫЙ ЗОЛОТОЙ ВЕК: ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ И РУСЬ ЯРОСЛАВА – ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ XIX – НАЧАЛА XXI в.*

Е.А. Ростовцев¹, Д.А. Сосницкий²

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

¹E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

²E-mail: d.sosnitskij@spbu.ru

Авторское резюме

Память о Ярославе – общая и объединяющая восточнославянских наследников «Руси Ярослава» с сегодняшней различной национальной самоидентификацией (украинцев, русских, русинов, белорусов). Прослежен ход формирования основных представлений о князе Ярославе Мудром в общественной мысли и историческом сознании. Авторы выявили источники, которые оказали влияние на формирование этого образа, и показали место Ярослава Мудрого в российской памяти в ряду других национальных лидеров. Для осуществления этой задачи были рассмотрены наиболее массовые источники формирования памяти о прошлом, в которых упоминается имя Ярослава: учебные тексты, художественная литература, периодическая печать и публицистические произведения, кинофильмы, монументальная скульптура, специальные исторические исследования. Показан механизм влияния социального и политического заказа на формирование представлений общества о князе, дан аналитический прогноз относительно перспективы дальнейшего конструирования этого образа в массовом сознании.

Ключевые слова: Ярослав Мудрый, историческая память, историческое сознание.

* Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект «“Мобилизованное средневековье”: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время», № 16-18-10080.

THE FORGOTTEN GOLDEN AGE: YAROSLAV THE WISE AND “YAROSLAV’S RUS” – RETHINKING IN THE 19TH – 20TH CENTURIES*

E.A. Rostovtsev¹, D.A. Sosnitsky²

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

¹E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

²E-mail: d.sosnitskij@spbu.ru

Abstract

Although nowadays Ukrainians, Russians, Rusins, and Belarusians have different national self-identification, the memory about Yaroslav the Wise is what unites the East Slavic heirs of “Yaroslav’s Rus”. The article retraces the formation of the basic narratives about Prince Yaroslav the Wise in Russian public opinion and historical consciousness. The authors have brought out the sources that influenced the formation of Prince Yaroslav’s image and shown his position in the Russian collective memory among other national leaders. This objective required the analysis of the most mass sources of memory formation referring to Yaroslav the Wise, including educational texts, fiction, periodicals, essays, films, monumental sculpture, and special historical researches. The article shows how the social and political mandate influenced the formation of public opinion about Prince Yaroslav and gives the analytical forecast concerning the prospects for the further construction of the image in the public mind.

Keywords: Yaroslav the Wise, historical memory, historical consciousness.

В нашем сознании основные представления о великом князе Киевском Ярославе I Мудром (1019–1054) связаны с текстами, формировавшимися либо в его время, либо в ближайшее столетие после его кончины («Слово о законе и благодати», «Сказание о Борисе и Глебе», «Повесть временных лет»). Это образ победителя Святополка Окаянного, создателя «Русской правды», объединителя земель, строителя храмов Святой Софии в Киеве и Новгороде, князя, завоевавшего огромный международный авторитет, родоначальника новой государственной идеологии и т. п. (см., напр.: Данилевский, Мельникова 2008). Тем не менее между канонизацией Бориса и Глеба и их брата

* This article was supported by the Russian Science Foundation, the project «“Mobilized Middle Ages”: appealing to medieval images in discourses of nation-building and state-building in Russia and the Central-Eastern Europe and Balkan countries in Modern and Contemporary time», Nr 16-18-10080.

Ярослава прошла почти тысяча лет. Возникает естественный вопрос: в чем причина такой задержки? Задача настоящей статьи – попытаться реконструировать природу наших представлений об этом государственном деятеле, занимавшем тысячу лет назад не последнее место на авансцене российской и европейской истории.

Общерусский миф и трудная судьба героя

Сразу после смерти героя формируется миф о «Руси Ярослава», нашедший отражение в традициях русского летописания XII – начала XIII в. (Котляр 2008). Масштаб деяний князя соответствовал этому образу, прочно закрепленному в местах памяти – двух городах, отстоящих друг от друга в разных концах «Руси Ярослава» и названных в его честь – Ярослав (будущая Галицко-Волынская Русь) и Ярославль (будущее Владимиро-Суздальское княжество). Показательно, что и термин «русин» встречается в первой же статье «Русской правды» Ярослава. С XIX в. в отечественной исторической науке развернулась масштабная дискуссия о том, какую же этническую группу он обозначает (Правда русская 1947: 32–42). Например, П.Н. Мрочек-Дроздовский придерживался мнения, что во времена Ярослава «понимали это название скорее в общем, нежели в частном смысле», а «в видовом смысле Русь (русин) означала варягов – руссов, дружину княжескую, в отличие от словен, полян и т. д.». В несколько ином смысле понимали значение термина Н.И. Ланге (русинь как жители Южной Руси), Н.А. Максимейко (русинь – киявляне). Эта тема поднимается на страницах работ советской и современной историографии. Так или иначе память о Ярославе – общая и объединяющая восточнославянских наследников «Руси Ярослава» с сегодняшней различной национальной самоидентификацией (украинцев, русских, русинов, белорусов).

Несмотря на это, значение фигуры Ярослава в формировании исторической памяти послемонгольского времени сравнительно скромное. Свою роль, конечно, сыграл сам факт обособления русских земель и начала с XIV в. процесса нового политогенеза в них. Показательно, что в наиболее важных для формирования исторического сознания памятниках Московской Руси («Степенная книга», «Синопис») ряда черт привычного нам образа Ярослава мы не находим. «Степенная книга», повествуя о правлении князя, прямо проводит параллель между «семенем» Авраама и «семенем» Василия. В ней «богомудрый Ярослав Георгий» предстает не только как продолжатель дела отца, но и как родоначальник традиции русской церковной книжности и книжного учения, основатель Юрьева (заслуга весьма актуальная в эпоху создания памятника) и борец с язычниками, однако ни рассуждений о «Русской правде», ни о равенстве князя с императорами, ни

о его роли как царя речи не идет (Книга Степенная 1913: 168–172).

«Синописис» – наиболее важный для русского сознания памятник переломного периода рубежа XVII–XVIII вв. – отводит Ярославу I менее двух страниц, так же в качестве заслуг указывая прежде всего строительство церквей и победы над печенегами (Синописис 1823: 62–63). Тенденция замалчивания заслуг Ярослава только усиливается в другом ключевом «массовом» тексте середины XVIII в. – «Кратком российском летописце» М.В. Ломоносова. Здесь подчеркивается, что Ярослав Владимирович воевал против Византии и поставил митрополита Илариона без согласия Константинополя, а также отмечается, что «новгородцам пожаловал вольные грамоты и тем к разделению России дал немалый повод» (Ломоносов 1760: 4–5).

Открытие Ярослава как законодателя принадлежит только В.Н. Татищеву (1738), впервые же «Русская правда» была издана А. Шлецером (1767) (Щапов 1984), а утверждение памятника в массовом историческом сознании произошло уже в XIX в. благодаря «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, который дал ее изложение в одной из глав этого сверхпопулярного сочинения, как известно, «открывшего» современникам древнюю Россию. Именно Карамзину, кстати, и приписывают прибавление к имени великого князя приставки «Мудрый». Представления же о Ярославе I как о зачинателе идеологии русского государства относятся к еще более позднему времени. Первая публикация «Слова о законе и благодати» появилась только в 1844 г. (Памятники 1844), правда, его популяризация быстро началась уже в 1850-е гг. с включением «Слова» в гимназическую программу (Программы 1853: 3). Отметим, что, несмотря на однозначно положительный образ, Ярослав не удостоился чести быть помещенным на средний ярус памятника «Тысячелетие России», открытого в 1862 г., хотя и оказался на нижнем ярусе в числе 26 фигур наиболее видных государственных деятелей.

Окончательное закрепление в массовом сознании за князем прозвища «Мудрый» относится только к последней трети XIX – началу XX в., к периоду интенсивного развития школьного образования, благодаря известным учебным текстам И.И. Беллярминова, С.Ф. Платонова и др. (Беллярминов 1871: 99–10; Платонов 1909: 42–44). Любопытно, что в научных текстах ведущих российских ученых второй половины XIX в. (С.М. Соловьев, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.О. Ключевский) этот пропагандистский штамп еще не встречается. Постепенный рост популяризации образа князя Ярослава Владимировича органично отражал общий тренд государственной исторической политики в дореволюционной России, в рамках которой активно эксплуатировались (и конструировались) объекты

исторической памяти домонгольской Руси (Сосницкий 2010). К 1917 г. уже вполне сформировался современный образ князя. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1909), пожалуй, самое массовое и читаемое справочное издание начала XX в., дает почти завершённую формулу: «Ярослав I Мудрый (Георгий, Юрий), сын Владимира Святого и Рогнеды, вел. кн. Киевский 978–1054; с 1015 долго боролся с Святополком Окаянным и Мстиславом Тмутараканским; в 1036 сделался единоличным правителем Руси; разбил печенегов; издал церковный устав и «Русскую Правду»; в 1051, собрав епископов, поставил митрополита Илариона, впервые без участия константинопольского патриарха; находился в родственниках с европейскими дворами; перед смертью поделил Русь на уделы между сыновьями» (Ярослав 1909).

Между тем современные исследования показывают, что в рейтинге объектов исторической памяти российского общества второй половины XIX–XX в. Ярослав I находился далеко на периферии, занимая даже среди объектов допетровской Руси 9–11-ю позицию, пропустив перед собой не только отца-крестителя, но и таких популярных персонажей, как Александр Невский, Иван Грозный, Борис Годунов. Причина этого заключалась как в том, что Ярослав I сравнительно поздно вошел в круг избранных героев русской истории и уступал соперникам по репрезентации своего образа в художественной литературе и других источниках формирования исторической памяти (Сосницкий 2015: 63–64), так и в том, что он был лишен церковных коммемораций, которые уже несколько веков поддерживали память о таких героях домонгольского времени, как Владимир Святой и Александр Невский.

Герой «золотого века»?

Социалистическая эпоха не внесла каких-либо принципиальных новаций в образ Ярослава Мудрого. Если в раннесоветский период 1920 – начала 1930-х гг. (господство школы М.Н. Покровского) князь Ярослав I рассматривался в официальном дискурсе прежде всего как «крупный феодал и участник ожесточенной борьбы за феодалное первенство», при котором Киевская держава «укрепила влияние не только на Днепровском торговом пути, но и в отдаленных частях русской равнины», а прозвище «Мудрый» заключается в кавычки (Ярослав 1931), то с середины 1930-х ситуация, по существу, возвращается к дореволюционному шаблону. В советских учебниках практически ретранслируется образ, характерный для учебных текстов начала XX в., может быть, даже с чуть большим акцентом на усиление значения правления Ярослава для русской государственности (см., напр.: Бущик 1957: 43–44; Нечкина, Лейбенгуб 1971: 38–40).

Основным историографическим изобретением советской эпохи, оказавшим влияние на массовое сознание и ассоциируемым с Ярославом, стал конструкт о «золотом веке» Древней Руси. Появление этого конструкта в значительной степени связано с деятельностью академика Д.С. Лихачева и его усилиями по популяризации древнерусской культуры и литературы.

Нельзя, однако, сказать, что образ Ярослава в историографии XX в. «безоблачен». В советской научной литературе появились продолжающиеся до сего времени рассуждения по поводу возможной причастности Ярослава к убийству своих братьев, прежде всего князя Бориса Владимировича. Не вдаваясь в подробности этих дискуссий, отметим, что такие споры велись на фоне негласного идеологического противостояния по поводу Древней Руси между умеренным «либералом» Д.С. Лихачёвым и «консерватором-русофилом» Б.А. Рыбаковым, что, с нашей точки зрения, нашло отражение в трактовке образа Ярослава Мудрого. Продолжая традиции другого известного историка-«русофила» – М.В. Ломоносова, Б.А. Рыбаков критически смотрит на Ярослава, отказавшегося давать урок на общегосударственные нужды и нанявшего варягов для борьбы за власть. Ученый считает, что Ярослав, начавший свою карьеру с уособицы, не оставил «благодарной памяти» в народе, а потому его имя не нашло отражения в былинном эпосе (см., напр.: Рыбаков 1982: 164; Рыбаков 2003: 10). Интересно, что Рыбаков, прямо не соглашаясь с версией о Ярославе как убийце Бориса, вполне допускает ее достоверность. Однако за рамки академической трибуны в советской историографии эти спекуляции не выходили, да и в целом, несмотря на отмеченные колебания, образ Ярослава в исторической литературе оставался позитивным (см., в частности, Кучкин 1986).

Однако более важна для нашей темы все же роль Ярослава Мудрого в пространстве публичной истории. Хотя нельзя сказать, что Ярославу чрезмерно везет в источниках формирования исторической памяти, внимание к этой фигуре в советском обществе присутствовало неизменно. Пожалуй, наиболее массовым художественным текстом о персонажах допетровской истории стала драматическая поэма Ивана Кочерги «Ярослав Мудрый» (1946), изданная после войны на украинском языке и почти сразу – в авторизованном переводе на русском. Популяризация общего древнерусского героя на Украине казалась безопасной для советского режима. В драме И. Кочерги Ярослав предстает мудрым правителем, жестокость которого была вынужденной. Его речь обращена не столько к дочери Елизавете, сколько к зрителю / читателю сталинской эпохи:

«Вот видишь, дочь, в народе мир и лад
Не насаждают кроткими руками,
Как полный зелени и солнца тихий сад.
Как дикий лес – мотыгами, плугами,
Так государство нужно корчевать,
Чтоб вырастить покой и благодать»

(Кочерга 1954: 38)

Если произведение И. Кочерги довольно настороженно рассматривает международные родовые связи Ярослава и его семьи, то по окончании периода «борьбы с космополитизмом» их художественное осмысление происходит через призму дискурса о международном признании русского государства (см., напр.: Мавродин 1974). Особенно популярна тема Анны Ярославны – королевы Франции, которой даже посвящен популярный в конце 1970–1980-х гг. советско-польский фильм с одноименным названием (1978 г., режиссёр Игорь Масленников). Сыгравший роль князя Кирилл Лавров создает фигуру сильного и мудрого правителя. В весьма позитивном ключе выдержан образ князя и в кинокартине режиссёра Григория Кохана «Ярослав Мудрый» (1981). Тем не менее нельзя не отметить, что популярные тексты и фильмы, посвященные Ярославу Владимировичу, все же численно очень ограничены, и это обстоятельство, на наш взгляд, не позволяло князю подняться в рейтинге героев исторической памяти. Отметим, что, по нашим данным, легендарному князю в СССР был воздвигнут лишь единственный памятник (Белая Церковь, 1983), если не считать мемориального знака в честь библиотеки Ярослава у Софийского собора в Киеве (1969).

С нашей точки зрения, проблема заключалась здесь не в личности самого персонажа, который воспринимался в официальном историческом дискурсе весьма положительно, а в том, что основными «местами консенсуса» и главными героями в рамках советского историко-информационного пространства были известные личности из революционного пантеона более позднего времени, в то время как Ярослав Мудрый (вместе с большинством персонажей допетровской Руси) оказывался как бы в конце очереди, будучи все-таки второстепенным персонажем для исторической политики советского режима.

Князь русский или украинский?

После краха советского строя фигуры полузабытых героев прошлого оказались востребованы постсоветским обществом, ищущим новую версию национальной истории как в России, так и на Украине.

Отражением этого обстоятельства стало и повышенное внимание к Ярославу. Идеологический характер дискуссий о князе вполне проявился и в современных спорах о гипотетическом братоубийстве, которые не устают вести историки на страницах научной и научно-популярной печати (см., напр.: Филист 1990; Кожин 1994; Котляр 2000; Пелевин 2006; Боровков 2012; Демиденко 2015).

С одной стороны, в современном историографическом дискурсе Ярослав зачастую видится как «князь, выступивший против своеволия, защищая поправленную свободу» (Ваняшова 2014: 18), с другой – как «небесный покровитель наемных киллеров» (Бузина 2007: 56–60). В наиболее законченном идеологическом выражении представителей российской псевдопатриотической историографии схема представляется таким образом: Ярослав – западник, проводивший в жизнь «идеи меркантилизма, приоритета материальных ценностей над духовными», который противопоставляется своему высокодуховному отцу-патриоту, исповедовавшему истинное византийское христианство, – Владимиру (Ассонов 2015).

Несомненно, что для образа князя куда важнее другие источники формирования исторического сознания. Так, в постсоветских учебниках дается одинаково позитивная картина правления Ярослава Владимировича. Авторы подчеркивают, что князь был грамотным политиком и удачливым воином. Вот как, например, описывается эпизод осады Киева печенегами в учебнике Н.С. Борисова, рекомендованном Министерством образования и неоднократно переиздававшимся: «В жестоком сражении под стенами Киева печенеги были наголову разбиты. Ярослав еще раз доказал современникам, что мудрость и доблесть – родные сестры» (Борисов 2009: 39–40). В учебнике для 10-го класса средних школ О.Н. Журавлевой дана характеристика правления Ярослава как «золотого века» древнерусской истории (Журавлева 2013: 38–40).

В современных художественных текстах Ярослав Мудрый – нечастый гость, однако нельзя сказать, что его фигура совсем обделена вниманием авторов. В популярной беллетристической литературе этот киевский князь часто встречается в произведениях Б.Акунина (он же А. Брусникин). В них создан образ исключительно прозорливого государственного деятеля, который смог создать прочную систему управления государством: «Прежняя Русь, Третий Рим и Второй Царьград, по-прежнему стояла на фундаменте, заложенном Владимиром Красно Солнышко и Ярославом Мудрым» (Брусникин 2008: 95); «Их прогнал мудрый Ярослав, великий прапрапрадед, и после этого целых тридцать лет Русь жила спокойно, не ожидая с востока напасти. Про те блаженные, сытые годы можно прочесть в летописях, но верилось с

трудом: как это возможно, чтобы за Смерть-рекой не ходили грозовые тучи, не рокотали громы, не посверкивали молнии?» (Акунин 2014: 360). Кроме того, Ярослав Мудрый стал главным героем произведений В.Н. Есенкова (Есенков 2007), В.А. Замыслова (Замыслов 2004), П.А. Загребельного (Загребельный 2015) и др.

Отличительной чертой статей о Ярославе Мудром в онлайн-энциклопедиях (таких как «Википедия», «Кругосвет», «Кирилл и Мефодий» и др.) является то, что в них, в отличие от школьных учебников, дано подробное описание эпизода борьбы за киевский престол Ярослава со своим отцом Владимиром Святым и братьями. Эти данные позволяют более критически взглянуть на личность князя, однако в целом его образ в интернет-ресурсах также позитивен. Нельзя не упомянуть и про популяризацию Ярослава Мудрого посредством кино и музыки. Так, в 2010 г., к 1 000-летию основания города Ярославля, на экраны вышел фильм «Ярослав. Тысячу лет назад», повествующий о событиях его ростовского княжения. А в 2002 г. в Московской консерватории состоялась премьера кантаты А. Розенבלата «Ярослав Мудрый».

Таким образом, можно без преувеличения констатировать, что для обывателя Ярослав Мудрый остается несомненным местом позитивного консенсуса. Политические элиты постсоветских России и Украины чувствуют это с начала 1990-х гг. 23 октября 1993 г. в Ярославле президентом России Б.Н. Ельциным был открыт памятник Ярославу Мудрому. В 1997 г. в Киеве также был установлен монумент великому князю Ярославу Владимировичу. Любопытная деталь: в российской версии памятника в одной руке князь держит макет Ярославского кремля, в украинской – Киевской Софии. На Украине «Орден князя Ярослава Мудрого» (Закон Украины) с 1995 г. (момента учреждения) до 1998 г. являлся высшей государственной наградой. 23 декабря 2014 г. Ярославской областной думой был принят закон «О праздниках и памятных датах Ярославской области», согласно которому установлен День памяти князя Ярослава Мудрого – 5 марта (Закон).

Среди других примеров соперничества России и Украины за память о Ярославе Мудром – использование образа князя на денежных купюрах. Так, уже в 1992 г. на Украине появилась банкнота достоинством в 2 гривны с изображением Ярослава Мудрого (также была выпущена монета с его изображением). В России самая крупная на тот момент (2001 г.) купюра стоимостью в 1 000 рублей изображала памятник князю в Ярославле. Практически одновременно, в 1995 г., два вуза России и Украины были переименованы в честь Ярослава Мудрого. Бывший Новгородский сельскохозяйственный институт (с 30 июня 1993 г. – Новгородский государственный университет)

19 января 1995 г. получил название «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (Названия); 4 ноября 1995 г. Украинская государственная юридическая академия имени Дзержинского обрела новое имя – «Национальная юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого» (Об университете). С 2009 г. в составе Балтийского флота ВМФ России находится сторожевой корабль «Ярослав Мудрый».

Это своеобразное соперничество активно продолжается на церковном уровне. Ярослав Мудрый в 2004 г. был внесен в месяцеслов Украинской православной церкви Московского патриархата, а в 2005 г. Русской православной церковью был определен день его памяти – 20 февраля. На Поместном соборе 2008 г. Украинской православной церкви Киевского патриархата Ярослав Мудрый был канонизирован как святой благоверный князь. Согласно определению Освященного архиерейского собора РПЦ об общецерковном прославлении ряда местночтимых святых от 2–3 февраля 2016 г., святой благоверный князь Ярослав Мудрый получил общецерковное почитание (Определение). Таким образом, борьба за память о князе, наконец, приобщила героя к лику святых.

В завершение темы сходства российской и украинской государственных стратегий по популяризации образа великого князя нельзя не сказать о телевизионном проекте «Великие украинцы», транслировавшемся на одном из центральных украинских телеканалов в 2007–2008 гг. Победителем этого проекта стал именно Ярослав Мудрый (Великие украинцы). Интересно, что в России он оказался лишь на 38-й позиции в общем рейтинге (Результаты). Серьезное «отставание» наблюдается и в частоте упоминания имени Ярослава Мудрого в названиях городских объектов. Если в России они носят единичный характер (например, улица в городе Белебей, Республика Башкортостан), то на Украине улицы и площади имени великого князя встречаются во многих городах и селах (Черновцы, Мостиска и др.). Интересным источником, позволяющим сделать выводы о месте Ярослава Мудрого в массовом историческом сознании, служат социологические опросы. Проведенное нами социологическое исследование, направленное на выявление событий и явлений первостепенной важности в национальной памяти, дало следующие результаты: лишь 3,5 % опрошенных отнесли Ярослава к числу наиболее значимых деятелей отечественной истории – это девятый результат среди всех допетровских персонажей.

Таким образом, Ярослав Мудрый, несмотря на очевидную политику популяризации образа, так и не стал пока значимым объектом памяти в постсоветской России. Иначе говоря, если на Украине Ярослав Му-

дрый является одним из национальных исторических лидеров, то в России он скорее герой второго плана. Однако причина этого, на наш взгляд, заключается не в спорности героя для российского сознания, а в различиях в самих героических пантеонах России и Украины, у которой просто нет после Ярослава столь впечатляющего ряда правителей. Очевидно, что в российском рейтинге «государственник» Ярослав проигрывает своему отцу-крестителю именно потому, что ему приходится конкурировать с такими государственными лидерами, как Александр Невский, Иван Грозный, Иван Великий. Однако это обстоятельство вовсе не означает, что фигура Ярослава не имеет большого потенциала для последующей популяризации в российском обществе, тем более в новых условиях необходимости постоянной борьбы за него с украинскими оппонентами.

Подведем итоги. Современные черты миф о Ярославе I Мудром, в отличие от многих других персонажей допетровской истории, приобрел сравнительно поздно – в XIX – начале XX в. С одной стороны, это обстоятельство обусловило относительную слабость позиций Ярослава Мудрого в рейтингах исторической памяти российского общества новейшего времени и его «отложенную» канонизацию. С другой стороны, это же дает основание видеть перспективу дальнейшей интенсивной эксплуатации образа, основные элементы которого чрезвычайно важны для мировоззрения современного общества. Борьба за «наследство» Ярослава и память о нем между «элитами» современной России и Украины также обеспечивают постоянную актуализацию этой фигуры в общественном сознании. Зримым результатом данного процесса стала долгожданная канонизация Ярослава Мудрого, которая, в свою очередь, способна дать очередной импульс как новым практикам коммемораций, связанным с великим князем, так и очередному витку борьбы за право считаться его наследниками.

ЛИТЕРАТУРА

Акунин 2014 - Акунин Б. Огненный перст. М.: АСТ жанры, 2014.

Ассонов 2015 - Ассонов Н.В. Владимир Святой и Ярослав Мудрый. Выбор полюса цивилизационного притяжения // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 2. С. 119–126.

Беллярминов 1871 - Беллярминов И.И. Элементарный курс всеобщей и русской истории. СПб., 1871.

Борисов 2009 - *Борисов Н.С.* История России с древнейших времен до конца XVII века. 10 класс: учеб. для общеобразовательных учреждений: базовый уровень. М.: Просвещение, 2009.

Боровков 2012 - *Боровков Д.А.* Тайна гибели Бориса и Глеба. М.: Вече, 2012.

Брусникин 2008 - *Брусникин А.* Девятный спас. М.: АСТ Астрель, 2008.

Бузина 2007 - *Бузина О.* Тайная история Украины-Руси. Киев: Довира, 2007.

Бущик 1957 - *Бущик Л.П.* История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. Часть первая. М., 1957.

Ваняшова 2014 - *Ваняшова М.Г.* Ярослав Мудрый и метасюжет «свобода-своеволие» в «Слове о полку Игореве» // Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия: Сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. Ярославль: Индиго, 2014. С. 16–27.

Великие Украинцы - Сайт «Великие Украинцы». URL: <https://web.archive.org/web/20131016212232/http://greatukrainians.com.ua/ru> (дата обращения: 19.06.2016).

Данилевский, Мельникова 2008 - *Данилевский И.Н., Мельникова А.Г.* От редакторов // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 6–7.

Демиденко 2015 - *Демиденко Г.Г.* О некоторых тайнах биографии Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия: Сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. Ярославль: Индиго, 2015. С. 7–15.

Есенков 2007 - *Есенков В.Н.* Ярослав Мудрый князь Ростовский, Новгородский и Киевский. Ярославль: «Еще не поздно!», 2007.

Журавлева 2013 - *Журавлева О.Н., Пашкова Т.И., Кузин Д.И.* История России: 10 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / Под общ. ред. чл.-кор. РАН Р.Ш. Ганелина. М.: Вентана-Граф, 2013.

Загребельный 2015 - *Загребельный П.А.* Ярослав Мудрый. М.: АСТ, 2015.

Закон - Сайт «Ярославская областная дума». Закон «О праздниках и памятных датах Ярославской области». URL: <http://www.duma.yar.ru/service/acts/z14088.html> (дата обращения: 19.06.2016).

Закон Украины - Сайт «Верховна Рада України». Закон України «Про державні нагороди України». URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1549-14> (дата обращения: 19.06.2016).

Замыслов 2004 - *Замыслов В.А.* Ярослав Мудрый: историческая диалогия. Ярославль: Лия, 2004.

Книга Степенная 1913 - Книга Степенная царского родословия. Часть первая // ПСРЛ. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. Т. XXI. Первая половина. С. 168–172.

Кожин 1994 - *Кожин В.* Клевета // Родина. 1994. № 5. С. 65–68.

Котляр 2000 - *Котляр Н.Ф.* Князь Окаянный? Был ли Святополк убийцей своих братьев Бориса и Глеба // Родина. 2000. № 12. С. 35 – 39.

Котляр 2008 - *Котляр Н.Ф.* Ярослав и его время в общественном сознании второй половины XI–XIII в. // Ярослав Мудрый и его эпоха. М.: Индрик, 2008. С. 202–214.

Кочерга 1954 - *Кочерга И.* Ярослав Мудрый // Кочерга И. Исторические драмы. М.: Сов. писатель, 1954.

Кучкин 1976 - *Кучкин В.А.* Ярослав Мудрый // СИЭ. 1976. Т. 16. Стб. 984–985.

Ломоносов 1760 - *Ломоносов М.В.* Краткий Российский летописец. СПб.: Император. Акад. наук, 1760.

Мавродин 1974 - *Мавродин В.В.* Киевская Русь – начальный период истории русского народа // Озерецкая Е.Л. Звенит слава в Киеве. Л.: Дет. лит., 1974. С. 150–157.

Названия - Сайт «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого». Названия университета. URL: <http://www.novsu.ru/dept/1106/i.804531/?id=939131> (дата обращения: 19.06.2016).

Нечкина, Лейбенгруб 1971 - *Нечкина М.В., Лейбенгруб П.С.* История СССР: Учеб. пособие для 7 класса. М.: Просвещение, 1971.

Об университете - Сайт «Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого». Об университете. URL: <http://nlu.edu.ua/ru> (дата обращения: 19.06.2016).

Определение - Сайт «Русская Православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата». Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви об общецерковном прославлении ряда местночтимых святых. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4367765.html> (дата обращения: 19.06.2016).

Памятники 1844 - *Памятники духовной литературы времени великого князя Ярослава I* // Прибавление к творениям святых отцов в русском переводе. М., 1844. Ч. 2. С. 204–317.

Пелевин 2006 - *Пелевин Ю.* Борис и Глеб. Факты и метафакты // Отечественные записки. 2006. № 2 (29). С. 276–288.

Платонов 1909 - *Платонов С.Ф.* Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический. СПб., 1909. Ч. 1–2.

Правда русская 1947 - *Правда русская* / Под ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. Т. II: Комментарии.

Программы 1853 - *Программы русского языка на 1853–54 гг.* СПб., 1853.

Результаты - Сайт «Имя Россия. Исторический выбор 2008». Результаты социологического исследования. URL: <http://top50.nameofrussia.ru/doc.html?id=1647> (дата обращения: 19.06.2016).

Рыбаков 1982 - *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.

Рыбаков 2003 - *Рыбаков Б.А.* Рождение Руси. М.: АИФ Принт, 2003.

Синопис 1823 - Синопис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славянороссийского народа. Киев, 1823.

Сосницкий 2010 - *Сосницкий Д.А.* Историческая память о допетровской Руси в XIX – начале XXI в.: постановка проблемы и опыт исследования // Университетский историк: альманах. СПб.: Изд-во исторического факультета СПбГУ, 2010. Вып. 7. С. 423–430.

Сосницкий 2015 - *Сосницкий Д.А.* Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2015.

Филист 1990 - *Филист Г.М.* История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск: Беларусь, 1990.

Щапов 1984 - *Щапов Я.Н.* Русская правда. Введение // Российское законодательство X–XX веков. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 28.

Ярослав 1931 - Ярослав I Владимирович // БСЭ. М.: Большая Советская энциклопедия, 1931. Т. LXV. С. 25.

Ярослав 1909 - Ярослав I Мудрый // Малый энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. II, вып. IV. Стб. 2204.

REFERENCES

Akunin, B. (2014) *Ognenny perst* [The Fiery Finger]. Moscow: AST zhanry.

Asonov, N.V. (2015) Vladimir Svyatoy i Yaroslav Mudryy. Vybory polyusa tsivilizatsionnogo prityazheniya [St. Vladimir and Yaroslav the Wise. The choice of the pole of civilizational attraction]. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie – Problem Analysis and Public Administration Projection*. 2. pp. 119-126.

Bellyarminov, I.I. (1871) *Elementarnyy kurs vseobshchey i russkoy istorii* [The Elementary Course of General and Russian History]. St. Petersburg: N. Neklyudov.

Borisov, N.S. (2009) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XVII veka. 10 klass* [The History of Russia from Ancient Times to the Late 17th Century. 10 Grade]. Moscow: Prosveshchenie.

Borovkov, D.A. (2012) *Tayna gibeli Borisa i Gleba* [The Mystery of Boris and Gleb's Murder]. Moscow: Veche.

Brusnikin, A. (2008) *Devyatnyy spas* [The Ninth Savior]. Moscow: AST Astrel'.

Buzina, O. (2007) *Taynaya istoriya Ukrainy-Rossii* [The secret history of Ukraine-Russia]. Kiev: Dovira.

Bushchik, L.P. (1957) *Istoriya SSSR. Uchebnik dlya 8 klassa* [History of the USSR. The textbook for Grade 8]. Moscow. Part 1.

Vanyashova, M.G. (2014) [Yaroslav the Wise, and the “freedom – self-will” metaplot in “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Yaroslav mudryy. Problemy izucheniya, sokhraneniya i interpretatsii istoriko-kul’turnogo naslediya* [Yaroslav the Wise: The Problem of Study, Preservation and Interpretation of the Historical and Cultural Heritage]. Proc. of the Fifth International Conference. Yaroslavl: Indigo. pp. 16-27 (In Russian).

The Official Website “The Great Ukrainians”. (n.d.) [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20131016212232/http://greatukrainians.com.ua/ru> (Accessed: 19th June 2016).

Danilevsky, I.N. & Melnikova, A.G. (2008) Ot redaktorov [Editorial]. In: Danilevsky, I.N. & Melnikova, A.G. (eds) *Yaroslav Mudryy i ego epokha* [Yaroslav the Wise and his era]. Moscow: Indrik. pp. 6-7.

Demidenko, G.G. (2015) [On some mysteries of Yaroslav the Wise’s biography]. *Yaroslav mudryy. Problemy izucheniya, sokhraneniya i interpretatsii istoriko-kul’turnogo naslediya* [Yaroslav the Wise: The Problem of Study, Preservation and Interpretation of the Historical and Cultural Heritage]. Proc. of the Sixth International Conference. Yaroslavl: Indigo. pp. 7-15 (In Russian).

Esenkov, V.N. (2007) *Yaroslav Mudryy knyaz’ Rostovskiy, Novgorodskiy i Kievskiy* [Yaroslav the Wise, Prince of Rostov, Novgorod and Kiev]. Yaroslavl: Eshche ne pozdno!

Zhuravleva, O.N., Pashkova, T.I. & Kuzin, D.I. (2013) *Istoriya Rossii: 10 klass* [History of Russia: Grade 10]. Moscow: Ventana-Graf.

Zagrebelnyy, P.A. (2015) *Yaroslav Mudryy* [Yaroslav the Wise]. Moscow: AST.

The Yaroslavl Regional Duma Official Website. (n.d.) *Zakon “O prazdnikakh i pamyatnykh datakh Yaroslavskoy oblasti”* [Law “On holidays and memorable dates in Yaroslavl Region”]. [Online] Available from: <http://www.duma.yar.ru/service/acts/z14088.html> (Accessed: 19th June 2016).

The Verkhovna Rada of Ukraine (Ukrainian parliament). (n.d.) *Sayt “Zakon Ukraini”*. *Pro derzhavni nagorodi Ukraini* [The Website “The Law of Ukraine”. About Ukrainian state awards]. [Online] Available from: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1549-14> (Accessed: 19th June 2016).

Zamyslov, V.A. (2004) *Yaroslav Mudryy: istoricheskaya dilogiya* [Yaroslav the Wise: A historical duology]. Yaroslavl: Liya.

Anon. (1913) *Kniga Stepennaya tsarskogo rodosloviya. Chast’ pervaya (1913)* [The Book of Degrees of the Royal Genealogy]. In: Vasenko, P.G. (ed.) *Polnoye Sobraniye russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 21 (1). St. Petersburg: M.A. Aleksandrov. pp. 168-172.

Kozhinov, V. (1994) Kleveta [Slander]. *Rodina*. 5. pp. 65-68.

Kotlyar, N.F. (2000) Knyaz’ Okayannyi? Byl li Svyatopolk ubiytsey svoikh brat’ev Borisa i Gleba [The Prince Cursed? Whether Svyatopolk killed his brothers Boris and Gleb]. *Rodina*. 12. pp. 35-39.

Kotlyar, N.F. (2008) *Yaroslav i ego vremya v obshchestvennom soznanii vtoroy poloviny XI – XIII v.* [Yaroslav and his era in the public consciousness of the late 11th – early 13th centuries]. In: Danilevsky, I.N. & Melnikova, A.G. (eds) *Yaroslav Mudryy i ego epokha* [Yaroslav the Wise and his era]. Moscow: Indrik. pp. 202–214.

Kocherga, I. (1954) *Istoricheskie dramy* [The History Dramas]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

Kuchkin, V.A. (1976) *Yaroslav Mudryy* [Yaroslav the Wise]. In: Zhukov, E.M. et al. (eds) *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Vol. 16. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 984–985.

Lomonosov, M.V. (1760) *Kratkiy Rossiyskiy letopisets* [The Brief Russian Chronicle]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Mavrodin, V.V. (1974) *Kievskaya Rus' – nachal'nyy period istorii russkogo naroda* [Kievan Rus – the initial period of the history of Russian people]. In: Ozeretskaya, E.L. (ed.) *Zvenit slava v Kieve* [The Ringing Glory in Kiev]. Leningrad: Detskaya literatura. pp. 150–157.

Novgorod State University Official Website. (n.d.) *Sayt "Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo". Nazvaniya universiteta* [Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. The Name of the University]. [Online] Available from: <http://www.novsu.ru/dept/1106/i.804531/?id=939131> (Accessed: 19th June 2016).

Nechkina, M.V. & Leybengrub, P.S. (1971) *Istoriya SSSR. Uchebnoe posobie dlya 7 klassa* [History of the USSR. Textbook for Grade 7]. Moscow: Prosveshchenie.

National Law University named after Yaroslav the Wise Official Website. (n.d.) *Natsional'nyy yuridicheskiy universitet imeni Yaroslava Mudrogo. Ob universitete* [National Law University named after Yaroslav the Wise. On the University]. [Online] Available from: <http://nlu.edu.ua/ru/%D0%BF%D1%80%D0%BE-%D1%83%D0%BD%D1%96%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82> (Accessed: 19th June 2016).

The Russian Orthodox Church Official Website. (n.d.) *Sayt "Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. Ofitsial'nyy sayt Moskovskogo Patriarkhata". Opredelenie Osvyashchennogo Arkhiereyskogo Sobora Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi ob obshchetserkovnom proslavlenii ryada mestnochtimyykh svyatykh* [The Official Website "The Russian Orthodox Church. The official website of the Moscow Patriarchate". The Resolution of the Consecrated Synod of Bishops of the Russian Orthodox Church about the Church-wide Glorification of Some Locally Venerated Saints]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4367765.html> (Accessed: 19th June 2016).

Anon. (1844) *Pamyatniki dukhovnoy literatury vremeni velikogo knyazya Yaroslava I* [Monuments of religious literature related to Grand Prince Yaroslav I's Rule]. *Pribavlenie k tvoreniyam svyatykh ottsov v russkom perevode*. 2. pp. 204–317.

Pelevin, Yu. (2006) *Boris i Gleb. Fakty i metafakty* [Boris and Gleb. Facts and

metafact]. *Otechestvennyye zapiski*. 2(29). pp. 276-288.

Platonov, S.F. [1909] *Uchebnik russkoy istorii dlya sredney shkoly. Kurs sistematicheskoy* [The Textbook of Russian History for Secondary Schools. The systematic course]. St. Petersburg: M. Aleksandrov.

Grekov, B.D. (1947) *Pravda russkaya* [The Russian Truth]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

Anon. (1853) *Programmy russkogo yazyka na 1853-54 gg.* [Programs of the Russian language in 1853–54]. St. Petersburg.

The Name of Russia. Historical choice 2008. (n.d.) *Rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya* [The results of sociological research]. [Online] Available from: <http://top50.nameofrussia.ru/doc.html?id=1647> (Accessed: 19th June 2016).

Rybakov, B.A. (1982) *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII -XIII vv.* [Kievan Rus and the Russian principalities in the 12th–13th centuries]. Moscow: Nauka.

Rybakov, B.A. (2003) *Rozhdenie Rusi* [The Birth of Rus]. Moscow: AIF Print.

Anon. (1823) *Sinopsis ili kratkoe sobranie ot razlichnykh letopistsev o nachale slavyanorossiyskogo naroda* [The synopsis or brief collection of various chroniclers of the birth of Slavs Russian people]. Kiev: [s.n.].

Sosnitskiy, D.A. (2010) *Istoricheskaya pamyat' o dopetrovskoy Rusi v XIX-nachale XXI v.: postanovka problemy i opyt issledovaniya* [The historical memory of Rus before Peter the Great in the 19th – early 21st centuries: The problem and the experience of studies]. In: Dvornichenko, A.Yu. (ed.) *Universitetskiy istorik* [University Historian]. 7. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 423-430.

Sosnitskiy, D.A. (2015) *Istoricheskaya pamyat' o dopetrovskoy Rusi v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XXI vv.* [The historical memory of Rus before Peter the Great in the late 19th – early 21st centuries]. History Cand. Diss. St. Petersburg.

Filist, G.M. (1990) *Istoriya "prestupleniy" Svyatopolka Okayannogo* [The history of Svyatopolk the Accursed's "crimes"]. Minsk: Belarus'.

Shchapov, Ya.N. (1984) *Russkaya Pravda. Vvedenie* [The Russian Truth. Introduction]. In: Chistyakov, O.I. (ed.) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov* [Russian legislation of the 10th – 20th centuries]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

Anon. (1931) *Yaroslav I Vladimirovich* [Yaroslav I]. In: Shmidth, O.Yu. (ed.) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. LXV. Moscow: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. p. 25.

Anon. (1909) *Yaroslav I Mudryy* (1909) [Yaroslav I the Wise]. In: Brokhaus, B. & Efron, I. (eds) *Malyy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 2 (4). St. Petersburg: Brokaguz-Efron.

Ростовцев Евгений Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Rostovtsev Evgeniy - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

Сосницкий Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, инженер-программист музейного комплекса Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sosnitsky Dmitry - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: d.sosnitskij@spbu.ru

УДК 930.85:94(367)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/4

СЛАВЯНСКИЙ МИР В РАБОТЕ В.М. ФЛОРИНСКОГО «ПЕРВОБЫТНЫЕ СЛАВЯНЕ ПО ПАМЯТНИКАМ ИХ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ»*

С.А. Меркулов¹, И.А. Дунбинский²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: sermeral@yandex.ru

²E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается концепция В.М. Флоринского о происхождении и расселении славян. Исследованию этого вопроса ученый посвятил монографию, состоящую из двух частей, вторая часть разделена еще на два выпуска. В своей работе В.М. Флоринский анализирует археологические данные, полученные на территории Европейского и Азиатского континентов. Главным образом Флоринский увязывает историю племен, которые жили на территории Сибири, с историей происхождения славян в целом. Говоря точнее, историю народов, населявших территорию двух вышеуказанных континентов и Сибири, в частности, он выводит из общей истории человечества. Эта монография – последний труд В.М. Флоринского, одна из самых сильных его работ. Изучению археологии как профессиональному хобби ученый посвятил не одно десятилетие своей жизни, что делает его научные взгляды обоснованными, а концепцию – достойной осмысления.

Ключевые слова: происхождение славян, первобытные славяне, археологические памятники, археологические артефакты, расселение славян, славянский мир.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ в рамках научного проекта МК-6824.2016.6 «Историческое знание во второй половине XIX – начале XXI в. как конструкт общественно-культурного сознания, политико-идеологической и гражданской идентичности: связь времен и поколений (на примере сибирского научно-образовательного комплекса)».

THE SLAVIC WORLD IN V.M. FLORINSKY'S "EARLY SLAVS IN THE MONUMENTS OF THEIR PREHISTORIC LIFE"*

S.A. Merkulov¹, I.A. Dunbinskiy²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: sermeral@yandex.ru

²E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Abstract

The article dwells on V.M. Florinsky's concept of the origin and demic diffusion of the Slavs described in his book "Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life". The book consists of two parts, with the latter split into two volumes. Analysing archaeological data from the European and Asian continents, V.M. Florinsky sees the history of Siberian tribes an integral part of the Slavic history on the whole. He states that the history of European, Asian and Siberian tribes is closely connected with the general history of humankind. As Florinsky spent many decades studying archeology, his scientific views can be considered well-founded and his concept deserves further interpretation.

Keywords: origin of Slavs, Early Slavs, archeological monuments, archeological artefacts, Slavs demic diffusion, Slavic world.

Как полагают большинство современных исследователей, первоначальные племенные союзы славян сформировались уже во второй половине I тыс. до н. э. Позднее, в ходе расселения, славяне, мигрируя со своей прародины, заняли колоссальную территорию: от Балкан на западе до Тихого океана на востоке и от Северного Ледовитого океана на севере до Средиземного моря на юге.

Несмотря на обширную и многовековую историю, первые попытки славян осмыслить собственное этнокультурное наследие были предприняты лишь в начале XVIII в. Однако археология в то время была весьма молодой, только зарождавшейся научной дисциплиной. Она изучала «главным образом, греко-римский мир с целью восполнения

*This research was supported by the Grant of the Russian Federation President for State Support of Young PhDs "Historical knowledge in the late 19th – early 21st centuries as a construct of socio-cultural awareness, political, ideological and civic identity: The link of times and generations (a case study of Siberian Scientific and Educational Complex)" (МК-6824.2016.6).

утраченного знания по ископаемым источникам, при отсутствии или нехватке письменных источников для воссоздания исторической событийной картины» (Флоринский 1894: XI).

Прежде чем перейти к основной части статьи, необходимо показать отношение Василия Марковича Флоринского к работам своих предшественников. Так, исследователь сибирских земель Г.Ф. Миллер, по мнению Флоринского, в своих работах в первую очередь больше «основывался на исторических данных, чем на оценке самих древностей» (Флоринский 1894: XIII). Тем не менее Миллер отмечал, что «болгары (как славянский народ) и значительная часть прочих славянских племен в исконные времена жили в приволжских степях, а следовательно, и они могли иметь долю участия в рассматриваемых археологических памятниках» (Флоринский 1894: XIII–XIV). Таким образом, он стал одним из первых исследователей, предложивших рассматривать различные славянские народы как единую славянскую общность.

Другим исследователем славян, которого называет В.М. Флоринский, был З.Я. Ходаковский. Он стремился показать «славянские доисторические древности» как нечто самобытное, а не как результат жизнедеятельности финских племен (Флоринский 1894: XV).

Кроме того, с конца XVIII в. в научном сообществе появился интерес к теме исследований курганов на территории Российской империи, вследствие чего стали чаще появляться работы, посвященные этой тематике. Так, изучая русские курганы, отмечает Флоринский, А.Д. Чертиков предложил свою гипотезу об их «варяго-русском происхождении» (Флоринский 1894: XV). Академик К.М. Берг, исследовав черепа из курганов Московской губернии, также пришел к выводу об их славянском, а не финском происхождении. К подобному выводу в работе «Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии» (1867) пришел и профессор Московского университета А.П. Богданов. Придерживался славянской теории происхождения курганов и городищ также профессор Варшавского университета Д.Я. Самоквасов, который писал о том, что «курганы заключают в себе много предметов, прямо указывающих на русское их происхождение» (Флоринский 1894: XVI).

Новый этап в изучении славянского этнокультурного прошлого датируется серединой XIX в. Так, в 1839 г. увидел свет первый том «Записок Одесского общества истории и древностей», посвященный в первую очередь археологическим раскопкам на юге Российской империи, в 1846 г. вышел первый том «Записок археологического общества» (позднее был переименован в «Известия Императорского археологического общества»), а в 1864 г. стал издаваться журнал

«Древности» Московского археологического общества. Кроме того, свои археологические отделы имели исторические, географические, краеведческие и иные общества в разных городах России.

Стоит отметить, что многие исследования, опубликованные в упомянутых журналах, велись, как писал В.М. Флоринский, «любителями археологии». Причина кроется в том, что в середине XIX в. археология не признавалась в Российской империи самостоятельной научной дисциплиной и не преподавалась в учебных заведениях (Флоринский 1894: 1).

Более того, работы большинства исследователей были сосредоточены лишь на отдельных вопросах и не давали комплексного представления о славянском мире. Отсутствие системного взгляда на единое этнокультурное прошлое славян усиливалось интересом исследователей к археологическим памятникам Центральной и Южной России, практически полностью игнорировались многочисленные сибирские находки (Флоринский 1894: XXI), которые к тому времени скопились в достаточном количестве в различных музеях Российской империи. Также Флоринский указывал, что археология того периода «разрабатывалась без непосредственной связи с живой природой или судьбами живущего человечества» (Флоринский 1894: XII).

Исходя из вышесказанного, становится понятной важность работы устроителя Сибирского (Томского) университета, попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского (1834–1899) «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни».

Несмотря на первоначальное медицинское образование, которое ученый получил в Военно-медицинской академии, он рано увлекся археологией. «У меня лично, – писал Флоринский, – любовь к археологическим знаниям развилась случайно. Первое, поверхностное ознакомление с отечественными древностями я приобрел во время поездок по Южной России в 60-х годах. В то время курганы наших южных степей и предметы, собранные в музеях Одессы и Керчи, настолько поразили мое воображение, что я ревностно принялся за чтение всего, что было известно по этому предмету» (Флоринский 1894: 2). В 1874 г. для дополнительного знакомства с археологическими памятниками исследователь посетил Оренбургскую, Уфимскую и Пермскую губернии (ныне Оренбургская область, Республика Башкортостан и Пермский край), а в 1881 г. совершил первую поездку к курганам и городищам Западной Сибири, которые «по своей грандиозности превзошли все, прежде мною (В.М. Флоринским. – *Авт.*) виденное» (Флоринский 1894: 3).

Именно знакомство с курганами и городищами Западной Сибири привело В.М. Флоринского к идее основания при строившемся Си-

бирском (Томском) университете Археологического музея, формированием, а затем систематизацией коллекций которого он занимался лично. Благодаря его кропотливому труду уже к моменту открытия Императорского Томского университета (1888 г.) коллекция музея насчитывала 2 660 предметов.

Впоследствии на основе собранного материала ученый опубликовал ряд статей по археологии и этнографии: «Башкирия и башкиры: Путевые заметки» (Флоринский 1874), «Общая заметка об археологическом значении Семиречья» (Флоринский 1889), «Двадцать три человеческих черепа Томского археологического музея» (Флоринский 1890) и т. д.

Последней его работой в области археологии, которая систематизировала накопленные им материалы и подвела итог почти сорокалетним изысканиям, стала двухтомная монография «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни»; ее заключительная часть вышла в свет за год до смерти ученого, в 1899 г. (Флоринский 1896а; Флоринский 1896б).

В своей монографии устроитель Сибирского университета совершает одну из первых в отечественной археологической науке попытку системного осмысления этнокультурного наследия единого славянского мира. Кроме того, уникальность работе придает широкое использование в первую очередь сибирского археологического материала, который в то время практически не был введен в научный оборот.

Несмотря на фундаментальность этого исследования для отечественной науки, большинство современных ученых, рассматривая монографию «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни», лишь упоминают ее в контексте научной биографии Флоринского либо в контексте его работы как археолога (Жук 2015). Исключение составляет работа В.А. Эрлиха «Научная книга Сибири и Дальнего Востока в XVIII – начале XX века» (Эрлих 2013), в которой эта монография была рассмотрена с библиографической стороны.

В связи с этим целью данной статьи являются осмысление концепции В.М. Флоринского о возникновении и расселении первых славян, а также актуализация внимания со стороны научного сообщества – исследователей славянского мира - к этой работе.

Монография состоит из двух частей, причем вторая часть поделена на два выпуска. В первой части ученый описывает состояние славянской археологии в целом, а затем сосредоточивается на археологии Западной Сибири. Первый выпуск второй части содержит географический обзор Западной Сибири, а также Акмолинской, Се-

мипалатинской и Семиреченской областей. Второй выпуск посвящен описанию предметов гончарного искусства, сибирских бронзовых изделий, ремесленных орудий, предметов религиозного значения и др. Последние главы посвящены топографическому обозрению курганных могил и кладбищ Западной Сибири и Семиречья, сибирским письменам и отражают представления В.М. Флоринского о железном веке в Сибири.

В первой главе, названной «Колыбель арийской народности», в рамках теоретической части Флоринский предлагает описание арийской и семитской культур. Охарактеризовав переселение арийцев из Центральной Азии, автор затронул вопрос о путях их расселения в указанном регионе. Исследуя лингвистические особенности обозначенных выше культур, он рассмотрел санскрит в масштабе истории народов, в результате чего сделал вывод о наличии родственной связи азиатских скифов с европейскими. Данный вывод автор сделал, опираясь на исследование топонимических материалов. В завершение главы В.М. Флоринский представил свое компаративное микроисследование скифской и славянской культур, основываясь на лингвистических разработках того времени. Так, человечество он описывает как «непрерывную нисходящую цепь, связывающую в одно родственное целое весь культурный мир» (Флоринский 1894: 1) и делает вывод о том, что новый вклад в мировую культуру подготавливается предшествующим периодом, поэтому культурные достижения одного народа переходят другому народу по наследству.

Народом, который выделился первым и оказался зафиксированным в письменных источниках, по мнению исследователя, было «кавказское племя», которое «первым вышло на историко-политическую сцену» (Флоринский 1894: 2). Семито-арийцев ученый назвал «основателями существующей ныне цивилизации» (Флоринский 1894: 2). Классифицируя обозначенные народности, к семитам В.М. Флоринский отнес народы Вавилонского и Ассирийского царства, финикийцев, евреев и карфагенян, а в Средние века – также сирийцев и арабов. К арийцам – индусов, иранцев (древних мидян и персов), армян, эллинов, а также все романо-германские и литво-славянские племена.

Переходя к описанию изначального места расселения арийской семьи, В.М. Флоринский придерживался свойственного тому времени географического детерминизма и называл этим местом Русский Туркестан (Амударьинская, Сырдарьинская и Ферганская области с Бухарой и частью Закаспийской степи). Основными проблемами этих племен являлись поиск новых пастбищ, внутренние конфликты и постоянные столкновения с соседними племенами. Результатом воздействия данных факторов стал поиск новых свободных со-

предельных территорий. Флоринский называл только два выхода в соседние земли для изменения ареала обитания: на запад, в сторону Персии и Малой Азии, или на северо-запад, к Семиречью и Западной Сибири, либо в сторону Оренбургской и Черноморской степей. Ученый заметил, что время спокойного пастушеского быта у местных племен сменилось борьбой за существование, а «географическая замкнутость Западной Азии, недостаток земли и оседлая городская жизнь» содействовали «ожесточению людей и извращению нравов» (Флоринский 1894: 7).

Описывая культурное наследие, В.М. Флоринский отмечал, что арийцы были первыми наследниками античного мира. Затем за длительный промежуток времени они разветвились на национальности. Так, ученый, опираясь на труд Гомера, который описал эпоху Троянской войны, делает вывод о том, что население Малой Азии находилось на высоком культурном уровне развития. Это были организованные общины, в большей степени с земледельческим укладом, раздробленные в политическом отношении. У каждой общины был город с каменными стенами и вождем во главе (Флоринский 1894: 9).

С течением времени получило развитие изучение санскрита, также в научную практику вошли новые историко-лингвистические методы, что по мере возможностей позволило восстановить корни языка и установить связь санскрита с индоевропейскими языками. В.М. Флоринский отмечал: «Открылся новый исторический или, точнее сказать, доисторический мир» (Флоринский 1894: 11). Продолжая эту идею, исследователь утверждал, что только благодаря санскриту удалось увидеть связь индоиранских языков с классическими и современным языками, а главное – доказать происхождение народов из одной языковой семьи, используя лингвистические методы, которые, в свою очередь, также позволяют выявить ареал формирования наций по наречиям и языковым ветвям. В качестве примера, ссылаясь на исследования Шлейхера, он говорит о том, что славянский, литовский и немецкий языки ближе друг другу, чем остальные индоевропейские языки. Славянский и литовский языки, по его мнению, являются близнецами и составляют литво-славянскую группу, из которой позже выделились германцы. Также он отмечал, что славяно-литовцы последними расселились из Азии, поэтому дольше оставались под влиянием санскрита.

В.М. Флоринский, ссылаясь на Шлейхера, отмечал, что разделение славяно-германцев на славян и германцев началось с Северо-Восточной Азии (юго-западная часть Сибири и Сырдарьинская область), а после произошло разделение на славян и литовцев. По его мнению, это могло произойти еще в «доисторическое время». Этот факт

являлся для ученого особенно важным в отношении «сибирской археологии». Как он замечал, «историей языка (можно подтвердить. – *Авт.*) то, чего не доказывают немые археологические памятники» (Флоринский 1894: 13).

Очевидно, что чем больше язык одного народа взаимодействует с языком другого, тем больше заимствований получает. В.М. Флоринский отмечал, что славянский язык дольше всего не претерпевал таких изменений, и смысл слов, значений хорошо прослеживается по санскриту. В качестве примера он приводит слово «кровь». На санскрите кровь – «kravau», что означает «сырое мясо», на латинском – «сruog» и «саго», а в славянском – «кровь» (sangius), «чрево». Из санскритского «gudhira» («кровь» и «красный, кровавый»), писал В.М. Флоринский, образовались русские слова «руда» («кровь»), «рудный», «рыжий», «ruber». Название крови взято по цвету, как и название металлической руды (Флоринский 1894: 16).

Пути образования языковых групп и принципы разветвления индоевропейских языков ученый видел в том, что «по истечении веков язык настолько уклоняется от своего прародителя, что делается для других почти совсем непонятным» (Флоринский 1894: 17). К таким видоизменившимся до неузнаваемости языкам он относил и славянский язык. В то время как греки, латиняне, кельты и германцы жили в европейских странах, отмечает исследователь, славяне еще долго оставались в Азии, в соседстве с иранцами (древними персами). Персы дали славянам имена «турас» («подвижный», «кочующий») и «дасас» («бедняк», в противоположность обустроенному оседлому обществу). Греки, в свою очередь, называли их общим именем «скифы».

В.М. Флоринский отмечал, что при распаде Царства персов часть закаспийских кочевников арийского племени, переселившихся в южные районы России, получила имя «сарматы». Рассматривая связь азиатских скифов с европейскими, в качестве лингвистического обоснования Флоринский приводит названия одной и той же реки в Азии – Сырдарьи (как по-разному народы ее именовали – Раса, Танаис, Яксарт, Силис). Расшифровывая этимологию, ученый заметил, что слово «Раса» происходит от древнеиндийского «волна». Танаис – от слова «данус», что означает «песчаная отмель», а на санскрите звучит как «дану», т. е. «жидкость», «влага». «Дуни» же как существительное переводится на русский язык как «река», а как прилагательное – «бушующий». На основании этого ученый сделал следующее заключение: «Отсюда европейский Дон, Дунай (Данава, по-греч. «Танаис»), а может быть также Двина (вместо Дуна), Днепр и Днестр» (Флоринский 1894: 18). «Яксарт» состоит из двух слов: «сарт» (от древнеиндийского «сарат», т. е. «река») и ведического «яхва» («великий»), вместе Яксарт – Великая река. Изучая

античные труды, Флоринский нашел название «Silis», что на санскрите означает «сила», а в переводе на русский язык – «камень». Именно этим словом, Силис, по его мнению, называли европейские и азиатские скифы Сырдарью. Другой важнейшей рекой Средней Азии является Амударья, которая в древности имела только одно название – Окс (от греческого «Оксос»), что в переводе с древнеиндийского означает «поток» (Флоринский 1894: 18). Поэтому В.М. Флоринский, основываясь на переводах значений слов и античной литературе, делает вывод о том, что Окс и Яксарт (Амударья и Сырдарья) вливались не только в Аральское, но и в Каспийское море, образуя тем самым непрерывный водный путь. Это должно было дать оседлым ариям толчок к развитию мореплавания. «Следовательно, – рассуждал ученый, – арийские племена должны были направиться к Черному морю через Каспийское море» (Флоринский 1894: 18). Поэтому Кавказ и окрестности горы Арарат имеют такое важное значение в «еврейских и арийских бытописаниях (кн. Бытия IX, 27). Поколения Сима (семиты) были вытеснены отсюда потомками Яфета (арийцами), наплывавшими сюда больше и больше из закаспийских стран» (Флоринский 1894: 19).

В заключении теоретического раздела В.М. Флоринский пишет: «Мы сделали общий, предварительный, по возможности краткий очерк доисторического быта индоевропейских народов и в частности наших предков славян. Эти данные необходимо было положить в основание исследований о сибирских древностях, иначе всякое суждение о соприкосновении сибирской археологии с индоевропейскими народностями показалось бы неожиданным и странным» (Флоринский 1894: 27–28).

Таким образом, на основе археологического материала, найденного на территории Евразии, В.М. Флоринский систематизирует и обобщает в единую концепцию историю племен, живших на территории Сибири, с историей происхождения славян в целом. Используя методы историко-лингвистического анализа особенностей произношения и звучания отдельных слов в арийской языковой ветви индоевропейских языков, ученый приходит к выводу о прямом родстве славян с арийской расой, указывая на близость в происхождении славян, прибалтов и немцев.

Важно отметить, что сохранившиеся источники позволяют утверждать, что монография «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» была тепло встречена современниками В.М. Флоринского. Благодарственные письма за проделанную работу он получал от самых разных людей: от обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева (НМРТ: № 117959-670), министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолаева (НМРТ:

№ 117959-500), государственного секретаря (позднее министра внутренних дел) В.К. Плеве (НМРТ: № 117959-668), попечителя Оренбургского учебного округа И.Я. Ростовцева (НМРТ: № 117959-689), архиепископа Казанского Владимира (НМРТ: № 117959-446), председателя Семиреченского областного статистического комитета Г.И. Иванова (НМРТ: № 117959-514), епископа Иркутского Никанора (НМРТ: № 117959-634), заведующего Туркменистанской публичной библиотекой и музеем С. Лидского (НМРТ: № 117959-595), верненского военного врача Ф.В. Пояркова (НМРТ: № 117959-682).

Более того, сделанной Флоринским работой заинтересовался великий князь Константин Николаевич, который отправил ученому письмо с вопросами, возникшими у него в процессе прочтения монографии (НМРТ: № 117959-549).

Исследование выдержало ряд переизданий, последнее из которых датируется 2015 г. Интерес к этой работе как к истокам осмысления тематики возникновения и расселения славян не затухает до сих пор. Так, И.С. Глазунов в книге «Распятая Россия» писал: «Должен сказать, что его труды (и особенно книга «Первобытные славяне», которую я читаю и перечитываю) оказали самое глубокое воздействие на меня как на художника, вызвали к жизни лавину чувств и образов, что нашло потом свое отражение во многих моих картинах – раздумьях о судьбах Родины» (Глазунов 2008).

Таков краткий очерк теоретических воззрений В.М. Флоринского в вопросах о происхождении славян и славянского мира в целом. И эта статья – лишь скромный вклад в дело изучения фундаментальной работы «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни».

ЛИТЕРАТУРА

Глазунов 2008 - *Глазунов И.С.* Распятая Россия. М.: Голос-Пресс, 2008. Кн. 1. 46 с.

Жук 2015 - *Жук А.В.* Василий Маркович Флоринский, его место и значение в отечественной археологии // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2015. № 1 (5). С. 100–115.

НМРТ - Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ). Фонд В.М. Флоринского.

Флоринский 1874 - *Флоринский В.М.* Башкирия и башкиры: Путевые заметки // Вестник Европы. 1874. № 12.

Флоринский 1889 - *Флоринский В.М.* Общая заметка об археологическом значении Семиречья // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1889. Кн. I. С. 50–57.

Флоринский 1890 - *Флоринский В.М.* Двадцать три человеческих черепа Томского археологического музея // Труды Томского общества естествоиспытателей. Томск, 1890. Год 1. С. 46–76.

Флоринский 1894 - *Флоринский В.М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Ч. 1: Общая вступительная часть. Томск: Тип. П.И. Макушина, 1894. 390 с.

Флоринский 1896а - *Флоринский В.М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч. 2, вып. 1: Историко-географический очерк сибирских и туркестанских равнин. О каменных и костяных орудиях и о так называемом каменном веке. Томск: Тип. П.И. Макушина, 1896. 272 с.

Флоринский 1896б - *Флоринский В.М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч. 2, вып. 2: Предметы религиозного значения. Металлургия древних народов. Боевое оружие и доспехи. 1898. 571 с.

Эрлих 2013 - *Эрлих В.А.* Научная книга Сибири и Дальнего Востока в XVIII – начале XX века // Библиосфера. 2013. № 4. С. 20–23.

REFERENCES

Glazunov, I.S. (2008) *Raspyataya Rossiya* [The Crucified Russia]. Vol. 1. Moscow: Golos-Press.

Zhuk, A.V. (2015) *Vasiliy Markovich Florinskiy, ego mesto i znachenie v otechestvennoy arkheologii* [Vasiliy Markovich Florinsky, his position and significance in Russian archaeology]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki" - Herald of Omsk University. Historical Studies*. 1 (5). pp. 100-115.

National Museum of the Republic of Tatarstan. V.M. Florinskiy Fund.

Florinskiy, V.M. (1874) *Bashkiriya i bashkiry: Putevye zametki* [Bashkiria and the Bashkirs: A Travelogue]. *Vestnik Evropy*. 12.

Florinskiy, V.M. (1889) *Obshchaya zametka ob arkheologicheskom znachenii Semirech'ya* [A general note of Zhetisu (Semiryechye) archaeological significance]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. I. pp. 50-57.

Florinskiy, V.M. (1890) *Dvadsat' tri chelovecheskikh cherepa Tomskogo arkheologicheskogo muzeya* [Twenty-three human skulls in Tomsk Archaeological Museum]. *Proceedings of Tomsk Naturalists Society*. 1. pp. 46-76.

Florinskiy, V.M. (1894) *Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ikh doistoricheskoy zhizni. Opyt slavyanskoy arkheologii* [Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life. Slavic Archeology]. Vol. 1. Tomsk: P.I. Makushin.

Florinskiy, V.M. (1896a) *Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ikh doistoricheskoy zhizni. Opyt slavyanskoy arkheologii* [Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life. Slavic Archeology]. Vol. 2 (1). Tomsk: P.I. Makushin.

Florinskiy V.M. (1896b) *Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ikh doistoriches-*

koy zhizni. Opyt slavyanskoy arkheologii [Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life. Slavic Archeology]. Vol. 2 (2). Tomsk: P.I. Makushin.

Erlikh, V.A. (2013) Nauchnaya kniga Sibiri i Dal'nego Vostoka v XVIII – nachale XX veka [Scientific books in Siberia and the Far East in the 18th – early 20th centuries]. *Bibliosfera*. 4. pp. 20-23.

Меркулов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Merkulov Sergey - Tomsk State University (Russia).

E-mail: sermeral@yandex.ru

Дунбинский Илья Александрович – аспирант первого года обучения исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Dunbinskiy Ilya - Tomsk State University (Russia).

E-mail: dunbinskiy@mail.ru

УДК 32.019.51:911.37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/5

«КАРТИРОВАНИЕ» СЛАВЯНСКОГО МИРА КАК ВООБРАЖАЕМЫЙ КОНСТРУКТ

А.И. Щербинин¹, Н.Г. Щербинина²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: shai52@mail.ru

²E-mail: sapfir19@mail.ru

Авторское резюме

Статья продолжает исследование Славянского мира как политического конструкта. На этот раз объектом изучения становится образ славянства как основа картирования. Методологической базой статьи является субъективистская трактовка миров воображаемого, по Ж. Ле Гоффу и А. Шюцу, а позиция Б. Андерсона относительно карты как образца реального мира позволяет исследовать фантазийный Славянский мир в ярком сочинении начала XVII в. М. Орбини в качестве вполне реального идеологического конструкта. Обращается особое внимание на глаголизм как ключевой концепт работы Орбини, когда «Слава» становится связующим компонентом, на котором выстраиваются история и география Славянского мира.

Ключевые слова: Славянский мир, картирование, воображаемое, конструкт.

“CHARTING” SLAVDOM AS AN IMAGINARY CONSTRUCT

A.I. Shcherbinin¹, N.G. Shcherbinina²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: shai52@mail.ru

²E-mail: sapfir19@mail.ru

Abstract

This paper researches Slavdom as a political construct, where the image of Slavdom becomes the basis for charting. The research is based on the subjectivistic perception

of the imaginary realms, according to J. Le Goff and A. Schütz. B. Anderson's idea that the map is a sample of the real world allows researching the imaginary Slavdom in M. Orbini's work of the early 17th century as a quite real ideological construct. This paper emphasises glorialism as Orbini's key concept, where "Glory" becomes the binder for the history and geography of Slavdom.

Keywords: Slavdom, charting, imaginary, construct.

Мир воображаемого можно определить через категорию «представление». По мнению Ле Гоффа, воображаемый образ занимает важную часть «поля» представления. Вообще представление создается в результате абстрагирования «внешней реальности» в ментальный образ. Но воображаемый образ не получается в итоге простой репродукции действительности, а изначально относится к креативной и поэтической по природе образности (Ле Гофф 2001: 5–6). Тем самым сознание работает не только интеллектуально, но и творчески, создавая целые миры воображаемого. Потому мир воображаемого выступает как реальность сознания, как субъективная реальность. Конечно, мышление в таком случае происходит сугубо в символической форме, а общение осуществляется на языке символов. Очень часто мир воображения обретает форму мифа, тогда коммуницирование возможно лишь на специфическом языке мифа. Все вышесказанное относится и к политическим мирам воображаемого, политическим феноменам жизненного мира.

Если в латинской терминологии «воображаемое» обозначает то, чего нет, т. е. своего рода утопию вне пределов бытия, то арабская письменная культура полагает, что мир воображения существует, но по-особому (Корбен). То есть западная традиция делает акцент на интеллектуальных конструкциях, а восточная – на интуитивных.

По нашему мнению, миры воображаемого имеют иной онтологический статус, существуя в индивидуальной или коллективной когнитивной формах. И люди создают целые сферы такого знания, заполненные особыми конструктами, которые невозможно проверить с помощью опыта. Конечно, политика всегда расширяла и расширяет свое бытие за счет миров воображения. Люди просто верят в существование политических фантазий, и фантазирование касается как прошлого, которое становится эталоном, так и будущего, которое кажется уже наступившим. Тем самым установка на воображение часто рассматривается в контексте идеализма, опять же того, чего нет «на самом деле». Объективистская же критическая научная позиция идет дальше и квалифицирует миры политического воображения как обладающие признаками лживости: политическая идеология предстает как «ложное сознание»; политическая пропаганда – как

откровенная и неприкрытая ложь; группа миров политических фантазий в целом – как бессмысленное нагромождение вымыслов. Словом, фантазии противопоставляются «реальности». Но этот подход «извне» не учитывает природу человека, который от древности и до сего дня создает фантастические миры и придает им значение, делающее их не только реальными, но и правдивыми. Даже тоталитарная советская пропаганда имела свою «правду», выраженную, к примеру, в реальности плакатной коммуникации (Вашик, Бабурина 2004: 167). Плакатный универсум на самом деле был полон политических символов, которые имели выраженный смысл, понимаемый в контексте идеологической картины мира и одновременно героической мифологической политической реальности. Данная реальность представлялась более справедливым миром, потому что идеал в коллективных фантазиях уже претворялся в жизнь. То есть мир идеалов оживал и существовал наряду с другими мирами, уступающими ему в справедливости.

Развернутое понятие такого рода когнитивным феноменам дал А. Шюц в работе «О множественных реальностях». Согласно толкованию Шюца, человек не только живет в повседневном мире, но и создает целую группу замкнутых внутри себя миров значений, имеющих субъективное происхождение. Все субъективные миры (феномены жизненного мира) реальны для человека потому, что он сам наделяет их статусом реальности. Речь идет о так называемом субъективном смысле, зависимом от интерпретаций человека, живущего интенциональной жизнью. С точки зрения другой смысловой рамки, данный в восприятии мир обесмысливается. Вот почему смысловые миры открыты лишь для внутренней коммуникации и закрыты для коммуникации внешней, потому каждый мир и представляет собой конечную область значений. Более того, все смысловые аспекты согласованы, по мнению Шюца, в контексте «когнитивного стиля» (Шюц 2004: 424–427). Среди субъективных миров Шюцем выделяется группа родственных между собой миров фантазий, когда характеристика реальности переносится человеком или коллективом на квазиреальные фантазмы. Но особый характер такого рода реальности, далекий от повседневности, не делает ее менее значимой.

Для данной группы миров характерно фантазирующее Я, которое и творит воображаемые образы. Воображение может быть и проективным, касаясь не сугубо рационального жизненного плана, созданного с намерением его реализации. Мир фантазий, напротив, нацелен на моделирование некой абсолютной реальности. Вообще человек или группа людей могут вообразить практически все, что пожелают, т. е. содержание фантазий зависит от фантазирующего. В фантазиях субъект выходит из сферы объективного времени и может

вообразить различные события по своему усмотрению. Конечно, можно вообразить и любую роль, которую будет разыгрывать субъект, а также необходимое ему сотрудничество или коммуникацию (Шюц 2004: 428–434). В целом А. Шюц делает вывод, что фантазии являются «пустыми» конструкциями и квазипереживаниями субъективных реальностей, т. е. не могут быть преобразованы в повседневную жизнь. Однако несовместимость повседневности и символического фантазийного мира легко преодолима в политическом мире, который является феноменом мира жизненного, связанным с повседневностью как раз символически. Политическая реальность интегрирует в себя фантазии вообще и фантазийные проекты и вообразяемые образы в частности. Это значит, что фантазии (лидера или провидца) могут выходить в эту самую политическую реальность. Политическая реальность, конституированная на фантазиях, может управлять и повседневным миром, пример чему подавала советская действительность в частности или революционная ситуация вообще.

Рассмотренная нами исследовательская позиция Ж. Ле Гоффа и А. Шюца может быть отнесена к субъективистской трактовке миров вообразяемого. Здесь воображение предстает как некая творческая способность мышления, и особый упор делается на креативность сознания. Политический мир в результате представляет собой конструкцию сознания. Другой, объективистский акцент при характеристике воображения демонстрируют Б. Андерсон и Э. Дюркгейм. Согласно Андерсону, нация как вообразяемое сообщество объединена псевдорелигией, которой и является национализм (Андерсон 2001). Откуда же берется власть религии как еще одного вообразяемого измерения мира, который объединяет людей? Дюркгейм выделяет основания такого единства: «Это авторитет самого общества, передающийся известным способам мышления, которые являются как бы непрменными условиями всякой совместной деятельности... Это особая разновидность нравственной необходимости, которая для интеллектуальной жизни есть то же, что нравственный долг для воли» (Дюркгейм).

Итак, основы вообразяемого сообщества лежат в изначальных моральных потребностях, с этим согласны и Дюркгейм, и Андерсон. Для оформления такого рода потребности, по мнению Дюркгейма, человек издавна создавал мир веры, которую подкреплял ритуальными действиями. Собственно, современная «националистическая вера» несет в себе изначальную потребность в общих ценностях, как и вера вообще. Тот есть любая вера имеет объективные корни, а не зависит от воли творца мира вообразяемого.

Для нашей научной позиции теоретической основой выступает первый субъективистский подход к воображаемому. С точки зрения данного подхода, мир воображения принципиально сконструирован, его происхождение и конституция зависят от субъекта фантазирования. Это значит, что «фактами» (понимаемыми субъективно и не подверженными верификации), элементами его содержания как нарратива выступают конструкты политического сознания, находящегося в креативной установке. Но это взгляд, так сказать, со стороны того, кто изучает данные миры. С точки же зрения творца мира фантазий (субъекта конституирования смыслоносущей коммуникации), данный мир не носит произвольного и спонтанного характера. Напротив, он обладает особой ценностной основой, в качестве которой выступает потребность иметь данный мир цельным. То есть мир политических фантазий предстает для фантазирующего субъекта реальным и неизменным. К такого рода мирам относится и Славянский мир, возобновляющийся и обновляющийся в фантазиях некоторых авторов различных эпох. Вот почему содержание их нарративов, с одной стороны, возвращается в прошлое, а с другой – актуализируется в различные исторические эпохи, чтобы подтвердить наличие основных ценностей. Для них Славянский мир онтологичен, т. е. он имеет свое особое бытие, и потому этот мир постоянно «возвращается» к нам, если использовать метафору М. Элиаде о «вечном возвращении».

С нашей же точки зрения, конструкция Славянского мира выступает особым политическим макрокосмом (подмена микрокосма на макрокосм происходит в акте репрезентации), где «реальное» представляет ментальное. «При всем многообразии трактовок слова «ментальность» ближе всего, вероятно, к глобальному видению сути явления будет дефиниция «мирочувствие» (А.Ф. Лосев) или «мировидение» (А.Я. Гуревич)» (Щербинин, Щербинина 1996: 6). Уже сами эти определения ментального подчеркивают его конструктивистский потенциал, определяющий в данном случае особый взгляд на мир славянства.

«Картирование» в нашем случае – это своеобразная визуальная форма, имеющая видимость картинки или словесное описание в виде карты, содержащая в себе особую ментальную схему. Ментальная карта в данном случае репрезентирует креативный ментальный образ, который не относится к моделированию объективного мира. Ментальная карта мира воображения является и путеводителем по одному из феноменов мира политики. Дело в том, что мир политики по своей природе относится более к символической реальности, которая имеет или должна иметь референции в объективном мире политических институтов. Но существуют и «анклавные» политические

миры воображаемого, как мы уже писали, полностью зависящие от воли своего творца. Подобные миры можно объективировать только в символических продуктах, такими символическими продуктами и выступают картографические описания. «Картирование» любого мира имеет непосредственное отношение к миру воображаемого. Здесь можно сослаться на характеристику Д. Вуда. Карта, по Вуду, всегда показывает реальность, которую можно постичь только с помощью карты. К такой реальности относится невидимое простым глазом или недостижимое в настоящем (Орлова 2009: 81). То есть карта создает именно «картированную реальность», а картирование, в свою очередь, представляет собой один из способов конструирования исследуемой нами реальности под названием Славянский мир.

В таком случае символическим языком Славянского мира выступает картографический дискурс. А продуцируемое знание о Славянском мире обретает некую «картографическую рамку», т. е. помещается в географические пределы, выбранные автором конструкта. Данные знания (зафиксированная в письменном источнике авторская память) имеют особую конституцию, выражающую некий смысловой порядок Славянского мира, как его понимает автор. Потому Славянский мир является «текстом», который не имеет отношения к «строгой» науке, он построен на легендарных моделях и мифологических образцах. Данный прочитанный текст, как любое произведение такого рода, создает ментальный образ Славянского мира. Ментальный образный конструкт претендует на структуру стереотипа, простого и эмоционально окрашенного образа. Ядро образа, рассчитанное на эмоциональный отклик и потому закрепленное в памяти, составляет манифестируемая «славянская ценность» – слава, квинтэссенция Славянского мира.

Вспользуемся текстом первого перевода книги на русский язык 1722 г., сделанного сербом Савой Владиславичем, чтобы показать степень «концентрации» глорализма: «Никакоже удивительно есть, что слава народа славянского ныне не так ясна, как оной довлело расславиться по Вселенной» (Орбини 2015: 4). Окаймления образуют яркие и положительные характеристики славянских народов, описание и перечень которых будут даны в конкретной части статьи. Согласно мифологической традиции создания нарратива, Славянский мир имеет и своих легендарных предков и героев, что делает его равноправным текстом среди других посланий о сущности народов. Карта же расселения и походов славян придает героям образ предков всей европейской цивилизации. Тем самым главными героями текста становятся славяне, это уже мифологизация народа. Распространенная метафора «карты памяти», или «ментальной

карты» в нашем конструктивистском исследовании приобретает совершенно другое значение – не исторической реконструкции, но политической деконструкции. В конкретных письменных нарративах в пространство политической коммуникации выносятся смыслоносущий образ славных предков любого современного славянского мира. И, наконец, очень интересен, на наш взгляд, прием «визуализации» (а карта всегда создает визуальное представление), что создает наглядный образ политического послания.

Обратим внимание на то, что первоначально карты конструировались по рассказам и книгам, где та или иная страна, племя или народ на первых порах обретали образ, наделялись характеристиками, привязывались к месту (и времени) и только затем, иногда спустя века, помещались на *Mappae mundi*. В этом плане не теряет актуальности исследование античных карт с обстоятельным изложением источников по их формированию, проведенное в конце XIX в. немецким исследователем Конрадом Миллером (Miller 1898). Поэтому *воображаемое* изначально предшествовало и долгие годы сопутствовало картированию. Обращаясь к «картографическому» аспекту воображаемых сообществ, который рассматривает Б. Андерсон, мы можем выделить следующие моменты, значимые для нашего исследования:

– индустриальное (индустриализирующееся) общество навязывает свои стандарты, в числе которых «горизонтальное» (от себя добавим – политическое) видение мира, вытесняющее «вертикальное», космическое, веками соединявшее в единой его картине мифическое и повседневное;

– «картографический дискурс» становится в первую очередь политическим, не менее важным, чем «печатный капитализм» медиа, если воспользоваться терминологией того же Андерсона;

– при этом «горизонтальный» мир, пришедший на смену космической картине, не исключает соединения в нем видимых и невидимых (воображаемых) сообществ;

– сама же карта рассматривается Андерсоном не как на модель реального мира, а скорее как образец.

На наш взгляд, картографическая практика модерна не только «упаковала» мир в координатную сетку, но, что более важно, раскрасила его в национальные (в данном случае производное от нации-государства) цвета, тем самым навязав единственно «верное» прочтение важнейшего политического символа, существующего на пересечении осей «здесь» и «теперь». Динамика политического пространства могла оставаться только в воображении, даже на «исторических картах», призванных рассказывать о прошлом, реконструировалась история наций (династий или режимов) победителей.

Естественно, что подобный образец миропорядка постоянно подвергается критике словом и символом, а нередко и действиями со стороны суверенных держав по поводу так называемых спорных территорий. Что же касается картографически дискриминируемых этносов, то их мир воображаемого символически и структурно более объемён, доходя до архаического космизма.

В подтверждение этой мысли мы и обращаемся к одному из такого рода конструктов. В начале XVII в. в Италии вышло «Славянское царство» Мавро Орбини – человека увлеченного, не только использовавшего максимально доступное количество источников по славянской тематике, но и применявшего методы хронологической последовательности в реконструкции славянских династий и даже сравнительной лингвистики (при доказательстве происхождения славян от вандалов). В нашем случае более существенной является его попытка не просто показать географию происхождения, компактного расселения, сражений славянских племен в Евразии, но и сформировать совокупный образ славянства, его укорененность в европейской истории на правах одного из важнейших компонентов этногенеза. Мотивация автора очевидна. В самом начале «Славянского царства» он пишет: «Следуя чувству долга, который испытываю к своему славянскому племени... собрал вместе разрозненные упоминания о нем у различных авторов, дабы всякий мог легко убедиться в том, каким славным и знаменитым всегда было это племя» (Орбини 2010: 16). Вслед за задачей Орбини достаточно скоро после начала своей книги сформулировал методы: «Мне, взявшемуся дать краткое описание происхождения и свершений славянского племени, придется полагаться в таком малоизвестном деле в большей степени на мнение других, чем на свое собственное, поскольку, как я полагаю, нелегко будет мне, человеку простому и неученому, открыть то, что осталось скрыто от самых пытливых исследователей истины» (Орбини 2010: 32–33). Итак, задача заключалась в том, чтобы собрать максимальное количество упоминаний о славянах и на этой основе определить их роль в истории Европы и мира.

Подобно многим христианским авторам он, в частности, за Августином Блаженным не просто определяет славянское племя как потомков библейского Иафета, но создает судьбоносный образ славянства, переведя, во-первых, имя Иафет как «расширение», а во-вторых, соотнося завет Ноя сыну Иафету «властвуй и защищай как царь, и занимайся военным ремеслом как воин» фактически с совокупным именем «славяне». По Орбини, они еще во время своего жительства в Сарматии взяли себе это особое имя «славяне», что значит «славные» (Орбини 2010: 36). В работе «Славянский мир как

политический конструкт» нами отмечалось, что «Славянский мир» генетически и феноменально конструируется в языке и как язык коммуникации. И данная коммуникация может в некоторые периоды приобретать политический характер. Дело в том, что семиотический политический опыт включает в себя и опыт переживания славянской общности. Здесь "опыт" понимается феноменологически, и речь идет именно о содержаниях сознания, феноменах. Другими словами, мир славян сконструирован лишь в языке и содержит факты-конструкты, не поддающиеся верификации. Это иллюзорный мир, фантазм, иная реальность. Но от этого данный мир не менее реален» (Щербинин, Щербинина 2015: 42).

Орбини принимает во внимание и концепт «слово» - как в его коммуникативной трактовке общего для славян языка, так и в характерной их черте «держат слово», что придает морально-ценностный аспект характеристике славян. И все же главной характеристикой этнонима является ценностно-смысловая: «исполненное гордости от столь частых триумфов над врагами, чему свидетельством является огромное число завоеванных царств и стран, это предоблестное племя присвоило себе имя славы... Это признают многие авторитетные авторы... что славяне получили свое имя от "Славы", в которой хотели превзойти все другие народы» (Орбини 2010: 115–116).

Отметим, что автор не ставил своей задачей найти исходный корень «славы» в «слове», но этимологические изыскания М. Орбини в известной степени делают цельным его произведение. К примеру, мы можем соотнести исходную трактовку имени Иафет как «расширение» с его описанием русских, или московитов. Выводя их историю от роксоланов, он писал: «"Русские" (Russi), то есть "рассеянные", поскольку по-русски, или по-славянски, "Россея" (Rosseia) означает не что иное, как "рассеяние". И не без причины они были названы русскими, или рассеянными: славяне, заняв всю Европейскую и часть Азиатской Сарматии, распространили, или рассеяли, свои колонии от Ледовитого океана до Средиземного моря и Адриатического залива, от Большого моря до Балтийского океана... Греки (по свидетельству Прокопия Кесарийского) называли их спорами, то есть "рассеянным народом". Они всегда жили в Европейской Сарматии, где и по сей день живут, значительно распространив силой оружия свое господство» (Орбини 2010: 109).

Землей, из которой вышли славяне, по Орбини, была Скандинавия, названная им вслед за Иорданом «чревом племен». Действительно, Иордан при характеристике «Скандзы» сначала использовал метафору «мастерской, производящей племена», но сразу уточнил свою механическую метафору, употребив понятие «утроба, порождающая

племена». «Скандинавская версия» вполне устраивала Орбини, поскольку по причине перенаселенности блаженной Скандинавии «потомки Иафета» двинулись на юг, покорив Европейскую Сарматия, занимавшую территорию от Меотидского озера (Азовское море) и Тана (Танаис / Азов) на востоке, реки Вислы на западе, Сарматского океана (Балтийское море) на севере и Карпатских гор на юге.

Автора не смущает известное различие славян и готов, он считает их одним племенем. И дальнейшие метаморфозы предсказать нетрудно. Славяне разделились на многие колена. Вот максимально полный перечень у Орбини, ссылающегося на Яна Дубравия, который в «Истории Богемии» писал: «Звались они венеда, славяне, анты, верлы, или герулы, аланы, или массагеты, гирры, скирры, сирбы, эминхлены, даки, шведы, фены, или финны, пруссы, вандалы, бургундионы, готы, остроготы, визиготы, геты, гепиды, маркоманы, квады, авары, певкины, бастарны, роксоланы, или русские и московиты, поляки, чехи, силезцы и болгары. Все эти народы были одного славянского племени, которое и сегодня (здесь Орбини ссылается на Давида Хитреуса, Павла Иовия, Георга Вернера и Лаврентия Сурия) больше всех остальных, поскольку славянами по племени и языку являются не только те, кто живет в Далмации, Иллирии, Истрии и Карпатах, но и многие другие величайшие и могущественнейшие народы: болгары, расы, или рашане, сербы, боснийцы, хорваты, пятигорцы, то есть живущие у пяти гор, русские, подолии, полины, московиты и черкасссы, а также поморяне и те, кто живет у Венедского залива вплоть до реки Эльбы, остатки которых и сегодня германцы называют славянами, или вендами, или виндами; и, наконец, это лужичане, кашубы, моравы, поляки, литовцы, силезцы и чехи. Короче говоря, славянский язык слышен от Каспийского моря до Саксонии, от Адриатического моря до Германского, и во всех этих пределах живет славянское племя» (Орбини 2010: 34).

Итак, пространное цитирование показывает нам, что, по Орбини, ареал обитания славян на начало написания «Славянского царства» охватывает не только Восточную Европу, но и часть Западной. Что касается неславянских племен, включенных в этот список, то это мало смущает автора книги – в принципе он следовал сохранявшейся долгие столетия античной традиции сведения «модификаций» к известным на тот момент основаниям. Более того, список этот, как показывает труд Орбини, далеко не полный. Однако наша задача вовсе не заключается в верификации этнонимов на предмет отношения к славянству, а лишь в том, чтобы показать, как формировался образ Славянского мира, реконструируемого в том числе и за счет фантазии – не важно, собственной или заимствованной.

В качестве главных черт обитателей Сарматии, вслед за их перечислением, автор называет отвагу, воинственность и уже этимологически и лингвистически обоснованную М. Орбини вечную жажду славы. А это значит, что пределы Славянского царства со всей очевидностью будут тесными его народам. Поэтому образ Славянского мира географически был бы неполным без походов, битв, захваченных территорий. Не имея возможности в деталях показать все подробности, по Орбини, попытаемся наметить пределы, которые географически показывают «славянский след» на Евразийском континенте. В силу того, что источники, которыми пользовался автор, воспринимают и подают фантазийный компонент как равноправный источник реальности, то и славяне могли появиться в качестве самого экзотического компонента различных «национальных» историй. К примеру, славяне, «снарядив мощный флот в Венедском море, напали на Англию и, будучи высокого роста, были сочтены за великанов... Все историки, писавшие об истории Британии, сходились во мнении о том, что Брут, назвавший Британию, прежде именовавшуюся Альбионом, по собственному имени, изгнал с этого острова великанов, именовавшихся славянами» (Орбини 2010: 37). Изгнанники на кораблях приплыли в устье Мааса и там основали мощную крепость Славенбург (Орбини 2010: 37).

Обратим внимание на то, что Орбини, вслед за некоторыми предшественниками, привязывает процесс расселения славян к бывшей в ходу традиции облагораживания варварских государств за счет дописывания античных легендарных историй. В этом плане в большем ходу была «троянская» тематика, когда спасшиеся после падения великого города самым чудесным образом оказывались далеко за пределами «гомеровского мира». Энею приписывалось основание Рима, троянцы, по легенде, доплыли до берегов Галлии, а упомянутого выше «британского Брута» считали внуком Энея. Таким образом, ветхозаветная история сынов Ноя и ветви Иафета, в частности, подкреплялась параллельной мифологией. И хотя славяне – тогда еще бесписьменный народ – не получили своей доли античной мифологии за счет собственного героя (это придет позже, с аскрипцией Ахилла и мирмидонцев к славянскому миру), они оказались встроенными в эту мифологическую картину основания европейского мира.

Здесь возникает вопрос: так ли уж нуждаются мифологические истории в верификации, или, напротив, они необходимы, чтобы вернуть «горизонтальному» миру его космический характер (Андерсон 2001)? Скорее всего, второе. Без сакрального начала, без фантазий и загадок географические образы превратятся в функциональные знаки карты. Напротив, креационные мифы собирают воедино бо-

жественное и земное начала. В той же истории основания Британии легендарный Брут – четвертое колено потомков Афродиты. Город, который ему предстоит основать, станет новой Троей – Troia nova, Trinovantum – предшественником Лондона. Если вспомнить изгнание великанов-славян, то именно тогда троянцам пришлось сразиться с великаном Гремаготом, впоследствии ставшим в образном сознании британцев ветхозаветными близнецами Гогом и Магогом. Питер Акرويد, касаясь этой легенды, датирует время окончания скитаний потомков троянцев 1 100 г. до н. э. и соотносит его с археологическими памятниками бронзового века – периодом поселения в этих местах новых племен, строивших большие укрепления, ведших героическую жизнь, полную сражений и пиров (Акرويد 2005: 38–39).

Таким образом, сознание не терпит недостроенности картины мира, создавая из наличных знаний и фантазий его заверченный образ (Щербинин, Щербинина 1996: 6). Орбини не слишком акцентирует внимание читателя на британском аспекте, он круто разворачивает повествование на юго-восток и уже детально рассматривает еще одну легендарную историю о том, как славяне, оставшиеся в Сарматии, успешно воевали с Александром Великим (Орбини 2010: 38–39).

Итак, самый дальний северо-западный (Британия) и самый дальний юго-восточный (Сарматия) пределы Славянского мира символически помечены знаковыми фигурами легендарного Брута и Александра Македонского. И с тем, и с другим славяне достойно сражались. Северо-восток, как уже отмечалось нами ранее, это легендарное обиталище славян на Новой Земле и вполне реальная Югра. Остается определить крайнюю юго-западную точку. И здесь начинаются проблемы, поскольку без вымысла автору обойтись не удалось. Имея целью показать «славу славян», Орбини не просто синтезировал высказывания своих предшественников, но и сознательно акцентировал внимание на том, что славяне являются наследниками готов, вандалов, аваров и прочих народов, волнами прокатившихся по Европе. Когда более-менее установленный ареал расселения славян подправляется такого рода обобщениями, карта Славянского мира обретает еще более фантастический вид: «Ни один из народов Германии не был так велик, как вандалы, которые в Азии, Африке и Европе распространили свои колонии на огромном пространстве. В Европе они обосновались на всем протяжении от севера до юга, от Германского моря до Средиземного. Поэтому московиты, русские, поляки, чехи (Voemi), черкасы, далматы, истрийцы, боснийцы, хорваты, болгары, рашане (Rassiani) и многие другие народы, хотя и различаются по своим особым названиям, тем не менее являются вандалами» (Орбини 2010: 119).

В подтверждение своей версии Орбини приводит даже сравнительный вандальско-славянско-русский словарь. Итак, крайняя юго-западная точка Славянского мира выглядит следующим образом: вандалы, сначала вторгнувшись в земли франков, под ударами везиготов «спустились с Пиренеев в Испанию и, овладев ею, по имени своего племени назвали ее Вандалузией, или, без первой буквы, Андалузией... Затем, приглашенные в Африку за огромное вознаграждение, они пересекли Гибралтарский пролив». Руководимые королем Гейзерихом, они захватили Карфаген. Подчеркивая символическое значение данного факта, Орбини пишет: «До той поры в течение 535 лет он был под властью римлян, а теперь перешел под власть славян» (Орбини 2010: 147). Чтобы была понятна замкнутость Славянского мира, сошлемся на дальнейший путь Гейзериха, по Орбини: захват Сицилии, Сардинии, Корсики, затем поход в Британию и Шотландию. Отдельным направлением и местом на карте Европы было бургундское, бургундов Орбини также рассматривает как вандалов, называя Вислу рекою Вандал. Опуская описание расселения готов (по Орбини, также славян) как типичное, сошлемся на его сентенцию: «Вот и выходит, что итальянцы, всегда называвшие готов и другие славянские народы варварами, сами являются не чем иным, как остатками варваров, то есть готов, вандалов, верлов и других славян» (Орбини 2010: 144).

Особенностью мира воображаемого, как показывает текст «Славянского царства», является не только «искривление» пространства за счет авторского смешения племенных напластований, но и времени. Приравнивая скифов к готам, а когда потребовалось, и готов к гетам, Орбини пишет: «Те же готы, что двинулись на запад, разорив Грецию, переместились в Азию и пришли на помощь троянцам. Царями их, как пишет Дион Грек, были Еврипил и Телеф, убивший Ферсандра (Casandra) и лишенный доспехов Ахиллом. Позднее, при Августе Цезаре, весьма прославился царь гетов Беробиста (Verobista)» (Орбини 2010: 139). Орбини не смущает непосредственное соседство двух отдаленных эпох, история автору нужна для знаковых имен и символических событий, чтобы показать судьбоносность славян (точнее, тех, кого он выводил под их именем) в мировой истории. Так, поражение Рима от остготов он подытоживает следующим образом: «За два года Рим лишился двенадцати императоров, большая часть которых погибла насильственной смертью, причем ни один другой народ не нанес ему больший урон, чем славяне. После падения Римской империи в Италии они стали первым из иноземных народов, кто овладел ей, забрав себе всю римскую славу. Если Кир прославился покорением халдеев, а Александр Великий – подчинением себе Персидского царства; если римлян столь превозносили за уничтожение греческой

монархии – тем большего восхваления и славы заслуживают славяне за то, что положили конец римской гордости» (Орбини 2010: 140).

В горизонтальном мире модерна все бы ограничилось передвижением границ и перекраской на карте захваченных территорий, в то время как для географического фантазийного универсума логично, что в мире войн победитель забирает славу побежденного: вандалы – славу Карфагена, готы (и вандалы) – Рима. Они становятся вровень и даже превосходят своих великих предшественников, перекроивших мир. Это не простая констатация того, например, что несколько раз готы «овладевали Испанией, три или четыре раза захватывали Галлию, два раза Паннонию, три – Мезию, семь раз – Фракию и, наконец, завладели всем Востоком... удавалось ли это когда-либо Александру Великому, Киру или же Ганнибалу?» (Орбини 2010: 144). К этому же разряду относятся противостояние с Венецианской республикой, длившееся 170 лет, когда Венеция платила дань славянам; успешные сражения с Карлом Великим, его сыном и внуком, императорами Священной Римской империи германской нации; императорами Византии и т. п. Слава не может быть мелкой или локальной – разбитые войсками славян противники исчисляются даже не тысячами, а десятками тысяч.

Таким образом, если воспользоваться метафорой синтаксиса, обстоятельства места и времени в географическом дискурсе Орбини являлись «второстепенными членами». Главным членом на протяжении всего произведения, как и было продекларировано автором, оставалась «Слава». Причем именно «Слава» с заглавной буквы. Глориализм «Славянского царства» конструировал на просторах Европы, современной Орбини, и сопредельных ей частей света динамический мир триумфального шествия славян, показывая право их потомков на исторически оправданное место в истории мировой цивилизации. Не случайно экземпляр книги, подаренный сербским дипломатом Петру Великому, пришелся ко двору в буквальном и переносном смысле. России было недостаточно статуса ученика Европы, нужны были и другие, политические «якоря», за которые новое государство могло бы зацепиться в семье европейских народов. Примечательно, что книга была переведена на русский язык и напечатана с предисловием Феофана Прокоповича – одного из ведущих идеологов петровской империи. Воображаемые миры являются непреложными спутниками идеологий, конструкты прошлого и грядущего, открытие потаенных источников и реконструируемых событий – непреложный ресурс политики во все времена. Поэтому обращение к такому яркому произведению в истории изучения славянского мира, каким является труд М. Орбини, не утрачивает своей актуальности и сегодня,

когда «славянский вопрос» напрямую или как компонент продолжает оставаться в центре внутри- и межгосударственных отношений, и, что более важно, когда Европа, Азия и Африка вновь стали ареной далеко не мирного перемещения народов. Что касается «славы», то адресации к ней как базовому концепту продолжают всерьез беспокоить участников мирового политического процесса. Достаточно обратиться к речи президента США на 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2016 г. Уходящий со своего поста Барак Обама рисует свою картину/карту мира, место в нем США и их отношение к актуальным процессам и ключевым игрокам. В связи с Россией и в контексте проблем, которые предстоит решить мировому сообществу, он заявил, что эпоха империй в мире закончилась, но Россия пытается вернуть былую славу силой (*Address by President Obama*). Так фактически резюмирует свои предшествующие антироссийские заявления в данной речи американский президент, создавая впечатление, что на карте мира есть империя, пытающаяся вернуть былую славу. В нашем случае более важно то, что слава по-прежнему остается инструментом ценностно-смыслового конструирования карты мира, соответственно, нуждается в исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

Акройд 2005 - *Акройд П.* Лондон. Биография. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2005. 896 с.

Андерсон 2001 - *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

Вашик, Бабурина 2004 - *Вашик К., Бабурина Н.* Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 415 с.

Дюркгейм - *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/460701> (дата обращения: 23.10.2016).

Корбен - *Корбен А.* Мир Воображения. URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/mir-voobrazheniya> (дата обращения: 21.06.2016).

Ле Гофф 2001 - *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 440 с.

Орбини 2010 - *Орбини М.* Славянское царство. 2-е изд. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 576 с.

Орбини 2015 - *Орбини М.* Царство славян. Факты великой истории. М.: Вече, 2015. 384 с.

Орлова 2009 - *Орлова Г.* «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Визуальная антропология: режимы видимости

при социализме. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 57–104.

Шюц 2004 - *Шюц А.* О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 401–455.

Щербинин, Щербинина 1996 - *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Политический мир России. Томск: Водолей, 1996. 256 с.

Щербинин, Щербинина 2015 - *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Славянский мир как политический конструкт // Русин. 2015. № 4 (42). С. 37–52.

Miller 1898 - *Miller K.* Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten. VI. Rekonstruierte Karten. Stuttgart: Jos. Roth'sche Verlagshandlung, 1898. 154 s.

Address by President Obama - Address by President Obama to the 71st Session of the United Nations General Assembly. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/09/20/address-president-obama-71st-session-uni-ted-nations-general-assembly> (дата обращения: 25.09.2016).

REFERENCES

Akroyd, P. (2005) *London. Biografiya* [London. The Biography]. Translated from English by V. Babkov, L. Motylev. Moscow: Ol'ga Morozova.

Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Translated from English by V. Nikolaev, S. Bankovskaya. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole.

Vashik, K. & Baburina, N. (2004) *Real'nost' utopii. Iskusstvo russkogo plakata XX veka* [Reality of Utopia. Russian poster art of the 20th century]. Moscow: Progress-Traditsiya.

Durkheim, E. (1998) *Elementarnye formy religioznoy zhizni. Totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of Religious Life. The Totemic System in Australia]. Translated from French by A.B. Gofman. [Online] Available from: <http://www.studfiles.ru/preview/460701> (Accessed: 23rd October 2016).

Corbin, A. (2013) *Mir Voobrazheniya* [The World of Imagination]. Translated from French by A. Arapov, A. Dontsova. [Online] Available from: <http://www.delphis.ru/journal/article/mir-voobrazheniya> (Accessed: 21st June 2016).

Le Goff, J. (2001) *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo* [The Medieval Imagination]. Translated from French by E. Morozova. Moscow: Progress.

Orbini, M. (2010) *Slavyanskoe tsarstvo* [The Realm of the Slavs]. Translated from Italian by Yu. Kupikov. 2nd ed. Moscow: OLMA Media Grupp.

Orbini, M. (2015) *Tsarstvo slavyan. Fakty velikoy istorii* [The Realm of the Slavs. Facts of the Great History]. Translated from Italian by N. Muraviev. Moscow: Veche.

Orlova, G. (2009) “Karty dlya slepykh”: politika i politizatsiya zreniya v stal'inskuyu epokhu [“Maps for the Blind”: Politics and Politicisation of the Stalin Era]. In: Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, R. (eds) *Vizual'naya antropologiya*:

rezhimy vidimosti pri sotsializme [Visual Anthropology: Regimes of Visibility under Socialism]. Moscow: Variant, TsSPGI. pp. 57-104.

Schutz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works. The World Glowing with The Sense]. Translated from German by V. Nikolaev, S. Romashko. Moscow: ROSSPEN. pp. 401-455.

Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (1996) *Politicheskiy mir Rossii* [The political world of Russia]. Tomsk: Vodoley.

Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015) The Slavic world as a political construct. *Rusin*. 4 (42). pp. 37-52 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/4

Miller, K. (1898) *Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten. VI. Rekonstruierte Karten* [Mappae mundi. The oldest world maps. VI. Reconstructed maps]. Stuttgart: Jos. Roth'sche Verlagshandlung.

Obama, B. (2016) *Address by President Obama to the 71st Session of the United Nations General Assembly*. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/09/20/address-president-obama-71st-session-uni-ted-nations-general-assembly> (Accessed: 25th September 2016).

Щербинин Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinin Aleksey - Tomsk State University (Russia).

E-mail: shai52@mail.ru

Щербинина Нина Гарьевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinina Nina - Tomsk State University (Russia).

E-mail: sapfir.19@mail.ru

УДК 94(47).03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/6

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ РУСЬ: МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ, МОНГОЛАМИ И РИМОМ (ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

И.Я. Фроянов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: i.froyanov@spbu.ru

Авторское резюме

Анализируются результаты новейших исследований российских и зарубежных авторов в области изучения истории внешней политики Галицко-Волынской Руси. В частности, дается оценка вновь установленным фактам и выявленным обстоятельствам заключения военно-политического и династического союза галицко-волынского князя Романа Мстиславича и византийского императора Алексея III Ангела, отношений Даниила Галицкого с германским императором Фридрихом II и австрийским герцогом Фридрихом Воинственным, роли Никейской империи и экуменических процессов середины XIII в. во взаимоотношениях русских князей с Апостольским престолом. Оцениваются результаты новейших исследований, посвященных истории монгольского нашествия на Юго-Западную Русь, в частности роль местных князей во взаимоотношениях с агрессорами, некоторые эпизоды завоевания городов Берестья, Владимира-Волынского и Галича, уровень развития источниковедческой критики и текстологических приемов изучения русских летописей.

Ключевые слова: Галицко-Волынская Русь, Византия, Никейская империя, Австрийское герцогство, Апостольский престол, монгольское нашествие.

GALICIAN-VOLHYNIAN RUS: BETWEEN BYZANTIUM, THE MONGOLS AND ROME (ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES OF MODERN HISTORIOGRAPHY)

I.Ya. Froyanov

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: i.froyanov@spbu.ru

Abstract

The article analyses the recent studies of Russian and foreign authors in the history of the foreign policy of Galician-Volhynian Rus. In particular, the author provides an assessment of the newly established facts and circumstances referring to the conclusion of the military-political and dynastic alliance between Galician-Volhynian Prince Roman Mstislavich and Byzantine Emperor Alexios III Angelos, Daniel Galitsky's relations with German Emperor Frederick II and Austrian Duke Frederick the Belligerent, the role of Nicaea Empire and ecumenical processes of the mid-13th century in the relations between Russian princes and the Apostolic See. The paper also accesses the recent research in the history of the Mongol invasion in the South-West Russia, in particular, the role of local princes in the relationship with the aggressors, some episodes of conquering Berestyie, Vladimir-Volhynian and Halych, the level of the source criticism and techniques used to study the texts of Russian chronicles.

Keywords: Galician-Volhynian Rus, Byzantium, the Empire of Nicaea, the Austrian Duchy, the Apostolic See, the Mongol Invasion.

Международные связи и значение Галицко-Волынской Руси в первой половине XIII в. выделяют ее среди прочих русских земель. В силу своего географического положения на окраине восточнославянского мира и исторических традиций эта земля теснее других была связана с Византией, Западной Европой и степными кочевниками, постоянно испытывала значительные внешнеполитические и культурные влияния.

Исторические судьбы Галиции и Волыни, Червонной Руси, как называли эти земли в научной литературе XIX в., всегда привлекали живой интерес исследователей. В последние годы этот интерес усилился, появился ряд новых работ, написанных российскими, украинскими

и польскими историками, расширяющих и углубляющих проблематику исследования путем постановки новых вопросов, связанных преимущественно с внешней политикой галицко-волынских князей, изучением русских и иностранных источников.

Прежде всего отметим работы, посвященные исторической оценке деятельности князя Романа Мстиславича, объединившего под своей властью галицкие и волынские земли. Его успешная внешняя политика способствовала установлению военно-политического союза с Византией. История русско-византийских отношений времен князя Романа до недавнего времени оставалась слабо изученной. Несомненно, более внимательного отношения требуют свидетельства русских и европейских источников, ранее считавшиеся сомнительными, согласно которым византийский император Алексей III Ангел, лишенный престола участниками IV крестового похода, нашел убежище в Галиче при дворе князя Романа.

В «Польской истории» Яна Длугоша (вторая половина XV в.) читаем: «Аскарый же, константинопольский император, после взятия города (крестоносцами. – *И.Ф.*) перебрался к Понтийскому морю, в Терсону, а оттуда впоследствии прибыл в Галацию, или Галицкую землю, которая является частью Руси, до сих пор состоящей под Польским королевством, и, будучи милостиво и благосклонно принят и размещен князем Руси Романом, некоторое время пребывал там» (Ioannis Dlugosii Annales: 177). Сходное по содержанию сообщение приводит русский книжник начала XVII в., автор так называемой Густынской летописи (Густынская летопись: 108).

Неубедительными, на наш взгляд, представляются аргументы новейшего польского историка И. Грали, отрицающего достоверность приведенных свидетельств как слишком поздних по отношению к описываемым событиям, искажающим их суть (Grala 1986: 639–661). Рассказанная Длугошем история пребывания свергнутого константинопольского императора на Руси, по всей видимости, была заимствована из более ранних итальянских источников второй половины XIII – начала XIV в. Так, в «Церковной истории» Бартоломео дель Фиадони (Птолемей из Лукки) читаем: «Во время его (Константинополя. – *И.Ф.*) падения правил Аскарый, как пишет Кузентин, который немедля сам направился через Черное море в Херсонес и оттуда отбыл в Галатию, что ныне есть часть Руси» (Tholomeus Lucensis: 509–510).

Имя *Кузентин (Cusentinus)*, по-видимому, обозначает некоего хрониста из города Козенцы в Калабрии; под хроникой Кузентина, на которую неоднократно ссылается Фиадони, скорее всего, следует понимать продолжение «Анналов» архиепископа Ромоальда из Салерно (умер в 1181 г.), составленное при архиепископской кафедре

в Козенце и охватывающее период с 1177 по 1264 г. (Schmeidler 1906–1907: 252–261). Как и другие европейские хронисты, Фиадони и Кузентин распространяли родовое прозвище *Aschkarius (Laskaris)* не только на представителей правившей в Никее династии Ласкарей, но и на их предшественников из династии Ангелов.

Будучи библиотекарем папы Иоанна XXII, Фиадони проявлял значительную осведомленность в вопросах внешней политики курии и повышенное внимание к деталям IV крестового похода, в частности к обстоятельствам завоевания Константинополя. Кроме того, Фиадони много лет был епископом Торчелло (город и остров в Венецианской лагуне), жители которого вместе с венецианцами принимали активное участие в крестовом походе. Понятно, что как епископ Торчелло Фиадони мог владеть дополнительной информацией о подробностях завоевания Константинополя, полученной от своих прихожан.

Известная ныне история изгнания Алексея III, в частности, подтвержденные аутентичными источниками факты его пребывания в Болгарии и переговоров с царем Калояном, подкрепляет возможность контактов экс-императора с галицко-волынским князем. В пользу этого говорят и сведения о военно-политическом союзе Романа с Алексеем III, а также традиционно активная роль Галича в поддержке претендентов на византийский и болгарский престолы (Maïorov 2016a: 343–376).

Как установлено новейшими исследованиями, Роман Мстиславич стал главным военным союзником Византийской империи в начале XIII в. В этот период держава ромеев переживала глубокий политический кризис, вызванный восстаниями сербов и болгар, а также постоянными набегами придунайских половцев (команов). По свидетельству Никиты Хониата, только благодаря военной помощи галицкого князя Романа удалось прекратить агрессию степняков: «Именно Роман, князь галицкий, быстро приготовившись, собрал храбрую и многочисленную дружину, напал на команов и, безостановочно прошедши их землю, разграбил и опустошил ее. Повторив несколько раз такое нападение во славу и величие святой христианской веры, которой самая малейшая частица, каково, например, зерно горчичное, способна переставлять горы и передвигать утесы, он остановил набеги команов и прекратил те ужасные бедствия, которые терпели от них римляне, подавши таким образом единому народу неожиданную помощь, непредвиденное заступничество и, так сказать, самим Богом ниспосланную защиту» (Nicetas Choniates: 522–523).

Обстоятельства и время похода Романа на половцев в рассказе Хониата совпадают с сообщениями русских летописей о походах в

степь галицко-волынского князя (Лаврентьевская летопись: 417–420; Новгородская первая летопись: 45, 240).

Все византийские источники именуют Романа «игемоном Галиции» (Γαλιτίζης ἡγεμών). Термин *игемон*, в отличие от других византийских определений русских князей, подразумевал военного союзника и родственника (или свояка) императора. По всей видимости, союз Романа с Алексеем III проявился также в стабилизации отношений с русским населением низовьев Днестра и Дуная («ветвью тавроскифов» из «Вордоны», как его именуют византийские источники) (Maiorov 2015b: 272–303).

Приращение роли галицко-волынского князя Романа Мстиславича в политической жизни Южной Руси и организации совместных походов русских князей против половцев, свойственное летописям Северо-Восточной Руси, объясняется прежде всего политическими взглядами летописца Симона, который в начале XIII в. прибыл из Киева во Владимир-Суздальский, где впоследствии стал епископом (Насонов 1969: 199–201). Тесно связанный с семьей киевского князя Рюрика Ростиславича, главного противника Романа в борьбе за Киев, прибыв во Владимир, Симон начал служить интересам великого князя Всеволода Большое Гнездо, который в лице Романа также видел опасного конкурента в борьбе за влияние в южнорусских землях.

Залогом военной помощи, которую Роман предоставлял Алексею III, был брак галицко-волынского князя с некоей византийской царевной. Вопрос о нем имеет значительную литературу, в которой высказывается немало различных версий (Dąbrowski 2002: 34–40). Большинство авторов склоняется к выводу о высоком византийском происхождении «великой княгини Романовой», однако идентификация ее личности по-прежнему вызывает значительные трудности.

Отметим интересное решение этого вопроса, предложенное недавно А.В. Майоровым. Второй женой Романа Мстиславича могла стать старшая дочь императора Исаака II Ангела, отданная им в детстве в монастырь. После дворцового переворота 1195 г. сложились благоприятные условия для отмены монашества дочери экс-императора (в Византии подобная практика была обычным делом); свою племянницу новый правитель Алексей III решил выдать замуж за галицко-волынского князя, в чьей военной помощи крайне нуждались обессиленные половецкими набегами балканские провинции империи (Майоров 2011d: 287–409; Maiorov 2014a: 188–233).

Одним из ярких материальных свидетельств в пользу этой версии, как нам представляется, можно считать существующую доныне вблизи польского города Хелма (древнерусский Холм) древнюю каменную постройку в виде башни загадочного предназначения.

На верхнем (пятом) ярусе ее сравнительно недавно выявлены остатки часовни. Не вызывает сомнений, что эта башня возвышается на месте, где когда-то существовал древнерусский город Столпье. По данным новейших исследований, Столпьевская башня воспроизводит архитектурные сооружения, которые в поздневизантийское время были распространены на территории Северной Греции и представляли собой культовые постройки, принадлежавшие местным монастырям и представителям светской знати. Прделанный Д. Домбровским анализ письменных источников позволяет заключить, что Столпьевская башня скорее всего была возведена в 1220–1240-х гг. Этот вывод подтверждается и результатами архитектурно-археологических исследований. В итоге с большой вероятностью можно предположить, что башня и существовавший возле нее в древности монастырь предназначались для пребывания «великой княгини Романовой», на склоне лет вновь принявшей монашество (Zespół wieżowy 2009).

Из сообщений Никиты Хониата известно, что у императора Исаака II была еще одна дочь по имени Ирина. Впоследствии она вышла замуж за немецкого короля Филиппа Швабского. В церковном помяннике (синодике) Шпайерского собора, где захоронена королевская чета - Филипп и Ирина, среди греческих родственников последней значится ее сестра Евфросиния (Effrosina) (Kalendarium necrologicum: 323). Произведенные Р. Хистандом расчеты показывают, что этой сестрой немецкой королевы могла быть только старшая дочь Исаака, еще в детстве отданная отцом в монастырь (Hiestand 1997: 201–207). Однако, вопреки ожиданиям, Евфросиния упоминается в церковном синодике без указания ее монашеского чина, т. е. как светское лицо. Даты памяти греческих родственников германской королевы даны в синодике условно, по случаю больших церковных праздников. Это показывает, что при составлении списка точных сведений о смерти названных лиц у шпейерских каноников не было.

Как ни удивительно, точные данные о гибели германского короля Филиппа Швабского летом 1208 г., вскоре после которой умерла и его жена Ирина, были хорошо известны в Галиче. Галицко-Волинская летопись, единственная среди всех древнерусских источников, приводит подробности убийства Филиппа и называет виновников этого (Ипатьевская летопись: 723). Детали столь далеких от Руси событий должны были заинтересовать галицкого летописца, поскольку касались родственников погибших – княгини Евфросинии и ее детей.

Деятельность галицкой княгини Евфросинии нашла отражение в памятниках древнерусской сфрагистики. Из древнего Новгорода происходят несколько печатей с изображением св. Евфросинии, на

которых с обратной стороны изображена также сцена Преображения Господня на горе Фавор. Нет достаточных оснований идентифицировать обладательницу этих печатей как Евфросинию Полоцкую, игумению Спасского монастыря. Последнюю не удастся связать с каким-либо особым почитанием культа Преображения. Вопреки распространенному в литературе мнению, она не имела отношения к учреждению в Полоцке Преображенской церкви или монастыря. Основанные же при ее жизни Спасский монастырь и храм в нем были посвящены древнему празднику Всемиловитейшего Спаса, иконография которого никак не связывается с тематикой Преображения (Майоров 2011а: 5–25).

Новым подтверждением сказанному стала находка в мае 2015 г. во время раскопок на территории Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке печати с поясным изображением Христа Вседержителя и надписью на обороте «+ ГН ПОМОЗН РАБЕ СВОЕН ОФРОСННН!». Идентичная печать, но с плохо читаемой надписью, была найдена там же в 1998 г. Обе печати с большим основанием можно атрибутировать княжне-монахине Евфросинии Полоцкой (Дук, Калечыц, Коц 2015: 13–18). По внешнему облику они существенно отличаются от указанных выше новгородских печатей и должны были принадлежать разным лицам.

В распоряжении историков нет никаких фактов, подтверждающих личные отношения полоцкой игуменьи с кем-нибудь из новгородских князей. Зато тесные отношения с Новгородом поддерживала галицкая княгиня Евфросиния. Она, несомненно, вела переписку с новгородским князем Мстиславом Удалым, на дочери которого Анне женился старший сын вдовствующей галицкой княгини Даниил (Ипатьевская летопись: 732). Согласно Д. Домбровскому, этот брак был заключен в 1217 г. (Dąbrowski 2002: 67–71). Сам Мстислав под влиянием сведений, поступавших к нему из Юго-Западной Руси, отрекся от новгородского стола и решительно вмешался в борьбу за Галич с венгерским королевичем Коломаном, став вскоре галицким князем (Фроянов, Майоров 2000: 74–94).

Кроме того, есть веские основания связывать именно Евфросинию Галицкую с фактами распространения в Галицко-Волынской Руси культа Преображения. В XIII в. здесь возводятся многочисленные Спасо-Преображенские монастыри и храмы, сведения о которых сохранились в различных источниках (Рожко 1999: 42–49). С конца XIII–XV в. до нашего времени дошли многочисленные иконы Преображения, происходящие из западноукраинских земель и бывшие некогда престольными образами древних храмов (Димитрий 2005: 42, 46–48, 213, 397–398).

Историками уже давно замечено, что христианским именем, под которым галицкая княгиня Евфросиния получила известность на Руси, было имя Анна. Об этом определенно свидетельствует возведение над княгининой могилой часовни в честь св. Иоакима и Анны (Ипатьевская летопись: 937–938). Можно допустить, что имя Анна стало для Евфросинии вторым монашеским именем.

С «великой княгиней Романовой» связывается появление в Галицко-Волынской Руси нескольких известных христианских реликвий, которые, наряду с литургическим, имели также большое политическое значение как инсигнии высшей власти. Наиболее интересным в этом отношении артефактом можно считать драгоценный крест-реликвиарий с частицей Древа Истинного Креста Господня, который сейчас хранится в соборе Парижской Богоматери (Durand 1992: 139–146). Упомянутого в греческой надписи на реликвирии «венценосца Мануила Комнина», вероятнее всего, следует отождествлять с византийским императором Мануилом I (Dąbrowska 1991: 67–89).

В литературе высказываются различные версии происхождения реликвии. Как бы то ни было, ясно, что реликвия такого характера могла попасть на Русь в силу особых обстоятельств, – вероятнее всего, в качестве приданого, которое Роман Мстиславич получил за византийской царевной Евфросинией, ставшей его новой женой. Это тем более вероятно, что, согласно Никите Хониату, отправив в монастырь свою старшую дочь, Исаак II исполнил то, что некогда «предполагала сделать еще царица Ксения по смерти своего супруга, царя Мануила Комнина» (Niketas Choniates: 419). Таким образом, будущая галицкая княгиня сызмальства была связана с особым почитанием императора Мануила в кругу ее родительской семьи.

После захвата Львова войсками Казимира III в 1340 г. реликвия несколько столетий хранилась в сокровищнице польских королей. Рочник Траски (середина XIV в.) сообщает: «Там (во Львове. – И.Ф.) [была взята] многочисленная военная добыча <...> великие сокровища древних государей, среди которых было несколько золотых крестов, особенно один, в котором была обнаружена большая частица Древа Креста Господня <...>» (Rocznik Traski: 860). В 1669 г. польский король Ян Казимир, отрекшись от престола, уехал во Францию, похитив несколько особо ценных реликвий из польской казны, в том числе крест императора Мануила (Raffin 1935: 286–287).

Появление у галицко-волынских князей XIII в. целого ряда необычных для Рюриковичей и даже уникальных княжеских имен (например, Ираклий), по-видимому, также было обусловлено влиянием великой княгини Евфросинии. К числу таковых относится и имя князя Даниила, которое впоследствии переходит в именослов московских князей.

Весьма вероятной нам представляется версия, объясняющая появление такого имени в княжеской среде усилением культа св. Даниила Столпника и подъемом интереса к внешним атрибутам столпничества. Это подтверждается данными сфрагистики, а также проявляется в памятниках архитектуры Галицко-Волынской Руси XIII – первой половины XIV в. Благодаря родственным связям галицко-волыньских князей с владимиристо-суздальскими, этот культ распространился в Северо-Восточной Руси и впоследствии в Москве.

Недавно предложено убедительное, на наш взгляд, объяснение этому феномену. Как кажется, именно происхождение Евфросинии Галицкой, дочери василевса Исаака II, дает ключ к пониманию неожиданного подъема интереса к столпничеству в среде русских князей. По свидетельству Никиты Хониата, император Исаак проявлял особое покровительство и горячую симпатию в отношении столпников и отшельников, поражая тем своих современников (Niketas Choniates: 383), ведь со времен иконоборчества столпники утратили прежнее влияние на императоров, и это движение постепенно клонилось к упадку (Kazhdan, Ševčenko 1991: 1971).

Связь имен Даниила и Льва среди потомков Романа Мстиславича и Евфросинии также находит удовлетворительное объяснение с учетом византийской агиографической традиции. Св. Даниил Столпник был духовным отцом и политическим советником императора Льва I (впоследствии канонизированного). Видимо, это обстоятельство и отразилось в паре имен галицко-волыньских князей: отца и сына – Даниила Романовича и Льва Даниловича (Maierov 2015c: 345–366).

Внимание исследователей издавна привлекают отмеченные летописцем характерные атрибуты царского достоинства Даниила Галицкого, которых не имели другие русские князья. Прежде всего, речь идет об описанном в Галицко-Волынской летописи небывалом случае ношения «греческого оловира», из которого было сшито парадное платье князя Даниила. В таком великолепном наряде он однажды предстал перед изумленными послами германского императора Фридриха II (Ипатьевская летопись: 814).

Этот в высшей степени примечательный случай до недавнего времени оставался неразъясненным историками. При его толковании, на наш взгляд, нужно исходить из установления смысловых параллелей для др.-рус. *оловир* в Византии. Специальным термином *ὀλόβηρον* греки обозначали не любую шелковую ткань (как иногда считается), а только ткань определенного цвета: «истинный», или «царский», пурпур (Sophocles 2005: 801). Носить одежду из драгоценного пурпура по законам империи имели право только императоры и их ближайшие родственники. Ткани из оловира, которые считались главным атри-

бутом царской крови, нельзя было свободно продавать и вывозить в другие страны. Следовательно, одежда из греческого оловира могла появиться у Даниила, прежде всего, благодаря его родственным связям с императорским двором. Это обстоятельство является еще одним, пусть косвенным, но весьма красноречивым свидетельством в пользу царского происхождения Евфросинии Галицкой, матери Даниила (Maïorov 2014b: 147–161).

Внешние атрибуты царского достоинства, несомненно, должны быть поставлены в связь с претензиями на царский титул со стороны галицко-волынских князей. В русских средневековых источниках неоднократно отмечается применение титулов *царь* и *самодержец*, а также производных от них эпитетов к князьям Галицко-Волинской Руси на протяжении всего XIII в. Напротив, интерес к царскому титулу со стороны правителей других русских земель в это время уходит в прошлое, и этот титул применяется преимущественно к великим монгольским ханам и ханам Золотой Орды (Майоров 2009: 250–262).

Падение византийской столицы под ударами крестоносцев отражено в «Повести о взятии Царьграда фрягами». Наиболее вероятным автором этого произведения, древнейшая редакция которого дошла до нас в составе Новгородской Первой летописи старшего извода, следует считать новгородского боярина Добрыню Ядрейковича (впоследствии архиепископ Антоний). Тесно связанный с галицко-волынским князем Романом Мстиславичем, Добрыня по его поручению несколько лет провел в Константинополе и был свидетелем разгрома византийской столицы латинянами в апреле 1204 г. (Seemann 1976: 213–221).

Личными связями с галицко-волынским князем можно объяснить внимание Добрыни к свояку Романа Мстиславича, германскому королю Филиппу Швабскому, и роли последнего в организации IV крестового похода. Исследователи отмечают «ибеллинскую» точку зрения автора повести, состоявшую в стремлении снять с германского короля ответственность за разорение Константинополя, а также знание русским книжником деталей побега царевича Алексея (будущего императора Алексея IV) из византийской столицы к королю Филиппу, равно как и употребление характерной немецкой лексики (топонимов и антропонимов). Все это, несомненно, указывает на использование автором произведения сведений, полученных от хорошо информированного немецкого источника. Весьма вероятно, что информатором Добрыни мог быть один из сторонников короля Филиппа, хальберштадтский епископ Конрад фон Крозиг, участвовавший в осаде Константинополя в 1203–1204 гг. (Freydank 1968: 334–359; Maïorov, Metelkin 2016: 809–820).

Вполне естественно, что богатое византийское наследие Романа Мстиславича и «великой княгини» Евфросинии-Анны должно было проявиться во внешней политике их сыновей и внуков. В этой связи следует рассматривать, прежде всего, историю борьбы Даниила Галицкого за Австрию и попытку его сына Романа Даниловича овладеть престолом австрийских герцогов в 1252–1253 гг. Весьма нетипичный для внешней политики Древней Руси «австрийский эпизод» середины XIII в. до недавнего времени также оставался слабо изученным. Родство с династией Бабенбергов по женской линии (после пресечения ее мужской линии) должно было выдвигать Романовичей в число законных претендентов на «австрийское наследство». Их мать и бабка Евфросиния Галицкая приходилась двоюродной сестрой австрийской герцогине Феодоре, а бездетный герцог Фридрих II Воинственный – троюродным братом Даниилу. Без учета этих обстоятельств трудно понять политические и правовые основания претензий галицко-волынских князей на австрийский престол, силу которых признавала также часть австрийского дворянства и другие претенденты (Майоров 2011с: 32–52).

Участие в австрийских делах галицко-волынских князей началось, по-видимому, еще во второй половине 1230-х гг., когда герцог Фридрих Воинственный вступил в конфликт с императором Фридрихом II и вскоре был отстранен им от власти.

Заслуживают самого серьезного внимания установленные недавно новые факты истории русско-австрийских отношений, отразившиеся в документах императорской канцелярии. Первоначально намереваясь выступить на стороне своего австрийского родственника, герцога Фридриха Воинственного, Даниил Галицкий после встречи с императором Фридрихом II весной 1237 г. в Вене перешел на сторону последнего. За это галицко-волынский князь получил от императора денежную награду в размере пятисот марок серебром, а также был отмечен королевским титулом (*rex Rusciae*) (Майоров 2010: 140–148). Этот факт, разумеется, не может свидетельствовать о коронации Даниила императором Фридрихом. Однако он определенно обозначает тенденцию рангового предпочтения Даниила другим русским князьям, проявившуюся затем в дипломатической корреспонденции папы Иннокентия IV (Майоров 2015с: 53–61).

Под влиянием венгерского короля Белы IV весной 1246 г. Даниил Галицкий оказался в стане врагов Фридриха Воинственного. Есть достаточные основания полагать, что на стороне венгерского короля Даниил мог принимать участие в битве на реке Лейте, закончившейся гибелью герцога Фридриха. Вопрос этот в последнее время вызывает повышенный интерес у исследователей, высказывающих по нему раз-

личные суждения (Майоров 2012b: 54–77; Мартынюк 2013: 49–55; Войтович 2014: 55–57 Dąbrowski 2012: 268–272). Исходя из всей совокупности известных на сегодня фактов, нам представляется, что галицко-волынский князь мог быть лично причастен к смерти герцога, павшего в поединке с неким «королем Руси». Разрыву Романовичей с Фридрихом Бабенбергом, очевидно, способствовал острый конфликт последнего с его собственной матерью Феодорой Ангелиной, искавшей защиты у своих родственников в разных странах.

Неудача австрийской эпопеи Романовичей, подробно освещавшейся придворным летописцем (Ипатьевская летопись: 822–825), в значительной мере была обусловлена позицией Иннокентия IV, не желавшего появления на престоле Бабенбергов русского князя. В свою очередь эта неудача, как нам представляется, могла спровоцировать колебания Даниила в дальнейших отношениях с Апостольским престолом и, в частности, его нежелание принимать присланную папой королевскую корону, а также демонстративный отказ встречаться с папским легатом в Кракове. Лишь спустя полгода Даниил согласился короноваться, поддавшись уговорам своих польских союзников (декабрь 1253 г.). Сам факт коронации хотя и не подтверждается сохранившимися папскими актами, тем не менее не может быть поставлен под сомнение (как делают некоторые новейшие авторы). Помимо русской летописи, этот факт засвидетельствован в составленном сразу после кончины папы Иннокентия IV его официальном жизнеописании (Майоров 2011b: 42–49).

В то же время не подлежит сомнению, что коронация Даниила и переговоры о церковной унии с Римом проходили на фоне более широких политических и экуменических процессов. Их инициаторами были папа Иннокентий IV и никейский император Иоанн III Ватац. В обмен на возвращение Константинополя император и патриарх соглашались признать верховенство Рима в церковных делах и подчинение папе православного духовенства. Нельзя забывать, что пока в Кракове и Холме шли переговоры Даниила с папским легатом Опизо, из Никеи в Рим отправилось полномочное посольство для заключения соглашения об унии Западной и Восточной церквей (вторая половина 1253 г.) (Papaiani 2000).

В Галицко-Волинской Руси верным защитником никейских интересов оставалась мать Даниила Романовича Евфросиния-Анна. Проведя несколько десятилетий в монастыре и достигнув уже преклонных лет, она в последний раз выходит на историческую сцену, чтобы сыграть важнейшую роль в деле коронации и церковной унии. По словам придворного летописца, согласиться с предложениями Рима Даниила «убедила его мать» (Ипатьевская летопись: 827). Союз с папой

сильнейшего из князей Руси был выгоден тогда правителям Никеи, поскольку способствовал достижению их собственных политических целей. Однако последовавшие вскоре со стороны нового никейского императора Феодора II Ласкаря отказ от политики уступок папе и курс на возвращение Константинополя военной силой привели к разрыву отношений с Римом и со стороны галицко-волынских князей (Майоров 2012а: 33–52; Maiorov 2015а: 11–34).

С конца 1230-х гг. в судьбы Галицко-Волинской Руси, как и большинства других русских земель, вмешивается новый внешнеполитический фактор – нашествие монголов, установивших свое вековое господство и изменивших весь ход русской истории. Эта общая оценка характера и последствий монгольского завоевания в целом остается неизменной в работах последнего времени, однако многие факты Батыева нашествия на Южную и Юго-Западную Русь, роль местных князей и городов в отражении агрессоров существенно пересматриваются.

По сведениям Рашид ад-Дина, после захвата Киева монголами в три дня был взят *Учогул Уладмур* и «все города *Уладмура*» (Рашид ад-Дин 1960: 45). В литературе прочно утвердилось мнение, высказанное еще первыми переводчиками русских известий этого автора, что в приведенном отрывке говорится о городах Галицко-Волинской Руси. Выдержавший трехдневную осаду город *Учогул Уладмур* одни историки считают Галичем (Толочко 2003: 145; Котляр 2005: 257), другие – Владимиром-Волинским (Почекаев 2007: 134–135; Измайлов 2009: 160; Карпов 2011: 308, прим. 18; Хрусталеv 2013: 227–228). Насколько можно судить, основанием для таких заключений служит только общее соображение о том, что, двигаясь далее на запад, монголы вслед за Киевом должны были захватить и разрушить города Волыни или Галичины.

Указав на отсутствие фонетических и семантических оснований для подобных отождествлений, А.В. Майоров предлагает новое толкование этого эпизода. Названные Рашид ад-Дином города, взятые сразу после падения Киева, могли находиться в Киевской земле. Более основательной нам представляется возможная связь названия *Уладмур* не с топонимом, а с антропонимом *Владимир*. Такая интерпретация более соответствует семантике выражения *Учогул Уладмур*: в тюркских языках *уч огул* буквально значит «три сына» (Minorsky 1952: 227), что не находит смысловых параллелей в исторической топонимике Волыни или Галиции. Напротив, личное имя *Владимир*, как известно, весьма распространено среди русских князей. Его, в частности, носил князь Владимир Рюрикович, занимавший киевский стол незадолго перед нашествием Батыя. Этот князь был хорошо известен монголам, так как он, по данным летописей новгородско-

софийской группы (более точно, чем Галицко-Волынская летопись передающих первоначальный текст «Повести о нашествии Батыя»), вступил в мирные переговоры с царевичем Менгу во время его пребывания под Киевом в 1239 г.

Для Рашид ад-Дина и использовавшегося им тюркоязычного источника характерно внимание не только к названиям захваченных монголами земель и городов, но и к именам побежденных правителей. В частности, этот интерес можно видеть в описании завоевания Владимиро-Суздальской Руси: монголы в пять дней взяли «город Макар (вероятно, Москва. – *И.Ф.*) и убили князя [этого] города, по имени Улайтимур (вероятно, Владимир. – *И.Ф.*)»; или «город Переяславль, коренную область Везислава (вероятно, Всеволода. – *И.Ф.*), они взяли сообща в пять дней» (Рашид ад-Дин 1960: 39). Примечательно, что в сообщении о взятии монголами столицы Северо-Восточной Руси Владимира-на-Клязьме Рашид ад-Дин вообще обходится без упоминания названия города, ограничиваясь указанием имени князя: «Осадив город Юргия Великого, взяли [его] в восемь дней» (Рашид ад-Дин 1960: 39).

Нет ничего удивительного в том, что и при описании завоевания Южной Руси Рашид ад-Дин и его монгольский источник приводят имя русского князя, с которым связывают захваченные монголами города Уладмура и город трех сыновей Уладмура. Такое решение, на наш взгляд, более предпочтительно. Перенос личных имен правителей на подвластные им города и области – обычное дело для географической ономастики Рашид ад-Дина. В то же время образование названия целой страны (области) от названия одного из ее городов – явление в своем роде исключительное. Во всяком случае, ничего подобного при описании завоевания других частей Руси мы не встречаем.

Сыновья Владимира Рюриковича, по всей видимости, оставались в Киевской земле в период нашествия Батыя. Одного из них, по имени Ростислав, в числе выживших южнорусских князей называет «Летописец Даниила Галицкого» (Ипатьевская летопись: 788–789). Городом «трех сыновей Владимира» мог быть летописный Колодяжин, действительно оказавший сопротивление монголам (Майоров 2015b: 169–181; Maiorov 2016b: 473–499).

Как в русских, так и в иностранных источниках отсутствуют какие-либо подробности, проливающие свет на обстоятельства завоевания монголами городов Галицко-Волынской Руси. Этот факт не может не вызывать удивления, ведь при дворе Даниила Галицкого велось собственное летописание, сохранившее немало сведений о жизни князя. Складывается впечатление, что монгольское завоевание вообще мало интересовало придворного летописца Даниила, тогда как

в других землях Руси, письменные памятники которых сохранились до нашего времени, нашествие Батыя и его разрушительные последствия воспринимались и описывались, несомненно, как крупнейшая катастрофа своего времени.

Как бы мимоходом, одной фразой летописец Даниила упоминает о взятии и разрушении монголами Владимира-Волынского, Галича «и иных городов многих» (Ипатьевская летопись: 786). Сам галицко-волынский князь Даниил Романович, не дожидаясь начала вражеского нашествия, покинул территорию родной земли и вернулся на Волынь только после того, как получил известие об уходе монголов за пределы Руси. Поведение князя, разумеется, не осталось без последствий. Как заметил еще Д.И. Иловайский, «Южная Русь сравнительно с Северной оказала гораздо слабейшее сопротивление варварам» (Иловайский 1880: 387).

Следы постигшего страну бедствия южнорусский летописец отмечает лишь постольку, поскольку они попадались на глаза Даниилу. Когда после неудачной попытки отбить у тамплиеров пограничный с Мазовией город Дрогичин (Майоров 2014: 36–51) Даниил и Василько Романовичи вернулись на разоренную татарами Волынь, первым на их пути оказался город Берестье. По словам летописца, очевидно, лично сопровождавшего князей и наблюдавшего все происходящее своими глазами, по прибытии в Берестье Даниил и Василько не могли выйти из города в поле из-за сильного смрада от множества неубранных тел погибших: «Данилови же со братомъ пришедшоу ко Берестью, и не возмогоста ити в поле смрада ради и множества избьеных» (Ипатьевская летопись: 788).

Заметим, что тела «множества избьеных» находились не в самом Берестье, как можно было ожидать, а где-то в его окрестностях – «в поле». Сам же город не только не был уничтожен, но и, насколько можно судить, не понес значительных разрушений (Лысенко 1985: 21; Лысенко 2007: 28). Чтобы яснее представить картину трагических событий, произошедших под стенами Берестья, на наш взгляд, следует присмотреться к некоторым известным фактам из истории монгольских завоеваний в Средней Азии и на Ближнем Востоке, иллюстрирующим регулярно применявшиеся способы подчинения городов и обращения с покоренным населением.

Со времен Чингисхана жителей захваченных городов монголы выводили в поле, где устраивали массовые казни. Такая судьба постигла обитателей Балха, Бенакета, Багдада, Харима и др. (Рашид ад-Дин 1946: 44, 50; Рашид ад-Дин 1952: 201, 218). Даже если город сдавался монголам без всякого сопротивления, его жители должны были выйти в поле без оружия и покорно принять свою судьбу. Однако

в таких случаях, как правило, обходилось без массовых убийств. Так, сдавшихся без боя жителей Джента монголы оставили в живых, выведя из города на девять дней, пока шло разграбление их имущества. Сдавшихся без боя жителей Зарнука монголы вывели за городские стены, молодых людей забрали в хашар (вспомогательные войска, использовавшиеся при штурме городов), а остальным разрешили вернуться домой. Капитулировавших жителей Нура вывели в поле, шестьсот юношей отобрали в хашар, а остальных заставили уплатить выкуп (Ata-Malik Juvaini: 88–90, 98–100; Рашид ад-Дин 1952: 200, 204–205).

В свете приведенных фактов убийство монголами жителей Берестья за пределами города позволяет думать, что в начале осады берестяне оказали какое-то сопротивление захватчикам, но затем были вынуждены покориться, безоружными вышли в поле, где и были убиты. Тот факт, что тела погибших несколько месяцев оставались неубранными, наводит на мысль, что все это время некому было их хоронить: берестяне были либо убиты, либо забраны в хашар.

Схожая судьба постигла Владимир-Волынский. Его погибших жителей Даниил нашел в городских храмах: «церкви святои Богородици исполнена троупья, иныя церкви наполнены быша троубья и телесь мертвых» (Ипатьевская летопись: 788). Эта трагическая картина, а также указание летописца, что Владимир был «взят копьем», по-видимому, свидетельствуют о штурме города монголами и, следовательно, о каком-то сопротивлении, оказанном его жителями захватчикам.

В то же время подозрительное молчание летописи о падении Галича и отсутствие каких-либо упоминаний об этом в монгольских источниках заставляет думать, что захват города был заурядным событием, не оставившим повода отметить героизм его защитников или доблесть монгольских полководцев. В момент татарского нападения в Галиче не было не только князя, но и какой-то части местных бояр, сопровождавших Даниила и его сына Льва в Венгрию и остававшихся там до ухода татар. Это обстоятельство, разумеется, не могло способствовать успеху обороны города (Майоров 2015а: 11–24).

Археологические исследования памятников средневекового Галича не выявили, как и во Владимире-Волынском, следов тотальных разрушений середины XIII в. Главный храм города – Успенский собор – и многие другие постройки пережили нашествие Батыя и были разрушены позднее, вследствие иных причин. По всей видимости, в результате захвата монголами Галич, как и другие города Юго-Западной Руси, лишился значительной части своего населения, убитого или забранного в хашар. Захваченных на Волыни и в Галичине русских пленников мы затем видим в авангарде монгольских войск, втор-

гшихся в Польшу. Так, по словам Яна Длугоша, впереди основных сил захватчиков по польским землям шли русские отряды: «Управляли их движением и показывали им путь некоторые русины, очень неприязненно относящиеся к полякам» (Ioannis Dlugosii Annales: 267). Вопрос о регулярном пополнении монгольских сил за счет покоренных народов, в том числе жителей Руси, специально рассматривается в новейшей литературе (Храпачевский 2011: 228–233, 236).

Отказ от сопротивления монголам князей Южной Руси, по-видимому, был обусловлен ошеломляющими последствиями их нашествия на Северо-Восточную Русь, гибелью великого князя Юрия Всеволодовича и других Рюриковичей, не подчинившихся захватчикам. Это общее впечатление может быть подкреплено новыми фактами, устанавливаемыми в результате текстологического анализа летописных известий, сохранивших текст южнорусской версии «Повести о нашествии Батыя». Нам представляются убедительными доводы исследователей, полагающих, что текст повести в наиболее полном и исправном виде дошел до нас в составе летописей новгородско-софийской группы первой половины XV в. В Галицко-Волынской летописи этот текст прерывается позднейшими вставками и, кроме того, искажен вследствие перемещения нескольких листов в предполагаемом протографе Ипатьевского и Хлебниковского списков, что, в свою очередь, привело к путанице в тексте и образованию в ряде случаев «двойных» известий (Майоров 2013с: 87–99).

Нашествию Батыя на Южную Русь предшествовало весьма примечательное событие, до последнего времени остававшееся без внимания исследователей. Осенью 1239 г., вскоре после взятия Чернигова, монгольские войска подошли к Киеву и встали на противоположном берегу Днепра. В это время, по сведениям, сохранившимся в новгородско-софийских летописях, был заключен мирный договор с монголами трех князей, имевших владения в Южной Руси – Мстислава Глебовича, Владимира Рюриковича и Даниила Романовича: «...смирившася съ Мъстиславомъ и Володимеромъ и съ Данилом» (Софийская 1-я летопись: 301). В Галицко-Волынской летописи в результате отмеченного выше перемещения листов на одном из этапов переписывания древнего текста указанное известие оказалось помещенным в статью 6742 г. с сообщениями, не имеющими отношения к нашествию монголов (Ипатьевская летопись: 772). Факт сепаратного примирения Даниила Галицкого с монголами подтверждается данными венгерских источников, а также общим анализом русско-венгерских отношений накануне и после монгольского нашествия (Майоров 2013а: 53–77). Как бы то ни было, не подтверждается господствовавшая до недавнего времени в литературе точка зрения, что он счастливо избежал

столкновения с захватчиками, так как в канун нашествия отправился в Европу сколачивать антимонгольскую коалицию.

Расхождения в текстах Галицко-Волынской и новгородских летописей важно учитывать при выяснении еще нескольких эпизодов монгольского завоевания. Отметим два из них. Спорным остается прочтение названий и установление судьбы волыньских городов – Каменца (Изяславля) и Кременца (Данилова) (Майоров 2012с: 56–72). Кроме того, недостаток источниковедческой критики не позволяет большинству новейших историков правильно определить последний эпизод «Повести о нашестве Батыя».

После разорения Юго-Западной Руси монголы вторглись в Европу. Сообщение о «воевании» татар «до Володавы и по озерамъ», помещенное в Галицко-Волынской летописи под 6751 г., большинством исследователей понимается как свидетельство о еще одном нападении монголов на Волынь, состоявшемся в 1242 или 1243 г. и закончившимся разорением земель вокруг Холма и Люблина до современной Влодавы (город в Люблинском воеводстве, на территории которого обнаружены следы древнерусского городища) (Івакін 2000: 583; Головка 2004: 6; Почекаев 2007: 198; Nagirnyj 2011: 231; Войтович 2011: 303–304; Карпов 2011: 142). Между тем, как заметил еще А.А. Шахматов, в Ипатьевской летописи фраза о Володаве отделена от основного текста «Повести о нашестве Батыя» обширной вставкой из жизнеописания Даниила (Шахматов 1900: 161). На своем первоначальном месте она стоит в летописях новгородско-софийской группы и завершает сообщение о пребывании войск Батыя в Центральной Европе. Возможно, под Володавой составитель повести подразумевал реку Влтаву, которая могла казаться ему последним рубежом Западного похода монголов (Майоров 2013b: 6–18).

ЛИТЕРАТУРА

Войтович 2011 - *Войтович Л.В.* Галицько-Волинські етюди. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2011. 480 с.

Войтович 2014 - *Войтович Л.В.* О некоторых спорных проблемах изучения Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича и Даниила Романовича (заметки о новейшей историографии) // Русин. 2014. № 1 (35). С. 52–63.

Густынская летопись - Густынская летопись / Под ред. В.А. Кучкина // Полное собрание русских летописей. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 202 с.

Головка 2004 - *Головка О.Б.* Держава Романовичів та Золота Орда (40–50-ті рр. XIII ст.) // Український історичний журнал. 2004. № 6. С. 3–16.

Димитрій 2005 - *Димитрій (Ярема), патріарх.* Іконопис Західної України XII–XV ст. Львів: Друкарські куншти, 2005. 508 с.

Дук, Калечиц, Коц 2015 - *Дук Д., Калечиц И., Коц А.* Пятатка Еуфрасінні Полацкай // Беларускі гістарычны часопіс. 2015. № 7. С. 13–18.

Івакін 2000 - *Івакін Г.Ю.* Монгольська навала на Русь // Давня історія України: У 3 т. / Гол. ред. П.П. Толочко. Київ: Либідь, 2000. Т. 3. С. 573–588.

Измайлов 2009 - *Измайлов И.* Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История татар с древнейших времен. Казань, 2009. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Рухият, 2009. С. 133–161.

Иловайский 1880 - *Иловайский Д.И.* История России Ч. 2: Владимирский период. М.: Типография П. Лебедева, 1880. 578 с.

Ипатьевская летопись - *Ипатьевская летопись* / Под ред. А.А. Шахматова // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. XVI с. + 938 стб.

Карпов 2011 - *Карпов А.Ю.* Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. 347 с.

Котляр 2005 - *Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследования* / Под ред. Н.Ф. Котляра. СПб.: Алетейя, 2005. 421 с.

Лаврентьевская летопись - *Лаврентьевская летопись* / Под ред. Е.Ф. Карского // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. VIII + 580 с.

Майоров 2009 - *Майоров А.В.* Царский титул галицко-волынского князя Романа Мстиславича и его потомков // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2. С. 250–262.

Майоров 2010 - *Майоров А.В.* Неизвестный факт биографии Даниила Галицкого // *Rossica antiqua*. 2010. № 2. С. 140–148.

Майоров 2011a - *Майоров А.В.* Печать Евфросинии Галицкой из Новгорода // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2011. № 2. С. 5–25.

Майоров 2011b - *Майоров А.В.* Был ли Даниил Галицкий коронован папой Иннокентием IV? // *Русин*. 2011. № 3 (25). С. 42–49.

Майоров 2011c - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный: русско-австрийские отношения в середине XIII в. // *Вопросы истории*. 2011. № 7. С. 32–52.

Майоров 2011d - *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 800 с.

Майоров 2012a - *Майоров А.В.* Первая уния Руси с Римом // *Вопросы истории*. 2012. № 4. С. 33–52.

Майоров 2012b - *Майоров А.В.* «Король Руси» в битве на Лейте // *Русин*. 2012. № 3 (29). С. 54–77.

Майоров 2012c - *Майоров А.В.* Монголо-татары в Галицко-Волынской Руси // *Русин*. 2012. № 4 (30). С. 56–72.

Майоров 2013a - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // *Русин*. 2013. № 1 (31). С. 53–77.

- Майоров 2013b - *Майоров А.В.* Последний рубеж Западного похода Батыя и карпато-дунайские земли // Русин. 2013. № 2 (32). С. 6–18.
- Майоров 2013с - *Майоров А.В.* «Двойные» известия Галицко-Волынской летописи // Русская литература. 2013. № 3. С. 87–99.
- Майоров 2014 - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и тамплиеры // Русин. 2014. № 1 (35). С. 36–51.
- Майоров 2015а - *Майоров А.В.* Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы // Русин. 2015. № 1 (39). С. 11–24.
- Майоров 2015b - *Майоров А.В.* Завоевание Батыем Южной Руси: К интерпретации одного известия Рашид ад-Дина // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 1. С. 169–181.
- Майоров 2015с - *Майоров А.В.* *Illustri regi Russiae*: королевский титул русских князей в первой половине XIII в. // *Stratum plus*. 2015. № 6. С. 53–61.
- Мартынюк 2013 - *Мартынюк А.В.* Князь Ростислав в битве на реке Лейте: «русский эпизод» австрийской истории // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013. № 2. С. 49–55.
- Насонов 1969 - *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.
- Новгородская первая летопись - Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3. XVI + 592 с.
- Почекаев 2007 - *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб.: Евразия, 2007. 350 с.
- Рашид ад-Дин 1946 - *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. А.К. Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 3.
- Рашид ад-Дин 1952 - *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. О.И. Смирнова; под ред. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1–2.
- Рашид ад-Дин 1960 - *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. Ю.П. Верховского; под ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2.
- Рожко 1999 - *Рожко М.* Про деякі оборонні Преображенські монастирі XIII ст. в Галичині // *Лавра: Часопис монахів Студицького уставу*. 1999. № 1. С. 42–49.
- Софийская 1-я летопись - Софийская 1-я летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 6.
- Толочко 2003 - *Толочко П.П.* Кочевые народы и Киевская Русь. СПб.: Алетейя, 2003. 159 с.
- Фроянов, Майоров 2000 - *Фроянов И.Я., Майоров А.В.* Князь, бояре и городская община Галича в правление Мстислава Удалого // *Россия и мировая цивилизация. К 70-летию чл.-кор. РАН А.Н. Сахарова*. М., 2000. С. 74–94.
- Храпачевский 2011 - *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. 264 с.
- Хрусталеv 2013 - *Хрусталеv Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб.: Евразия, 2013. 416 с.
- Шахматов 1900 - *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и

XV веков // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 332, № 11. Ноябрь. С. 80–161.

Ata-Malik Juvaini - *Ata-Malik Juvaini*. Tarikh-i-Jahan Gusha / Ed. M.M. Qazwini; eng. transl. by J.A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. 1. 386 p.

Dąbrowska 1991 - *Dąbrowska E.* Królów polskich relikwiarz koronacyjny Krzyża Świętego // Kultura średniowieczna i staropolska. Studia ofiarowane A. Gieysztorowi w pięćdziesięciolecie pracy naukowej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991. S. 67–89.

Dąbrowski 2002 - *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2002. 347 s.

Dąbrowski 2012 - *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz. Król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków: Avalon, 2012. 538 s.

Durand 1992 - *Durand J.* La Vraie Croix de la princesse palatine au trésor de Notre-Dame de Paris: Observations techniques // Cahiers Archéologique. 1992. Vol. 40. P. 139–146.

Freydank 1968 - *Freydank D.* Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels 1204 [Chronista Novgorodensis] // Byzantinoslavica. 1968. Vol. 29. S. 334–359.

Grala 1986 - *Grala H.* Tradycja dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu (Jan Długosz i kronikarz Hustyński) // Kwartalnik Historyczny. 1986. Vol. 93, № 3. S. 639–661.

Hiestand 1997 - *Hiestand R.* Die erste Ehe Isaaks II. Angelos und seine Kinder // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1997. Bd. 57. S. 201–207.

Ioannis Dlugosii Annales - Ioannis Dlugosii Annales, seu Cronicae incliti regni Poloniae / ed. J. Dąbrowski. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1973. Vol. 5–6. 432 p.

Kalendarium necrologicum - Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius // Fontes rerum Germanicarum / J.F. Boehmer (hrsg.). Stuttgart: Verl. der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1868. Vol. 4. P. 315–327.

Kazhdan, Ševčenko 1991 - *Kazhdan A., Ševčenko N.P.* Stylyte // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York ; Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. 3. P. 1971.

Maiorov 2014a - *Maiorov A.V.* The daughter of a Byzantine Emperor – the wife of a Galician-Volhynian Prince // Byzantinoslavica. 2014. Vol. 72, № 1–2. P. 188–233.

Maiorov 2014b - *Maiorov A.V.* The imperial Purple of the Galician-Volynian Princes // Rusin. 2014. № 2 (36). P. 147–161.

Maiorov 2015a - *Maiorov A.V.* Ecumenical Processes in the mid-13th century and the Union between Russia and Rome // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 2015. Vol. 126, № 1. P. 11–34.

Maiorov 2015b - *Maiorov A.V.* The Alliance between Byzantium and Rus' before the Conquest of Constantinople by the Crusaders in 1204 // Russian History. 2015. Vol. 42, № 3. P. 272–303.

Maierov 2015c - *Maierov A.V.* The Cult of St. Daniel the Stylite among the Russian Princes of the Rurik dynasty // *Slavic and East European Journal*. 2015. Vol. 59, № 3. P. 345–366.

Maierov 2016a - *Maierov A.V.* Angelos in Halych: Did Alexios III Visit Roman Mstislavich? // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2016. Vol. 56, № 2. P. 343–376.

Maierov 2016b - *Maierov A.V.* The Mongol Invasion of South Rus' in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions // *Journal of Slavic Military Studies*. 2016. Vol. 29, № 3. P. 473–499.

Maierov, Metelkin 2016 - *Maierov A.V., Metelkin E.N.* Die “deutsche Spur” in der altrussischen Erzählung über die Einnahme Konstantinopels durch die Kreuzritter // *Byzantinische Zeitschrift*, 2016. Bd. 109, Hft. 2. S. 809–820.

Minorsky 1952 - *Minorsky V.* Caucasia III: the Alān Capital *Magas and the Mongol Campaigns // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 1952. Vol. 14, № 2. P. 221–238.

Nagirnyj 2011 - *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2011. 362 p.

Nicetas Choniates - *Nicetae Choniatae Historia*, ed. I. A. van Dieten. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975 (= *Corpus Fontium Historiae Byzantinae, ser. Berolinensis*, vol. 11/1). CXV + 656 p.

Papayianni 2000 - *Papayianni A.* Aspects of the Relationship Between the Empire of Nicaea and the Latins, 1204–1254. London: University of London, 2000. 702 p.

Raffin 1935 - *Raffin L.* Anne Gonzague, princesse palatine. 1616–1684. Paris: Desclée, de Bruwer & cie, 1935. 386 p.

Rocznik Traski - *Rocznik Traski* // *Monumenta Poloniae Historica* / Ed. A. Bielowski. Lwów: *Nakładem Własnym*, 1872. P. 826–861.

Schmeidler 1906–1907 - *Schmeidler B.* Der sogenannte Cusentinus bei Tolomeus von Lucca // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. 1906–1907. Bd. 32, Hft. 1. S. 252–261.

Seemann 1976 - *Seemann K.D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München: W. Fink, 1976. 484 s.

Sophocles 2005 - *Sophocles E.A.* Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods. Hildesheim; Zürich; New York, 2005. 1748 p.

Tholomeus Lucensis - *Tholomeus Lucensis Historia ecclesiastica nova* / Eds. O. Clavuot and L. Schmutge. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 2009 (= *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores*, vol. 39). LXXVIII + 786 p.

Zespół wieżowy 2009 - *Zespół wieżowy w Stołpiu*. Badania 2003–2004 / Ed. A. Buko. Warszawa: IAE PAN, IA UW, 2009. 376 p.

REFERENCES

Vojtowicz, L.V. (2011) *Galits'ko-Volins'ki etyudi* [Galician-Volhynian Essays]. Bila Tserkva: Vidavets' Oleksandr Pshonkivs'kiy.

Vojtowicz, L.V. (2014) O nekotorykh spornykh problemakh izucheniya Galits'ko-Volynskoy Rusi vremen Romana Mstislavicha i Daniila Romanovicha (zametki o noveyshey istoriografii) [Some disputed issues of the study of Galicia-Volyn Rus while Roman Mstislavovich and Daniel Romanovich (Notes on modern historiography)]. *Rusin*. 1 (35). pp. 52-63.

Ankhimiyuk, Yu.V., Zavadskaya, S.V., Novokhatko, O.V. & Pliguzov, A.I. (eds.) (2003) *Gustynskaya letopis'* [The Custynya Chronicles]. In: Kuchkin, V.A. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Golovko, O.B. (2004) Derzhava Romanovichiv ta Zolota Orda (40–50-ti rr. XIII st.) [The State of Romanovychi and Golden Horde (1240–1250)]. *Ukrains'kiy istorichnyi zhurnal*. 6. pp. 3-16.

Dimitriy (Yarema). (2005) *Ikonopis Zakhidnoi Ukraïni XII–XV st.* [Western Ukraine Iconography of the 12th – 15th centuries]. Lviv: Drukars'ki kunshti.

Duk, D., Kalechyts, I. & Kots, A. (2015) *Pyachatka Eÿfrasinni Polatskay* [The Seal of Euphrosyne of Polotsk]. *Belaruski gistorychny chasopis*. 7. pp. 13-18.

Ivakin, G.Yu. (2000) *Mongol's'ka navala na Rus'* [The Mongol invasion in Rus']. In: Tolochko, P.P. (ed.) *Davnya istoriya Ukraïni: U 3 t.* [The Ancient History of Ukraine: In 3 vols]. Vol. 3. Kyiv: Libid'. pp. 573-588.

Izmaylov, I. (2009) *Pokhody v Vostochnuyu Evropu 1223–1240 gg.* [Campaigns in Eastern Europe in 1223–1240]. In: Usmanov, M.A. & Khakimov, R.S. (eds) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [The History of Tartars from the Ancient Times]. Vol. 3. Kazan. Rukhiyat. pp. 133-161.

Ilovayskiy, D.I. (1880) *Istoriya Rossii* [The History of Russia]. Moscow: P. Lebedev.

Shakhmatov, A.A. (ed.) (1998) *Ipat'evskaya letopis'* [The Hypatian Codex]. In: Shakhmatov, A.A. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. 3rd ed. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Karpov, A.Yu. (2011) *Batyy* [Batu]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Kotlyar, N.F. (ed.) (2005) *Galitsko-Volynskaya letopis'. Tekst. Kommentariy. Issledovaniya* [The Galician-Volhynian Chronicle. Text. Comments. Research]. St. Petersburg: Aleteyya.

Karsky, E.F. (ed.) (1997) *Lavrent'evskaya letopis'* [The Laurentian Codex]. In: Karsky, E.F. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Maiorov, A.V. (2009) *Tsarskiy titul galitsko-volynskogo knyazya Romana Mstislavicha i ego potomkov* [The royal title of Galician-Volyn Prince Roman Mstislavich and his descendants]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1–2. pp. 250-262.

- Maierov, A.V. (2010) Neizvestnyy fakt biografii Daniila Galitskogo [Unknown facts from the biography of Daniel Galitsky]. *Rossica antiqua*. 2. pp. 140-148.
- Maierov, A.V. (2011a) Pechat' Evfrosinii Galitskoy iz Novgoroda [The Seal of Euphrosyne, of Galich]. *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki - Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2. pp. 5-25.
- Maierov, A.V. (2011b) Was Daniel Galitsky crowned by Pope Innocent IV?. *Rusin*. 3 (25). pp. 42-49 (In Russian).
- Maierov, A.V. (2011c) Daniil Galitskiy i Fridrikh Voinstvennyy: rusko-avstriyskie otnosheniya v seredine XIII v. [Daniel of Galicia and Friedrich the Belligerent: Russian-Austrian relations in the mid-13th century]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 32-52.
- Maierov, A.V. (2011d) *Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa. Iz istorii vneshnepoliticheskikh i kul'turnykh svyazey XII-XIII vv.* [Russia, Byzantium and Western Europe. From the history of foreign policy and cultural ties in the 12th – 13th centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- Maierov, A.V. (2012a) Pervaya uniya Rusi s Rimom [The first union between Russia and Rome]. *Voprosy istorii*. 4. pp. 33-52.
- Maierov, A.V. (2012b) "The King of Russia" in the Battle of Leitha. *Rusin*. 3 (29). pp. 54-77 (In Russian).
- Maierov, A.V. (2012c) Mongol-Tatars in the Galicia-Volyn Rus. *Rusin*. 4 (30). pp. 56-72 (In Russian).
- Maierov, A.V. (2013a) Daniel of Galicia and the "Prince of Tartar" before the invasion of Batu in South Russia. *Rusin*. 1 (31). pp. 53-77 (In Russian).
- Maierov, A.V. (2013b) Posledniy rubezh Zapadnogo pokhoda Batyya i karpato-dunayskie zemli [The last frontier of Batu's Western campaign and the Carpathian-Danube lands]. *Rusin*. 2 (32). pp. 6-18 (In Russian).
- Maierov, A.V. (2013c) "Dvoynye" izvestiya Galitsko-Volynskoy letopisi [The "double" news of the Galician-Volhynian Chronicle]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 87-99
- Maierov, A.V. (2014) Daniel of Galicia and Templars. *Rusin*. 1 (35). pp. 36-51 (In Russian).
- Maierov, A.V. (2015a) The Mongol conquest of Volhynia and Galicia: Controversial and unresolved issues. *Rusin*. 1 (39). pp. 11-24 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/2
- Maierov, A.V. (2015b) Batu Khan's conquest of Southern Rus: To the interpretation of one news by Rashid Al-Din. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1. pp. 169-181 (In Russian).
- Maierov, A.V. (2015c) Illustri regi Russiae: korolevskiy titul russkikh knyazey v pervoy polovine XIII v. [Illustri regi Russiae: The royal title of Russian princes in the early 13th century]. *Stratum plus*. 6. pp. 53-61.
- Martynuk, A.V. (2013) Knyaz' Rostislav v bitve na reke Leyte: "ruskiy epizod" avstriyskoy istorii [Prince Rostislav in the Battle of the Leitha: The "Russian episode" of Austrian history]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki - Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2. pp. 49-55.

Nasonov, A.N. (1969) *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka: Ocherki i issledovaniya* [The History of Russian Chronicles of the 11th – early 18th centuries. Essays and researches]. Moscow: Nauka.

Nasonov, A. N. (ed.) (2000) *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov* [The Novgorod First Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Pochekaev, R.Yu. (2007) *Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom* [Baty. The Khan who was not a Khan]. Moscow; St. Petersburg: Evraziya.

Rashid ad-Din. (1946) *Sbornik letopisey* [The Collection of Chronicles]. Translated by A.K. Arends. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Rashid ad-Din. (1952) *Sbornik letopisey* [The Collection of Chronicles]. Translated by O.I. Smirnov. Vol. 1–2. Leningrad: USSR AS.

Rashid ad-Din. (1960) *Sbornik letopisey* [The Collection of Chronicles]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Rozhko, M. (1999) Pro deyaki oboronni Preobrazhens'ki monastiri XIII st. v Galichini [About some defense of the Transfiguration Monastery in the 13th century in Galicia]. *Lavra: Chasopis monakhiv Studits'kogo ustavu*. 1. pp. 42-49.

Kisterev, S.N. & Timoshina, L.A. (eds) (2000) *Sofiyskaya 1-ya letopis'* [The Sofia Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 6. Moscow: YARK.

Tolochko, P.P. (2003) *Kochevye narody i Kievskaya Rus'* [Nomadic peoples and Kievan Rus]. St. Petersburg: Aleteyya.

Froyanov, I.Ya. & Maiorov, A.V. (2000) *Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina Galicha v pravlenie Mstislava Udalogo* [Prince, boyars and urban communities in Galich during the reign of Mstislav Vladimirovich]. In: Bokhanov, A.N. et al. (eds) *Rossiya i mirovaya tsivilizatsiya* [Russia and World Civilization]. Moscow: [s.n.]. pp. 74-94.

Khrapachevskiy, R.P. (2011) *Armiya mongolov perioda zavoevaniya Drevney Rusi* [The Army of Mongols during the Old Rus invasion]. Moscow: Kvadriga.

Khrustalev, D.G. (2013) *Rus'i mongol'skoe nashestvie (20–50-e gg. XIII v.)* [Rus and Mongol invasion (1220–1250)]. St. Petersburg: Evraziya.

Shakhmatov, A.A. (1990) *Obshcherusskie letopisnye svody XIV i XV vekov* [Russian Chronicle Compilations of the 14th and 15th centuries]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 332 (11). pp. 80-161.

Ata-Malik Juvaini. (1958) *Tarikh-i-Jahan Gusha*. Vol. 1. Translated into English by J.A. Boyle. Manchester.

Dąbrowska, E. (1991) *Królów polskich relikwiarz koronacyjny Krzyża Świętego* [Polish Kings' coronation reliquary of the Holy Cross]. In: Gieysztorowi, A. (ed.) *Kultura sredniowieczna i staropolska* [Polish medieval culture and traditions]. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. pp. 67-89.

Dąbrowski, D. (2002) *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne (In Polish).

Dąbrowski, D. (2012) *Daniel Romanowicz. Król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna* [Daniel Romanovich. King of Rus (c. 1201–1264). A political biography]. Kraków: Avalon, 2012. 538 s. (In Polish).

Durand, J. (1992) *La Vraie Croix de la princesse palatine au trésor de Notre-Dame de Paris: Observations techniques* [The True Cross of the Palatine Princess at the Treasury of Notre-Dame de Paris: Technical Observations]. *Cahiers Archéologique*. 40. pp. 139-146.

Freydank, D. (1968) *Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels 1204* [Chronista Novgorodensis] [The Old Russian narrative about the conquest of Constantinople 1204 [Chronista Novgorodensis]]. *Byzantinoslavica*. 29. pp. 334-359.

Grala, H. (1986) *Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu* (Jan Długosz i kronikarz Hustyński). *Kwartalnik Historyczny*. 3(93). pp. 639-661 (In Polish).

Hiestand, R. (1997) *Die erste Ehe Isaaks II. Angelos und seine Kinder* [The first marriage of Isaac II Angelos and his children]. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 57. pp. 201-207.

Ioannis Dlugosii Annales. (1973) *Cronicae incliti regni Poloniae* [Annales of John Dlugosii, or Cronicae The beauty of the kingdom of Poland]. Vol. 5–6. Warsaw: Państwowe Wydawn. Naukowe.

Boehmer, J.F. (ed.) (1868) *Fontes rerum Germanicarum*. Vol. 4. Stuttgart: Verl. der J.G. Cotta'schen Buchhandlung. pp. 315-327.

Kazhdan, A. & Ševčenko, N.P. (1991) *Stylite*. In: Kazhdan, A. (ed.) *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 3. New York: Oxford University Press. pp. 1971.

Maierov, A.V. (2014a) *The daughter of a Byzantine Emperor – the wife of a Galician-Volhynian Prince*. *Byzantinoslavica*. 72 (1–2). pp. 188-233.

Maierov, A.V. (2014b) *The Imperial Purple of the Galician-Volynian Princes*. *Rusin*. 2 (36). pp. 147-161 (In Russian).

Maierov, A.V. (2015d) *Ecumenical Processes in the mid-13th century and the Union between Russia and Rome*. *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 126 (1). pp. 11-34.

Maierov, A.V. (2015e) *The Alliance between Byzantium and Rus before the Conquest of Constantinople by the Crusaders in 1204*. *Russian History*. 42 (3). pp. 272-303. DOI: 10.1163/18763316-04203002

Maierov, A.V. (2015f) *The Cult of St. Daniel the Stylite among the Russian Princes of the Rurik dynasty*. *Slavic and East European Journal*. 59 (3). pp. 345-366.

Maierov, A.V. (2016a) *Angelos in Halych: Did Alexios III Visit Roman Mstislavich?* *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 56(2). pp. 343-376.

Maierov, A.V. (2016b) *The Mongol Invasion of South Rus in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions*. *Journal of Slavic Military Studies*. 29 (3). pp. 473-499. DOI: 10.1080/13518046.2016.1200395

Maierov, A.V. & Metelkin, E.N. (2016) Die "deutsche Spur" in der altrussischen Erzählung über die Einnahme Konstantinopels durch die Kreuzritter [The "German Trail" in the Old Russian narrative about the capture of Constantinople by the Crusaders]. *Byzantinische Zeitschrift*. 109 (2). pp. 809–820.

Minorsky, V. (1952) Caucasia III: the Alān Capital *Magas and the Mongol Campaigns. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 14 (2). pp. 221–238. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0041977X00083828>

Nagirnyj, W. (2011) *Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264* [The foreign policy of Galicia and Volyn in 1198 (1199)–1264]. Krakow: Polska Akademia Umiejętności.

Dieten, van I.A. (ed.) (1975) *Nicetae Choniatae Historia*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Papayianni, A. (2000) *Aspects of the Relationship between the Empire of Nicaea and the Latins, 1204–1254*. London: University of London.

Raffin, L. (1935) *Anne Gonzague, princesse palatine. 1616–1684*. Paris: Desclée, de Bruwer & cie.

Bielowski, A. (ed.) (1872) *Monumenta Poloniae Historica*. Lwów: Nakładem Własnym. pp. 826–861.

Schmeidler, B. (1906–1907) Der sogenannte Cusentinus bei Tolomeus von Lucca [The so-called Cusentinus at Tolomeus of Lucca]. *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. 32 (1). pp. 252–261.

Seemann, K.D. (1976) *Die altrussische Wallfahrtsliteratur* [The Old Russian pilgrimage literature]. München: W. Fink.

Sophocles, E.A. (2005) *Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods*. Hildesheim; Zürich; New York.

Tholomeus Lucensis. (2009) *Historia ecclesiastica nova*. Hannover: Hahnsche Buchhandlung.

Buko, A. (2009) *Zespół wieżowy w Stołpiu. Badania 2003–2004*. Warsaw: IAE PAN, IA UW (In Polish).

Фроянов Игорь Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Froyanov Igor - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: i.froyanov@spbu.ru

УДК 94(367):(571)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/7

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА В XX в.: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИТИКО- ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ СИБИРИ)*

Д.В. Хаминов

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: khaminov@mail.ru

Авторское резюме

Предпринята попытка на примере Сибири – специфического макрорегиона периферии России – показать то значение, которое имела историческая славистика (историческое славяноведение) для развития его научно-образовательного потенциала и, в конечном счете, для основных региональных общественно-политических и социокультурных институтов и процессов. Вузы Сибири, традиционно не являясь центрами отечественной исторической славистики (в силу своего периферийного географического расположения и административно-организационных особенностей), тем не менее играли важную роль в этих процессах. В то же время сама историческая славистика оказывала влияние на некоторые региональные и отраслевые институты. Славяноведческий сегмент в научно-образовательном пространстве отечественной высшей школы, в том числе и в Сибири, имел двунаправленное действие. С одной стороны, это была государственная политика, направленная на решение важнейших внутривнутриполитических и геополитических задач (продвижение идей братства славянских народов и их единства, связанных общей историей и культурной идентичностью). С другой стороны, инициативная тематика самих сотрудников вузов

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ в рамках научного проекта МК-6824.2016.6 «Историческое знание во второй половине XIX – начале XXI в. как конструкт общественно-культурного сознания, политико-идеологической и гражданской идентичности: связь времен и поколений (на примере сибирского научно-образовательного комплекса)».

Сибири играла значительную роль в развитии исторической славистики, особенно на территории таких периферийных регионов, как Сибирь. Работа написана на основе архивных источников и материалов, выявленных автором в сибирских архивах, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: славистика, история, высшее образование, наука, идеология, Сибирь.

HISTORICAL SLAVIC STUDIES IN THE 20TH CENTURY: SOCIOCULTURAL, POLITICAL AND IDEOLOGICAL ASPECTS (A CASE STUDY OF THE HIGH SCHOOL IN SIBERIA)*

D.V. Khaminov

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: khaminov@mail.ru

Abstract

Considering Siberia a specific macro-region of the Russian periphery, the author strives to show the impact of historical Slavic studies on the development of its scientific and educational potential, the main regional socio-political and socio-cultural institutions and processes. Traditionally Siberian higher educational institutions were not among the centres of Russian historical Slavic studies due to their peripheral geographical location and administrative specificity. However, they played a very important role in these processes. The historical Slavic studies influenced some regional and sectoral institutions. The Slavic studies in the academic environment of the national high school, including Siberia, had a bidirectional effect. On the one hand, it was the state policy aimed at solving the most important domestic and geopolitical issues (e.g. promotion of the idea of Slavic brotherhood and the unity of Slavic peoples who have common history and cultural identity). On the other hand, the initiative on part of the high school employees in Siberia contributed much to the development of historical Slavic studies, especially in such peripheral regions as Siberia.

*This research was supported by the Grant of the Russian Federation President for State Support of Young PhDs "Historical knowledge in the late 19th – early 21st centuries as a construct of socio-cultural awareness and political, ideological and civic identity: The link of times and generations (a case study of Siberian Scientific and Educational Complex)" (МК-6824.2016.6).

The article is based on new archival sources and materials found by the author in Siberian archives and introduced into the scientific discourse for the first time.

Keywords: Slavic Studies, history, higher education, science, ideology, Siberia.

Историческая славистика (историческое славяноведение) выступает важным социокультурным, а на определенных этапах общественно-политического развития славянских государств (прежде всего Российской империи и СССР) еще и политико-идеологическим фактором. Изучение прошлого славян и включение этого знания в систему высшего образования при подготовке гуманитариев являлись в нашей стране важным фактором при формировании историко-культурной идентичности славянских народов.

Высшая школа – институт подготовки национальной элиты, транслятор основных социокультурных кодов, важных для государства и общества. Особую актуальность в данном аспекте приобретает гуманитарный сегмент (прежде всего, исторический), в котором в наибольшей мере реализуются установки на формирование мировоззрения, гражданской позиции, идентичности и иных характеристик любого общества и отдельной личности. Дореволюционная и советская (которая во многом является продолжением и приемником лучших классических гуманитарных традиций дореволюционной школы) системы высшего образования и организации науки достаточно органично вписались в общий социокультурный ландшафт развития страны, со временем взяв на себя функцию ретранслятора культурных смыслов, социальных идеалов и образцов поведения для населения.

Становление исторической славистики как специального раздела общей славистики (общего славяноведения) приходится в славянских странах на вторую половину XIX в. В этот период усиливается дифференциация входивших в общее славяноведение дисциплин. При сохранявшемся преобладании филологической проблематики развивались исторические, этнографические, антропологические и другие исследования. Широкий спектр общественных и государственных мероприятий, направленных на изучение исторического прошлого славянских народов и государств, способствовал повышению национального самосознания славянских народов, которые на протяжении всего XIX и начала XX в. вели борьбу за национально-политическое освобождение, проводя поиски национальной и наднациональной идентичности славян (Историческая 1987).

Ведущими центрами славяноведения (в том числе и в части исторической славистики) в дореволюционной России были университеты. Подготовка специалистов и историко-славистические исследования проводились на открывавшихся в тот период кафедрах

славяноведения при Московском, Петербургском, Казанском и Харьковском университетах.

Согласно п. 3 Общего устава императорских российских университетов от 23 августа 1884 г. (ПСЗРИ 1887: 457), каждый из университетов Российской империи в своем составе должен был иметь историко-филологический факультет (ИФФ). Пункт 55 подробно регламентировал структурный состав ИФФ по кафедрам, для которого предусматривалось наличие кафедры славянской филологии (ПСЗРИ 1887: 464). Организационная структура ИФФ в классических университетах сложилась в России к концу 1870-х гг. и, как правило, состояла из трех основных отделений (разрядов): классической филологии, славяно-русской филологии и истории. Каждый университет, в конечном итоге, самостоятельно определял на этой основе будущую структуру своих ИФФ при открытии и мог дополнять данный перечень другими отделениями.

Еще до учреждения в сибирских университетах специализированных подразделений (в Томском университете ИФФ был открыт летом 1917 г., а в Иркутском – осенью 1918 г.) в них проводились исследования, связанные с исторической славистикой. Начало археологическим исследованиям в Томском университете положил В.М. Флоринский, который создал университетский археологический музей и, кроме полевых работ, т. е. раскопок памятников на территории азиатской части России, занимался «кабинетной археологией» – изучал ее по материалам музейных коллекций. Флоринский систематизировал и обобщил все имевшиеся в его распоряжении материалы (музейные экспонаты, научно-исследовательские работы, материалы археологических раскопок), связанные с историей славян первобытного периода, и на их основе опубликовал монографию «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии» (Флоринский 1894–1897). В своем труде В.М. Флоринский выдвинул гипотезу о едином «праарийском народе», который обитал в долетописные времена на территории от окраин Европы до западной границы Китая.

На примере Томского университета проиллюстрируем общие принципы, на которых базировалась историческая славистика в классических университетах (научные исследования и образовательная составляющая подготовки гуманитариев – историков и филологов).

В Томском университете ИФФ открылся в составе четырех отделений: классического, славяно-русского (словесного), исторического и романо-германского (Постановление 1917). Все поступавшие на ИФФ могли выбирать для обучения любой

из рекомендованных циклов дисциплин в пределах каждого отделения (ГАТО 4: 17), и в течение курса слушатели обязаны были посетить не менее 12 просеминариев и семинариев по предметам избранного ими цикла. Все предметы на ИФФ делились на общие, т. е. обязательные для студентов всех отделений, и специальные – свои для каждого из четырех отделений. Для исторического это были древняя, средневековая, новая, русская история и история славян. Помимо лекционных курсов, на ИФФ студенты должны были посещать практические занятия (просеминарии и семинарии) (ГАТО 1: 118а об., 118б). В просеминариях преподаватели ставили своей целью приобщить студентов к самостоятельному научному поиску в определенном предмете, ознакомить с данным материалом по первоисточникам (обязательно на языке оригинала) и с методами работы с ними. На историческом отделении имелись просеминарии по русской истории и по всеобщей истории (включая историю славян) (ГАТО 4: 17).

При открытии ИФФ Томского университета были организованы несколько кабинетов для научной и учебной работы студентов, в том числе кабинеты славянской филологии и сравнительного языкознания (Сибирская 1919). К началу 1921 г. на ИФФ работали 9 кабинетов, в том числе действовал кабинет славяноведения (ГАТО 5: 37), заведующим которого был эвакуированный в годы гражданской войны из Петрограда К.А. Пушкаревич – впоследствии выдающийся отечественный литературовед, этнограф, доктор филологических наук, профессор Ленинградского государственного университета и старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР, известный своими трудами по литературе, истории, языку и культуре славянских народов.

События гражданской войны привели к значительному притоку в открытый осенью 1918 г. Иркутский госуниверситет специалистов гуманитарных направлений из западных регионов страны (Дело 1918). Университет начал работу при наличии двух факультетов – юридического и ИФФ, последний состоял из исторического и славяно-русского (словесного) отделений (ГАИО 1: 311). На ИФФ стал работать приехавший в эвакуацию из Казанского университета профессор А.М. Селищев – один из крупнейших русских славистов и языковедов XX в. (лингвист-славянист), специалист по балканистике, славянской палеографии и топонимике. (Впоследствии А.М. Селищев – член-корреспондент АН СССР и Болгарской АН, почетный член Македонского научного института, а в 1933–1934 гг. – фигурант «Дела славистов» (дело «Российской национальной партии»), репрессированный во второй половине 1930-х гг.) Он возглавил в Иркутске

кафедру славянской филологии. За годы работы в ИГУ он опубликовал несколько крупных славяноведческих работ по итогам своих научных экспедиций. Так, весной 1919 г. Ученым советом ИГУ и Средне-Сибирским отделением Института исследования Сибири профессор был откомандирован с научной целью в Забайкалье. Своей задачей он поставил ознакомление с языком и укладом жизни старообрядцев, так называемых семейских Верхнеудинского уезда. По итогам командировки им была опубликована монография «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Селищев 1920).

В течение 1919 г. в Иркутск прибыли эвакуированные профессора, преподаватели и студенты Пермского университета, которые также были прикомандированы к ИГУ. Доцент кафедры всеобщей истории А.И. Коссовский был прикомандирован к соответствующей кафедре в ИГУ (ГАИО 2: 17). А.И. Коссовский – российский и советский исследователь истории славянства, Польши, истории религии, первый профессор-славист в Пермском университете. В ИГУ он вел занятия по истории славянских народов, читал спецкурсы по позднесредневековой Польше и гуситскому движению.

После установления советской власти на территории страны, в новых социально-экономических и политических условиях, университеты как учреждения высшего образования должны были, по замыслам большевистского руководства, отойти на второй план и уступить место высшему профессиональному и техническому образованию, т. е. учреждениям, готовившим конкретных специалистов и практических работников. Наибольшие трансформации произошли в гуманитарном секторе университетов. Суть преобразований гуманитарного сегмента в университетах в первой половине 1920-х гг. сводилась к тому, чтобы реформировать (а фактически – упразднить) классические гуманитарные факультеты (сначала юридические, а затем историко-филологические), создать на их базе единые комплексные обществоведческие факультеты, для того чтобы полностью подчинить их деятельность только одной прикладной цели – подготовке кадров специалистов для нужд Советского государства.

Согласно постановлению Наркомпроса от 3 марта 1919 г., во всех университетах страны были организованы факультеты общественных наук (ФОН). По решению центральных и региональных органов образования все славяноведческие дисциплины как не особо важные для подготовки новых специалистов были вынесены в разряд факультативных (ГАТО 3: 159; ГАИО 3: 9 об., 10, 14). Однако и эти «пережитки» классического российского университетского образования со славяноведческими кафедрами и учебными

дисциплинами сохранялись недолго. К середине 1920-х гг. все ФОНы в стране были закрыты. Гуманитарное образование и в значительной степени гуманитарная наука на долгие годы исчезли из советских университетов.

Перелом в развитии исторической славистики произошел накануне и в годы Великой Отечественной войны, когда с организацией историко-славистических центров – в Институте истории АН СССР, МГУ (кафедра истории южных и западных славян) и ЛГУ – были созданы предпосылки для решения одной из основных задач советского славяноведения – подготовки профессиональных славистов. В то же время в отечественном университетском образовании история зарубежных славянских народов была выделена в самостоятельную дисциплину и окончательно отделена от филологического сегмента. Необходимость учреждения самостоятельных историко-славистических центров в МГУ и ЛГУ была вызвана политическими обстоятельствами второй половины 1930-х гг. и нарастанием военной угрозы в Европе.

Однако на периферийном уровне славистической проблематике так и не удалось в полной мере развиваться в довоенный период. Само историческое образование и наука в сибирских вузах находились на стадии становления (в открывавшихся на протяжении 1930-х гг. педагогических и учительских институтах) или восстановления (исторические факультеты в единственных сибирских университетах – Томском и Иркутском – были восстановлены лишь в 1940 г.).

Социокультурные и идейно-политические потребности Великой Отечественной войны максимально актуализировали потенциал исторических исследований, в том числе славяноведческих. История славянских народов и государств и иные славяноведческие сюжеты призваны были сыграть важную идеологическую функцию. С одной стороны, они должны были осветить героические страницы прошлого, где отражались бы примеры побед славянских народов над иноземными завоевателями (прежде всего, примеры борьбы славян с немецкими агрессорами). С другой стороны, эти сюжеты призваны были показать исторические примеры единства славянских народов и государств в борьбе с иностранными захватчиками, что должно было стать важным идеологическим и патриотическим дискурсом как внутри страны (среди братских славянских народов СССР), так и за ее пределами – в отношениях со славянскими государствами Восточной Европы и Балкан.

Работа вузов перестраивалась на военный лад – серьезным изменениям подверглись содержание образовательного процесса, организация подготовки историков, учебно-методическая, воспитательная и научная работа сотрудников. Так, на всех ИИФ сибирских

вузов пересматривались тематика и направления исторических дисциплин, вносились изменения и дополнения в учебные планы, в программы общих и специальных курсов, в тематику спецсеминаров. Особое внимание при чтении общих и специальных курсов стало уделяться военной истории СССР и зарубежных стран, вопросам развития отечественной культуры, революционного и освободительного движения, героической борьбе народов России и славянских народов в разные периоды времени с иноземными захватчиками и т. п. Больше времени в учебных планах исторических кафедр стало отводиться всемирной истории, истории международных отношений, а также истории славянских народов и государств.

Обобщая материалы архивных данных, связанных с тематикой научных исследований сибирских историков в военные годы, можно заключить, что доминирующими стали военная и историко-патриотическая тематика, а также проблематика, связанная с историей международных отношений и с историей славянского единства. Историки исследовали сюжеты, освещавшие тему национально-освободительных войн русского и славянских народов. В первую очередь, эти сюжеты были связаны с историей борьбы именно против немецких захватчиков: «Борьба славян с немецкими захватчиками в XII–XIII вв.», «Борьба славянских народов с немецкими феодалами», «Вековая борьба славян с немецкими захватчиками», «Борьба с немцами в 1918 г. на Украине» и т. п. Эти научные темы были положены в основу агитационной и пропагандистской работы; с ними вузовские работники выступали перед жителями сибирских городов, эвакуированными, бойцами и переселенцами из европейской части СССР, поднимая их патриотический дух.

Послевоенный период развития отечественной исторической славистики, в том числе и на региональном уровне, также продолжал обуславливаться рядом внутри- и внешнеполитических факторов.

Уже в конце 1946 г. было создано центральное комплексное славистическое учреждение (с 1968 г. – Институт славяноведения и балканистики АН СССР). В стране возникали кафедры и группы в университетах Ленинграда, Киева, Львова, Минска, Воронежа, Харькова, Саратова, в АН УССР. В 1956 г. был организован Советский комитет славистов, и установлены тесные научные контакты с учеными стран народной демократии (славянскими государствами).

Посредством специальных исторических изданий в научно-образовательные процессы внедрялись установки на выстраивание единства славянских народов, шел поиск исторической общности славян, претворялись в жизнь организационно-научные установки на проведение славяноведческих исследований. В ведущем историче-

ском журнале СССР первого послевоенного десятилетия – «Вопросы истории» – ставились важнейшие и дискуссионные вопросы, связанные с происхождением славян и поиском общих закономерностей их развития (Лер-Сплавинский 1946; Пичета 1946а; Удальцов 1947; Удальцов 1949; Третьяков 1953); публиковались информационно-аналитические сообщения о развитии славяноведческих исторических исследованиях в СССР, и, как следствие, шло определение магистральных направлений для исследователей во всей стране (Писарев 1950; Пичета 1946b; Пичета 1947а; Хренов 1955); размещались историографические обзоры новой литературы по исторической славистике, рецензии на книги и т. д. (Пичета 1947b; Новые 1948).

Институционализация и дальнейшее развитие славяноведческих структур шли параллельно с негативными процессами в политической жизни советского общества, связанными с проводившимися в первое послевоенное десятилетие идеологическими кампаниями. Славянский фактор и славяноведение (в том числе историческая славистика) вошли в число их неотъемлемых компонентов.

С одной стороны, идеологи и проводники кампаний (как на общегосударственном, так и на региональном и локальном уровнях) по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», с «безродными космополитами», против «марризма в языкознании» довольно часто для обоснования своих позиций прибегали к славянскому фактору как важной составляющей так называемых научных дискуссий. С другой стороны, геополитическое положение СССР после Второй мировой войны в Восточной Европе и на Балканах обуславливало особое место Советского государства в системе международных отношений и в славянском мире. В силу этого историческая славистика обретала особый статус в системе социогуманитарных и обществоведческих дисциплин и наук. Изучение истории и современного состояния славянского мира должно было дать ответы на многие вызовы современной геополитики. При подготовке специалистов-гуманитариев, будущей элиты страны, необходимо было заложить им соответствующие установки.

В первое послевоенное десятилетие изменения во внешнеполитической сфере и системе международных отношений (сближение СССР с балканскими странами и государствами Восточной Европы) повлекли за собой корректировку учебно-воспитательного процесса в вузах, согласуясь с реалиями текущей внешней политики. Необходимо было дать теоретическое обоснование особой роли этногенеза русского и других славянских народов и специфики складывания у них централизованных государств. Например, на кафедре истории СССР НГПИ еще осенью 1945 г. был заслушан и обсужден доклад

«О задачах исторической науки». В нем были поставлены вопросы, которые нашли отражение в содержании учебного процесса: «О роли восточных славян и Киевского государства в истории Европы», «О разоблачении "антинаучной теории" норманнского происхождения русского государства» (ГАНО: 23 об.–24). Схожие направления деятельности по изменению учебно-методической и воспитательной работы проходили и в остальных вузах Сибири (ГАНО: 34 об.–35; ГАНИ ИО: 23; ГАСПИ ТО: 42).

Следуя директивным партийным и правительственным документам, руководство вузов и исторических структурных подразделений сразу брало курс на воплощение их в жизнь. Исторические кафедры Сибири приняли ряд мер по перестройке учебно-воспитательного и научного процессов в свете партийных решений по идеологическим вопросам. Изменения прежде всего выражались во введении дополнительных учебных курсов или перестройке уже читавшихся. Например, на кафедре истории СССР и кафедре всеобщей истории ИФ ОмГПИ было пересмотрено распределение учебного времени по разделам и курсам в сторону увеличения количества часов на разделы истории советского народа, новейшей истории, истории западных и южных славян и связи истории Западной Европы с историей России, а также по вопросам истории Древнего мира, связанных с древней историей Советской Родины и славянских народов (ИАОО 1: 54; ИАОО 2: 7–7 об.). На исторических кафедрах активно обсуждались учебники для средней школы и вузов, по результатам которых пересматривались учебные программы курсов и учебные пособия. Например, в НГПИ было принято решение «всемерно использовать лекции в целях воспитания советского патриотизма, уделяя при изучении всеобщей истории максимум внимания роли русского народа в мировой истории, уделять больше внимания историческим деятелям и показывать их роль в историческом процессе» (ГАНО: 34 об.–35).

В одном из докладов доцента ИФФ ИГУ М.А. Гудошникова «О преклонении перед иностранщиной в исторической науке» был поднят вопрос об «умалении нашей советской исторической науки» и «решительной борьбе против не критического восприятия и трактовки отдельных исторических проблем» (ГАНИ ИО: 61–62). Доцентом ИГУ Ф.А. Кудрявцевым был поднят вопрос о том, что в учебниках для средней и высшей школы имело место «неправильное толкование отдельных исторических фактов и событий». Кудрявцев в качестве примера «неправильного учебника» назвал «Историю Средних веков», где неверно, с его точки зрения, освещалось возникновение государств у западных и южных славян и неверно

излагалась история Германии в связи с историей славянских народов. После этих «критических» замечаний содержание учебного процесса приводилось в соответствие с идеологическими установками.

Перестройка в области идеологической работы находила свое выражение также в научно- и учебно-исследовательской работе студентов, например в тематике курсовых работ, которые были введены в учебный процесс с 1947/48 учебного года. Так, в ОмГПИ во второй половине 1940-х гг. часто можно было встретить такие темы курсовых работ, как «Роль России в освобождении балканских славян», «Борьба славянских и прибалтийских народов с немецкой агрессией» (ИАОО 1: 35) и т. п., а в ТГПИ на научных конференциях и на иных научных форумах студенты выступали с докладами на темы «Критика лженаучной "теории" норманистов» и т. п. (ГАТО 2: 8–9).

Таким образом, отличительными чертами научно-образовательной и идейно-воспитательной деятельности в сибирских вузах стали патриотизм и гордость за русскую культуру и историю. Преподавателями на лекционных курсах и семинарских занятиях в области истории проводилась борьба с «реакционными теориями», с иностранными и отечественными дворянскими, буржуазными и советскими немарксистскими исследователями. Последствия перестройки учебно-воспитательной работы со студентами отражались и на ходе проведения педагогических практик, при организации уроков и внеклассной работы со школьниками (ЦДНИ ТО: 4–5 об.).

Решающее значение в деле организации учебно-воспитательной, политико-идеологической и научно-исследовательской работы в вузах (как в среде учащихся, так и в среде сотрудников) в контексте идейно-политического воспитания историков имели постановления оргбюро ЦК ВКП(б), закрытые письма и иные директивные документы по вопросам идеологической работы в среде интеллигенции, в том числе научно-педагогических работников, и научные дискуссии по вопросам философии, биологии, физиологии, политэкономии и языкознанию (Сталин 1950).

На волне развернувшейся на рубеже 1940–1950-х гг. идеологической кампании, направленной против академика Н.Я. Марра и его концепции, связанной с вопросами языкознания, быстро менявшиеся идейно-политические условия требовали от историков оперативного реагирования. Так, в середине 1950/51 учебного года, в самый разгар антимарровской кампании, для студентов, оканчивавших Томский пединститут и готовившихся сдавать госэкзамены, в спешном порядке был организован обзорный курс лекций по всем разделам истории, посвященный «критике антинаучных кондиций Н.Я. Марра».

Поскольку вопросы языкознания и развития языка у народов были связаны с их социальным и общественным развитием, то студентам прочитали следующие «выравнивающие» тематические лекции: «Складывание племенных объединений на территории СССР», «Вопрос о происхождении восточных славян», «Разработка вопросов этногенеза Руси советскими учеными» и т. п. (ГАТО 2: 21 об.).

Лишь «оттепель» позволила снять накал репрессий против педагогических работников и вернуть научно-образовательный процесс в вузах страны в нормальное русло. В 1960-е гг. сложился типовой учебный план исторических факультетов и отделений университетов и пединститутов, который фактически без изменений просуществовал до распада СССР. Он состоял из трех циклов дисциплин: цикл методологических и общественно-научных (в том числе социально-экономических) дисциплин; общеисторический цикл, включавший в себя в том числе историю южных и западных славян; педагогический цикл.

На примере некоторых сибирских вузов мы имеем возможность проиллюстрировать основные направления развития советской исторической славистики в периферийном регионе в послевоенный период. Важным фактором этих исследований в вузах было то, что они внедрялись в образовательный процесс при чтении общих или специальных курсов.

Флагманом историко-славистических исследований в ТГУ на протяжении второй половины 1940–1960-х гг. была кафедра всеобщей истории. Со времени ее образования стала формироваться ее основная научная тематика, и определялись самостоятельные комплексные проблемы. Крупным направлением кафедры стало изучение истории славянских народов (южных, т. е. балканских, и западных) и их борьбы за освобождение от иноземного гнета в разные периоды. Как раз в тот период существовал наибольший государственный заказ по данной проблематике (ГАТО 7: 7).

Виднейшим представителем этого направления в Томске и во всей Сибири стал И.Г. Коломиец. С 1946 г. он работал директором Ужгородского республиканского историко-краеведческого музея, был и. о. заведующего кафедрой всеобщей истории Ужгородского университета. С 1948 г. и до конца жизни трудился на ИФФ ТГУ. В ТГУ читал курс «История южных и западных славян», вел ряд спецкурсов и спецсеминаров, связанных с вопросами исторического славяноведения. Работая еще в Ужгороде, И.Г. Коломиец собрал значительный документальный материал по истории Закарпатья и опубликовал (в том числе и в соавторстве) ряд статей. Переехав в Томск, ученый продолжил работу над этой комплексной темой. В 1953 г. в печать

вышла первая часть задуманной им монографии «Очерки по истории Закарпатья. Борьба крестьянства Закарпатья против феодального гнета и католического порабощения в XV–XVIII вв.» (Коломиец 1953). Эта книга в 1955 г. была переиздана в Словакии. Вторая часть его очерков увидела свет в 1959 г. (Коломиец 1959). Итогом многолетней работы И.Г. Коломийца стала двухтомная монография «Социально-экономические отношения и общественные движения в Закарпатье во второй половине XIX в.» (Коломиец 1961). Эта монография предполагалась к защите в качестве докторской диссертации. Однако тяжелая болезнь и скоропостижная кончина не позволили ученому осуществить это (Жигалов, Фоминых 2014: 179–180).

Благодаря такому направлению исследований для ТГУ в 1950-е – начале 1960-х гг. стало возможным установление зарубежных связей, редких в тот период. Студенты – члены научного студенческого кружка и преподаватели ИФФ ТГУ в 1950–1960-е гг. состояли в переписке со студентами-историками кафедры истории Болгарии Софийского университета (ГАТО 6: 21–22). Доцент И.Г. Коломиец вел научную переписку с учеными Венгрии и Чехословакии, консультируясь с ними и обмениваясь литературой по теме своей докторской диссертации. Позже его работы получили высокую оценку венгерских и чехословацких ученых (ГАТО 7: 7).

На протяжении 1960-х гг. были установлены тесные научные контакты историков КемГПИ с педфаком университета г. Острава (ЧССР) по вопросам истории развития черной металлургии на доисторическом, древнем, средневековом и современном этапах (ГАКО 2: 932). Между преподавателями факультетов обоих вузов совершался регулярный взаимный обмен научными публикациями, а также обзор научной литературы.

Славяноведческие исследования и внедрение их в образовательный процесс при подготовке историков в последние десятилетия существования Советского Союза (в 1970–1980-е гг.) уже перестали иметь такую явно выраженную политико-идеологическую нагрузку, какую они имели на протяжении 1940–1960-х гг. Особенно это стало заметно на периферии, в провинциальных вузах. Сохранение исторических славистических исследований оставалось на уровне инициативных тем отдельных преподавателей и небольших научно-педагогических коллективов (например, исследования, характерные для Кемеровского университета по истории черной металлургии, археологии и т. п.) (ГАКО 1: 59–60), а образовательная составляющая удовлетворялась преподаванием унифицированного для всей системы исторического образования в СССР курса «История западных и южных славян».

В образовательной системе сибирских вузов долгое время сохранялась практика приглашения (в основном на уровне личных профессиональных связей сибирских ученых) зарубежных специалистов и научно-педагогических работников из столичных городов СССР для чтения лекций и ведения спецкурсов и даже спецсеминаров по славяноведческой тематике. Так, во второй половине 1970-х гг. для студентов-историков КемГУ было прочитано несколько циклов лекций профессором Мирославом Кшицей из ЧССР (ГАКО 3: 3; ГАКО 4: 3). Специалисты по всеобщей истории ввиду их дефицита в Сибири также продолжали приглашаться в КемГУ вплоть до конца 1980-х гг. В эти годы был приглашен кандидат исторических наук, доцент Б.М. Руколь из МГУ для чтения спецкурса «Антифашистское движение Сопротивления в славянских странах» (ГАКО 6: 22).

Обширные международные связи со славянскими странами имела кафедра археологии КемГУ. Она поддерживала научные контакты с институтом «Антропос» в г. Брно (ЧССР), Институтом археологии АН ЧССР и Институтом археологии ВНР, Институтом археологии при Варшавском университете (ПНР), Институтом фракологии и Институтом археологии БНР. Связи осуществлялись в форме обмена научной информацией, литературой, научных контактов, взаимных визитов ученых и т. п. (ГАКО 4: 12–13; ГАКО 5: 54).

В заключение отметим, что как на дореволюционном этапе, так и в советский период историческая славистика несла на себе, помимо важной социокультурной, и политическую, а в советское время – еще и идеологическую нагрузку. Через изучение истории славянских народов и государств, через подготовку специалистов в данной области Российское (Советское) государство стремилось сохранить за собой роль лидера славянского мира, особенно это стало проявляться в послевоенные годы периода позднего сталинизма. В советский период историческая славистика также оказалась подвержена череде идеологических кампаний и стала в руках политического руководства страны (в центре, регионах, на локальном микроуровне) средством проведения в жизнь партийно-государственных установок, вплоть до репрессивных.

В дальнейшем, с распадом советского блока, с обострением этнополитической, конфессиональной обстановки и т. п., с проведением череды политических преобразований как в самих славянских странах, так и в России историческая славистика как политико-идеологический феномен потеряла свое острое звучание и сохранила за собой культурный аспект, являясь транслятором культурных кодов.

ЛИТЕРАТУРА

ГАИО 1 - Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1. План преподавания на ИФФ на 1918–1919 акад. год.

ГАИО 2 - ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 69. Отчет об учебной и научной деятельности ИФФ и сведения о научной и преподавательской деятельности ППС ИГУ. 1919–1920 гг.

ГАИО 3 - ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 212. План и отчеты о преподавании на лингвистико-краеведческом отделении ИГУ. 1924–1926 гг.

ГАКО 1 - Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. П-1436. Оп. 1. Д. 63. Протоколы партсобраний и заседаний партбюро ИФ КемГУ. 1981 г.

ГАКО 2 - ГАКО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 116. Отчет о работе каф. истории СССР КемГПИ за 1963/64 уч. год.

ГАКО 3 - ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 2. Д. 215. Отчет о работе каф. археологии КемГУ за 1976/77 уч. год.

ГАКО 4 - ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 2. Д. 386. Отчет о работе каф. археологии КемГУ за 1978/79 уч. год.

ГАКО 5 - ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 2. Д. 561. Протоколы заседаний каф. археологии КемГУ. 1979 г.

ГАКО 6 - ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 2. Д. 1942. Отчет о работе каф. всеобщей истории КемГУ за 1987/88 уч. год.

ГАНИ ИО - Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 132. Оп. 1. Д. 54. Протоколы партсобраний ИФФ ИГУ. 1946–1950 гг.

ГАНО - Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1596. Оп. 1. Д. 10. Отчет о работе кафедр НГПИ за 1945/46 уч. год.

ГАСПИ ТО - Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П-1438. Оп. 1. Д. 9. Протоколы общих собраний первичной парторганизации ТюмГПИ. 1946 г.

ГАТО 1 - Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 885. Переписка ректора Томского университета с попечителем Западно-Сибирского учебного округа. 1902–1903 гг.

ГАТО 2 - ГАТО. Ф. Р-566. Оп. 1. Д. 192. Планы и отчеты о работе каф. истории ТГПИ. 1949–1952 гг.

ГАТО 3 - ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 43. Проект штатного расписания, учебные программы и планы, сведения о составе факультета общественных наук ТГУ. 1920–1922 гг.

ГАТО 4 - ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 46. Программы экзаменов и зачетов, учебные планы ИФФ ТГУ. 1920–1921 гг.

ГАТО 5 - ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 81. Документы о порядке приема в вузы Сибири, на факультеты и в университеты. 1921–1922 гг.

ГАТО 6 - ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4377. Протоколы заседания каф. всеобщей истории ИФФ ТГУ. 1957–1958 гг.

ГАТО 7 - ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4398. Планы, отчеты по научной работе ИФФ ТГУ. 1960 г.

Дело 1918 - Дело (Иркутск). 1918. 16 авг.

Жигалов, Фоминых 2014 - *Жигалов Б.С., Фоминых С.Ф.* И.Г. Коломиец (1903–1962) – исследователь истории Закарпатья // Русин. 2014. № 4 (38). С. 177–188.

Историческая 1987 - Историческая славистика в дореволюционной России, СССР, ГДР, ФРГ, Франции, Англии и США // *Историография истории южных и западных славян: Учебное пособие для вузов по специальности «История»* / З.С. Ненашева и др. М.: Изд-во МГУ, 1987. 157 с.

ИАОО 1 - Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 51. Годовой отчет о деятельности ОмГПИ за 1947/48 уч. год.

ИАОО 2 - ИАОО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 72. Годовые отчеты факультетов и кафедр ОмГПИ за 1948/49 уч. год.

Коломиец 1953 - *Коломиец И.Г.* Очерки по истории Закарпатья. Борьба крестьян Закарпатья против феодального гнета и католического порабощения в XV–XVIII вв. // Труды ТГУ. 1953. Т. 121. С. 39–164.

Коломиец 1959 - *Коломиец И.Г.* Очерки по истории Закарпатья. Борьба крестьян Закарпатья против феодального гнета и католического порабощения в XV–XVIII вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1959. Ч. 2. 243 с.

Коломиец 1961 - *Коломиец И.Г.* Социально-экономические отношения и общественные движения в Закарпатье во второй половине XIX в. Томск: Изд-во ТГУ, 1961. Т. 1. 403 с.; Т. 2. 677 с.

Лер-Сплавинский 1946 - *Лер-Сплавинский Т.* О происхождении и прародине славян // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 81–85.

Новые 1948 - Новые исторические работы, вышедшие в славянских странах [Библиография] // Вопросы истории. 1948. № 2. С. 159–163.

Писарев 1950 - *Писарев Ю.А.* В Институте славяноведения АН СССР // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 168–169.

Пичета 1946а - *Пичета В.И.* Н.П. Грацианский и его труды по истории славянских народов // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 96–99.

Пичета 1946б - *Пичета В.И.* Сектор славяноведения института истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 153–154.

Пичета 1947а - *Пичета В.И.* Институт славяноведения Академии наук СССР и его задачи // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 165–167.

Пичета 1947б - *Пичета В.И., Лер-Сплавинский Т.* О происхождении и прародине славян [Рецензия] // Вопросы истории. 1947. № 1. С. 110–116.

ПСЗРИ 1887 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. IV: 1884. СПб., 1887. № 2404. С. 456–474.

Постановление 1917 - Постановление Временного правительства от 1 июля 1917 г. // Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 112. Воскр. 23 июля.

Селищев 1920 - *Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы. Семейские. Издание Гос. Иркутского ун-та. Иркутск: Паровая тип. общ-ва потреб. «Сибирское книжное дело», 1920. 89 с.

Сибирская 1919 - *Сибирская жизнь* (Томск). 1919. 26 нояб.

Сталин 1950 - *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня.

Третьяков 1953 - *Третьяков П.Н.* О происхождении славян // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 69–82.

Удальцов 1947 - *Удальцов А.Д.* Происхождение славян // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 95–101.

Удальцов 1949 - *Удальцов А.Д.* Проблема происхождения славян в свете современной археологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 14–26.

Флоринский 1894–1897 - *Флоринский В.М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни: Опыт славянской археологии. Томск: Типо-лит. П.И. Макушина, 1894–1897. Ч. 1: Общая вступительная часть, 1894. 355 с.; Ч. 2, вып. 1. 1896. С. 1–272; Вып. 2. 1897. С. 273–571.

Хренов 1955 - *Хренов И.А.* О работе Института славяноведения АН СССР // Вопросы истории. 1955. № 9. С. 164–167.

ЦДНИ ТО - Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 321. Оп. 5. Д. 1. Л. 4–5 об. Протоколы заседаний партбюро ИФФ ТГПИ. 1948 г.

REFERENCES

- The State Archives of Irkutsk Region (GAIO)*. Fund R-71. List 1. File 1.
The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund R-71. List 1. File 69.
The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund R-71. List 1. File 212.
The State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-1436. List 1. File 63.
The State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund R-104. List 1. File 116.
The State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund R-353. List 2. File 215.
The State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund R-353. List 2. File 386.
The State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund R-353. List 2. File 561.
The State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund R-353. List 2. File 1942.
The State Archives of Contemporary History of Irkutsk region (GANI IO). Fund 132. List 1. File 54.
The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1596. List 1. File 10.
The State Archive of Socio-Political History of Tyumen region (GASPI TO). Fund R-1438. List 1. File 9.
The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 102. List 1. File 885.

The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund R-566. List 1. File 192.

The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund R-815. List 1. File 43.

The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund R-815. List 1. File 46.

The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund R-815. List 1. File 81.

The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund R-815. List 1. File 4377.

The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund R-815. List 1. File 4398.

Delo (Irkutsk). (1918) 16th August.

Zhigalov, B. & Fominykh, S. (2014) I.G. Kolomiys (1903–1962) – the researcher of history of Transcarpathia. *Rusin*. 4 (38). pp. 177-188 (In Russian).

Lapteva, L.P. (1987) *Istoricheskaya slavistika v dorevolutsionnoy Rossii, SSSR, GDR, FRG, Frantsii, Anglii i SShA* [The historical Slavic studies in pre-revolutionary Russia, the Soviet Union, East Germany, West Germany, France, Britain and the USA]. In: Nenasheva, Z.S. et al. *Istoriografiya istorii yuzhnykh i zapadnykh slavyan* [Historiography of Southern and Western Slavs]. Moscow: Moscow State University.

The Historic Archives of Omsk Region (IAOO). Fund R–1027. List 1. File 51.

The Historic Archives of Omsk Region (IAOO). Fund R–1027. List 1. File 72.

Kolomiets, I. (1953) *Ocherki po istorii Zakarpat'ya. Bor'ba krest'yan Zakarpat'ya protiv feodal'nogo gnet'a i katolicheskogo poraboshcheniya v XV-XVIII vv.* [Essays on the history of Transcarpathia. The struggle of the peasants in Transcarpathia against the feudal oppression and Catholic enslavement in the 15th – 18th centuries]. *Trudy TGU*. 121. pp. 39-164.

Kolomiets, I. (1959) *Ocherki po istorii Zakarpat'ya. Bor'ba krest'yan Zakarpat'ya protiv feodal'nogo gnet'a i katolicheskogo poraboshcheniya v XV-XVIII vv.* [Essays on the history of Transcarpathia. The struggle of the peasants in Transcarpathia against the feudal oppression and Catholic enslavement in the 15th – 18th centuries]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

Kolomiets, I.G. (1961) *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i obshchestvennye dvizheniya v Zakarpat'e vo второй половине XIX v.* [Socio-economic relationships and social movements in Transcarpathia in the late 19th century]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

Ler-Splavinskiy, T. (1946) *O proiskhozhdenii i prarodine slavyan* [About the origin and the *Uhrheimat* of the Slavs]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 81-85.

Anon. (1948) *Novye istoricheskie raboty, vyshedshie v slavyanskikh stranakh (Bibliografiya)* [New historical works published in Slavic countries (Bibliography)]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 159-163.

Pisarev, Yu. (1950) *V Institute slavyanovedeniya AN SSSR* [At the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 168-169.

Picheta, V. (1946a) *N.P. Gratsianskiy i ego trudy po istorii slavyanskikh narodov* [N.P. Gratsiansky and his works on the history of Slavic peoples]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 96-99.

Picheta, V.I. (1946b) Sektor slavyanovedeniya instituta istorii Akademii nauk SSSR [Department of Slavic Studies of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 153-154.

Picheta, V.I. (1947a) Institut slavyanovedeniya Akademii nauk SSSR i ego zadachi [Institute for Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR and its objectives]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 165-167.

Picheta, V.I. (1947b) Ler-Splavinskiy T. O proiskhozhdenii i prarodine slavyan (Retsenziya) [Ler-Splavinsky T. About the origin and the Urheimat of the Slavs (Review)]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 110-116.

Russia. (1887) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. IV. St. Petersburg. pp. 456-474.

Vestnik Vremennogo pravitel'stva. (1917) Postanovlenie Vremennogo pravitel'stva ot 1 iyulya 1917 g. [Provisional Government Resolution, dated July 1, 1917]. 23rd July.

Selishchev, A.M. (1920) *Zabaykal'skie starobryadtsy. Semeyskie* [Transbaikal Old Believers. The Semeyskie]. Irkutsk: Irkutsk State University.

Sibirskaya zhizn'. (1919). 26th November.

Stalin, I.V. (1950) Marksizm i voprosy yazykoznaniiya. Otnositel'no marksizma v yazykoznanii [Marxism and Problems of Linguistics. About the Marxism in Linguistics]. *Pravda*. 20th June.

Tretyakov, P.N. (1953) O proiskhozhdenii slavyan [On the origin of the Slavs]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 69-82.

Udaltsov, A.D. (1947) Proiskhozhdenie slavyan [The origin of the Slavs]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 95-101.

Udaltsov, A.D. (1949) Problema proiskhozhdeniya slavyan v svete sovremennoy arkheologii [The origin of the Slavs in modern archeology]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 14-26.

Florinskiy, V.M. (1894–1897) *Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ikh doistoricheskoy zhizni: Opyt slavyanskoy arkheologii* [Primitive Slavs in the monuments of prehistoric life: Slavic archeology]. Tomsk: P.I. Makushin.

Khrenov, I.A. (1955) O rabote Instituta slavyanovedeniya AN SSSR [On the work of the Institute for Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 164-167.

The Centre for Documentation of Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 321. List 5. File 1.

Хаминов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, докторант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета (Россия).

Khaminov Dmitry - Tomsk State University (Russia).

E-mail: khaminov@mail.ru

УДК 930/94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/8

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XIX в.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР НОВЕЙШИХ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

А.А. Байбарин¹, Н.А. Машкин², П.Г. Шеленговский³

¹ Юго-Западный государственный университет
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
E-mail: andrewbaybarin@gmail.com

² Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Россия, 117997 г. Москва, Стремянный пер., 36
E-mail: rector@rea.ru

³ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
E-mail: SHelengovskiy.PG@rea.ru

Авторское резюме

Приводится историографический аналитический обзор статей, вышедших в свет в 2008–2015 гг. и посвященных различным вопросам истории народов Северо-Западного Кавказа с древнейших времен до начала XX в. Ряд статей основан на архивных документах и материалах, в том числе впервые вводимых в научный оборот. Статья разделена на блоки и отражает следующие проблемы: 1) племена Северо-Западного Кавказа в Древности и Средневековье; 2) Кавказская война и народы Северо-Западного Кавказа; 3) практика взаимоотношений русской администрации и горских обществ; 4) различные аспекты функционирования горских обществ; 5) историография вопроса. Авторы приходят к выводу, что рассматриваемые статьи, подвергнутые историографическому анализу, расширяют и детализируют знания об субэтносах Северо-Западного Кавказа, исследуя отдельные аспекты их жизни и ее особенности. Эти материалы отличает конкретно-историческое содержание, помогающее выходить на новый уровень понимания исторического процесса в регионе. Отдельные статьи, безусловно, обобщают историографию трудов, посвященных народам Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, периодическая печать, современная историография.

THE NORTHWEST CAUCASUS FROM ANCIENT TIMES TO THE 19TH CENTURY: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF THE RECENT PUBLICATIONS IN THE PERIODICALS

A.A. Baibarin¹, N.A. Mashkin², P.G. Shelengovskiy³

¹ Southwest State University

94 50 let Oktyabrya Street, Kursk, 305040, Russia

E-mail: andrewbaybarin@gmail.com

² Plekhanov Russian University of Economics

36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia

E-mail: rector@rea.ru

³ Plekhanov Russian University of Economics

36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia

E-mail: SHelengovskiy.PG@rea.ru

Abstract

This paper presents a historiographical analytical review of the articles published in 2008–2015 and dedicated to various aspects of the history of peoples of the Northwest Caucasus from ancient times to the early 20th century. Some articles are based on archival documents and materials introduced into the scientific discourse for the first time. The paper is divided into subsections that dwell on the following issues: 1) the tribes of the Northwest Caucasus in Old times and the Middle Ages; 2) The Caucasian war and the peoples of the Northwest Caucasus; 3) the relationships between the Russian administration and mountain communities; 4) various aspects of the functioning of mountain communities; 5) historiography. The authors come to the conclusion that the reviewed articles, when analysed in terms of historiography, expand and specify the knowledge about the Northwest Caucasian sub-ethnic groups by investigating various aspects of their life. These articles have specifically historical content that promotes the research to a new level of understanding of the historical process in the region, while other articles generalize the historiography devoted to the Northwest Caucasian peoples.

Keywords: Northwest Caucasus, periodicals, contemporary historiography.

При наличии значительного количества опубликованных трудов о народах Северо-Западного Кавказа актуальность дальнейших исследований различных аспектов их истории не вызывает сомнений.

Современные историографические исследования, в том числе рассматриваемые в настоящей статье, выявляют ряд направлений научного поиска и слабо изученных тем, требующих их осмысления. Эту задачу в определенной степени выполняют и статьи, вышедшие в свет в период 2008–2015 гг., позволяющие дополнять и уточнять представление об истории народов такого сложного региона, каким является Восточное Причерноморье.

Источниками историографического анализа являются статьи, вышедшие в свет в период 2008–2015 гг. и посвященные разным вопросам истории племен Северо-Западного Кавказа. По своей тематике статьи разделены на следующие блоки: 1) племена Северо-Западного Кавказа в Древности и Средневековье; 2) Кавказская война и народы Северо-Западного Кавказа; 3) практика взаимоотношений русской администрации и горских обществ; 4) различные аспекты функционирования горских обществ; 5) историография вопроса.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте рассматриваемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

Племена Северо-Западного Кавказа в Древности и Средневековье.

Статьи данного блока основываются на данных археологических раскопок, письменных и картографических материалах.

О.Б. Бубенок рассматривает дискуссионный вопрос о локализации косогов (адыгов) на материалах древнерусских летописей в сопоставлении их с итогами археологических изысканий (Бубенок 2009). Автор опирался на распространенное мнение о том, что в VII–X вв. адыгские племена, известные у разных народов как *зихи*, *касоги*, *кашаки*, проживали лишь в Северо-Западном и Западном Кавказе. Однако, на взгляд автора, «Повесть временных лет» позволяет дать иную локализацию этнической группе *касоги*. Также рассматривается Лаврентьевская летопись, в которой упоминается об *ясах* (*аланах*) и *косогах* (*черкесах*), а также описывается поход Святослава на Оку и Волгу в 965 г. Последний сюжет вызывает дискуссию исследователей.

Опираясь на материалы археологических раскопок, в первую очередь захоронений в низовьях Дона, О.Б. Бубенок приходит к следующему выводу: в первой половине VIII в. с Северного Кавказа в Подонье хазарами были переселены не только аланы и болгары, но и одно из племен *зихов-косогов* (*адыгов*).

Историю этнонимов *адыги* и *абазы* (абхазы) во временном пространстве II–XVIII вв. исследовал А.В. Сивер (Сивер 2014).

Он предлагает свой вариант объяснения в различные исторические периоды попеременного отнесения черноморских племен к абазской и адыгской этническим общностям. Опираясь на древние письменные источники, он прослеживает этногенез абхазского народа, связанный с изменениями их названия: *абазги*, *апсилы*, *абазины*, в грузинском варианте – *абхазети*. Утверждается, что с раннего Средневековья термин *абазги* употреблялся как собирательный для населения Черноморского побережья. Исходя из этого, мы считаем, что естественным географическим рубежом территории *абазов* и *черкесов* служит Главный Кавказский хребет. На исходе Средневековья устанавливается деление территории Северо-Западного Кавказа на *Черкесию* и территорию *абазов* (*абазинцев*, *абхазов*). Основанием для такого деления, наряду с языком, общественным устройством, культурными элементами, являлось то, к какому народу принадлежит феодальный правитель данной территории.

Вопрос о заселении Верхнего Прикубанья адыгами в XIV–XVIII вв. исследуется в статье В.А. Фоменко (Фоменко 2012). Здесь представлены научные отчеты об археологических раскопках, в результате которых были выявлены археологические памятники адыгов на территории Верхней Кубани XIV – середины XVIII в. Эти материалы позволяют сделать вывод о том, что заселение Верхнего Прикубанья представляет длительный и многоэтапный процесс, начавшийся до XIII в. и продолжавшийся до второй половины XV в.

Кавказская война и народы Северо-Западного Кавказа. Многоплановая и сложная тема Кавказской войны представлена рядом статей, рассматривающих ее различные аспекты.

Кавказские войны как фактор этнографической истории черноморских шапсугов стала предметом исследования А.В. Сивера (Сивер 2013).

Статья, в утверждениях и обобщениях ее автора, носит новаторский и, на наш взгляд, дискуссионный характер.

Исходным для автора является тезис о том, что в интеграционных процессах на адыго-абазинском пространстве, в частности в среде черноморских шапсугов, главными катализаторами явились Кавказская война и мухаджирство. Автор отмечает, что адыгская историография эти драматические события выделяет как одни из важнейших для истории народа, «неизменно подчеркивая их деструктивное катастрофическое влияние на его развитие». Соглашаясь с последней оценкой, автор, тем не менее, считает, что война и ее последствия дали дополнительный импульс интеграционным процессам.

«О степени интеграции» горцев Северо-Западного Кавказа в ходе войны, по мнению А.В. Сивера, свидетельствует следующее: сообщение К.Ф. Сталя о том, что некоторые абхазо-абазинские народы, особенно прибрежные, начинают причисляться к адыгам; упоминание убыхов Н. Данилевским в числе народов *адехе*; полное отсутствие различия абазов и адыгов у Т. Лапинского. Наконец, автор, ссылаясь на Г.К. Чемсо, сообщает: в конце XX в. на Ближнем Востоке многих удивляет, что чеченцы, осетины, карачаевцы, абхазы, абазинцы – не адыги, особенно когда речь идет о последних двух народах.

Кульминацией процесса «военной интеграции» автор считает попытку создать в 1861 г. горское государство на межплеменном собрании нутухайцев, шапсугов и убыхов, избравших парламент (меджлис). При этом он полагает, что меджлис был, вероятнее всего, союзом по необходимости.

Автор резюмирует, что в чрезвычайных условиях отождествление народа с каким-либо сообществом обусловлено стремлением искать поддержку среди носителей родственной культуры. Таким вариантом для народов Северного Кавказа во время Кавказской войны стала мусульманская Турция. В подтверждение этого тезиса автор приводит суждение З.Ж. Глашевой: «Главной причиной (мухаджирства) объявлялся религиозный фактор, желание поселиться на мусульманской земле... перейти в подданство турецкого султана». Точка зрения, что Турция – осознанный вариант для народов Северного Кавказа, совершенно расходится с утверждением С.К. Кудаевой: «Адыги никогда не признавали власти российского императора, и тем более власти турецкого султана» (Кудаева 2012).

Обращаясь к современности, автор считает, что процесс этнических консолидаций черноморских шапсугов в качестве адыгского субэтноса к концу XX в. достиг логического завершения.

Проблема геополитических интересов противоборствующих держав на Северо-Западном Кавказе в конце 1820-х – начале 1840-х гг. в исторической судьбе адыгов (черкесов) анализируется в статье С.Г. Кудаевой (Кудаева 2012).

Межгосударственные противоречия и, как их итог, политическую ситуацию на Северо-Западном Кавказе, в центре которой оказались адыги (черкесы), автор прослеживает на основе Адрианопольского (1829 г.) и Ункяр-Искелесийского (1833 г.) договоров, а также Лондонских конвенций (1840–1841 гг.). По ее мнению, указанные межгосударственные соглашения явились важными вехами, предопределившими втягивание Северо-Западного Кавказа в ход мировой истории.

Свою позицию С.Г. Кудяева обосновывает тем, что, согласно 4-й статье Адрианопольского договора, подписанного Россией и Турцией, Черноморское побережье от устья Кубани до пристани Св. Николая (район Поти) отошло к России. Условий этого договора адыги не признали. Россия, согласно статье договора, начала экспансию на Северо-Западном Кавказе, стремясь фактически присоединить указанный берег Черного моря, который, как пишет автор, «никогда не был владением Османской империи».

С этого времени главными участниками борьбы за обладание Северо-Западным Кавказом стали Россия и Англия. Дальнейшее положение в регионе рассматривается как колониальная политика России.

Одним из факторов инициирования военных действий горцев в период Кавказской войны являлась подрывная деятельность иностранных эмиссаров на территории Черноморья. Изучению этой проблемы посвящена статья В.Б. Каратаева, А.А. Волненко, А.Г. Варфоломеева (Karataev et al. 2015).

В статье, основанной на архивных документах и частично на современной научной литературе, анализируется опыт борьбы с английскими и польскими эмиссарами на территории Черноморской береговой линии.

Авторы статьи обозначают арсенал средств и методов подрывной деятельности эмиссаров. В их числе обещания горцам покровительства и помощи правительства Великобритании и египетского паши, антирусская агитация и подстрекательство горцев к военным действиям, оказание военной помощи поставками оружия и оборудованием для производства пороха, вербовка солдат и офицеров польской национальности в русских укреплениях, личное участие иностранной агентуры в боевых действиях на стороне горцев. Показаны контрмеры кавказской администрации и военного командования: создание новых воинских укреплений; сбор информации о передвижениях и деятельности эмиссаров в регионе штабом отдельного Кавказского корпуса, а также использование информации, получаемой из русской миссии в Стамбуле; использование лазутчиков и осведомителей из числа горцев; выдача вознаграждения за поимку или ликвидацию эмиссаров и др. В статье приводятся конкретные примеры противодействия вражеской агентуре и ее результаты.

Со своей стороны считаем необходимым указать на предшествующую публикацию А.Д. Панеша о деятельности английских эмиссаров в Западной Черкесии (Панеш 2012а).

Предметом исследования А.К. Чеучевой стала деятельность Магомед-Амина на территории адыгов в период Кавказской и Крымской войн (Чеучева 2013).

Автор статьи, опираясь на широкий корпус литературы, а также архивные источники, исследует вопросы, связанные с деятельностью в среде адыгов наиба Шамиля Магомед-Амина, сменившего в 1848 г. двух предшественников, потерпевших неудачу в попытке политической консолидации западных адыгов (Бутова 2011).

При наличии предшествующих исследований и изданных документов автор делает упор на обобщение степени влияния наиба на военно-административную и религиозную сферы жизни адыгов и восприятие его деятельности различными группами адыгского общества, а также на соперничество во влиянии на адыгов Сефер-бей Зана.

Анализируются программа Магомед-Амина и ее исполнение: приобщение адыгов к исламу, установление государственного устройства, создание регулярной армии, введение системы налогообложения и др. Рассматриваются жесткие меры, вплоть до казней, в отношении противников нововведений. Отдельный сюжет связан с проблемами неоднозначного отношения Стамбула к политике Магомед-Амина, особенно в условиях Крымской войны, когда наиб потерпел неудачу в создании адыгского ополчения в помощь туркам.

Завершается статья позицией Магомед-Амина после пленения Шамиля в 1859 г.

О драматической судьбе убыхов Северо-Западного Кавказа в результате их исхода с родной земли (мухаджирства) повествует статья М.Ю. Найденышева и И.Ю. Найденышевой (Найденышев, Найденышева 2011).

Авторы рассматривают топоним *убыхи*, определяют ареал их расселения и численность. Утверждается, что главным богатством убыхов были «рабы-крепостные», а также торговля женщинами. Распространение ислама у убыхов авторы связывают с началом владычества турок на Черноморском побережье. Приводятся различные этнографические сведения о народе. Подробнее освещается процесс мухаджирства у убыхов на этапе завершения Кавказской войны и его последствия, приведшие к почти полному их исчезновению в Кубанской области и Черноморском округе.

Тему воинского служения горцев Северо-Западного Кавказа российской государственности исследует в своих работах Е.В. Брацун. Автор указывает, что эта тема на фоне спекуляций отдельных историков и политических деятелей по случаю 150-летия окончания Кавказской войны о «геноциде черкесов» предстает как никогда важной и актуальной. В статье, посвященной службе адыгов в Черноморском казачьем войске (Брацун 2014а), автор приводит численность горцев (включая адыгов), воевавших на стороне России в 1855 г., – 12 тыс. чел. Подробно рассмотрен вопрос служения адыгов, которые в конце XIX в.

перешли на правобережье Кубани, осели на землях Черноморского казачьего войска, к которому были причислены.

Освещая службу офицеров-адыгов в русской армии в XIX – начале XX в. (Брацун 2013а), автор отмечает, что его статья является продолжением исследований А.В. Казакова, В.И. Шкуро, А.Д. Вершигоры. Приводя конкретные факты службы адыгов в офицерских чинах в частях российской армии и Кубанского казачьего войска, автор делает акцент на традиции служения горцев России.

Отдельную статью Е.В. Брацун посвятил истории службы России Кавказского конно-горского полка и дивизиона (Брацун 2013b). В ней рассмотрены процесс и правила формирования добровольческого иррегулярного конно-горского полка из представителей горцев Северного и Северо-Западного Кавказа. Подробно излагается история службы и боевого пути полка, затем дивизиона в Польше, в Венгрии, а также участия в Крымской войне. На примере полка делается вывод об усердном служении и храбрости горцев.

Е.В. Брацун – автор статьи о генерале П.Д. Могуковом (Брацун 2014b). Он отмечает, что будущий генерал-майор, выходец из шапсугского аристократического рода, участник русско-турецких войн 1806–1812, 1828–1829 гг., Отечественной войны 1812 г., Кавказской войны, Крымской войны более всех отличился на российской военной службе. Вместе с тем в статье рассматривается вопрос об исторической оценке деятельности Могукова в современный период.

Практика взаимоотношений русской администрации и горских обществ. Одно из направлений предпринятых исследований связано с осмыслением опыта и результатов реализации мирных инициатив разных сторон.

В статье коллектива авторов (А.А. Черкасов, В.Г. Иванцов и др.) (Cherkasov et al. 2015) на основе архивного материала, вводимого впервые в научный оборот, анализируются обстоятельства, процесс и результаты принятия убыхскими князьями присяги на подданство России.

В частности, показана роль владетеля Абхазии М. Шервашидзе в выражении покорности России джигетскими князьями: следствием явилось образование джигетского приставства, вошедшего в состав Абхазии. Рассмотрены причины, по которым убыхский князь Али Ахмед Облагу, в номинальном подчинении которого находились прибрежные убыхи, дважды принимал присягу за своих подданных.

Рассмотрена роль другой стороны – лидера горных («черных») черкесов Хаджи Берзека, противодействовавшего мирным инициативам русской администрации. Выявляется роль иностранных эмиссаров в разжигании враждебности убыхов.

В статье впервые приводится текст присяги (на арабском и русском языках). Ее заверяли оттиском пальца присягавшие России горцы. Указываются фамилии членов убыхских дворянских родов, изъявивших желание принять присягу.

В заключение констатируется, что, несмотря на мирные инициативы разных сторон, полного умиротворения убыхов не произошло. В числе причин этого указываются разобщенность горского общества в политических ориентациях, всяческое противодействие русской политике «черных черкесов», пропаганда иностранных эmissаров. В условиях Кавказской войны со стороны русской администрации оказались возможными лишь паллиативные меры, которые не подкреплялись комплексом социально-экономических мероприятий.

В статье на основе вводимых в научный оборот новых архивных материалов (канцелярии начальника Черноморской береговой линии) коллектив авторов (Cherkasov et al. 2015b) анализирует практику взаимоотношений русской администрации с черкесскими племенами и ее особенности. Авторы статьи считают, что характер отношений горцев с российскими властями, в частности связанный с инициативами отдельных горских обществ присягать на верность России, был во многом предопределен итогами гражданской войны в Черкесии в конце XVIII в.

Главное место в статье уделено рассмотрению фактов и событий, составивших конкретику взаимоотношений кавказской администрации с шапсугами, натухайцами, джигетами.

По мнению авторов, результаты русско-черкесского диалога во многом определялись объективными обстоятельствами и особенностями, присущими черкесским субэтносам. Обстановка продолжавшейся Кавказской войны, внешнее влияние на горцев, позиции горских обществ при отсутствии в них социального мира, отсутствие политического согласия в среде разных княжеских родов в конечном счете не дали желаемых результатов, в которых объективно были заинтересованы взаимодействующие стороны.

Проблемы взаимодействия русской администрации с черкесским племенем джигетов конкретизируются в другой статье (Cherkasov et al. 2015c).

Предметом исследования Л.В. Бурыкиной (Бурыкина 2013) стали механизмы приобщения адыгов Северо-Западного Кавказа к системе российских культурных ценностей в XIX в.

Автор рассматривает главные направления культурно-просветительной политики российского правительства и кавказской администрации: миссионерскую деятельность, использование института аманатства, опыт императорского конвоя из знатных горцев, пригла-

шение детей горской элиты в русские учебные заведения, в том числе военные. С завершением Кавказской войны культурно-просветительная деятельность значительно активизировалась. Автор показывает расширение работы по развитию системы народного образования в регионе с привлечением в нее детей адыгов, по изданию национальных букварей, подготовке местных педагогических кадров и др.

По оценке автора, культурно-просветительная политика России на Северо-Западном Кавказе, наряду с цивилизаторской ролью, имела стратегические задачи империи по покорению Северного Кавказа.

Различные аспекты функционирования горских обществ. Статья А.А. Рябцева и А.А. Черкасова (Рябцев, Черкасов 2011) содержит краткий анализ эволюции религиозных воззрений натухайцев, шапсугов, убыхов, абазин с раннего Средневековья до середины XIX в. Отмечено, что до конца XVIII в. регион проживания этих племен являлся симбиозом язычества и христианства. Авторы статьи считают, что первоначальному распространению ислама среди прибрежных горцев, в первую очередь среди членов дворянских фамилий, способствовали торговые отношения с Османской империей, а центром являлась турецкая крепость Анапа. Зафиксировано, что уже в первой трети XIX в. в религиозной системе жителей Причерноморья, помимо Библии, присутствует Коран. Исходя из задач исследования, дается детальное описание исполнения горцами различных христианских обрядов и сохранения христианской символики. По мнению авторов, территория Черноморья в рамках современной России является колыбелью христианства, появившегося здесь в III–IV вв. н. э. и просуществовавшего до начала XX в.

Особенности социально-политической организации западных адыгских обществ в первой трети XIX в. рассматриваются в статье Е.А. Мирзакановой (Мирзаканова 2013). Она пытается полемизировать со свидетельствами авторов XIX в. (Ф. Дюбуа де Монпере, Д. Белла, Д.-Я. Люнье и др.), отмечавших отсутствие у адыгов государственных институтов в условиях политической раздробленности, когда распорядительная власть находила свое начало в народе.

Вместе с тем, обращаясь к свидетельствам Г.В. Новицкого, К.Ф. Сталя, С. Хан-Гирея, И.Ф. Юларамберга и др., автор констатирует, что после переворота конца XVIII в. у абадзехов, шапсугов, натухайцев был учрежден суд присяжных; территории племен стали делиться на округа, где управление перешло к избираемым обществом старейшинам. Подчеркивается, что в округах важную роль стали играть народные собрания (хасэ), выполнявшие определенные политико-управленческие функции. Но решения собраний принимались только при полном единогласии. Сложность же претворения решений собрания в жизнь

заклучалась в отсутствии исполнительных органов. При всем этом автор приходит к выводу о сохранившейся раздробленности адыгов в политическом отношении. Это, по существу, повторяет оценки предшественников.

Статья З.Д. Терешевой (Терешева 2013а) анализирует обстоятельства, определявшие уровень развития внешней торговли у горных адыгов. Первый этап (конец XVIII в. – 1829 г.) был предопределен решениями Ясского мирного договора 1791 г., способствовавшими, как показано, свободной торговле Западной Черкесии с соседними странами, в первую очередь с Османской империей. На втором этапе (1829–1864 гг.) условия внешней торговли резко изменились ввиду условий Адрианопольского мирного договора 1829 г. Автор анализирует позицию адыгов в отношении договора, начала военных действий в регионе, а также установленный русскими властями режим блокады побережья, запрещавший торговлю с внешним миром. В этих условиях, как показывает автор, развивается контрабандная торговля, продолжают торговые связи с Россией. В статье подробно рассмотрен ассортимент экспорта и импорта горных адыгов.

Проблемам демографии адыгов Северо-Западного Кавказа посвящена статья С.Р. Жане (Жане 2015). Автор исходит из следующих данных: в конце XVIII в. на территории Северо-Западного Кавказа насчитывалось 18 субэтнических групп адыгов; окончательное формирование этнической структуры населения в регионе произошло в XIX в.; в первой половине XIX в. в адыгском обществе происходит процесс переселения и консолидации этнических групп, что привело к уменьшению этнической раздробленности.

При определении численности населения отдельных групп адыгов автор исходит из данных источников первой половины XIX в., где фигурируют два показателя: количество дворов и предполагаемая из этого численность жителей. Подсчет по этим цифрам показывает: у шапсугов и абадзехов на один двор в среднем приходилось 20 чел., что, по нашему мнению, представляется завышенным.

Автор отмечает, что не до конца разрешенным является вопрос об общей численности адыгов в начале XIX в. и накануне мухаджирства. Приводимые в этом плане данные разнятся очень значительно.

Предметом рассмотрения Ф.И. Хаджебиековой стали вопросы расселения адыгских, абазинских и абхазских племен (Хаджебиекова 2008). Автор, опираясь на письменные источники первой половины XIX в., а также на исследования современных авторов, представляет и в ряде случаев уточняет географическую локализацию адыгских и абазинско-абхазских племен на территории Северо-Западного Кавказа.

При этом указывается расселение отдельных субэтносов, составляющих адыгские, абазинские и абхазские племена.

Использование автором понятия *абазино-абхазские племена* мотивируется тем, что авторитетный кавказовед А.П. Берже к абхазским племенам относил также абазин, которых подразделял на этнические группы.

Статья А.К. Чеучевой и И.К. Брантовой основана на изучении адыгского источника «Абадзехского сказа» Зачерия-хаджи Брантова (Чеучева, Брантова 2014), хранящегося в архиве Адыгейского института гуманитарных исследований. «Сказ» уникален. По утверждению авторов статьи, в нем «подробно описывается жизнь адыгов-абадзехов с древнейших времен до конца XIX в.». В главе «Корни адыгов» сообщается о некоей легенде, сохранившейся в устной истории адыгов. Согласно легенде, у родоначальника адыгов Адыга было семь сыновей. «Впоследствии каждый из них обзавелся семьей. Эти семь семей семь тысяч лет назад из Кэтайской области переселились на Кавказ». «В течение нескольких столетий численность потомков этих родных братьев многократно увеличивалась, и впоследствии они занимали обширное пространство Кавказских гор». На наш взгляд, приводимые сведения, относящиеся к V в. до н. э., вызывают серьезные сомнения.

Дальнейшая информация из «Сказа» касается истории абадзехов: их расселения, жилища, хозяйства, системы управления, брачных отношений, верований. В частности, отмечается, что в начале XIX в. у адыгов сохранялось сочетание христианского и языческого мировоззрений. Далее сообщается, что процесс исламизации адыгов начался в XV в. Внедрение же ислама у абадзехов «Сказ» относит к 1800 г., а окончательное его утверждение произошло в середине XIX в. Военные действия локального характера между Россией и Абадзехией «Сказ» определяет периодом 1850–1862 гг.

В заключение автор отмечает, что «Сказ» создал целостную картину функционирования в XIX в. культурно-исторической области Абадзехия.

Заметим, что высокая оценка «Сказа» правомерно ставит вопрос о необходимости издания его текста.

Историография вопроса. Накопление значительного количества свидетельств и исследований о народах Северо-Западного Кавказа с конца XVIII в. до настоящего времени требует их историографического осмысления. Этой задаче отвечает ряд рассматриваемых статей.

В статье С.Я. Кошковой (Кошкова 2010) анализируется процесс накопления знаний о народах Северо-Западного Кавказа в письменных свидетельствах античных и средневековых авторов и их последующем осмыслении исследователями XX в. Отмечается, что

отрывочный характер сведений у античных авторов обусловлен их опорой на информацию предшественников, рассказы побывавших на Кавказском побережье моряков и торговцев. Резюмируется наличие скудных сведений о народах Северо-Западного Кавказа в средневековой арабской литературе, а также в византийских и грузинских источниках. Отдельные знания о предках адыгов содержат русские летописи.

В совокупности рассматриваемые источники позволяют реконструировать некоторые аспекты истории народов Северо-Западного Кавказа, в частности локализацию племен, топонимы, сведения об образе жизни, хозяйстве и др.

В другой статье С.Я. Кошковой (Кошкова 2015) рассматриваются работы адыгских авторов с позиции накопления ими географических знаний о Северо-Западном Кавказе.

Отмечая зарубежную и отечественную позиции изучения и осмысления влияния географического фактора на историческое развитие народов, автор предприняла попытку анализа «адыгской историографии». Рассматриваются свидетельства С. Хан-Гирея и Ш. Ногмова, которые внесли, по мнению автора, весомый вклад в процесс накопления географических знаний о Северо-Западном Кавказе. Они приводят данные о географическом расположении племен, фауне и флоре, климате, водных системах, отдельных полезных ископаемых, лечебных источниках и др. в контексте хозяйственной деятельности народов региона.

Статья А.Д. Панеша (Панеш 2012b) является кратким анализом значительного количества литературы, а также материалов, опубликованных в Актах Кавказской археографической комиссии, в которых отражены военно-политические события на Северно-Западном Кавказе в период обострения черкесского вопроса.

Политическое влияние наиба Шамиля Мухаммеда автор оценивает как носившее локальный характер, не охватывавшее всю Западную Черкессию. Ограниченной являлась и власть адыгского князя Сефербея Заноко (Зана), которая распространялась только на натухайцев и прибрежных шапсугов. Его ориентация на Турцию и Англию обуславливалась стремлением получить их поддержку в борьбе против российской экспансии.

А.Д. Панешем отдельно рассмотрены оценки учения мюридизма в работах историков, по-разному подходивших к характеристике мюридизма и определению его роли в движении горцев.

В заключение автор пишет, что исследователи накопили значительный фактический материал, но они не дали системного и всестороннего научного осмысления военных действий на Кавказе в XIX в.

Вклад отечественных исследователей в изучение форм землевладения у адыгов анализируется в статье З.Д. Терешевой (Терешева 2013b).

Автор указывает, что при бесспорности существования общинного землевладения у адыгов дискуссионным является вопрос о существовании у них частной собственности на землю. Отмечается, что большинство исследователей второй половины XIX в. отрицали наличие частной собственности в землепользовании у адыгов. В советской историографии обосновывались различные точки зрения на формы землевладения адыгов в первой половине XIX в.: наличие индивидуального землевладения у лиц, расчищавших участки; частная собственность при существовании коллективной собственности на не поделенную землю; феодальная земельная собственность наряду с мелкой крестьянской, при том, что последняя не имела юридического оформления.

В заключение автор отстаивает свою (на наш взгляд, не вполне четкую) позицию: у черноморских адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в. существовала частная собственность на землю. Можно выделить у них три формы землевладения: общинную, мелкокрестьянскую и феодальную.

В статье А.А. Черкасова, В.И. Меньковского, В.Г. Иванцова (Cherkasov et al. 2014a) предпринята попытка историографического обзора дореволюционных, советских и современных работ разного уровня по истории адыгов, убухов, абазин.

Дореволюционные свидетельства путешественников, в том числе иностранцев, а также исследования научного характера и публикации документальных материалов о племенах региона, как показывают авторы, идут по нарастающей и в количественном, и в качественном отношении вплоть до 1890-х гг., когда интерес к Кавказу стал угасать.

В советский период исследуемая проблематика Кавказской войны сузилась, а отдельные темы, как, например, мухаджирство, фактически не изучались. Вместе с тем с 1860-х гг. в свет выходят труды З.В. Анчибадзе, А.В. Фадеева, Л.И. Лаврова, Е.П. Алексеевой по истории народов Северо-Западного Кавказа, не потерявшие своего значения и поныне.

С 1990 г. в условиях деидеологизации общества изучение истории народов Причерноморья получает новый импульс. Возрастает количество исследований, стремящихся объективно осмыслить исторический процесс в регионе, закрыть существующие «белые пятна». Эта тенденция получает особенное развитие в трудах историков Северного Кавказа. Как отмечается в обзоре, в их числе монографии В.Х. Кажарова, М.Х.-Б. Кишмахова, Т.В. Половинкиной, А.Н. Чирга, А. Сивера и др., коллективный труд «Очерки истории Кубани».

В заключение авторы статьи констатируют, что при наличии разнообразных работ отсутствуют комплексные исследования по истории джигетов, садзов и других племен Причерноморья.

Историографический анализ работ о Северо-Западном Кавказе содержится в статье В.Г. Иванцова, А.А. Черкасова, В.В. Тараканова и др. (Ivantsov et al. 2015).

Источниками явились различные по форме и содержанию работы отечественных и иностранных авторов, начиная с участников экспедиции Санкт-Петербургской академии наук конца XVIII в., и последующие сочинения путешественников, писателей, чиновников, агентов-иностранцев, а также труды кавказоведов XIX в., которые, по сути, составили основу знаний современников о народах Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Статью отличают взвешенные оценки анализируемых работ, перемежающиеся обоснованными указаниями на исторические факты, а также обстоятельные примечания.

В заключение резюмируется, что рассмотренные в статье сочинения имеют различную ценность с точки зрения историографии. Наряду с вполне научными трудами, авторы которых опираются на предшественников, начиная с древности, а также на документальные материалы кавказской администрации, основная часть сочинений носит описательный характер, содержащий в совокупности обширные и разнообразные сведения, главным образом, этнографического характера.

Обзор материалов журнала «Военный сборник» по тематике Кавказской войны содержится в статье А.А. Черкасова, В.И. Меньковского, В.Г. Иванцова и др. (Cherkasov et al. 2014b).

Авторы, представив краткую историю ведения журнала «Военный сборник» в период 1858–1917 гг., а затем его возрождения в Белграде в 1922–1930 гг., показывают, как менялись его рубрики и жанровая направленность, в том числе по проблематике Кавказской войны.

Рассматриваемая нами статья носит познавательный и ограничено библиографический характер. Что касается систематических указателей статей, опубликованных в «Военном сборнике», то таковые издавались по трем периодам: 1858–1890, 1891–1897, 1898–1907 гг.

Требовать историографического анализа по заявленной теме трудно, так как только за 1860–1870 гг. «Военный сборник» опубликовал около 100 статей, имеющих непосредственное отношение к Кавказской войне.

В совокупности рассматриваемые статьи, подвергнутые историографическому анализу, расширяют и детализируют наши знания о субэтносах Северо-Западного Кавказа, исследуя отдельные аспекты

их жизни и ее особенности. Статьи отличает их конкретно-историческое содержание, помогающее выходить на новый уровень понимания исторического процесса в регионе. Ряд статей основан на архивных документах и материалах, в том числе впервые вводимых в научный оборот, позволяющих дополнять и уточнять публикации предшественников. Отдельные статьи, безусловно, обогащают историографию трудов, посвященных народам Северо-Западного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

Брацун 2013а - *Брацун Е.В.* Офицеры-адыги на службе в частях русской императорской армии в XIX – начале XX в. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2013. № 1–2. С. 56–71.

Брацун 2013б - *Брацун Е.В.* Горцы Северо-Западного Кавказа на службе России: история службы Кавказского конно-горского полка и дивизиона в 1835–1856 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2013. Т. 3–4. С. 106–120.

Брацун 2014а - *Брацун Е.В.* К вопросу о службе адыгов в Черноморском казачьем войске и русской армии в XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 264–266.

Брацун 2014б - *Брацун Е.В.* Адыгский генерал П.Д. Могучиков на воинской службе России // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2014. № 3–4. С. 221–236.

Бубенок 2009 - *Бубенок О.Б.* Адыги на Нижнем Дону (относительно первого упоминания о касогах в древнерусских летописях) // Боспорские исследования. 2009. № XXI. С. 357–363.

Бурькина 2013 - *Бурькина Л.В.* Культурно-просветительная политика российского правительства на Северо-Западном Кавказе в XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4 (130). С. 38–45.

Бутова 2011 - *Бутова О.А.* Роль первых наибов Шамиля хаджи Мухаммеда и Сулеймана эфенди в политической консолидации Западной Черкесии (1842–1846 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 98–103.

Жане 2015 - *Жане С.Р.* К вопросу о численности адыгов Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX века // Вестник науки и образования. 2015. № 1 (3). С. 15–20.

Кошокова 2010 - *Кошокова С.Я.* Античные и средневековые авторы о народах Северо-Западного Кавказа: историографический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение:

философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 3. С. 56–60.

Кошокова 2015 - *Кошокова С.Я.* Адыгская историография первой половины XIX в.: осмысление значения географического фактора в истории // Культура и время перемен. 2015. № 1 (8). С. 13–18.

Кудаева 2012 - *Кудаева С.Г.* Северо-Западный Кавказ и адыги (черкесы) в контексте геополитических интересов противодействующих держав (конец 20-х – начало 40-х гг. XIX в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 63–74.

Мирзаканова 2013 - *Мирзаканова Е.А.* Общественно-политическое устройство западных адыгов в первой трети XIX в. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 3. С. 18–26.

Найденышев, Найденышева 2011 - *Найденышев М.Ю., Найденышева И.Ю.* Убыхи – народ, которого нет // Русская старина. 2011. № 1. С. 12–15.

Панеш 2012а - *Панеш А.Д.* Деятельность английских эмиссаров в Западной Черкесии в 30-е гг. XIX в. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 4. С. 13–16.

Панеш 2012б - *Панеш А.Д.* Адыги Северо-Западного Кавказа в российской историографии XIX – начала XX в. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 4. С. 17–21.

Рябцев, Черкасов 2011 - *Рябцев А.А., Черкасов А.А.* Христианство как основная религия горцев Черноморья (первая половина XIX в.) // Вестник СГУТиКД. 2011. № 1. С. 154–161.

Сивер 2013 - *Сивер А.В.* Кавказская война и черноморские шапсуги: итоги войны как фактор этнической истории // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 6-1 (56). С. 196–202.

Сивер 2014 - *Сивер А.В.* Этнонимы «адыги» и «абазы» на пространстве Северо-Западного Кавказа во II–XVIII вв. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 143–146.

Терешева 2013а - *Терешева З.Д.* Развитие внешней торговли у абадзехов, шапсугов и натухайцев в конце XVIII – первой половине XIX в. // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2013. № 3. С. 73–77.

Терешева 2013б - *Терешева З.Д.* Отечественные исследователи о формах землевладения у абадзехов, шапсугов и натухайцев в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4 (130). С. 79–85.

Фоменко 2012 - *Фоменко В.А.* Адыги в верховьях реки Кубань в XIV–XVIII вв. (по данным археологии) // Археология и этнология Северного Кавказа. 2012. № 1. С. 122–133.

Хаджебиекова 2008 - *Хаджебиекова Ф.М.* Расселение адыгских, абазинских и абхазских племен в конце XVII – начале XIX в. // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал.* 2008. № 3–4. С. 70–80.

Чеучева 2013 - *Чеучева А.К.* Магомет-Амин и адыгское общество середины XIX в. // *Вестник Адыгейского государственного университета.* Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 2 (118). С. 82–92.

Чеучева, Брантова 2014 - *Чеучева А.К., Брантова И.К.* Абадзехия: опыт социокультурной реконструкции (по материалам «Абадзехского сказа» З.-Хаджи Брантова) // *Вестник Адыгейского государственного университета.* Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 1 (135). С. 81–91.

Cherkasov et al. 2014a - *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* The north Black Sea region (the 18th – 19th centuries): A historiographical survey // *Bylye Gody.* 2014. № (4) 34. P. 536–540.

Cherkasov et al. 2014b - *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* The Caucasian War Within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal) // *Bylye Gody.* 2014. № 33 (3). P. 417–422.

Cherkasov et al. 2015a - *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years // *Bylye Gody.* 2015. № 37 (3). P. 541–548.

Cherkasov et al. 2015b - *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Molchanova V.S.* Russia and Circassia: the problems of mutual relations and their features (the late 18th – the early 19th centuries) // *Rusin.* 2015. № 4 (42). P. 53–65.

Cherkasov et al. 2015c - *Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years) // *Bylye Gody.* 2015. № 38 (4). P. 888–893.

Ivantsov et al. 2015 - *Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Tarakanov V.V., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* Russian and foreign authors of the late 18th – 19th Centuries on the North-West and Central Caucasus (the historiographical and historical aspects): Part 1 // *Bylye Gody.* 2015. № 35 (1). P. 70–80.

Karataev et al. 2015 - *Karataev V.B., Volvenko A.A., Varfolomeev A.G.* The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years) // *Bylye Gody.* 2015. № 37 (3). P. 536–540.

REFERENCES

Bratsun, E.V. (2013a) Ofitser-adygi na sluzhbe v chastyakh russkoi imperatorskoi armii v XIX – nachale XX vv. [Officer-Adygeans on duty in the Russian Imperial Army in the 19th – early 20th centuries]. *Golos minuvshogo. Kubanskii istoricheskii zhurnal.* 1–2. pp. 56–71.

Bratsun, E.V. (2013b) Gortsy Severo-Zapadnogo Kavkaza na sluzhbe Rossii: istoriya sluzhby Kavkazskogo konno-gorskogo polka i diviziona v 1835-1856 gg. [The Highlanders of the Northwest Caucasus in the Russian service: The history of the Caucasian cavalry regiment and division in 1835–1856]. *Golos minuvshogo. Kubanskii istoricheskii zhurnal*. 3–4. pp. 106-120.

Bratsun, E.V. (2014a) Concerning military service of Adyghe people in the Black Sea Cossack host and the Russian army in the 19th century. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Socioal Development*. 1. pp. 264-266 (In Russian).

Bratsun, E.V. (2014b) Adygskii general P.D. Mogukorov na voinskoj sluzhbe Rossii [An Adyghe general P.D. Mogukorov on the military service in Russia]. *Golos minuvshogo. Kubanskii istoricheskii zhurnal*. 3–4. pp. 221-236.

Bubenok, O.B. (2009) Adygi na Nizhnem Donu (otnositel'no pervogo upominaniya o kasogakh v drevnerusskikh letopisyakh) [The Adygs in the Lower Don (on the first mention of the Kasogs in ancient Russian chronicles)]. *Bosporskie issledovaniya – Bosporos Studies*. XXI. pp. 357-363.

Burykina, L.V. (2013) The cultural and educational policy of the Russian government in the Northwest Caucasus in the 19th century. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of the Adygeya State University, Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*. 4 (130). pp. 38-45 (In Russian).

Butova, O.A. (2011) Role of the first naibs of Shamil Khadzhi Mohammed and Suleyman Efendi in political consolidation of the Western Circassia (1842–1846). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of the Adygeya State University, Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*. 3. pp. 98-103 (In Russian).

Zhane, S.R. (2015) K voprosu o chislennosti adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza v pervoi polovine XIX veka. [To the question of the number of Adygs of the Northwest Caucasus in the first half of the XIX century]. *Vestnik nauki i obrazovaniya – Bulletin of Science and Education*. 1 (3). pp. 15-20.

Koshokova, S.Ya. (2010) Antichnye i srednevekoveye avtory o narodakh Severo-Zapadnogo Kavkaza: istoriograficheskii aspekt. [The ancient and medieval authors about the peoples of the Northwest Caucasus: A historiographical aspect]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of the Adygeya State University, Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*. 3. pp. 56-60.

Koshokova, S.Ya. (2015) Adygskaya istoriografiya pervoi poloviny XIX v.: osmyslenie znacheniya geograficheskogo faktora v istorii [The Adygeyan

historiography in the first half of the 19th century: Understanding the value of geographical factor in history]. *Kul'tura i vremya peremen*. 1 (8). pp. 13-18.

Kudaeva, S.G. (2012) The Northwest Caucasus and the Adyghes (Circassians) in a context of geopolitical interests of fighting powers (The end of the 1820s # the beginning of the 1840s). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of the Adygeya State University, Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*. 2. pp. 63-74 (In Russian).

Mirzakanova, E.A. (2013) Social and political structure of the western Adyghes in the first third of 19th century. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 3. pp. 18-26 (In Russian).

Naidenyshev, M.Yu. & Naidenysheva, I.Yu. (2011) Ubykhi – narod, kotorogo net [The Ubykhs – people who do not exist]. *Russkaya starina*. 1. pp. 12-15.

Panesh, A.D. (2012a) Activities of English emissary in Western Circassia in 1930-s. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 4. pp. 13-16 (In Russian).

Panesh, A.D. (2012b) The Northwest Caucasus Adyghes in the Russian historiography of the 19th – early 20th century. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 4. pp. 17-21 (In Russian).

Ryabtsev, A.A. & Cherkasov, A.A. (2011) Khristianstvo kak osnovnaya religiya gortsev Chernomor'ya (pervaya polovina XIX v.) [The Christianity as the main religion of the Black Sea Highlanders (the first half of the 19th century)]. *Vestnik SGUTiKD*. 1. pp. 154-161.

Siver, A.V. (2013) Kavkazskaya voina i chernomorskie shapsugi: itogi voiny kak faktor etnicheskoi istorii [The Caucasian war and the Black Sea Shapsugs: The results of the war as a factor of the ethnic history]. *Izvestiya Kabardino-balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 6–1(56). pp. 196-202.

Siver, A.V. (2014) Ethnonyms “Adyghes” and “Abaza” at the Northwest Caucasus space in the 2nd – 18th centuries. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 20. pp. 143-146 (In Russian).

Teresheva, Z.D. (2013a) Razvitie vneshnei torgovli u abadzekhov, shapsugov i natukhaitsev v kontse XVIII - pervoi polovine XIX v. [The development of foreign trade in Abadzekhs, Shapsugs Natukhai in the late 18th – early 19th centuries]. *Izvestiya Kabardino-balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 73-77.

Teresheva, Z.D. (2013b) Russian researchers on land tenure in Abadzekhs, Shapsugs, Natukhais in the late 18th – early 19th centuries. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of the Adygeya State University, Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*. 4 (130). pp. 79-85 (In Russian).

Fomenko, V.A. (2012) Adygi v verkhov'yakh reki Kuban' v XIV–XVIII vv. (po dannym arkheologii) [The Adygs in the head of the Kuban river in the 15th–18th centuries (according to archeological data)]. *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza*. 1. pp. 122–133.

Khadzhebikova, F.M. (2008) Rasselenie adygskich, abazinskih i abkhazskikh plemen v kontse XVII – nachale XIX v. [The settlement of Adygeyan, Abaza and Abkhaz tribes in the late 17th early 19th centuries]. *Golos minuvshego. Kubanskiy istoricheskii zhurnal*. 3–4. pp. 70–80.

Cheucheva, A.K. (2013) Magomet-Amin and the Adyghean society in the middle of the 19th century. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of the Adygeya State University, Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*. 3. pp. 82–92 (In Russian).

Cheucheva, A.K. & Brantova, I.K. (2014) Abadzekhs: experience of social and cultural reconstruction (based on “the Abadzekh tale” by Z. Hadji Brantov). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of the Adygeya State University, Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*. 1 (135). pp. 81–91 (In Russian).

Cherkasov, A.A., Menkovsky, V.I., Ivantsov, V.G., Ryabtsev, A.A., Molchanova, V.S. & Natolochnaya, O.V. (2014a) The north Black Sea region (the 18th – 19th centuries): A historiographical survey. *Bylye Gody*. 4 (34). pp. 536–540 (In Russian).

Cherkasov, A.A., Menkovsky, V.I., Ivantsov, V.G., Ryabtsev, A.A., Molchanova, V.S. & Natolochnaya, O.V. (2014b) The Caucasian War Within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal). *Bylye Gody*. 3 (33). pp. 417–422 (In Russian).

Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Ustinovich, E.S., Kryukova, N.I., Molchanova, V.S. (2015) The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years. *Bylye Gody*. 3 (37). pp. 541–548 (In Russian).

Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Ustinovich, E.S., Molchanova, V.S. (2015) Russia and Circassia: the problems of mutual relations and their features (the late 18th – early 19th centuries). *Rusin*. 4 (42). pp. 53–65 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/5

Cherkasov, A.A., Shmigel, M., Bratanovskii, S.N., Molchanova, V.S. (2015) Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*. 4 (38). pp. 888–893 (In Russian).

Ivantsov, V.G., Cherkasov, A.A., Tarakanov, V.V., Molchanova, V.S., Natolochnaya, O.V. (2015) Russian and foreign authors of the late 18th – 19th Centuries on the North-West and Central Caucasus (the historiographical and historical aspects): Part 1. *Bylye Gody*. 1 (35). pp. 70–80 (In Russian).

Karataev, V.B., Volvenko, A.A., Varfolomeev, A.G. (2015) The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years). *Bylye Gody*. 3 (37). pp.536-540. DOI: 10.17223/18572685/42/5

Байбарин Андрей Андреевич – кандидат юридических наук, доцент Юго-Западного государственного университета (Россия).

Baibarin Andrey - Southwestern state University (Russia).

E-mail: andrewbaybarin@gmail.com

Машкин Николай Афанасьевич – доктор исторических наук, профессор Российского экономического университета им Г.В. Плеханова (Россия).

Mashkin Nikolay - Plekhanov Russian University of Economics (Russia).

E-mail: rector@rea.ru

Шеленговский Павел Геннадиевич – кандидат юридических наук, доцент Российского экономического университета им Г.В. Плеханова (Россия).

Shelengovskiy Pavel - Plekhanov Russian University of Economics (Russia).

E-mail: SHelengovskiy.PG@rea.ru

УДК 94(=16):070"1900/1905"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/9

СТАТУС СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В УНИВЕРСИТЕТАХ АВСТРО-ВЕНГРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК»)*

С.Ф. Фоминых¹, А.О. Степнов²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

² E-mail: ASAOM@yandex.ru

Авторское резюме

На материалах журнала «Славянский век» рассматривается процесс борьбы славянской молодежи в конце XIX – начале XX в. за закрепление статуса родных языков в университетах Австро-Венгрии. На примере Львовского университета анализируются причины возникновения университетских конфликтов на языковой почве. Прослеживаются формы и методы борьбы русинского студенчества Львовского университета за использование родного языка наравне с польским в учебном процессе. Приводятся примеры того, как эти формы и методы оценивались представителями славянской общественности. Анализируются основные требования общественных молодежных организаций славян в контексте борьбы за статус славянских языков в университетах Австро-Венгрии, а также за открытие национальных университетов. Отмечается, что требования русинской, чешской, словенской молодежи открыть новые национальные университеты или трансформировать старые нередко приводили к межнациональным столкновениям. Делается вывод о том, что данная борьба стала для славянских народов, проживавших в Австро-Венгрии, консолидирующим фактором.

* Статья выполнена в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета и при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», № 14. В25.31.0009.

Ключевые слова: Австро-Венгерская империя, Львовский университет, студенты, славянская общественность, статус славянских языков.

THE STATUS OF SLAVIC LANGUAGES AT THE UNIVERSITIES OF AUSTRIA-HUNGARY IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (A CASE STUDY OF THE MAGAZINE “SLAVIC CENTURY”)*

S.F. Fominykh¹, A.O. Stepnov²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

² E-mail: ASAOM@yandex.ru

Abstract

The article examines the struggle of the Slavic youth for the consolidation of the status of native languages in Austro-Hungarian universities in late 19th – early 20th centuries, reflected in the magazine “Slavic Century.” On the example of Lviv University the authors analyse the causes of language conflict at universities focusing on the forms and methods used by Rusin students of Lviv University to fight for their right to use the Rusin language, along with the Polish, in the educational process. The authors demonstrate how these forms and methods were evaluated by the representatives of the Slavic community. The article analyses the basic requirements of Slavic public youth organizations in the context of their struggle for the status of Slavic languages at the universities of Austria-Hungary, as well as the students’ fight for the opening of national universities. It is noted that the requirements of Rusin, Czech, and Slovenian youth to establish new national universities or transform the old ones often led to ethnic clashes. The authors conclude that the struggle became a consolidating factor for the Slavs living in Austria-Hungary.

Keywords: Austro-Hungarian Empire, Lviv University, students, Slavic community, the status of Slavic languages.

Подкарпатская (Угорская) Русь окончательно вошла в состав Венгерского королевства в XIII в., а Галицкое княжество к концу

* This research was supported by Tomsk State University Academic Excellence Program and the project “Man in a Changing World. Problems of identity and Social Adaptation in History and at Present” (RF Government Grant Nr 14.B25.31.0009).

XIV в. - в состав Польши. Соответственно, после присоединения Венгрии к Австрии и разделов Польши эти земли стали частью Австрийской империи (позднее – Австро-Венгрии). В 1774 г. произошла аннексия Австрией северной части Молдавского княжества (которое в то время было вассалом Османской Порты) – Буковины. Здесь значительную часть населения составляли русины. В начале XX в. на территории Австро-Венгрии (в Галичине, большей части Буковины, Угорской Руси) в целом проживали не менее 4 млн русинов (Суляк 2007: 42).

Восточные территории Австро-Венгрии характеризовались большим разнообразием этноязыковых общностей (Геровский 1995: 7–8).

Галиция, входившая на протяжении нескольких столетий в состав Королевства Польского, сохранила и широкий слой польского населения. Таким образом, рассматривая восточные регионы Австро-Венгрии, мы имеем дело с этнокультурным конгломератом, что накладывало отпечаток на особенности этнических отношений, приводя не только к культурному взаимообогащению, но и к конфликтам, периодически возникавшим, прежде всего, на языковой почве.

Школьное и высшее университетское образование во все времена являлось фундаментальным в деле закрепления и ретрансляции культурной идентичности в будущие поколения. Поэтому проблема доминирующего языка в образовательных учреждениях стала одной из главных арен подобных конфликтов. Некоторые из них, в том числе наиболее показательный эпизод с русскоязычными студентами Львовского университета, нашли свое отражение на страницах всеславянского журнала «Славянский век», издававшегося в Вене в 1900–1905 гг.

Львовский университет был учрежден в 1784 г. императором Иосифом II «для удовлетворения нужд галицко-русского населения Восточной Галиции». Однако функционировал университет долгое время как немецкоязычный («имел немецкий характер»). Главенство в преподавании немецкого языка носило временный характер, и с середины XIX в. правительство империи планировало заменить его на русский. С 1848/49 учебного года во Львовском университете в связи с этим были открыты кафедры рутенского (русинского) языка и литературы на философском и пастырского богословия факультетах.

В данные планы были внесены коррективы, когда с 1860-х гг. в административной элите Галиции в контексте конституционных трансформаций в империи усилился польский элемент, оказывавший «значительное влияние на политику правительства, которое, уступая их требованиям, отдало Львовский университет в их руки» (Грот 1907: 59).

Согласно императорскому рескрипту 1871 г., отменявшему преподавание на немецком языке, во Львовский университет допускались лица, владевшие одним из областных языков: польским или рутенским (русинским). При этом следует отметить, что в публицистике и научной литературе того времени нередко для обозначения рутенского языка использовалось понятие «малорусский», например в трудах филолога-слависта К.Я. Грота, а также в публицистических материалах журнала «Славянский век». Это, однако, носило условный характер и обозначало совокупность говоров Карпатской Руси, смешение народного и русского литературного языков, что отражало общую тенденцию, проявившуюся у многих восточнославянских народов в конце XIX – начале XX в., к лингвистической интеграции с русским литературным языком. Переходным языком для русинов Австро-Венгрии, проживавших в Галиции, долгое время было так называемое язычие – пестрое смешение местных наречий, церковнославянского языка с многочисленными вставками русского литературного.

Однако в руководстве Львовского университета, пользовавшегося широкой автономией, преобладали поляки. Получая поддержку в среде польской общественности и администрации, несмотря на рескрипт 1871 г., поляки как «сильнейшая народность» края утвердили «польский статус» этого университета. И, «что особенно важно, обратились за научными силами в Познань и в Россию, так что в продолжение трех лет университет получил польский характер». Русские же кандидаты не допускались к профессорским должностям (Грот 1907: 60).

Русины сохранили за собой лишь уже упомянутую выше кафедру рутенского языка, а с 1899 г. – кафедру всеобщей истории на философском факультете, а также кафедру гражданского и уголовного права на юридическом.

Таким образом, возникли предпосылки для конфликта. Русины в новых реалиях не могли не почувствовать ущербности собственного положения, выразившегося в дискриминации своих прав.

Уже с 1880-х гг. патриотично настроенные студенты-русины выбрали своеобразный способ протеста: они заполняли индексы (студенческие книжки) и ряд других университетских документов на русском языке. Инициативу организации подобного рода протеста проявило общество студентов-русинов под названием «Академический кружок», закрытое в 1895 г. (Славянский век 1: 89).

В 1901 г., когда декан богословского факультета Кс. Фиалек, поляк и католик, отверг студенческие книжки, заполненные студентами-русинами на родном языке, ситуация обострилась. Обязательными для индексов языками стали польский и латинский.

Ректор духовной семинарии о. Туркевич, отстаивая права своих учеников, обратился к галицко-русскому митрополиту, вице-маршалу Галицкого сейма Андрею Шептицкому с просьбой оказать содействие в деле разрешения использования в университете рутенского («малорусского») языка (Славянский век 1: 90). Незадолго до этого ректором университета был совершен неоднократно применяемый в те времена акт дискриминации преподавателей по языковому признаку. В ходе заседания университетского сената (высшей административной структуры) известному историку, профессору М.С. Грушевскому (в 1894–1914 гг. он преподавал во Львовском университете) «в виду официальности польского языка» было запрещено говорить по-русски (Славянский век 1: 90).

В знак протеста против сложившегося положения студенты-русины покинули Львовский университет, что, однако, не обратило на себя «того внимания, какого ожидали его инициаторы» и к тому же привело к закрытию Русской духовной семинарии во Львове. В первое время эта акция вызвала восхищенные отзывы в галицко-русской печати. Встал вопрос о создании «русского» университета в Галиции (Славянский век 2: 324).

Не осталась в стороне и польская молодежь, проживавшая в Галиции. 23 ноября 1901 г. состоялось общее собрание польской организации «Czytelni akademickiej», на котором была выработана резолюция «против не только учреждения особого русского университета, но и против утравки польского» (Славянский век 3: 244).

Редактор «Славянского века» Д.Н. Вергун весьма сдержанно отнесся к требованиям русинской молодежи учредить национальный университет во Львове. На страницах издаваемого им журнала он писал: «Движение это, конечно, не будет иметь никаких практических результатов. Если даже чехи, располагающие в австрийском парламенте 83 голосами, не могут добиться второго университета, притом обещанного им Кербером еще весной, несмотря на то, что у них уже все готово: профессора, достаточное количество слушателей и пр., то что же можно сказать о словенском университете в Любляне, раз словенцы не имеют до сих пор ни одной полной словенской гимназии, и о русинском во Львове, раз для учрежденной недавно кафедры русской истории пришлось выписывать ученого из России (проф. Грушевского)!» (Славянский век 4: 194).

Вместо этого Д.Н. Вергун высказал более рациональные, с его точки зрения, предложения о трансформации уже существовавшего Черновицкого университета в русскоязычный, а также о введении обязательного курса литературного русского языка в других университетах империи.

При этом он оптимистично оценивал активизацию славянского студенческого движения в целом. «Пронесшаяся буря, – подчеркнул он, – заставит встряхнуться прозябшие в последнее время славянские студенческие общества». В качестве подтверждения он сослался на то, что на Всеславянское студенческое собрание в Вене, состоявшееся в том же 1901 г., съехалось более 1 тыс. человек, среди которых были представители русинской «Буковины», чешской «Akademicky Spolek», словенских «Slovenia» и «Danica» и других славянских общественных организаций (Славянский век 4: 194).

Студенты-русины из Львова после сессии разъехались в Прагу, Вену и Лейпциг. Общество чешских студентов, узнав о том, что русины покидают университет во Львове, опубликовали воззвание, в котором приглашали их поступить в Пражский университет. Покидая Львов, студенты-русины пели на вокзале национальные песни, произносили речи. Провожавшая их толпа после отбытия поездов «с пением направилась по улицам города». Тогда, «чтобы положить конец проявлениям сочувствия отбывшим студентам», власти прибегли к полицейским мерам. В Праге же двадцати прибывшим туда студентам чехи оказали радушный прием и особое чествование. Редакция «Славянского века» организовала сбор пожертвований в поддержку студентов (Славянский век 5: 337).

Однако не везде студентов-русинов ждал теплый прием. Так, например, в Вене полиция запретила встречать студентов на вокзале.

Конфликт вышел за пределы Австро-Венгрии. В декабре 1901 г. студенты Лейпцигского университета потребовали удаления студентов-русинов (Славянский век 6: 282).

Таким образом, сессия имела неоднозначные последствия. С одной стороны, уход русинов из Львовского университета можно было считать за поражение. Однако уже в 1902 г. указом Министерства просвещения от 5 апреля сенат Львовского университета обязывался принимать документацию, составленную по-русски, и отвечать на том же языке. Вместо латинско-польских индексов вводились чисто латинские, что можно было расценивать как компромисс. В указе министерства выражались надежда и пожелание, «что будет возможным расширить права русского языка во Львовском университете». Русинская молодежь, ранее покинувшая университет, стала возвращаться в стены родного учебного заведения. Тогда же была вновь открыта Львовская духовная семинария (Славянский век 7: 526).

Однако и здесь история совершила неожиданный поворот, который на страницах журнала «Славянский век» был зафиксирован как «протест украинофильской партии». Здесь стоит сделать уточнение, потому как сам термин «украинцы» не фигурировал в официальной

документации Австро-Венгрии. Вместо него использовался термин *рутены* (Ruthenen) – официальное название русинов в Австро-Венгрии до 1917 г. И, соответственно, для обозначения их языка применялся термин *рутенский* (Ruthenisch), он же *русинский*. Лишь в августе 1917 г. император Австро-Венгрии Карл изменил названия рутены, рутенский язык на, соответственно, украинцы и украинский язык (Ukrainer, Ukrainian) (Суляк 2016).

Позднее, в 1906 г., председателю русинского студенческого общества «Академічна Громада» доктору А. Глюзинскому в присутствии ректора было запрещено говорить на родном языке, опять же со ссылкой на официальность польского в университете. Снова произошли столкновения русинской и польской молодежи, в ходе которых в здании университета случился погром. Драка продолжалась несколько часов, студенты сооружали баррикады из скамей (Грот 1907: 63–64).

Раскол произошел и среди польской общественности. Часть ее продолжала шовинистически настаивать на чистоте Львовского университета, другой ее спектр, умеренно настроенных, признавал за русскоязычным населением Галиции законные права на язык, культуру и их использование в университетском образовании.

Борьба продолжилась. Уже в зимнем семестре 1902/03 учебного года вновь имело место столкновение университетских властей со студентами-русинами – на этот раз из-за требования последних, выразившегося в том, чтобы при имматрикуляции присяга была прочитана по-русски. На 1903/04 учебный год ректором Львовского университета был избран Кс. Фиалек, ставший в 1901 г. виновником обострения конфликта в университете на языковой почве. При этом главным претендентом на эту должность считался профессор богословия Барнюшевский (Грот 1907: 62).

Акции протеста русинского студенчества Львова нередко приводили к столкновениям с польской молодежью, в ходе которых «обе стороны – польская и русская – одинаково применяли недостойные средства борьбы и дошли даже до пролития крови в самом здании “alma mater”» (Грот 1907: 62).

Оценки общих итогов противостояния во Львовском университете по вопросу о статусе языков разнятся. С одной стороны, при посредничестве правительства имели место уступки со стороны руководства университета, а с другой, по оценке К.Я. Грота, – «борьба за университет, несмотря на перенесенные русскими галичанами тяжелые жертвы, не удовлетворила требований русских студентов и всего населения» (Грот 1907: 65).

Учитывая, что в Австро-Венгрии конца XIX – начала XX в. на 16 млн славян приходилось всего три университета (в Праге, Кракове и Львове), подобные конфликты были неизбежны и происходили не только во Львове (Славянский век 4: 193). Всего же в Австро-Венгрии в конце XIX в. насчитывалось восемь университетов, которые были организованы так же, как и германские. В них обучались около 16 тыс. студентов (Иолли 1900: 119).

Не могли добиться второго университета и чехи. Открытия национального университета требовали славянская молодежь Триеста, а также словенцы, которые и в начале XX в. сохраняли память о недолгом существовании иллирийского «Ecoles centrale» – первого университета в Любляне, основанного еще в 1810 г. французами и просуществовавшего всего три года. Они ждали его возрождения.

Словенская общественность на протяжении десятков лет придавала вопросу об открытии словенского национального университета первостепенное значение. Однако, как и в случае со Львовским университетом, правительство, признавая такую «гипотетическую возможность», ссылалось на то, что «финансовые затруднения» и «политические хлопоты» не позволяли осуществить это.

В материалах Я. Сернеца, опубликованных в «Славянском веке», правомерность требований словенцев открыть университет обосновывалась и наличием собственных словенских ученых, составлявших, по его мнению, свет мировой науки. Среди них упоминались имена математика Г. Вега, лингвиста и историка В. Копитара, физика Й. Стефана, языковеда Ф. Миклошича.

Обращалось внимание и на то, что среди словенцев около 200 человек ежегодно заканчивали обучение в гимназиях. Следовательно, полагал Я. Сернец, набравшиеся за четыре года 800 выпускников могли бы составить достаточный контингент для словенского университета (Славянский век 8: 649).

Такого рода требования находили оформление в программах общественных организаций словенцев, добивавшихся открытия народных школ, гимназий и реальных училищ, в которых преподавание велось бы на родном языке.

В начале XX в. межнациональные конфликты на языковой почве при решении университетского вопроса в Австро-Венгерской империи стали разрастаться. Так, например, широкий общественный резонанс вызвали столкновения немцев и итальянцев в Инсбруке относительно статуса языков в Инсбрукском университете. Против учреждения итальянского университета выступали и славянские активисты, считая Инсбрук славянской землей.

Чехи еще ранее требовали собственных университетов в Моравском Берне или Оломоуце (Славянский век 4: 193).

Славянские студенты из Вены и Граца протестовали против итальянских притязаний и возобновили требования о собственном университете. Они получили поддержку от общественных организаций чехов, хорватов, сербов и русинов, направивших своих представителей на большое студенческое собрание в Вене. В резолюции собрания нашли отражение требования учреждения южнославянского университета в Любляне, уравнивания статусов Загребского и Цислейтанского университетов (признание действительности экзаменов Загребского университета в Цислейтании) и т. д. Вскоре после этого состоялось славянское студенческое собрание в Загребе, на котором высказывались аналогичные требования (Славянский век 8: 650–651).

Таким образом, одним из следствий борьбы за национальные университеты была консолидация славянской общественности.

В 1904 г. в большом зале Народного дома в предместье Праги состоялось собрание сербских, чешских и словацких студенческих обществ. В его культурную программу входили выставки, концерты с исполнением произведений чешских и русских композиторов, народных песен и т. д. Требования славянской молодежи открыть национальные университеты в Австро-Венгрии стали к тому времени уже традиционными (Славянский век 9: 265). На том же съезде было выдвинуто требование к правительству ввести в средние учебные заведения Восточной Галиции обучение русскому литературному языку в качестве обязательного предмета, а также об открытии кафедры русского литературного языка и общерусской литературы в университетах Львова, Черновцов и Вены (Мончаловский 1904).

Конечно же, борьба за открытие национальных университетов и достойный статус славянских языков в Австро-Венгрии конца XIX – начала XX в. имела общественно-политический характер, развиваясь от естественного желания студентов обучаться на родном языке до масштабных съездов, собраний, где принимались соответствующие программные требования. Характерно и то, что траектория этого процесса развивалась в то время не столько по пути борьбы с имперской властью, сколько в контексте противостояния этносов, народов друг с другом.

Представители славянских народов в лице студенческой молодежи стали все чаще задумываться о собственной идентичности, вечных ценностях и о том, что каждый подрастающий русин, чех, словенец, как подчеркивалось на страницах журнала «Славянский век», «после строгой замкнутой жизни в гимназии попадал в большой враждебный ему город» и в «своей студенческой жизни оставался без руководитель» (Славянский век 4: 195). Д.Н. Вергун для описания этого города

(подразумевая и всю Австро-Венгрию начала XX в.) использовал образ «разноязычного Вавилона». Борьба славянской молодежи за родные языки в университетах Австро-Венгрии явилась консолидирующим фактором для славянской общественности.

ЛИТЕРАТУРА

Геровский 1995 - *Геровский Г.Ю.* Язык Подкарпатской Руси. М., 1995. 90 с.
Грот 1907 - *Грот К.Я.* Галицкая Русь прежде и ныне: исторический очерк и взгляд на современное состояние очевидца. СПб.: Изд. Общ-ва ревнителей русского исторического просв. в память имп. Александра III, 1907. 104 с.

Иолли 1900 - *Иолли Л.* Народное образование в разных странах Европы. СПб.: Книгоиздательство и книжный магазин О.Н. Поповой, 1900. 192 с.

Мончаловский 1904 - *Мончаловский О.А.* Главные основы русской народности // Русское самодержавие: прошлое и будущее монархии в России. URL: <http://samoderjavie.ru/content/monchalovskiy-oa-glavnye-osnovy-russkoj-narodnosti> (дата обращения: 15.10.2016).

Славянский век 1 - Русский язык в Львовском университете // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 27. С. 89–90.

Славянский век 2 - Студенческий разгром. Письмо галицко-русских студентов из Львова // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 35–36. С. 324–326.

Славянский век 3 - Славянские вести // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 32. С. 244–245.

Славянский век 4 - *Вергун Д.Н.* К вопросу о славянских университетах в Австрии // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 31. С. 193–195.

Славянский век 5 - Славянские вести // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 35–36. С. 332–344.

Славянский век 6 - Славянские вести // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 33–34. С. 279–289.

Славянский век 7 - Иссов. Из Подьяремной Руси // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 43. С. 526–527.

Славянский век 8 - *Сернец Я.* Словенский университет в Любляне // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 47. С. 646–651.

Славянский век 9 - *Святицкий И.* По поводу съезда славянского студенчества в Праге // Славянский век. Всеславянский журнал. 1904. Вып. 81. С. 264–267.

Суляк 2007 - *Суляк С.Г.* Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

Суляк 2016 - *Суляк С.Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны // Русин. 2016. № 2 (44). С. 73–91.

REFERENCES

- Gerovskiy, G.Yu. (1995) *Yazyk Podkarpatskoy Rusi* [The Language of Carpathian Russ]. Moscow.
- Grot, K.Ya. (1907) *Galitskaya Rus' prezhe i nyne: istoricheskiy ocherk i vzglyad na sovremennoe sostoyanie ochevidtsa* [Galician Russ before and now: A historical overview and a look of an eye-witness at the current state]. St. Petersburg: Russian Society of Adherents of Historical Education in memory of Emperor Alexander III.
- Iolli, L. (1900) *Narodnoe obrazovanie v raznykh stranakh Evropy* [People's education across Europe]. St. Petersburg: O.N. Popova.
- Monchalovskiy, O.A. (2014) *Glavnye osnovy russkoy narodnosti* [The main foundations of Russian nationality]. [Online] Available from: <http://samoderjavie.ru/content/monchalovskiy-oa-glavnye-osnovy-russkoy-narodnosti> (Accessed: 15th October 2016).
- Anon. (1901a) Russkiy yazyk v L'vovskom universitete [The Russian language in Lviv University]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 27. pp. 89-90.
- Anon. (1901b) Studencheskiy razgom. Pis'mo galitsko-russkikh studentov iz L'vova [The students' defeat. A letter of the Galician-Russian student from Lviv]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 35–36. pp. 324-326.
- Anon. (1901c) Slavyanskije vesti [Slavic news]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 32. pp. 244-245.
- Vergun, D.N. (1901) K voprosu o slavyanskikh universitetakh v Avstrii [On the Slavic University in Austria]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 31. pp. 193-195.
- Anon. (1901d) Slavyanskije vesti [Slavic news]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 35–36. pp. 332-344.
- Anon. (1901e) Slavyanskije vesti [Slavic news]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 33–34. pp. 279-289.
- Issov. (1902) Iz Pod"yaremnoy Rusi [From the Enslaved Rus]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 43. pp. 526-527.
- Sernets, Ya. (1902) Slovenskiy universitet v Lyublyane [Slovenian University in Ljubljana]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 47. pp. 646-651.
- Svyatitskiy, I. (1904) Po povodu s"ezda slavyanskogo studenchestva v Prage [To the Congress of Slavic students in Prague]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 81. pp. 264-267.
- Sulyak, S.G. (2007) Rusins in History: Past and Present. *Rusin*. 4 (10). pp. 29-56 (In Russian).
- Sulyak, S.G. (2016) Rusins in the memories of the Great War participants. *Rusin*. 2 (44). pp. 73-91 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Fominykh Sergey - Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Степнов Алексей Олегович – бакалавр истории, магистрант исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Stepnov Alexey - Tomsk State University (Russia).

E-mail: ASAOM@yandex.ru

УДК 930.272

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/10

А.И. ЯЦИМИРСКИЙ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ БУМАГИ КАРПАТСКИХ И БАЛКАНСКИХ РУКОПИСЕЙ*

А.П. Балаченкова¹, Е.А. Ляховицкий², Д.О. Цыпкин³

¹Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Россия, 198095, г. Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, 4

E-mail: abalachenkova@mail.ru

²Российская национальная библиотека

Россия, 191069, г. Санкт-Петербург, пл. Островского, 1/3

E-mail: stoglav@bk.ru

³Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: d.tsyppkin@spbu.ru

Авторское резюме

Рассматривается один из аспектов подхода к описанию рукописных памятников А.И. Яцимирским – крупнейшим исследователем молдо-влахийской рукописной книжности, русином по происхождению. Яцимирский одним из первых русских археографов системно собирал данные о водяных знаках рукописей, рассматривая их с точки зрения происхождения бумаги, что давало возможность датировки рукописи в широких временных промежутках. Стремление к уточнению датировок и обстоятельства работы в отдаленных монастырях привели Яцимирского к первым в истории филигранологии опытам контактной фотосъемки водяных знаков, которая позволяла получать изображения достаточной точности для анализа водяных знаков на уровне признаков листоотливной формы.

Ключевые слова: А.И. Яцимирский, археография, филигранология, водяные знаки, контактная фотография.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Импорт из Западной Европы и древнерусское письменное наследие: западноевропейская бумага в России XV–VII вв.» (грант Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых – кандидатов наук № МК-4732.2016.6).

A.I. YATSIMIRSKY AS THE RESEARCHER OF HISTORICAL PAPER OF THE BALKAN AND CARPATHIAN MANUSCRIPTS*

A.P. Balachenkova¹, E.A. Lyakhovitsky², D.O. Tsytkin³

¹Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

4 Ivan Tchernykh Street, Saint Petersburg, 198095, Russia

E-mail: abalachenkova@mail.ru

²National Library of Russia

1/3 Ostrovsky Square, Saint Petersburg, 191069, Russia

E-mail: stoglav@bk.ru

³Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: d.tsytkin@spbu.ru

Abstract

The article analyses the approach to the description of manuscripts by A.I. Yatsimirsky, a Rusin by birth, a prominent researcher of Moldovan-Vlachan manuscripts. Yatsimirsky was among the first Russian archaeographers who systematically collected the data on watermarks and analysed the paper, which made it possible to date manuscripts within wide chronological framework. His aim to achieve more accurate dating along with difficult operating conditions in the remote monasteries led Yatsimirsky to the first-ever attempts of watermark contact photography. This way of reproduction gave images reasonably precise for the analysis of watermarks on the level of the mould features.

Keywords: A.I. Yatsimirsky, archaeography, filigranology, watermarks, contact photography.

Конец XIX – начало XX в. – время яркого развития методологических новаций в науке. В области изучения рукописных памятников такой новацией стали работы Н.П. Лихачева и Ш.-М. Брике, заложившие фундамент для датировки рукописных памятников по данным маркировочных знаков бумаги. Одним из первых крупных археографов, начавших активно использовать эти данные на практике, был Александр Иванович Яцимирский (1873–1925) – выдающийся

* This research was supported as part of the project “The Import from the Western Europe and Old Russian Written Heritage: The European Paper in Russia in 15th–17th Centuries” (Grant of the President of the Russian Federation for Support of the Young Researchers Nr МК-4732.2016.6).

исследователь литературы и книжности балканских и карпатских народов.

Александр Иванович Яцимирский родился в 1873 г. в Бессарабии (с. Байрамча) в русинской (Суляк 2006: 14) учительской семье (Кидель 1969: 3; Матковски 1979: 7). По окончании I кишиневской гимназии поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Уже в студенческие годы Яцимирский активно публиковался, занимаясь изучением южнославянской и молдавской рукописной книжности. В общей сложности он выпустил около 30 статей, в том числе в периодических изданиях Академии наук (Кидель 1969: 3; Матковски 1979: 8). На летних каникулах Яцимирский совершил свои первые археографические экспедиции по разысканию молдавских грамот и списков памятников древнемолдавской литературы для фамильного собрания, впоследствии переданного им в библиотеку Академии наук (Матковски 1979: 8). Главным итогом работы студенческих лет стали двухтомное описание частного рукописного собрания П.И. Щукина (Яцимирский 1896, 1897) и описание рукописей Нямецкого монастыря в Румынии (Яцимирский 1898). В 1899 г. А.И. Яцимирский окончил курс со степенью кандидата университета и в том же году был командирован Академией наук в археографическую экспедицию на Балканы для описания и возможного приобретения славянских рукописей. Во время этой экспедиции молодой ученый собрал обширный материал, ставший основой для ряда статей (Матковски 1979: 10). Кроме того, в начале 1900-х гг. он активно изучал фотографию и сотрудничал с журналом «Фотографическое обозрение» – органом Московского отделения Фотографического общества.

Тогда же у Яцимирского появляется замысел написать большую работу о киевском митрополите Григории Цамблаке, болгарском книжнике и крупном церковном деятеле XIV–XV вв., получившую впоследствии высокую оценку в академической среде. В итоге в 1904 г. А.И. Яцимирскому, представившему заверченный труд в Ученый совет Казанского университета в качестве своей магистерской диссертации, в результате исключительно успешной защиты присваивают степень доктора филологии.

В 1903 г. ученый переезжает в Петербург, где начинает преподавать в ряде гимназий русский язык и литературу, а затем и в Петербургском университете, читая курсы румынского языка в сравнении со славянскими и романскими языками на историко-филологическом факультете. Он публикует памятники молдавского и румынского фольклора, продолжает поездки на Балканы, а также в Австро-Венгрию и Германию в поисках южнославянских и молдо-влахийских рукописей (Матковски 1979: 12–13).

В начале 1908 г. из-за политической неблагонадежности Яцимирский был уволен с должности приват-доцента Петербургского университета и вернулся к преподаванию в средних учебных заведениях. В 1913 г. он избирается по конкурсу на должность профессора Варшавского университета по кафедре славянской филологии, где читает курсы по истории славян и истории Византии, а также спецкурс «Методология изучения литературных памятников» (Кидель 1969: 4).

В 1915 г. вместе с университетом Яцимирский эвакуируется в Ростов-на-Дону. После революции 1917 г. ученый принимал деятельное участие в устройстве университета в Ростове (на основе организационной структуры Варшавского университета), а также педагогического института в Новочеркасске. Активно занимался местной археологией и краеведением; был первым ректором организованного им Донского археологического института, преобразованного позже в Донское общество археологии и истории искусства.

Скончался Александр Иванович Яцимирский 12 февраля 1925 г. (Матковски 1979: 23).

Уже в первом крупном печатном труде Яцимирского – описании рукописного собрания П.И. Щукина (Яцимирский 1896, 1897) – мы видим стремление археографа отразить данные о бумажных водяных знаках. Такая информация была дана для 15 рукописей: исследователь приводит параллель водяного знака из первого альбома Н.П. Лихачева, указывая дату, но не описывая сюжет. Однако Яцимирский не придавал этим данным решающего значения для датировки рукописей. Так, например, № 12 из собрания Щукина датируется им XVI в., при том что водяной знак относится к 1483 г., а № 114 – началом XVI в., тогда как водяной знак – 1595 г. (Яцимирский 1896: 4, 14, 19, 25, 28, 67, 96, 148, 150, 154, 166, 243, 264, 277; Яцимирский 1897: 8).

Таким образом, в рамках упомянутой работы данные о водяных знаках служат лишь вспомогательным элементом описания и приводятся, по всей видимости, для тех случаев, когда альбом Н.П. Лихачева давал возможность указать на имеющуюся параллель с другой рукописью. Подобным же образом А.И. Яцимирский указывает на параллели в орнаментации, пользуясь альбомом В.В. Стасова (Яцимирский 1896: 11, 15). В другой крупной археографической работе Яцимирского – «Описании южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек» (Яцимирский 1921) – данные о водяных знаках не приводятся.

Иной подход представлен в описаниях рукописей молдавских и румынских библиотек, находившихся в фокусе исследовательского интереса ученого, в вышедшей почти одновременно с «Описанием рукописей Щукина» работе о рукописях Нямецкого монастыря (Яци-

мирский 1898) и крупнейшем археографическом труде Яцимирского «Славянские и русские рукописи румынских библиотек» (Яцимирский 1905). Уже в первой из названных работ мы наблюдаем подход к описанию водяных знаков, существенно отличающийся от того, который мы наблюдали в описании рукописей Шукина: приводится только сюжет водяного знака, как правило, без каких-либо уточняющих деталей и указаний на альбомные параллели; информация о водяных знаках дается только для некоторых рукописей (Яцимирский 1898: 6, 7, 16, 30, 33–34, 37–38, 40, 48–49, 64, 84, 88). Однако в позднем варианте описания Нямецкой библиотеки, вошедшем в фундаментальный труд «Славянские и русские рукописи румынских библиотек», автор добавляет указания на водяные знаки еще целого ряда рукописей Нямецкого монастыря (№ 13, 16, 32, 45, 56, 66–67, 76, 82) (Яцимирский 1905: 639, 642, 663, 674, 686, 711, 715, 727, 734).

Что касается остальных рукописных собраний, описание которых вошло в упомянутый труд, то в них информация о водяных знаках приводится для большинства рукописей XV–XVI вв. В работе 1905 г. особенно отмечаются и те случаи, когда водяной знак не читается или отсутствует (Яцимирский 1905: 29, 113). Очевидно, что в данной работе А.И. Яцимирский рассматривал информацию о водяных знаках уже как важный элемент описания и стремился к полноте ее представления. Это существенно выделяет «Славянские и русские рукописи румынских библиотек» на фоне других описаний конца XIX – начала XX в., где водяные знаки чаще всего вовсе не описывались или описывались крайне лапидарно.

Смысл такого подхода раскрывается общим взглядом археографа на историю бумаги в регионе, что представляет собой своего рода миниатюрное повторение опыта Н.П. Лихачева в работе 1891 г. (Лихачев 1891): на раннем этапе развития молдо-влахийской книжности (XV в.) используется итальянская бумага, затем немецкая. С конца XVI в. – бумага, произведенная в Трансильвании; в XVII в. возникает бумажное производство в Молдавии. Для итальянской и немецкой бумаг Яцимирский перечисляет характерные сюжеты водяных знаков: «Весы в кружке», «Ножницы», «Бычья голова», «Корона в кружке», «Три новолуния», «Перчатка со звездой», «Якорь в кружке», «Секира», «Свинья» (Яцимирский 1905: XXXI, 35–36). Указания на параллели из альбомов, составленных на материалах других регионов, по всей видимости, казались ученому ненужными. Ссылка на альбом дается лишь в единственном случае, когда речь идет о водяном знаке, сюжет которого не был вполне ясен исследователю (Яцимирский 1905: 82).

Схожий подход можно видеть и в наиболее известной работе Яцимирского – исследовании о Григории Цамблаке (Яцимирский

1904). Для тех рукописей, где дана информация о водяных знаках, приводится только их сюжет (Яцимирский 1904: 345, 353–354, 362, 366, 377–378), за исключением двух случаев, в первом из которых среди водяных знаков особенно отмечается наличие двух разновидностей «ножниц» (Яцимирский 1904: 360, 369).

Итак, в своих работах, посвященных румыно-молдавскому рукописному наследию, Яцимирский вполне последовательно воплощал ту идею использования данных водяных знаков, которая наиболее полно была выражена в работе Н.П. Лихачева 1891 г., где бумага определенного происхождения связывалась с конкретным (широким) хронологическим периодом. Точность датировок, которую можно было получить таким образом, не могла удовлетворить исследователя, наметившего весьма амбициозную программу изучения молдово-влахийской письменной культуры (Яцимирский 1906: XLIX–LVI). Об этом свидетельствует его статья 1901 г., представляющая собой первое (до сих пор единственное в своем роде) отечественное методическое пособие по исследовательской фотографии рукописных памятников – «Фотография в применении к славяно-русской палеографии» (Яцимирский 1901), где заметное место занимает описание фотокопирования водяных знаков.

На этой краткой публикации (состоящей из шести разделов: I. Общие положения; II. Приготовление к съемке; III. Освещение; IV. Съемка; V. Проявление; VI. Печатание) стоит остановиться, так как она стала чрезвычайно важным и, к сожалению, фактически забытым сегодня этапом как в развитии методологии исследовательского воспроизведения рукописно-книжных памятников в целом, так и непосредственно в филигранографии.

В начале статьи автор сообщает, что «настоящая заметка представляет часть большей по размерам работы по вопросу о фотографической практике при снимании с древних славянских и русских рукописей и старопечатных книг для научных целей, для исследований в области палеографии и древней литературы» (Яцимирский 1901: 123). Учитывая, насколько подробно Яцимирский описал техническую сторону фотографической репродукции памятников, следует задаться вопросом: что должно было войти в «большую по размерам работу»? Сейчас мы не располагаем материалом для однозначного ответа на этот вопрос. Очевидно, что речь шла о труде, в котором предполагалось рассмотреть все возможные на тот момент варианты фотофиксации рукописно-книжных материалов и их элементов (Яцимирский 1901: 171). Вероятно, должно было обсуждаться и применение фотографии в качестве исследовательского инструмента изучения рукописных памятников, а не только как способа их репродукции. На такую

возможность указывает концепция использования фотометодов в «применении к славяно-русской палеографии», которую мы находим в «заметке» Яцимирского. Она состоит в том, что, по мнению автора, «фотографические снимки с рукописей имеют двойное значение»:

а) «как копии с редких, малодоступных для исследования оригиналов»;

б) в случаях, когда фотография «не только заменяет <...> оригинал, но и *восполняет* его, т. е. позволяет читать и разбирать буквы с меньшими затруднениями, чем самый оригинал» (Яцимирский 1901: 124).

Исследователь исходил из того, что «по хорошей копии <...> можно судить о времени написания рукописи, о местности ее написания и вообще о характере письма (устав, полуустав, скоропись и более мелкие подразделения) или же о подлинности самой рукописи и т.д.», так как фотография (в отличие от «ручной передачи» – перерисовывания с рукописи через кальку) способна «воспроизвести с полной точностью древние письмена». По сути, все требования, предъявляемые к фотографической съемке рукописей для палеографических целей, были сведены автором к двум основным параметрам: к «отчетливости» и к метрологической точности (к получению копии «в натуральную величину») (Яцимирский 1901: 124). Необходимо подчеркнуть, что наряду с метрологической точностью Яцимирский указывал на необходимость воспроизведения всего листа рукописи, включая поля, «так как строки с буквами без полей не дают правдивого представления об оригинале» (Яцимирский 1901: 168). Нельзя не отметить, что такой подход полностью соответствует современным требованиям, так как, с одной стороны, размер и конфигурация полей – это один из топографических признаков письма, а с другой стороны – характеристика линования рукописи.

Автор выделяет два типа воспроизведений рукописей:

- полное («когда переиздается вся рукопись целиком»);
- частичное (когда «требуются более интересные листы, более характерные для известной рукописи или эпохи») (Яцимирский 1901: 125).

Для частичного воспроизведения памятника Яцимирским были разработаны общие универсальные требования, которые заключаются в следующем:

1. Обязательная съемка по одному листу «с каждого *почерка*» (Яцимирский 1901: 125). При этом автор особенно подчеркивал значение метрологической точности снимка, отмечая, что «обыкновенно делают снимки в натуральную величину для того, чтобы по ним можно было безошибочно судить о самой рукописи; дело в том, что по уменьшенному снимку никогда нельзя составить себе представ-

ление о почерке оригинала, и вообще впечатление от снимка не в натуральную величину часто расходится от самой рукописи во вред ее древности». В ситуации, «если случится, что по каким-нибудь причинам нельзя снять целую страницу рукописи в натуральную величину, то советуем лучше снять *часть страницы*, хотя бы несколько строк, но в натуральную величину, сколько строк уместится на небольшой пластинке, чем уменьшать размеры листа» (Яцимирский 1901: 126). Безусловно, и сегодня при копировании документа оптимальным является получение воспроизведения в натуральную величину. Однако сами взгляды А.И. Яцимирского на связь палеографических выводов с масштабом воспроизведения, с современной точки зрения, отражают недостаточную развитость методологии и признаковой системы славяно-русской палеографии в период публикации статьи (указывают на определенную зависимость палеографических выводов от «общего впечатления» от рукописи).

2. Обязательная съемка примеров художественного украшения рукописи – снимаются «один или несколько листов с началами отделов рукописи, украшенными *заставками и инициалами*». Для лицевых рукописей «желательно иметь снимки со всех рисунков».

3. Обязательная съемка писцовых записей типа колофонов (требуется снимать «последний лист рукописи, если на нем имеется *запись* или «*последствие*» писца, с указанием времени и места написания рукописи и т. д.») (Яцимирский 1901: 125–126).

Пособие А.И. Яцимирского возникло из опыта его археографических экспедиций по изучению рукописных собраний монастырей Карпатского региона и в первую очередь было рассчитано именно на полевую практику (Яцимирский 1901: 168, 172). Особая заслуга ученого состоит в том, что он попытался разработать специализированную «концепцию» фотокопирования рукописно-книжных памятников для исследовательских целей. Эта «концепция» была направлена не только на введение в научное использование – «освоение» с помощью копирования – малодоступных памятников, но и на раскрытие «палеографической» информации рукописи.

В особую область в «концепции» Яцимирского выделены те случаи, когда фотография рукописи не только *заменяет* оригинал, но его *восполняет* («позволяет читать и разбирать буквы с меньшими затруднениями, чем самый оригинал») (Яцимирский 1901: 124). Он основывался на убеждении, что фотографические копии с рукописей должны ориентироваться на то, чтобы делать чтение этих рукописей «незатруднительными для палеографов и историков» даже в тех случаях, когда снимаются «отрывки от исчезнувших рукописей, и в особенности югославянского происхождения, где рукописи очень

много перенесли от всевозможных и внешних, и внутренних бедствий и переворотов, прежде чем попасть в наши библиотеки» (Яцимирский 1901: 125). Очевидно, что среди таких рукописей можно было ожидать и наличие тех, которые «обыкновенным глазом нельзя было бы прочитать» (Яцимирский 1901: 124).

Исходя из той мысли, что «на палеографических снимках каждая буква должна выйти если не лучше, то, во всяком случае, не хуже, чем в самой рукописи, и весь снимок должен читаться ясно и свободно» (Яцимирский 1901: 166), ученый разрабатывает и приемы усиления слабо видимых текстов документов. Собственно говоря, все «приемы» Яцимирского сводились к максимально возможному увеличению экспозиции при съемке, к максимальному увеличению времени проявления фотоматериалов и максимальному повышению контрастности отпечатка (Яцимирский 1901: 169–170). Однако он не без некоторой саморекламы заявлял, что «благодаря таким приемам, мне удавалось получать копии, на которых, казалось, по белому фону слова были написаны темными чернилами. В то же время никто не поверил бы, если бы рядом с копиями поместить оригиналы. Так тускло все на оригинале, так близок бурый цвет букв к желтому цвету пергамента!» (Яцимирский 1901: 170).

Исследователь разработал и специальную классификацию документов по соотношению оптических характеристик материального носителя текста и красителя в письме, предназначенную для определения условий и параметров съемки, необходимых для получения качественных «палеографических» воспроизведений рукописи. По этим признакам все славяно-русские рукописи были разделены на три «разряда» (или «рубрики»):

1. «Рукопись на пожелтевшем пергаменте. Буквы коричневые, видны слабо».

2. «Рукопись на белом пергаменте. Буквы такие же или бурые».

3. «Рукопись на белой бумаге. Буквы, резко написанные чернилами» (Яцимирский 1901: 167, 172, рис. № 2, 4, 5).

Для каждой такой «рубрики» предлагались свои рекомендации по технике фотографирования. Как бы ни была несовершенна эта система, она до сих пор является единственным опубликованным опытом разработки универсальной классификации кириллических (славяно-русских) рукописно-книжных памятников по их оптическим характеристикам для задач специализированного исследовательского воспроизведения.

Столь серьезная разработка технических вопросов фотографии рукописей была связана с убежденностью А.И. Яцимирского не только в практическом, но и в учебно-методологическом значении фотогра-

фии (фотографии, «улучшающей» оригинал) для изучения рукописей: «...для начинающих заниматься палеографией гораздо легче и полезнее читать хорошие снимки, приготовленные по указанным способам, чем плохо разборчивые рукописи. Впоследствии они могут перейти и к самым рукописям, но уже приобретя солидный навык в чтении хороших снимков» (Яцимирский 1901: 170–171).

Что касается копирования филиграней бумаги документов, то его А.И. Яцимирский считал необходимым при любом виде палеографической фотосъемки. О воспроизведении водяных знаков он писал, что «снимки с таких знаков от руки, конечно, не всегда могут быть точны, а ввиду того что бумажные знаки бывают часто с первого взгляда одинакового рисунка, но с самыми незначительными изменениями, по которым можно судить о приблизительном времени написания рукописи, – с филиграней необходимы очень точные снимки в натуральную величину, а снимки могут быть точны только фотографические» (Яцимирский 1901).

Важно отметить, что для фотовоспроизведения филиграней Яцимирский еще в 1901 г. предложил использовать (и к тому моменту уже использовал сам) метод контактной фотографии (Яцимирский 1901: 171), намного опередив время, когда трудами таких специалистов, как Н.П. Тихонов (в 1921–1928 гг.) (Цыпкин 2009: 133; Цыпкин 2016: 4), Д.П. Эрастов (в 1958 г.) (Эрастов 1960), Т.Л. Gravell (в 1975 г.) (Gravell 1975) и А. Велков (в 1979 г.) (Велков 1979), различные модификации контактной фотографии вошли в активное филигранографическое использование. В этом отношении нельзя не отметить, что на фоне работы А.И. Яцимирского 1901 г. странным и даже курьезным выглядит название статьи А. Велкова «Новый фотографический метод воспроизведения филиграней архивных документов», опубликованной через 78 лет (!) – в 1979 г. (Велков 1979), в которой описывается то же самое, что и предложенное Яцимирским, – фотовоспроизведение филиграней в видимой области спектра методом контактной фотографии.

Интересно, что автор «Фотографии в применении к славяно-русской палеографии», говоря о собственной контактной съемке филиграней, подчеркивает, что «получался негатив, на котором не только виден был отпечатанный в натуральную величину бумажный знак, но отчетливо обозначались буквы обеих страниц и все строение бумаги, что также интересно для суждения о рукописи» (Яцимирский 1901: 171). С современной точки зрения, мы вряд ли можем отнести «отчетливое обозначение» букв текста документа к достоинствам снимка его водяного знака, однако для Яцимирского положительная оценка сохранения соотношения знака и текста на фотографии, очевидно,

являлась результатом стремления к «факсимильности» воспроизведенных. Фотографическую копию рукописного памятника он понимал как его своеобразную замену (доступную для широкого круга исследователей), вплоть до приближения к эстетическому «ощущению» рукописи (Яцимирский 1901: 170).

К сожалению, сегодня сложно ответить на вопрос, какой объем водяных знаков рукописей был снят А.И. Яцимирским фотографическими методами и насколько он задействовал снимки филиграней в своей работе. В «Описании славянских рукописей румынских библиотек», как и в других работах Яцимирского, мы нигде не встречаем указания на связи рукописей по их водяным знакам. Нам неизвестно о каких-либо публикациях снимков; возможно, они находятся в одной из частей разрозненного архива Яцимирского, остающегося весьма малоисследованным, несмотря на наличие нескольких биографических очерков (Кидель 1969: 3–13; Матковски 1979: 3–23; Матковски 2013: 56–74; Степаненко 2008).

Как бы то ни было, важно отметить, что, предложив для фотовоспроизведения филиграней метод контактной фотографии, Яцимирский обогнал современную ему научную мысль на целые десятилетия, существенно опередив то время, когда различные модификации контактной фотографии стали активно использоваться в филигранологии. Стремление ученого анализировать водяные знаки на уровне малозначительных изменений рисунка (т. е. на уровне листоотливной формы) в то время, когда подобный подход в работах его современников Н.П. Лихачева и Ш.-М. Брике был лишь намечен (Лихачев 1899: LXXXIV, LXXXIX–CLXXXI; Briquet 1907: XVIII–XIX, 17), а рассмотрение филигранны как изображения маркировочного знака превалировало (Лихачев 1899: LXXXIV, LXXXIX–CLXXXI; Briquet 1907: XXI–XXIV, 8–16), предвосхитило тенденцию, которая стала доминирующей в филигранологической практике XX в.

ЛИТЕРАТУРА

Велков 1979 - *Велков А.* Нов фотографски метод за възпроизвеждане на филигранни от архивни документи // Помощни исторически дисциплини. София, 1979. Т. 1. С. 350–355.

Кидель 1969 - *Кидель А.С.* Александр Иванович Яцимирский: биобиблиография / АН МССР. Кишинев: Центральная научная библиотека, 1969. 39 с.

Лихачев 1891 - *Лихачев Н.П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в России. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1891. 226 с.

Лихачев 1899 - *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб.: ОЛДП, 1899. Ч. 1. 740 с.

Матковски 1979 - *Матковски А.И.* Александр Иванович Яцимирский: библиографический справочник. Кишинев: Штиинца, 1979. 110 с.

Матковски 2013 - *Матковски А.И.* Полихроний Сырку и Александр Яцимирский: библиографии. Велико Търново: Св. св. Кирил и Методий, 2013. 171 с.

Степаненко 2008 - *Степаненко А.И.* Яцимирский А.И. // Донской архив: Историко-генеалогический альманах. Ростов н/Д: РОИА, 2008. Вып. 4. С. 14–18.

Суляк 2006 - *Суляк С.Г.* Русины Молдавии: основные этапы этнической истории: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 206 с.

Цыпкин 2009 - *Цыпкин Д.О.* Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898–1963 гг. (концепция, учреждения, ученые): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 257 с.

Цыпкин 2016 - *Цыпкин Д.О.* В год 90-летия организации Музея палеографии АН СССР // Фотография. Изображение. Документ: науч. сб. СПб.: РОСФОТО, 2016. Вып. 6 (6). С. 3–4.

Эрастов 1960 - *Эрастов Д.П.* Бета-радиографический метод воспроизведения филиграней документов // Новые методы реставрации и консервации документов и книг. Сборник работ за 1958 г. М.; Л.: Наука, 1960. С. 139–148.

Яцимирский 1896 - *Яцимирский А.И.* Описание старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1896. Вып. 1. 391 с.

Яцимирский 1897 - *Яцимирский А.И.* Описание старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. Вып. 2. 277 с.

Яцимирский 1898 - *Яцимирский А.И.* Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Румынии. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898. 109 с.

Яцимирский 1901 - *Яцимирский А.И.* Фотография в применении к славяно-русской палеографии // Фотографическое обозрение. 1901. № 4. Февраль. С. 123–128; № 5. Март. С. 166–172.

Яцимирский 1904 - *Яцимирский А.И.* Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. 501 с.

Яцимирский 1905 - *Яцимирский А.И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. 1053 с.

Яцимирский 1906 - *Яцимирский А.И.* Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV–XVII вв.: Введение к изучению славянской литературы у румын: Търновские тексты молдавского происхождения и заметки к ним. СПб.: ОЛДП, 1906. 176 с.

Яцимирский 1921 - *Яцимирский А.И.* Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Пг.: Акад. 12-я гос. тип., 1921. 912 с.

Briquet 1907 - *Briquet Ch.-M.* Les filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier. Genève: imp. W. Kündig & fils, 1907. Vol. 1. 618 p.

Gravell 1975 - *Gravell T.L. A New Method of Reproducing Watermarks for Study // Restaurator. International Journal for the Preservation of Library and Archival Material. 1975. Vol. 2. P. 95–104.*

REFERENCES

Velkov, A. (1979) Nov fotografiski metod za v"zproizvezhdane na filigrani ot arkhivni dokumenti [A new photographic method for reproduction of filigree of archival documents]. *Pomoshchni istoricheski disitsplini*. 1. pp. 350-355.

Kidel, A.S. (1969) *Aleksandr Ivanovich Yatsimirskiy: biobibliografiya* [Alexander Yatsimirsky: A Biobibliography]. Chisinau: Central Scientific Library.

Likhachev, N.P. (1891) *Bumaga i drevneyshie bumazhnye mel'nitsy v Rossii* [Paper and the oldest paper mill in Russia]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Likhachev, N.P. (1899) *Paleograficheskoe znachenie bumazhnykh vodyanykh znakov* [Paleographic value of paper watermarks]. St. Petersburg: OLDP.

Matkowski, A.I. (1979) *Aleksandr Ivanovich Yatsimirskiy: biobibliograficheskiy spravochnik* [Alexander Yatsimirsky: A bio-bibliographical reference]. Chisinau: Shtiintsa.

Matkowski, A.I. (2013) *Polikhroniy Syrku i Aleksandr Yatsimirskiy: biobibliografii* [Polychronios Syrku and Alexander Yatsimirsky: Biobibliographies]. Veliko T"rnovo: Sv. sv. Kiril i Metodii.

Stepanenko, A.I. (2008) Yatsimirskiy A.I. [Yatsimirsky A.I.]. *Donskoy arkhiv: Istoriko-genealogicheskiy al'manakh*. 4. pp. 14-18.

Sulyak, S.G. (2006) *Rusiny Moldavii: osnovnye etapy etnicheskoy istorii* [Rusins of Moldova: Basic stages of ethnic history]. History Cand. Diss. Moscow.

Tsytkin, D.O. (2009) *Formirovanie istoriko-dokumentnoy ekspertizy v Rossii: 1898–1963 gg. (kontseptsiya, uchrezhdeniya, uchenye)* [The formation of the historical and document expertise in Russia: 1898–1963. (The concept, institutions, academics)]. History Cand. Diss. St. Petersburg.

Tsytkin, D.O. (2016) V god 90-letiya organizatsii Muzeya paleografii AN SSSR [In the year of the 90th anniversary of the Museum of the USSR Academy of Paleography]. *Fotografiya. Izobrazhenie. Dokument*. 6(6). pp. 3-4.

Erastov, D.P. (1960) Beta-radiograficheskiy metod vosproizvedeniya filigraney dokumentov [Beta-radiography reproduction of watermark documents]. In: Solechnik, N.Ya. (ed.) *Novye metody restavratsii i konservatsii dokumentov i knig. Sbornik rabot za 1958 g.* [New methods of restoration and preservation of documents and books. A collection of papers for 1958]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 139-148.

Yatsimirsky, A.I. (1896) *Opis' starinnykh slavyanskikh i russkikh rukopisey sobraniya P.I. Shchukina* [The inventory of old Slavic and Russian manuscripts in P.I. Shchukin's collection]. Vol. 1. Moscow: A.I. Mamontov.

Yatsimirsky, A.I. (1897) *Opis' starinnykh slavyanskikh i russkikh rukopisey sobraniya P.I. Shchukina* [The inventory of old Slavic and Russian manuscripts in P.I. Shchukin's collection]. Vol. 2. Moscow: A.I. Mamontov.

Yatsimirsky, A.I. (1898) *Slavyanskije rukopisi Nyametskogo monastyrya v Rumynii* [Slavic manuscripts of the Neamt monastery in Romania]. Moscow: G. Lissne & A. Geshel.

Yatsimirsky, A.I. (1901) *Fotografiya v primenenii k slavyano-russkoy paleografii* [Photography used in the Slavic-Russian paleography]. *Fotograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 123-128.

Yatsimirsky, A.I. (1904) *Grigoriy Tsamblak: Oчерk ego zhizni, administrativnoy i knizhnoy deyatel'nosti* [Gregory Tsamblak: Essay on his life, administrative and publishing activities]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Yatsimirsky, A.I. (1905) *Slavyanskije i russkije rukopisi rumynskikh bibliotek* [Slavic and Russian manuscripts in Romanian libraries]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Yatsimirsky, A.I. (1906) *Iz istorii slavyanskoy pis'mennosti v Moldavii i Valakhii XV–XVII vv.: Vvedenie k izucheniyu slavyanskoy literatury u rumyn: Tyrnovskie teksty moldavskogo proiskhozhdeniya i zametki k nim* [From the history of Slavic literature in Moldova and Wallachia in the 15th – 17th centuries: Introduction to the study of Slavic literature and Romanians: Tarnovo texts of Moldavian origin and notes to them]. St. Petersburg: OLDP.

Yatsimirsky, A.I. (1921) *Opisanie yuzhnoslavyanskikh i russkikh rukopisey zagranichnykh bibliotek* [The description of South Slavic and Russian manuscripts of foreign libraries]. Petrograd: The Twelfth Academic State Typography.

Briquet, Sh.-M. (1907) *Les filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier* [Watermarks: A Historical Dictionary of Paper Marks]. Vol. 1. Genève: W. Kündig & fils.

Gravell, T.L. (1975) A New Method of Reproducing Watermarks for Study. *Restaurator. International Journal for the Preservation of Library and Archival Material*. 2. pp. 95-104. DOI: 10.1515/rest

Балаченкова Александра Петровна – старший преподаватель кафедры истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Россия).

Balachenkova Alexandra - Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Russia).

E-mail: abalachenkova@mail.ru

Ляховицкий Евгений Александрович – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Россия).

Lyakhovitsky Evgeny - National Library of Russia (Russia).

E-mail: stoglav@bk.ru

Цыпкин Денис Олегович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории западноевропейской и русской культуры Института истории СПбГУ, научный сотрудник лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Россия).

Tsyarkin Denis - Saint Petersburg State University, National Library of Russia (Russia).

E-mail: d.tsyarkin@spbu.ru

УДК 94(438+477)"1914/1916"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/11

БУДУЩЕЕ ГАЛИЧИНЫ В ПЛАНАХ РУССКОГО НАРОДНОГО СОВЕТА*

С.Г. Суляк

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

После Брусиловского прорыва, когда Галичину (Восточную Галицию) снова заняли русские войска, Русский народный совет Прикарпатской Руси составил несколько аналитических записок для военной администрации и российского Министерства иностранных дел. В записках содержится информация об истории края, о борьбе местного населения за сохранение своей этничности и веры, его связях с другими русским землями и вкладе в общерусскую культуру, сведения об этнографической границе и численности русинского населения Австро-Венгрии. Основная цель авторов записок – помочь руководству России и местной русской администрации избежать многих просчетов, допущенных во время первой оккупации края, и способствовать его полной интеграции в Российскую империю. Руководство Русского народного совета Прикарпатской Руси считало необходимым привлекать к работе в местной администрации русских галичан, использовать их опыт и знание местной специфики. Полагая, что «украинский вопрос» вреден для русской государственности, как и дальнейшее существование унии, оно предлагало отделить «украинство» от униатства. Для этого надо было сменить состав членов Галицкой униатской епархии, назначив на место австрийских ставленников русских галичан. В свою очередь русское православное духовенство в Галичине не должно было в профессиональном, правовом и материальном плане отличаться от униатского. Другое предложение – сделать русский язык официальным языком Прикарпатской Руси и ввести обучение на нем, закрыв так называемые украинские школы, которые подрывали единство русского народа и его культуры. Авторы выступали за введение единой русской терминологии, отмену всех конфискации

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

и секвестров, проведенных австрийскими властями, самовольных и бесплатных реквизиций у местного населения, и так пострадавшего от войны.

Ключевые слова: Галиция, Австро-Венгрия, Россия, русины, русские, русское движение, украинофильство, поляки, уния, униатство, Первая мировая война.

THE FUTURE OF GALICIA IN THE PLANS OF THE RUSSIAN PEOPLE'S COUNCIL*

S.G. Sulyak

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

After the Brusilov Offensive, when Galicia (Eastern Galicia) was occupied by the Russian forces again, the Russian People's Council of Carpathian Rus composed some policy briefs for the military administration and the Russian Ministry of Foreign Affairs. The briefs contain the information on the history of the land, the struggle of the local population for their ethnicity and faith, its ties with other Russian lands, contribution to Russian culture, ethnographic border and the number of Rusins in Austria-Hungary. The briefs aimed to help the Russian leadership and local Russian administration to avoid many mistakes of the first occupation of the region as well as to promote the full integration of the territory into the Russian Empire. The leaders of the Russian People's Council of Carpathian Rus considered it necessary to involve Russian Galicians in the local administrative managements and to use their experience and knowledge in local conditions. Assuming that the "Ukrainian question" and the further union development were harmful for the Russian statehood, it was proposed to separate the "Ukrainians" from the Uniate Church, for which sake it was necessary to change the Galician Uniate Diocese and appoint Austrian protégés of Russian Galicians. In turn, the Russian Orthodox clergy in Galicia was to be equal to the Uniate Church in professional, legal and financial aspects. It was also suggested that the Russian language should become official in Carpathian Rus to be used in educational institutions, which would close the so-called Ukrainian schools, undermining the unity of the Russian people and its culture. The authors advocated the introduction of a unified Russian terminology, the abolition of all confiscations,

* This research is supported by Tomsk State University Academic Excellence Program.

seizures and unauthorized requisitions from the war-stricken local population carried out by Austrian authorities.

Keywords: Galicia, Austria-Hungary, Russia, Rusins, Russians, Russian Movement, Ukrainophilism, Poles, union, unionism, WWI.

Долгое существование Галичины (Восточной Галиции), Буковины и Прикарпатской (Угорской) Руси вне русской государственности, раскол в русинском движении и усиление перед войной противоборства между русским и украинским движениями, продолжавшееся и после присоединения края к Австрии, политика колонизации в Галичине создавали проблемы для интеграции края в Российскую империю. Некоторые российские государственные деятели не поддерживали саму эту идею.

П.Н. Дурново (1845–1915), бывший министр внутренних дел (1905–1906), член Государственного совета, в своем меморандуме Николаю II (в исторической литературе получившем название «Записка Дурново»), написанном в феврале 1914 г., предостерегая от вступления в войну с Германией, указывал на последствия возможного вхождения края (имея в виду Западную и Восточную Галицию) в состав империи: «Нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь. Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов? Так называемое украинское, или мазепинское, движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров» (Дурново 1922: 190).

В начале войны политика российской администрации на оккупированных землях отличалась прямолинейностью. Основываясь на том факте, что население Галичины «всегда было русским», как говорил временный генерал-губернатор Галиции Г.А. Бобринский, после занятия Галиции была приостановлена деятельность украинских организаций, в том числе и украинской школьной системы, печати, издательств, библиотек и т. д. Это вызвало критику со стороны российских украинских деятелей (Михутина 2003: 182). Ряд представителей русского духовенства, которыми в оккупированных областях руководил архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (В.С. Георгиевский), ведя непродуманную пропаганду против унии, провоцировали конфликт с оставшимися в крае униатскими священниками (Михутина 2003: 186).

С началом Первой мировой войны австрийские власти закрыли русские организации Галичины, многие деятели русского движения были арестованы, десятки тысяч русских галичан и буковинцев были отправлены в созданные австро-венграми концентрационные лагеря Талергоф и Гнас в Штирии, Терезин в Северной Чехии, Гминд в Верхней Австрии и др. (Пашаева 2007: 105–106, Суляк 2015: 109). Находившееся в России деятели галицко-русского движения создали 29 июля (11 августа) 1914 г. в Киеве Карпаторусский освободительный комитет (КРОК). Его возглавил Ю. Яворский, членами бюро стали М. Глушкевич, Ю. Секало, М. Сохоцкий, секретарем – С. Лабенский, редактор газеты «Подкарпатская Русь». С занятием Галичины русскими войсками в крае возобновил свою деятельность Русский народный совет, руководящий орган Русской народной организации (Русской народной партии; подробнее о русском движении Галичины см.: Современная Галичина¹ 1914; Суляк 2016а; Суляк 2016b). На его заседании 9 (22) сентября 1914 г. председателем был избран В. Дудыкевич, его заместителем – И. Добрянский, секретарем – М. Сохоцкий. В состав совета входили Л. Алексевич, М. Гнатишак, М. Глушкевич, И. Давидович, И. Завадовский, В. Колдра, И. Костецкий, Р. Красицкий, С. Лабенский, В. Лагола, Е. Лужецкий, Ю. Луцык, Д. Марков, М. Пакиж, В. Сваричевский, Ф. Свистун, Ю. Сикало, М. Третьяк, К. Быховский, З. Филиповский, Ю. Яворский. Среди членов совета только один – о. И. Костецкий – был «старокурсником», все остальные принадлежали к сторонникам «нового курса»². Карпаторусский освободительный комитет переехал во Львов и передал свои полномочия Русскому народному совету (Москвофильство 2001: 60; Орлевич 2011: 237).

С отступлением русской армии из Львова в июне 1915 г. совет эвакуировался из города вместе с русской армией. Первоначально он разместился в Киеве, а в сентябре 1915 г. переехал в Ростов-на-Дону. В 1915–1917 гг. совет занимался положением галицких беженцев в России (Орлевич 2011: 242).

Интерес представляет видение деятелями русского движения Галичины будущего региона в составе России, изложенное в «Записках Русского народного совета Прикарпатской Руси» (так стал именоваться совет с 1915 г.), составленных после того, как Восточная Галиция и Буковина вновь были заняты русской армией после Брусиловского прорыва, и хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (зарегистрированы Особым политическим отделом Министерства иностранных дел России 13 декабря 1916 г.).

В записке «О прошлом, настоящем и будущем Прикарпатской Руси», подписанной председателем Русского народного совета Прикарпатской Руси В. Дудыкевичем, его заместителями И. Добрянским,

М. Глушкевичем, секретарем М. Сохоцким, членом и уполномоченным в Петрограде Л. Алексеевичем и начальником канцелярии Г. Мальцом, говорится о значении присоединения Галичины к России.

Рассуждая о целях войны, авторы данной записки констатировали, что перед Россией стоят «имперские задачи, заключающиеся в подчинении ее власти проливов и в объединении с империей всех частей русского народа». Также отмечена еще одна «великая задача»: «осуществление ее славянского призвания». Причем две первые цели «являются **основными национально-государственными** (здесь и далее выделено мною. – С.С.) ее задачами, требующими как вопросы национального достоинства самой решительной и прямолинейной политики».

«Присоединение к России всей Прикарпатской Руси, – по мнению авторов, – как неизбежная **историческая национальная задача** империи именно в настоящую войну предуказано в речи государя императора к членам Государственной Думы и Государственного Совета, в высочайших телеграммах Карпаторусскому освободительному комитету и Русскому народному совету Прикарпатской Руси, в словах государя к населению г. Львова, в воззваниях Верховного главнокомандующего к русскому народу в Австрии» (АВПРИ 1: 117 об.).

В записке представлены краткая история Прикарпатской Руси (Галичины) и очерк о борьбе ее населения за веру и народность: рассказывается о создании церковных братств, в том числе Львовского Успенского, и деятельности последнего в защиту православия при покровительстве князя К. Острожского, о Манявском ските и т. д. (АВПРИ 1: 118–122). Также описана история борьбы карпатороссов за сохранение своей национальной идентичности в австрийский период, вкратце представлена история Буковинской и Угорской Руси, показаны этнографические границы и численность русинов Подъяремной Руси, отношение русских государей к местному русскому населению (АВПРИ 1: 123–127).

Подчеркивается, что «в малой Галичине сила сопротивления со стороны православия сохранялась около 200 лет дольше, чем в остальных русских землях, подпавших под владычество Польши». В записке перечисляются деятели, внесшие вклад в общерусскую культуру. Так, Иван Фёдоров, поселившись во Львове, основал там типографию, где напечатал немало богослужебных и других книг на русском языке (в том числе и первый русский букварь в 1574 г.).

Из Манявского скита вышло немало православных проповедников, в том числе преподобный Иов, основавший Почаевскую обитель. Во Львовской Ставропигийской школе учились и воспитывались известный гетман и покровитель православия Петр Конашевич-

Сагайдачный, родившийся в окрестностях галицкого Перемышля, митрополит Петр Могила, основатель Киево-Могилянской академии. В XVII–XVIII вв. Галичина дала России архимандрита Киево-Печерской лавры и активного борца с унией Елисея Плетенецкого, митрополита Киевского и Галицкого Иова Борецкого.

Показано, как карпаторусы на протяжении длительного периода участвовали в развитии русской культуры: это первый ректор Петроградского университета и учитель царя Александра I – ученый-угроросс М. Балудянский, ученые-угророссы И. Орлай, В. Кукольник, Ю. Венелин и др.; в более позднее время – профессора Я. Головацкий и Ф. Дьячан, епископы Холмский Маркелл (Попель), Полоцкий и Витебский Михаил (Куземский), изобретатель И. Ливчак, историк В. Площанский, художник, историк и критик искусства И. Грабарь, художник М. Сухоровский, ученый-фольклорист Ю. Яворский и др.

Рост карпаторусской эмиграции в Россию был связан с развитием в 60-х гг. XIX в. классического образования в России и политикой статс-секретаря по делам Польши Н.А. Милютина, направленной против колонизации Холмской Руси, куда отправилась целая плеяда галицких священников и учителей гимназий. Третья, более значительная волна эмиграции галицкой интеллигенции в Россию относится к 1880-м гг. и связана со знаменитым процессом о государственной измене против просветителя Галицкой Руси о. Иоанна Наумовича и его сподвижников (АВПРИ 1: 121 об.–122 об.).

«Если даже оставить в стороне национальные мотивы, – констатируют авторы, – окажется, что присоединение Прикарпатской Руси к России должно явиться удовлетворением важнейших интересов и насущных потребностей империи. Прикарпатская Русь необходима России по строго государственным соображениям, каковыми являются соображения **стратегические, политические и общекультурные**» (АВПРИ 1: 127 об.).

Стратегические: «иметь естественные границы, которые можно бы оборонять с наименьшею затратою военной силы и материальных средств». Отмечалось, что таких естественных границ России удалось достигнуть только на Севере и Дальнем Востоке в виде Ледовитого и Тихого океанов: «Что же касается запада и отчасти юга, то здесь граница была совершенно неудовлетворительна. На северо-западе, т. е. Польше, она упиралась буквально в болото, представляя дугу протяжением в 1 253 километра. Для обороны она была до того неудобна, что военными авторитетами в довоенное время поднимался вопрос о срытии русских крепостей в Царстве Польском ввиду полной невозможности оборонять их от неприятеля, который мог совершенно отрезать привислинский театр войны от остальной России. Это мнение

вполне оправдалось в настоящую войну. Не вдаваясь в дальнейший разбор вопроса о будущей западной границе, нельзя не отметить, что на юго-западе самой выгодной является этническая граница русского народа. Только Карпатские горы, естественная граница Западной и Восточной Европы, могут и должны быть надежной защитой и стражей Матери русских городов – древнего Киева, а с ним и всей России от западных соседей». Также авторы пишут, что «народ необъединенный – не нация, ибо он не весь народ, не полная и целостная в смысле социологическом и политическом особь, а фрагмент», что «оторванность от массива и политическое порабощение крупной части народа как одна из частных отсталой, вредной и уродливой формы бытия является, подобно другим таким же частностям того же явления (государственной, культурной отсталости, иноплеменному засилью), только звено в общей цепи причин, тормозящих национально-культурное развитие и преуспеяние» (АВПРИ 1: 128–128 об.).

В «Соображениях внешней политики», т. е. «**политической стороне вопроса** о присоединении к империи Подъяремной Руси», высказывается мнение, что «только при условии, что ни малейший клочок русской земли не будет оставлен под инородческим владычеством, Россия сможет проявлять в будущем полную самостоятельность, независимость и свободу действий в делах внешней политики». Причем «при оставлении хотя бы только части Прикарпатской Руси вне пределов России должны будут, безусловно, еще больше страдать попеременно то национальные, то государственные русские интересы и в конечном итоге одни и другие» (АВПРИ 1: 128 об.–129).

В «Соображениях внутренней политики» был упомянут так называемый **украинский вопрос**. Отмечалось, что «украинский национально-культурный партикуляризм, не отбиваясь от колесницы польской политической мысли, в последнее время превратился в агрессивное национально-политическое отщепенство и стал в авангарде великодержавной австро-германской завоевательной политики и католического воинствующего клерикализма, стремясь с помощью Вены и Берлина привить фанатический догматизм своей идеологии всему югу России».

Цель австро-немецкой политики «отторгнуть от России Малороссию и впоследствии оттеснить Россию за Урал преследовалась планомерно и упорно в течение полувека и воплотилась в Прикарпатской Руси в столь последовательно проводившейся украинской политике». Отмечалось, что «враг стремится не только к раздробленности России как государства. Он стремится к разъединению русского народа как национального организма с помощью той политики вытравливания национального инстинкта и извращения национальной определен-

ности, которая велась им в Прикарпатской Руси, которая ведется им в настоящее время в завоеванных им юго-западных и северо-западных русских областях. Малорусское и белорусское наречия признаны им самостоятельными, отдельными от общерусского языками, которые преподаются уже в школах, украинцы и белорусы – самостоятельными национальностями, русскому населению всеми силами и средствами прививается стремление к культурно-национальному сепаратизму, ненависть к России. Такая же самая агитационная работа в самых широких размерах организована во всех лагерях для русских военнопленных в Австрии и Германии, где с этой целью солдат и офицеров малороссов и белоруссов содержат отдельно от великороссов. В искусственной прививке чувства национальной обособленности он видит то средство, которое сильнее бетонных крайностей и огромных орудий может закрепить реализацию его адского плана.

В числе кличей и девизов войны с Россией всей Германией, военной, дипломатической и гражданской, выставлено "освобождение Украины от русского ига", причем доказывается, что в состав автономии Украины должны войти Киев, Харьков, Одесса, Николаев и Севастополь, тем более что полоса, прилегающая к Одессе, фактически находится уже в германских руках, так как здесь до объявления войны числилось 78 819 немцев...

Для России национальное единство русских племен является основой и условием государственной мощи. Подневольное бытие части русского народа всегда будет использовано врагами России против нее. Там неминуемо будет создан Пьемонт, предназначенный породить и питать в самой России уродливые центробежные сепаратистские стремления».

Присоединение Прикарпатской Руси к России, считали авторы, не только освободит часть русского народа от чуждого, враждебного России культурно-политического влияния, но оно необходимо также и для внутреннего оздоровления и силы России. «Национальный сепаратизм неминуемо, в силу логической неизбежности, ведет к сепаратизму политическому, а последний, в свою очередь, – к государственному дроблению» (АВПРИ 1: 129–130 об.).

Еще один аргумент – **«интересы культуры духовной и материальной»**. Касательно интересов материальной культуры было заявлено, что «по проценту сельского населения (81,5 %), по отношению профессий, распределению земельной площади между отдельными видами угодий, по взаимному отношению культур хлебов и растений, по количеству скота и т. п. Прикарпатская Русь, резко отличаясь от Западной Европы, представляет собой как бы продолжение Малороссии и вообще России». Упомянулось, что густота населения ведет не только

к переселению, но и способствует более высокому, по сравнению с соседними областями России, развитию земледелия, доходности как государственного, так и автономного бюджетов, густой сети шоссейных и железных дорог, развитию промыслов и т. д. Указывалось на наличие в Галичине значительных природных ресурсов: свыше 300 000 десятин высококачественного леса в государственной собственности, нефти (меньше, чем в Баку, но более качественной: в ней меньше мазута и больше дорогих составляющих частей - парафина, газолина и бензина). По склонам Карпат находятся громадные залежи каменного угля, озокерита (горного воска), железной руды, залежи соли и, наконец, минеральные источники (АВПРИ 1: 131–131 об.).

Вторая записка Русского народного совета Прикарпатской Руси посвящена вопросу управления областями русского Прикарпатья. Она была написана 17 сентября 1916 г. и предоставлена генералу А.А. Брусилову. Записку подписали председатель Русского народного совета Прикарпатской Руси В. Дудыкевич и член совета Г. Малец.

Целью данной записки было высказать мнение Русского народного совета «по вопросу об управлении областями Прикарпатья и прежде всего Галичины, в предположении, что они будут признаны лежащими на продолжении выработанного официального "Положения об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны" и совпадающими с русскими государственными и национальными интересами» (АВПРИ 2: 93). Авторы обратили внимание на то, что в исконно русских областях все сильнее стал проявляться национальный сепаратизм: на северо-западе – белорусский, на юго-западе – украинский. Украинская идея стала содержанием польской политики в Галичине, ей покровительствовали венский и берлинский кабинеты, видя в «Киевском великом княжестве» ближайший этап на пути немецкого продвижения на восток.

В записке говорилось о том, что «отсутствие национального чужья вызвало основную роковую ошибку в области русской внешней политики: была взята иноверная и иноплеменная, враждебная России Варшава и отдана Австрии, справедливо называемой тюрьмой народов, единокровная православная Червонная Русь, древнерусские княжеские стольные города – Галич, Львов, Перемышль».

Не особенно удачна, по мнению составителей записки, была внутренняя политика в присоединенных в свое время к России северо-западных и юго-западных областях: незнание местной специфики, которое заключалось в сохранении старых и предоставлении новых привилегий одному сословию – польскому дворянству, вылилось в продолжение политики полонизации местного населения – белорусского и малорусского. В этих областях также стал развиваться

«белорусский» и «украинский» сепаратизм (АВПРИ 2: 93 об., 94 об.).

Касаясь Галичины, авторы отметили, что в начале войны «галицкая администрация и полиция, состоящая исключительно из одних поляков, действуя в интересах польской политики, а равно желая доказать свой горячий австрийский патриотизм, произвели массовые аресты среди ни в чем неповинного русского населения, обвинив его поголовно в тяготении к России, предав тысячи людей казни часто без суда и следствия и угнав около 50 000 чел. лучших русских галичан всех сословий в тыл, т. е. в немецкие провинции, в тюрьмы и концентрационные лагеря. Во время конвоя эти мученики за свои русские убеждения и в то же время живые "свидетели" польских "симпатий" к России подвергались жестокому, часто смертельным побоям и истязаниям со стороны не только евреев, но и поляков – как простых людей, так и интеллигентов». В свою очередь «массовые аресты и казни русских галичан, а равно и массовое же бегство их в родную Россию уже во время войны галицкими поляками было опять-таки использовано для самой широкой колонизации Восточной Галичины польским элементом: все освободившиеся места замещены поляками, многие русские земли отданы польским колонистам, в русских селах построены костелы. Кроме того, местное русское наречие исключено из официальных сношений, малорусские школы тоже повсеместно заменены польскими. Таким образом, уже во время войны, явочным порядком, еще более усилено фактическое польское владение в этом крае» (АВПРИ 2: 95 об.–96).

«Самая идея освобождения, – писали авторы, – требует полного исключения от управления вчерашних поработителей. На русской земле власть и все управление должны находиться в русских и только в русских руках». Русский народный совет Прикарпатской Руси заявил о готовности предоставить из числа уроженцев Прикарпатской Руси кандидатов на разные служебные места, а также предложил русской администрации «осведомляться о положении и нуждах страны у представителей местной русской общественности, пользуясь их опытом и знанием» (АВПРИ 2: 97–97 об.).

Другим вопросом, «требующим самого тщательного изучения и самого осторожного отношения, является вероисповедный вопрос в Галичине и, в частности, вероисповедная особенность части русского населения – униатство». Уния, указывали составители записки, «представляет собою продукт польского влияния как средство польской политики отколоть малорусское племя или хоть часть его сперва в религиозном, а потом, постепенно, в языковом, национальном и, наконец, в политическом отношении от остального национального

массива». «Когда полонизаторский поход на Галицкую Русь перешел во вторую стадию, в стремление путем насаждения "украинофильства" отторгнуть всю русскую область от главного корня в отношении языковом и национальном, самым верным средством для достижения желательных результатов было, естественно, тесное сплетение украинской проблемы с униатством: за последние три десятилетия мы видим в составе высшей униатской церковной иерархии одних известных украинских и даже польских политических деятелей. Духовные лица русских убеждений не допускались совсем, в духовные семинарии принимались исключительно молодые люди, известные как отъявленные украинцы» (АВПРИ 2: 97 об.–98).

Составители записки считали, что ради «русских государственных и национальных интересов» необходимо отделить «украинство» от «униатства»: «нужно сознательно стремиться к тому, чтобы "украинство" не могло отождествляться и сливаться с "униатством", чтобы оба эти явления не укрепляли друг друга в тесном союзе, а, напротив, потеряли бы связь между собою, кроме того, также возможность и способность воздействия на народные массы и в глазах народа, стихийной силой почувствовавшего свое родство с русской армией и русским народом как целым и единым организмом, явились бы во всей наготе своего существа: уродливым пережитком австро-польских отношений». С этой целью, «изолировав эти оба явления друг от друга, нужно в дальнейшем не ограждать себя от них и не давать им ограждать себя, а вникнуть, войти в них, овладеть ими и дать каждому из них желательное направление». Предполагалось изменить постепенно состав галицкой униатской иерархии, назначив «на место австрийских ставленников – польских графов и украинских агитаторов, лиц твердых русских убеждений из русских галичан-униатов, глубоко преданных России и никогда не порывавших духовных связей с нею и с православием». Тогда «можно будет с полной уверенностью ожидать, что после перехода в православие еще при австрийском режиме около десятка сел и такого же добровольного, в силу стихийного влечения, воссоединения десятков тысяч русских галичан, как во время первой оккупации, так и во время пребывания беженцами в России, скоро от унии в Галичине не останется и следа» (АВПРИ 2: 98–98 об.).

Вера в победу русского оружия, по мнению авторов, усилила бы массовый переход в православие. А отмена зимой 1915 г. австрийскими властями «юлианского календаря в униатской церкви и замена его латинским вызвала крайнее негодование и даже серьезные волнения в народных массах, демонстративно уклоняющихся от посещения храмов в католические праздничные дни, каковыми заменены преж-

ние русские праздники, и только ожидающих возвращения русских войск для того, чтобы воссоединением с православной церковью раз навсегда порвать всякую связь с воинствующим католицизмом» (АВПРИ 2: 98 об.).

Было выражено пожелание, чтобы православное духовенство «ни в смысле внешнего блеска, ни в отношении умственных и нравственных качеств, ни в отношении правового и материального положения духовенства не уступало бы ни римско-католическому, ни униатскому». Указывалось на «необходимость сохранить в силе, наряду с гарантией полной религиозной свободы, т. наз. "конкордии", т. е. церковного и государственного закона перехода из униатского вероисповедания в римско-католическое» (АВПРИ 2: 98 об.).

Предлагалось «языком официальных сношений в пределах Прикарпатской Руси в ее этнографических границах» оставить «только русский язык, правительственные школы, начиная с народных и кончая высшими, должны быть только русские» (АВПРИ 2: 98). Польскому меньшинству Восточной Галиции оставить права обучения в частных учебных заведениях, поступления на службу, участия в выборах и т. д., однако поставить это в зависимость от соблюдения поляками прав русского меньшинства в будущей Польше в ее этнографических границах (АВПРИ 2: 98 об.–99).

Что касалось местных малорусских, вернее, украинских школ, то «защищающие полезность и даже необходимость сохранения хотя бы в начальных школах малорусского наречия проявляют в лучшем случае изумительную недодуманность, забывая, что логическая необходимость ведет от низшей школы к высшей. Именно школа прежде всего и дает ответ на вопрос о национальной принадлежности. "Украинская" школа в Галичине и Буковине и была тем верным средством, с помощью которого немцы и поляки решили посягнуть на наше национальное единство, разрушить связь малороссов с остальным русским миром. Сохранить эту школу нельзя не только по чисто техническим соображениям. Чуть не каждая страница этих учебников "украинской мовы" и "истории Украины" – это кошунственная фальсификация истории и языка и проповедь ненависти к России, к русскому народу и к православию. Сохранить эту школу означало бы усвоить и продолжать австро-германскую политику и, вместо того чтобы укрепить в границах одной государственности живую, действительно существующую и, к счастью, немцами, поляками и украинцами еще не разрушенную связь двух русских племен, добровольно разрывать и окончательно уничтожить ее. Это значило бы подорвать господство общерусской культуры, единой национальной культуры единого русского народа. Пусть в начальных школах учитель объясняет детям непонятные

русские литературные слова и вообще все, что требует объяснения, на местном наречии, пусть оно будет допущено для простолюдина в суде и других ведомствах, но принцип не должен быть нарушен: русский народ один и единый русский язык, создавшийся из слияния всех русских наречий и племен, должен господствовать на всей территории распространения русского народа» (АВПРИ 2: 99–99 об.).

Создания русской школы потребуют, полагали авторы, сами крестьяне «всех национально сознательных сел», и это «практически не представит никаких затруднений», как это и было в первую оккупацию края. Упоминается, что тогда для учителей были учреждены дополнительные педагогические курсы в городах Галичины, а также в Киеве и Петрограде. Их закончили несколько сот учителей и учительниц. В Ростове-на-Дону существовала мужская гимназия для уроженцев Прикарпатской Руси, которую, по мнению авторов, следовало перевести в Галичину. Вместо прежних польских, украинских и немецких средних учебных заведений необходимо было открывать во Львове и других городах Галичины и Буковины русские учебные заведения, приглашая в преподаватели лучших русских педагогов из России, а также из русских галичан – преподавателей гимназий, уже во время войны бежавших в Россию и служивших в разных учебных заведениях империи.

Часть состава профессоров высших учебных заведений в крае можно было заменить русскими профессорами Варшавского университета и других учебных заведений Царства Польского и самой России. Некоторые кафедры во Львовском университете могли бы занять молодые галицко-русские ученые, прибывавшие из России, а также русские галичане, которым из-за их убеждений был закрыт доступ к руководству кафедрами при австрийском режиме (АВПРИ 2: 99 об.–100).

Поскольку «галицкие и буковинские судьи и чиновники всех других ведомств по австрийским законам обязаны были знать малорусское наречие для сношения на нем с малорусским населением, хотя на само деле его не знают», предлагалось дать местным чиновникам возможность изучения русской литературного языка, для чего следовало создать специальные курсы (АВПРИ 2: 100–100 об.).

Для наблюдения за деятельностью органов судебной власти, финансового и хозяйственного управлений рекомендовалось «назначить из доверенных лиц русской национальности особых инспекторов, создать из числа членов Львовской судебной палаты особый сенат как верховную инстанцию, на место венского верховного и кассационного суда, что особенно необходимо для уголовных дел арестованных, назначить главного и старшего прокуроров из русских,

наконец, принять особые меры к охранению поземельных книг и судебных архивов» (АВПРИ 2: 100 об.).

Назначение и смещение градоначальников предлагалось предоставить власти военного генерал-губернатора, собрав сведения о кандидате, чтобы избежать «повторения случаев назначения городскими головами лиц, заведомо враждебно настроенных к России», учитывая, что «многие городские думы и земские управы принимали самое видное участие в организации легионов против России». «В прошлую оккупацию, – отмечали авторы, – во главе городничих управ оказались не только отъявленные враги России, но даже люди с преступным прошлым, стоявшие на службе австрийской разведки», которые «после отступления русских войск предавали австрийским властям на виселицы и расстрелы лиц, благожелательно относившихся во время оккупации к русским войскам и властям». Указывалось на необходимость обратить особое внимание на личный состав чинов администрации (АВПРИ 2: 100–101).

Авторы настаивали на введении единой русской терминологии, употреблении русских названий местностей, исключив «варваризмы и искусственные названия: украинские, русинские и т. п.» типа Злочев, а не Злочув, Жолква – не Жолкиев, Городок – не Грудек, Перемышль – не Пшемысль, Великий Любень – не Любень Велики, Толмач – не Тлумач, Нижнев – не Нижнюв, Манастыриска – не Монастержиско, Бережаны – не Бржежан, Задворье – не Задвурже и т. д., согласно трудам географической комиссии Русского народного совета Прикарпатской Руси, изданным топографическим отделом при штабе военного генерал-губернатора Галичины (АВПРИ 2: 101 об.).

Были высказаны рекомендации чинам полиции и жандармского управления при производстве обысков, арестов и высылки соблюдать большую, чем раньше, осторожность и критическое отношение к доносам.

Значительная часть населения Галичины, Буковины и Венгрии «подверглась со стороны австро-венгерского правительства разного рода репрессиям: священники лишены приходов, судьи, учителя и чиновники – мест и прав службы, торговцы и промышленники лишены промысловых свидетельств, адвокаты и врачи исключены из списков, имущество их конфисковано или на него наложен секвестр. Громадное большинство таких лиц составляют русские галичане, буковинцы и угророссы, в числе их также бывшие на русской службе во время оккупации» (АВПРИ 2: 101 об.–102).

Поэтому население с радостью встретит, как считали авторы записки, справедливый со стороны русской власти акт, «отменяющий конфискации и секвестры, восстанавливающий потерпевших за свои

русские убеждения лиц в правах их службы и разрешающий вернуться к своим обычным занятиям».

Комитету по оказанию помощи населению, пострадавшему от войны при военном генерал-губернаторе Галичины, а также разным благотворительным комитетам значительно облегчило бы задачу «распоряжение о реквизиции с запрещением самовольной реквизиции вообще и бесплатной, если не вообще, то, по крайней мере, у неимущих классов, в первом ряду у крестьян». Кроме того, «было бы в высшей степени желательно учредить, с привлечением представителей местного населения, комиссии для установления и расценки вообще всех убытков, причиненных войной». Подобные комиссии, как указывалось, действовали в Германии и Австрии и в занятых ими областях. Это укрепило бы доверие населения к оккупационной власти (АВПРИ 2: 102).

Для «усиления русского элемента в Прикарпатской Руси» рекомендовалось:

1) возобновить деятельность Русского народного совета Прикарпатской Руси и оказывать ему содействие;

2) восстановить выпуск русских печатных изданий (ежедневной газеты «Прикарпатская Русь» и еженедельника для народа «Голос народа»);

3) содействовать возвращению на родину пребывающих в России беженцев-карпатороссов для участия в восстановлении края;

4) возобновить деятельность местных русских просветительских, культурных и экономических обществ и учреждений общерусского направления, объединяющихся в Русской народной организации во главе с Русским народным советом Прикарпатской Руси, и оказать им помощь, в том числе и финансовую в виде кредитов;

5) обеспечить развитие русской торговли и промышленности в Галичине путем привлечения купцов и промышленников из России, а также путем выдачи промысловых свидетельств на торговые предприятия местным русским организациям и частным лицам (АВПРИ 2: 102–102 об.).

Некоторые положения о работе с униатами в вышеуказанной записке пересекаются с «Запиской заведующего продовольственным отделом военного генерал-губернатора Галиции ротмистра С.И. Данилова «Россия и Галиция», составленной 24 ноября 1915 г., после оставления Галиции, и представленной протопресвитеру военного и морского духовенства Г.И. Шавельскому. Дав небольшой исторический очерк и «краткий обзор борьбы галицкого народа за веру и народность», автор излагает желательную духовную политику православия в Галиции, или «какова должна быть духовная

политика православия в Галиции в связи с прошлым и настоящим» (АВПРИ 3: 103 об.–111).

Данилов напоминал, что в настоящее время Галиция «находится под воздействием двух влияний: католичества и православия, и, несмотря на то что православие – исконная религия Галиции, отстаиваемая ею в неустанной борьбе на протяжении почти шестисотлетнего существования, католическая пропаганда как орудие сначала польской, а затем австрийской политики пустила в стране глубокие корни и если не сумела вполне поработить душу галичанина, то все же успела отторгнуть его от общей православной церкви, навязать народу унию, и эта уния существует уже 150 лет, и сбросить ее без посторонней помощи, ввиду неусыпного глаза и цепких рук католичества, галицкий народ не в силах» (АВПРИ 3: 111 об.).

Однако «несмотря на все гонения и преследования, душою галицкий народ никогда не лежал в сторону католичества, в результате чего и явилось возникновение унии, этого замаскированного католицизма с догмою Рима и внешностью и обрядностью Востока». Но «при малейшей попытке перетянуть весы униатства в сторону католицизма вновь восстает с прежней энергией, и чему особенно ярким доказательством служат события непосредственно перед началом войны, когда высшее униатское духовенство с графом Шептицким во главе пыталось покончить с униатством, насильственно вводя в него обряды и обычаи латинства, т. е. уничтожая единственное святое и дорогое, что осталось у галичанина от его былого православия».

В ответ на это, указывал автор, «галичане тысячами стали переходить в православие, платясь за свой отказ от унии свободой и жизнью, и это обстоятельство еще раз громко свидетельствует о том, что, несмотря ни на какую религиозную видимость, в душе галичанин всегда бессознательно оставался православным, и этого исторического тяготения к православию не могли вытравить никакие ухищрения, никакие преследования».

При предполагаемом вторичном занятии Галиции Россия в своей духовной политике должна была учесть два фактора: «униатство галичанина, насчитывающее за собою почти 150 лет, и как противовес ему вышеупомянутое безотчетное тяготение к православию» (АВПРИ 3: 112).

С одной стороны, считал С.И. Данилов, насильственная ломка униатских обычаев могла принести «только вред, сыграв на руку врагов: всякое насилие не привлекает, а отталкивает дальше, в вопросах веры – в особенности». С другой стороны, «душевное тяготение галичанина к православию, вскормленное, быть может, заветами и вековою борьбою за веру отцов, открывает перед церковью прямой

путь: привлечь в свое лоно отторгнутых сынов не мечом, не правом сильного, а силою и правдою своей правды; галицкий народ по собственному почину и доброю волею должен перейти в православие» (АВПРИ 3: 112–112 об.).

Политика России в этом вопросе, по мнению ротмистра, должна быть следующей: «в противовес униатским священникам, которые почти все поголовно доктора философии, послать в Галицию цвет нашего духовенства – академиков, ораторов, людей идеи, поставить их вне всякой зависимости от мирских поборов и обеспечить их в степени, как это полагается при широком миссионерстве».

Предлагалось обратить внимание и на внешнюю сторону православия: «Галицкий народ любит пение и благолепные богослужения, и с этой народною чертою необходимо считаться. Поэтому православные священники должны иметь возможность обставить богослужение во всем его византийском блеске, чтобы не было того, что нередко встречается на наших окраинах: убогий храм, священник и дьякон с пономарем вместо хора – зачастую даже не храм, а наскоро и плохо приспособленное случайное здание. Такая постановка наряду с католической помпой сравнения выдержать не может; католичество же в преследовании своих целей учитывает все и средств не жалеет».

Также «при церквах, по общедревнеправославному и галицкому обычаю, необходимо сосредоточить всю общественную благотворительность – конечно, под контролем местного русского правительства, – чтобы народ в священнике своего прихода видел не только пастыря, но и заступника».

Автор считал, что православных священников необходимо поставить в условия, равные тем, что были у католических ксендзов и униатских священников, «для того же, чтобы священник мог достойно выполнять свои пасторские обязанности и быть для своего прихода действительным духовным отцом и руководителем», т. е. «православный священник должен быть в своем приходе так же несмещаем, как несмещаемы католические и униатские священники, которые, раз избранные и утвержденные епископом, остаются на своих местах до самой смерти; если же и смещаются, то только по суду духовному или гражданскому, или же по взаимному соглашению и с разрешения высшей духовной власти меняются приходами добровольно». Данилов был уверен, что «принцип несмещаемости имеет для священника огромное социальное и моральное значение» (АВПРИ 3: 112 об.–113).

По мнению автора записки, «после войны самый подходящий психологический момент для деятельной работы православия в Галиции. Католичество, зарвавшись и потеряв чувство меры, не учло религиозной психологии галицкого народа и сделало крупнейший

промах, пытаясь насильственно ввести в унию католическую обрядность, пытаясь этим порвать последнюю связь унии с православием. И галицкий народ чутьем угадал опасность, оттолкнулся от унии и тысячами стал переходить в православие, подвергая себя этим, как уже упомянуто выше, гонениям и мучениям. И ни русский синод, ни православный епископ в Америке (колония эмигрировавших от католического гнета галичан), несмотря на неоднократные со стороны галичан к ним просьбы о помощи и присылке для духовного руководства православных священников, никакой помощи тогда православной Галиции оказать не могли в силу ревностного недопущения австрийским правительством чьего бы то ни было вмешательства в свои внутренние дела» (АВПРИ 3: 113 об.).

Упоминалось, что после занятия русскими войсками Галичины местное население стало массами переходить в православие. Однако после оставления края русским войсками австрийцы начали репрессии против православных, рассматривая их как государственных изменников. Почти все священники «русского направления» были арестованы и посажены в тюрьмы. Этим положением воспользовались ксендзы. Католическая пропаганда убеждала православных и униатов во избежание репрессий переходить в католичество.

Чтобы избежать «роковых ошибок при нашем возможном вторичном занятии Галиции», С.И. Данилов предложил временно воздержаться «от усиленной пропаганды православия до тех пор, пока не будет нашей уверенности в прочности нашего военного положения на занятой по праву войны территории, так как запуганный австрийскими угрозами и репрессиями галицкий народ боится проявлять нам свои настоящие чувства, чтобы вновь не расплачиваться за них впоследствии».

Для того «чтобы свести православие с этой мертвой точки, нам нужно прежде всего прочно и твердо стать в Галиции в военном отношении, и только после этого православие может начать свою деятельно-созидательную работу», - считал автор записки. Он предлагал следующее: *восстановить деятельность Русского галицкого народного совета, передать в руки представителей русской власти (светской или духовной) руководство местными национальными организациями* («местные национальные деятели частью арестованы, частью казнены, а частью разбежались, и местные национальные организации остались без руководства, фактически не существуют, и их необходимо сплотить в одно целое»), *отделить церковь униатскую от католической и подчинить ее Священному синоду* («так как уния есть не что иное, как уклонное православие»), *уничтожить в унии все нововведения католичества последнего времени, имевшие*

своей целью перевод унии в католичество (против этих нововведений восставал сам галицкий народ), запретить переход из униатства в католичество (тех, «кто перешел – возвратит обратно, что отнюдь нисколько не нарушает принципа свободы вероисповедания ввиду существующего запрета такого перехода самим папой, который в каждом отдельном случае должен давать особое и отдельное разрешение»), поддержать галичан, перешедших в православие во время русской оккупации Галиции («дарованием льгот или другими какими мерами поставить в такое положение, чтобы они не пожалели о своем переходе»), открыть и восстановить все православные храмы и монастыри, в том числе и Манявский скит («причем своевременно необходимо озаботиться о надлежащих кадрах священников, как уже сказано – академического образования») (АВПРИ 3: 114–115 об.).

Общую духовную политику России в Галиции предлагалось свести к тому, «чтобы освободить унию из-под налета и влияния католичества, подчинить ее себе и запретом перехода из униатов в католичество изолировать ее от католичества так, чтобы оставить ей одну только выходную дверь – вернуться в православие, одновременно обставив свою церковь, в противовес великолепию костелов, благолепием и великолепием восточных церквей» (АВПРИ 3: 115 об.).

С.И. Данилов считал, что «сейчас, когда гремят залпы орудий и потоками льется человеческая кровь, не время заниматься в покоренных землях вопросами православной церкви». Когда «многие сотни тысяч остались без крова, потеряв все, что наживалось годами долгих и тяжелых трудов, – потеряли близких и родных, оставшись сирыми, одинокими и нищими, и наряду с горем и отчаянием растет в душе человека озлобление, и немало нужно времени, чтобы все всколыхнутое ужасами и бедствиями войны вновь вошло в свое русло, – и только тогда сможет присоединенный народ спокойно и сознательно отнестись к вероисповедным вопросам и разобраться в них. Только тогда православная церковь и будет иметь возможность подойти к народу ближе, не вызывая раздражения и отчуждения».

Он рекомендовал на начальном этапе ограничить деятельность церкви в крае «духовными потребностями армии, сосредоточив всю духовную власть исключительно в руках представителя протопресвитера военного и морского»; создать походные церкви при каждом уездном начальнике или коменданте «с соответствующим составом священнослужителей, по возможности высшего духовного образования, с хором и обстановкой храма, соответствующей представлению галичанина о благолепии Восточной церкви – в противовес великолепию и пышности богослужения католического (искусственно обставленную)». Автор записки полагал, что «православная церковь

на покоренной территории не должна вести сейчас никакой политики, придерживаясь выжидательного положения и давая возможность галичанину осмотреться и присмотреться к новому». Причем, по мнению ротмистра, «при этих же церквях при уездных начальниках в руках священнослужителей должна быть сосредоточена вся местная текущая благотворительность, чтобы присоединенный народ видел в лице православного священника не инославного врага, а друга, помощника и покровителя». Доверие это «должно лечь первым основным камнем в духовное сближение униатства с православием. Остальное придет само собой впоследствии» (АВПРИ 3: 115 об.–116 об.).

Составители записок, анализируя опыт первой русской оккупации Галичины, изложили свое мнение по поводу действий русской администрации при последующем занятии края, которые должны были способствовать интеграции его населения в Российскую империю. Русской администрации предлагалось действовать с учетом местной специфики. По мнению авторов, следовало заменить представителей местных органов власти и полиции, состоявших в основном из поляков и виновных в репрессиях против русских галичан, ввести в качестве официального только один язык – русский, оставить только школы с русским языком обучения и т. д. Указывалось на необходимость отделения унии от украинства и замены дискредитировавших себя униатских иерархов. В то же время предлагалось укрепить православную церковь кадрами, не уступавшими в профессиональном плане униатскому и католическому духовенству. На наш взгляд, следование многим изложенным рекомендациям помогло бы избежать многих ошибок, допущенных во время русской оккупации Галичины в годы Первой мировой войны, а также после присоединения ее в 1939 г. к СССР и послевоенной борьбы с украинским националистическим подпольем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Брошюра «Современная Галичина: этнографическое и культурно-политическое состояние ее в связи с национально-общественными настроениями. Записка составлена при Военно-цензурном отделе Управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (июль 1914 г.)». Была написана с помощью членов Карпаторусского освободительного комитета (Москвофильство 2001: 60–61).

2. В 1909 г. русское движение Галиции раскололось на две части: «старокурсники» были против полного единения с русским народом, признавали свою народную речь и были лояльны австро-венгерским властям; «новокурсники» полностью ориентировались на Россию,

считали русинов частью единого русского народа и выступали за единый русский литературный язык (Москвофильство 2011: 54).

ЛИТЕРАТУРА

АВПРИ 1 - Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Особый политический отдел. Отд. 474. Д. 152. Об историко-культурном и этническом развитии Галиции, ее тесных связях с Россией. Записка Русского народного совета Прикарпатской Руси о прошлом, настоящем и будущем Прикарпатской Руси. 13 декабря 1916 г. Л. 117–132.

АВПРИ 2 - АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Отд. 474. Д. 152. Записка Русского народного совета Прикарпатской Руси по вопросу управления областями русского Прикарпатья. 17 сентября 1916 г. Л. 93–102 об.

АВПРИ 3 - АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Отд. 474. Д. 152. Об историко-культурном и этническом развитии Галиции, ее тесных связях с Россией. Записка заведующего продовольственным отделом военного генерал-губернатора Галиции ротмистра С.И. Данилова «Россия и Галиция». 24 ноября 1915 г. Л. 103–116 об.

Дурново 1922 - *Дурново П.Н.* Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 178–199.

Михутина 2003 - *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: Ловатера, 2003. 289 с.

Москвофильство 2001 - Москвофильство: Документи і матеріали / Уклад. О. Сухий. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2001. 236 с.

Орлевич 2011 - *Орлевич І.В.* Галицьке русофілство підчас Першої світової війни // Вісник Львівської комерційної академії: збірник наукових праць. Львів: Львівська комерційна академія, 2011. Вып. 10: Ювілейний збірник на пошану С. Гелея. С. 235–249.

Пашаева 2007 - *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. 2-е изд., испр. и доп. М.: Имперская традиция, 2007. 192 с.

Современная Галичина 1914 - Современная Галичина: этнографическое и культурно-политическое состояние ее, в связи с национально-общественными настроениями. Записка составлена при Военно-цензурном отделе Управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (июль 1914 г.). [Б. м.]: Походная тип. штаба главнокомандующего армиями, 1914. 30 с.

Суляк 2015 - *Суляк С.Г.* Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне) // Русин. 2015. № 4 (42). С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9

Суляк 2016а - *Суляк С.Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны // Русин. 2016. № 1 (43). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6

Суляк 2016b - Суляк С.Г. Галицкая Русь в российских неперiodических изданиях начального периода Первой мировой войны // Русин. 2016. № 3 (45). С. 190–216. DOI: 10.17223/18572685/45/14

REFERENCES

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund of the Special Political Department. Dep. 474. File 152. Ob istoriko-kul'turnom i etnicheskom razvitií Galitsii, ee tesnykh svyazyakh s Rossíey. Zapiska Russkogo narodnogo soвета Priкарпатской Руси o prošlom, nastoyashchem i budushchem Priкарпатской Руси. 13 dekabrya 1916 g. [On the historical, cultural and ethnic development of Galicia, its close ties with Russia. A brief by the Russian People's Council of Carpathian Rus about the past, present and future of Carpathian Rus. December 13, 1916]. pp. 117-132.

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund of the Special Political Department. Dep. 474. File 152. Zapiska Russkogo narodnogo soвета Priкарпатской Руси po voprosu upravleniya oblastyami russkogo Priкарпат'ya. 17 sentyabrya 1916 g. [A Brief of the Russian People's Council of Carpathian Rus on the Carpathian Rus control. September 17, 1916]. pp. 93-102.

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund of the Special Political Department. Dep. 474. File 152. Ob istoriko-kul'turnom i etnicheskom razvitií Galitsii, ee tesnykh svyazyakh s Rossíey. Zapiska zaveduyushchego prodovol'stvennym otdelom voennogo general-gubernatora Galitsii rotmistra S.I. Danilova "Rossiya i Galitsiya". 24 noyabrya 1915 g. [On the historical, cultural and ethnic development of Galicia, its close ties with Russia. A Brief from Head of the Food Department of the Military Governor-General of Galicia captain S.I. Danilov "Russia and Galicia." November 24, 1915]. pp. 103-116 ob.

Durnovo, P.N. (1922) Zapiska Durnovo [A Durnovo's Note]. *Krasnaya nov'*. 6. pp. 178-199.

Mikhutina, I.V. (2003) *Ukrainskiy vopros v Rossii (konets XIX – nachalo XX veka)* [The Ukrainian problem in Russia (the late 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Lovatera.

Sukhiy, O. (ed.) (2001) *Moskvofil'stvo: Dokumenti i materialí* [Moscowphilia: Documents and Materials]. Lviv: Lviv State University.

Orlevich I.V. (2011) Galits'ke rusofil'stvo pidchas Pershoї svitovoi viyni [Galician Russophilia during WWI]. *Visnik L'viv's'koi komertsiynoi akademii - LCA Bulletin*. 10. pp. 235-249.

Pashaeva, N.M. (2007) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the History of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Imperskaya traditsiya.

Military Censorship Department of the Office of the Quartermaster General

Staff Chief of the Armies of the South-Western Front. (1914) *Sovremennaya Galichina: etnograficheskoe i kul'turno-politicheskoe sostoyanie eya, v svyazi s natsional'no-obshchestvennyimi nastroyeniyami* [Modern Galicia: its ethnographic, cultural and political status in connection with the national public mood]. [s. l.]. Travelling Typography of General Headquarters.

Sulyak, S. (2015) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the civil war). *Rusin*. 4 (42). pp. 107-125 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9

Sulyak, S. (2016a) Rusins in the memoirs of the participants of the Great War. *Rusin*. 2 (44). pp. 73-92 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

Sulyak, S. (2016b) Galician Rus in Russian non-periodicals during the early stages of WWI. *Rusin*. 3 (45). pp. 190-216 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/14

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета (Россия), президент Общественной ассоциации «Русь» (Молдова).

Sulyak Sergey - Tomsk State University (Russia), Association "Rus" (Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(73)(=1.47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/12

УСТАВ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО КАФОЛИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМОПОМОЩИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУСИНСКОЙ ИММИГРАЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ*

Н.А. Глущенко

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: gloosten124@mail.ru

Отцам-основателям мы говорим: вечная память!
Нашему любимому Русскому Православному Обществу
мы говорим: долгих лет!

Официальный сайт РПКОВ

Авторское резюме

Рассматривается Устав Русского православного кафолического общества взаимопомощи в Соединенных Штатах Америки. В данном материале, который станет частью серии статей, автор рассматривает первые четыре части Устава, посвященные официальным обозначениям и знакам общества, его целям, а также условиям членства. Особое внимание уделяется различным типам членства и их особенностям. Делаются выводы о том, что основными целями общества, закрепленными в Уставе, было не только страховое обеспечение славянского иммигрантского населения Соединенных Штатов Америки, но и пропаганда православия и славянской культуры, стремление сохранить национальную идентичность вдали от родных земель. Общество было заинтересовано в присутствии в своих рядах здоровых молодых людей, способных не только уплачивать ежемесячные взносы, но и

* Работа выполнена в рамках государственного задания, проект № 2059 «Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект)».

активно участвовать в общественно-культурной жизни, особенно в деле укрепления позиций православной церкви на Североамериканском континенте.

Ключевые слова: Русское православное католическое общество взаимопомощи, славяне, русины, иммиграция.

THE BY-LAWS OF THE RUSSIAN ORTHODOX-CATHOLIC SOCIETY OF MUTUAL AID AS A SOURCE FOR STUDYING RUSIN IMMIGRATION IN THE UNITED STATES OF AMERICA*

N.A. Glushchenko

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: gloosten124@mail.ru

To our founding fathers we say: memory eternal!
To our beloved Russian Orthodox Society we say:
God grant you many years!

ROCMAS official website

Abstract

The author considers the By-Laws of the Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society of the United States of America. In this article, which will be part of a series of articles, the author focuses on the first four parts of the By-Laws devoted to the official designations and symbols of the Society, its objectives, and the conditions for membership, with particular attention paid to its different types. The author concludes that the main objectives of the Society set by the By-laws consisted not only in the insurance coverage of Slavic immigrant population in the USA, but also the promotion of the Orthodox and Slavic culture aimed at preserving the national identity of those who happened to be away from their native lands. The Society was interested in recruiting healthy young people who were able to pay monthly contributions and take an active participation in social and cultural life, especially in strengthening the position of the Orthodox Church in North America.

Keywords: Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society, Slavs, Rusins, immigration.

* This research is supported as part of the State Order, Project Nr 2059: "The Study of Russian Historical and Cultural Heritage (Siberian Aspect)".

Карпаторусины начали иммигрировать в Северную Америку в начале 1870-х гг. из региона Карпатских гор, став одним из потоков славянских иммигрантов из Европы в Америку. В начале 1880-х гг. многие русины-мигранты, которые приезжали в США из Австро-Венгрии в поисках работы на угольных шахтах, обосновались в антрацитовом регионе штата Пенсильвания. Для поддержания национального единства мигранты создавали собственные общества взаимопомощи, нередко с опорой на церковь, среди которых русинские были одними из самых крупных и значимых. Они являлись практически единственным источником социальной поддержки для прибывших иммигрантов (Акимов, Минкова 2016: 136–138). В данной публикации автор делает попытку рассмотреть, как происходило официальное оформление статуса одного из таких обществ.

Тема русинской (как в целом и славянской) иммиграции из Европы в Северную Америку изучается многими исследователями. Данный сюжет представляет большой научный интерес, учитывая ту значимую роль, которую американская русинская диаспора сыграла в истории русинов в XX в. Несмотря на огромные расстояния, русинские общества Соединенных Штатов Америки не теряли контакта со своими родными землями на территории Европы, стараясь оказывать всяческую поддержку, особенно в годы Первой мировой войны (Carpathians 1918; Slavs 1918).

Изучению переселения русинов на территорию Канады посвятил свои работы Роман Шапка (Шапка 2007; Шапка 2009). Его работы посвящены первым общинам «твердых» русинов на территории Канады, а также их роли в укреплении православной веры в этой стране, начиная от самых первых поселений около городов Виннипег, Реджайна и Эдмонтон вплоть до современности. Говоря о «твердых» русинах в Соединенных Штатах Америки, Р. Шапка упоминает первую русинскую общину, которая «перешла в Русскую православную церковь в 1891 г. в г. Миннеаполисе вместе со своим священником Алексием Товтом» (Шапка 2009: 55). Именно эта община впоследствии стала стержнем для образования Русского православного католического общества взаимопомощи.

Изучению русинской прессы в Северной Америке посвятил свою статью Любомир Медэши (Медэши 2007). В своей работе он показал языковое и культурное разнообразие выходивших изданий, а также различия в их политической ориентации.

Одним из видных исследователей истории становления православия на американской земле является Джоэль Брейди, профессор Питтсбургского университета. В 2012 г. им была защищена диссертация на соискание степени доктора философии по религиоведению на тему

«Транснациональные превращения: греко-католические мигранты и движения за переход в православие в Австро-Венгрии, России и Америке (1890–1914)» (Brady 2012). В своей работе он изучил процессы перехода от греко-католицизма к православию на территории Северной Америки, Австро-Венгрии и Российской империи, а также показал значимость в этом трансатлантических миграционных процессов.

Одним из первых официально оформленных объединений карпаторусинов на территории Соединенных Штатов Америки стало Русское православное католическое общество взаимопомощи (РПКОВ, Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society, ROCMAS), которое было основано 10 апреля 1895 г. в городе Уилкс-Барр, штат Пенсильвания. Одним из основателей и идейным вдохновителем общества стал уже упомянутый выше отец Алексей Товт (Dyrud 1992: 60). Местные отделения этого общества были образованы также в Миннеаполисе, Чикаго, Питтсбурге и Осеола Милс. Оно сразу же получило определенную административную поддержку со стороны руководства Русской православной миссии и российских властей (Dyrud 1992: 67–68), а первым председателем-кассиром общества стал А.Е. Оларовский – генеральный консул Российской империи в Нью-Йорке (Акимов, Минкова 2016: 140). Формально общество было зарегистрировано в 1912 г. согласно законам штата Пенсильвания. Председателем общества в то время являлся видный деятель карпаторусинского движения в Северной Америке Пётр Коханик (Brady 2012: 129), автор множества работ по истории православия в Северной Америке. Документ, разрешавший создание организации, закреплял за ней функции страхового общества, целью которого провозглашалась помощь его членам, оказавшимся в беде, заболевшим, получившим физические увечья или инвалидность. Преимущества страхования жизни были особенно полезны для вдов, часто остававшихся без кормильца в больших семьях, поскольку в то время не было другого вида финансовой помощи от промышленных предприятий или из правительственных источников.

Хотя формально РПКОВ являлось страховым обществом, его задачи и деятельность были значительно шире. Его члены участвовали в строительстве храмов и открытии новых приходов, помогали не только иммигрантам в США, но и русинам в Австро-Венгрии, македонским славянам, в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. – русским воинам в Маньчжурии и военнопленным в японских лагерях, в период гражданской войны в России – войскам А.В. Колчака и А.И. Деникина. Среди множества задач общества одной из наиболее значимых было создание русских православных приходов в Соединенных Штатах Америки (Dyrud 1992: 74).

Русскому православному католическому обществу взаимопомощи принадлежит ключевая роль в организации и проведении первого Всеамериканского собора 5–7 марта 1907 г. в городе Мейфилд, штат Пенсильвания. Он проводился параллельно с седьмым съездом общества и положил начало соборному устройению православной церкви в Америке. Именно на этом соборе было принято новое название Алеутской и Североамериканской епархии (до 1900 г. – Алеутская и Аляскинская): Русская православная греко-католическая церковь в Северной Америке под юрисдикцией священноначалия от церкви Российской (Хайруллина 2004: 3, 20–21).

Устав Русского православного католического общества (By-Laws 1913) был принят 23 июня (6 июля) 1913 г. и утвержден архиепископом Североамериканским Платоном. Устав включал 188 параграфов, разделенных на 11 основных частей:

- 1) имя, покровитель, логотип, печать, значок (рис. 1) и официальный орган общества;
- 2) цели общества;
- 3) членство в обществе;
- 4) условия приема в активное членство;
- 5) обязанности активных членов общества;
- 6) права активных членов;
- 7) совет общества, его должностные лица, их права, обязанности и порядок действий;
- 8) уставный фонд общества;
- 9) заседания Верховного совета;
- 10) съезды общества;
- 11) Устав общества.

Рис. 1. Значок общества, параграф 6 Устава (Русское православное 2016).

Первая часть Устава Русского православного католического общества включала в себя семь параграфов, закреплявших официальное название общества, его опознавательные знаки, а также покровителя и официальный орган печати. В параграфе 2 Устава закреплялось, что общество вверялось *«молитвенному ходатайству и попечению святителя и чудотворца Николая»*. День памяти святителя Николая (6 (19) декабря) предписывалось праздновать всем членам общества на торжественном богослужении (параграф 3).

Основным печатным органом общества называлась газета «Свет» (русин. «Свѣтъ»), которая на протяжении первых лет существования общества являлась важнейшим информационным печатным органом Североамериканской православной миссии (Дымова 2013: 15–16; Данилец 2014: 11). В параграфе 7 Устава закреплялось, что газета *«публиковалась еженедельно на малорусском наречии»*. Редактор газеты избирался съездом общества и утверждался почетным президентом. Он должен был выпускать газету «в соответствии с принципами, принимаемыми на съездах общества».

Вторая часть Устава включала в себя три параграфа и была посвящена целям общества. Основной целью называлось *«предоставление помощи его членам в случае болезни или инвалидности, а также в случае смерти члена семьи, выплаты пособий их семьям, наследникам, прямым родственникам, помолвленным мужьям, помолвленным женам или любым другим лицам, зависимым от члена общества»* (параграф 8). Таким образом, по своей сути, общество было страховым. Однако параграф 9 Устава значительно расширял задачи общества. В дополнение к указанной цели перед каждым его членом при вступлении ставились следующие задачи:

- сохранять и распространять православную веру на территории Северной Америки;

- принимать участие, насколько это возможно, в деле *«строительства православных храмов, русских школ, благотворительных и образовательных учреждений на территории США»*;

- принимать участие в публикации православной газеты, календарей и брошюр религиозного и нравственного характера;

- участвовать в просвещении народа в целом, пропагандируя *«любовь к православию, своей церкви и национальности, а также принципы христианской взаимопомощи»*.

Таким образом, Устав демонстрирует, что «страховая» функция общества была отнюдь не главной. Члены общества не только стремились к сохранению своей национальной идентичности на «чужой» земле, но и старались формировать позитивное отношение к православию в Соединенных Штатах Америки путем активного участия в общественной жизни населения (Custer 2008).

Третья часть Устава РПКОВ включала девять параграфов и была посвящена общим положениям о членстве в обществе. Членство определялось тремя основными типами: активные члены, пожизненные члены и почетные члены (параграф 11).

В число активных входили члены всех местных организаций общества – братств. При этом, если муж и жена являлись членами общества, они уплачивали взносы как один член (параграф 13).

Это можно связать с тем, что большинство новых членов общества, как правило, были иммигрантами, и для них уплата взносов за каждого члена семьи могла оказаться непосильной.

Звание пожизненного члена общества давалось за единовременную уплату взноса в сумме не менее 50 долларов (параграф 14). Стоит отметить, что статус пожизненного члена обязательно утверждался почетным президентом общества, в подтверждение чего Верховный совет высылал специальный диплом.

Звание почетного члена (параграф 15) присуждалось в двух случаях:

– лицам, которые активно проявили себя в обществе в целом и особенно *«в деле становления и развития православной церкви Северной Америки»*;

– за единовременную уплату взноса в сумме не менее 100 долларов.

Кандидаты в почетные члены могли быть предложены в любое время Верховным советом, членом любого братства либо же любым делегатом съезда общества. Любой кандидат должен был удовлетворять ряду условий (параграф 17): быть членом православной церкви, быть рекомендованным путем убедительного и мотивированного представления.

Статус почетного члена, как и статус пожизненного члена, обязательно утверждался почетным президентом общества, в подтверждение чего Верховный совет также высылал специальный диплом. Почетные члены имели право совещательного голоса на съездах общества. Как пожизненные, так и почетные члены освобождались от каких-либо обязанностей в обществе, однако они и не имели никаких прав. Если же пожизненный или почетный член хотел быть и активным членом со всеми присущими этой категории правами, то ему предписывалось *«уплачивать все требуемые ежемесячные взносы, как и все другие активные члены»* (параграф 19).

Таким образом, можно сделать вывод, что пожизненное и почетное членство в обществе было доступно далеко не многим, а тем более только прибывшим в Северную Америку иммигрантам. Для сравнения: в начале XX в. ежедневная газета «Нью-Йорк Таймс» в Нью-Йорке стоила 1 цент (в других штатах – 3 цента), а разовая «входная» плата за членство в обществе составляла от 50 центов до 1 доллара.

Четвертая часть Устава включала 31 параграф и была посвящена условиям приема в активные члены общества. Данная часть была разделена на два больших блока: условия для «братств» и условия для индивидуальных членов.

Для братств выдвигались следующие базовые условия (параграф 20):

– быть «славянским», т. е. члены братства должны относиться к славянской этноязыковой общности;

- принадлежать к православной церкви;
- располагаться на территории Североамериканского континента;
- быть готовым присоединиться к обществу в качестве местного отделения;
- насчитывать не менее 15 членов;
- ознакомиться с Уставом общества и типовым уставом братств.

Очень важными представляются параграфы 25, 26 и 29. В параграфе 25 закреплялось, что *«члены братства, желающего присоединиться к обществу, должны быть не моложе 18 и не старше 45 лет»*. В параграфе 26 же делалась оговорка о возможном принятии в члены людей старше 45 лет, но без *«права на смерть»*, т. е. семьи данных членов не получали бы никаких страховых выплат по утере кормильца. Параграф 29 и вовсе закрывал дорогу к членству в обществе для братств, чьи члены имеют постоянные или временные заболевания. Из этого можно сделать вывод о том, что общество было заинтересовано в основном в молодых и трудоспособных членах, которые, во-первых, были бы в состоянии уплачивать членские взносы и, во-вторых, могли долгое время принимать самое активное участие в реализации целей РПКОВ.

Члены братства, вступающего в общество, принимали присягу в церкви в присутствии православного священника со следующими словами: *«Я [имя] обещаю и клянусь Всемогущим Богом, что, будучи членом братства [название] и Русского православного кафолического общества взаимопомощи, буду выполнять все обязанности, которые предусматривает Устав, до тех пор, пока я являюсь членом, буду делать все, что в моих силах, для укрепления этих организаций, а также вести себя, как подобает православному христианину»*. В данной присяге закрепляется не только служение целям общества, но и служение христианским ценностям, что является немаловажным при сохранении национальной общности на «чужой земле». Именно поэтому данные общества сыграли значительную роль в становлении и укреплении православия на Североамериканском континенте. Часть членских взносов общества шла на финансовую поддержку (около 400 долларов для каждого) православных приходов в Соединенных Штатах Америки (Brady 2012: 140).

Для индивидуальных членов выдвигались практические такие же условия, как для братств (параграф 33):

- быть славянином православного вероисповедания;
- для мужчин определялся возраст от 18 до 45 лет, для женщин – от 18 до 40 лет;
- вступить в местное отделение общества – братство, пройдя все необходимые процедуры.

В параграфе 34 впервые в Уставе упоминаются неправославные члены общества, которые «не имели права посещать съезды общества или братств», однако, судя по всему, могли пользоваться всеми другими правами активных членов.

Параграфы 36, 37 опять же свидетельствуют о том, что общество было крайне заинтересовано в здоровых членах. Каждый новый кандидат был обязан направить через свое братство в Верховный совет свидетельство врача о состоянии его здоровья (параграф 36). Каждое братство должно было иметь своего постоянного врача, от чьего имени всегда должен был информироваться Верховный совет. Если же этот врач хотя бы раз выдавал ошибочное свидетельство о состоянии здоровья, то Верховный совет более не принимал свидетельства от него (параграф 37).

Каждый новый член, прежде чем начать в полной мере пользоваться своими правами в обществе, должен был:

- принять участие в очередном собрании своего братства;
- уплатить разовые взносы (параграф 48) за членство: в возрасте от 18 до 25 лет – 50 центов, от 26 до 35 лет – 75 центов, от 36 до 45 лет – 1 доллар, а также месячный взнос (согласно таблице).

Каждый член, как и в случае со вступлением в общество через братство, должен быть принять присягу в церкви в присутствии православного священника.

Таким образом, рассмотрение первых четырех частей Устава Русского православного католического общества взаимопомощи в Соединенных Штатах Америки дает представление об основных организационных принципах общества. Во-первых, это ориентация на иммигрантов славянского происхождения и православного вероисповедания. Во-вторых, направленность на широкую пропаганду славянской культуры и ценностей посредством строительства школ, приходов, выпуска газет и брошюр, участия в благотворительной деятельности. В-третьих, достаточно строгие условия членства в обществе. Русское православное католическое общество взаимопомощи сыграло значительную роль в сохранении и преумножении культурного наследия славян (русинов в особенности) в иммиграции, а также в поддержании связей «американских» карпаторусинов с «европейскими». Действующее уже более 100 лет, оно сыграло решающую роль в улучшении жизни славянских мигрантов, прибывавших в Соединенные Штаты Америки из Европы, а также в укреплении православия на всем Североамериканском континенте.

Месячные взносы на страховые выплаты и прочие нужды (в центрах)

Возраст, лет	Страховая выплата																			
	250 долл.				500 долл.				750 долл.				1 000 долл.							
	Страховой фонд	Резервный фонд	Вспомогательный фонд	Другие сборы	Всего	Страховой фонд	Резервный фонд	Вспомогательный фонд	Другие сборы	Всего	Страховой фонд	Резервный фонд	Вспомогательный фонд	Другие сборы	Всего					
18	22	3	1	21	47	43	4	2	21	70	65	5	3	21	94	86	6	4	21	1,17
19	22	3	1	21	47	44	4	2	21	71	66	5	3	21	95	88	6	4	21	1,19
20	23	3	1	21	48	45	4	2	21	72	68	5	3	21	97	90	6	4	21	1,21
21	24	3	1	21	49	47	4	2	21	74	69	5	3	21	98	93	6	4	21	1,24
22	24	3	1	21	49	48	4	2	21	75	71	5	3	21	1,00	95	6	4	21	1,26
23	25	3	1	21	50	49	4	2	21	76	73	5	3	21	1,02	97	6	4	21	1,28
24	26	3	1	21	51	51	4	2	21	78	75	5	3	21	1,05	1,01	6	4	21	1,32
25	26	3	1	21	51	52	4	2	21	79	78	5	3	21	1,07	1,04	6	4	21	1,35
26	27	3	1	21	52	54	4	2	21	81	81	5	3	21	1,10	1,07	6	4	21	1,38
27	28	3	1	21	53	56	4	2	21	83	83	5	3	21	1,12	1,11	6	4	21	1,42
28	29	3	1	21	54	57	4	2	21	84	86	5	3	21	1,15	1,14	6	4	21	1,45
29	30	3	1	21	55	59	4	2	21	86	88	5	3	21	1,17	1,18	6	4	21	1,49

Окончание таблицы

30	31	3	1	21	56	61	4	2	21	88	91	5	3	21	1,20	1,22	6	4	21	1,53
31	32	3	1	21	57	63	4	2	21	90	95	5	3	21	1,24	1,26	6	4	21	1,57
32	33	3	1	21	58	66	4	2	21	93	98	5	3	21	1,27	1,31	6	4	21	1,62
33	34	3	1	21	59	68	4	2	21	95	1,01	5	3	21	1,30	1,35	6	4	21	1,66
34	35	3	1	21	60	70	4	2	21	97	1,05	5	3	21	1,34	1,40	6	4	21	1,71
35	37	3	1	21	62	73	4	2	21	1,00	1,09	5	3	21	1,38	1,45	6	4	21	1,76
36	38	3	1	21	63	76	4	2	21	1,03	1,13	5	3	21	1,42	1,51	6	4	21	1,82
37	40	3	1	21	65	79	4	2	21	1,06	1,17	5	3	21	1,46	1,57	6	4	21	1,88
38	41	3	1	21	66	82	4	2	21	1,09	1,22	5	3	21	1,51	1,63	6	4	21	1,94
39	43	3	1	21	68	85	4	2	21	1,12	1,27	5	3	21	1,56	1,69	6	4	21	2,00
40	44	3	1	21	69	88	4	2	21	1,15	1,32	5	3	21	1,61	1,76	6	4	21	2,07
41	46	3	1	21	71	92	4	2	21	1,19	1,38	5	3	21	1,67	1,83	6	4	21	2,14
42	48	3	1	21	73	96	4	2	21	1,23	1,44	5	3	21	1,73	1,91	6	4	21	2,22
43	50	3	1	21	75	1,00	4	2	21	1,27	1,50	5	3	21	1,79	1,99	6	4	21	2,30
44	52	3	1	21	77	1,04	4	2	21	1,31	1,57	5	3	21	1,86	2,08	6	4	21	2,39
45	55	3	1	21	80	1,09	4	2	21	1,36	1,64	5	3	21	1,93	2,17	6	4	21	2,48

Примечание. Другие взносы включают: «на газету» – 8 центов, «на церковь» – 5 центов, «на администрацию» – 4 цента, «в благотворительный фонд» – 2 цента, «в школьный фонд» – 1 цент, «в национальный фонд» – 1 цент; всего 21 цент.

ЛИТЕРАТУРА

Brady 2012 - *Brady J.* Transnational conversions: Greek Catholic migrants and Rusky Orthodox conversion movements in Austria-Hungary, Russia, and the Americas (1890–1914): Ph.D. thesis. University of Pittsburgh, 2012. 544 p. URL: <http://d-scholarship.pitt.edu/11919> (дата обращения: 01.12.2016).

By-Laws 1913 - By-Laws of Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society in U.S.A. 1913. URL: <http://rolandanderson.se/rocmabylaws.php> (дата обращения: 17.11.2016)

Carpathians 1918 - Carpathians to organize // The New York Times. 1918. 28 June.

Custer 2008 - *Custer R.D.* Carpatho-Rusyns in Northern Pennsylvania [brochure]. Munhall: Carpatho-Rusyn Society, 2008. 2 p.

Dyrud 1992 - *Dyrud K.P.* The quest for the Rusyn soul: the politics of religion and culture in Eastern Europe and in America, 1890–World War I. Philadelphia: Balch Institute Press, 1992. 157 p.

Slavs 1918 - Slavs anxious to fight // The New York Times. 1918. 30 June.

Акимов, Минкова 2016 - Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Особенности формирования русинской диаспоры в США в конце XIX в. // Русин. 2016. № 1 (43). С. 128–144. DOI: 10.17223/18572685/43/9

Данилец 2014 - *Данилец Ю.В.* К истории православия в Угорской Руси накануне Первой мировой войны (по материалам американской газеты «Свѣтъ») // Русин. 2014. № 3 (37). С. 9–21.

Дымова 2013 - *Дымова М.Г.* Издательская деятельность Русской православной миссии в США и Канаде: история и современность (1896–2006 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 25 с.

Медэши 2007 - *Медэши Л.* Америцки руснаци през свою пресу // Русин. 2007. № 2 (8). С. 156–182.

Русское православное 2016 - Русское православное католическое общество взаимопомощи – Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русское_православное_католическое_общество_взаимопомощи (дата обращения: 09.10.2016).

Хайруллина 2004 - *Хайруллина П.А.* Русская Православная Церковь в США: поиск путей модернизации и деятельность святителя Тихона (Беллавина) (последняя треть XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004. 32 с.

Шапка 2007 - *Шапка Р.* Краткий очерк истории «твердых» русинов в Канаде // Русин. 2007. № 3 (9). С. 146–156.

Шапка 2009 - *Шапка Р.* Общины, основанные «твердыми» русинами в Канаде // Русин. 2009. № 1 (15). С. 53–65.

REFERENCES

Brady, J. (2012) *Transnational conversions: Greek Catholic migrants and Russian Orthodox conversion movements in Austria-Hungary, Russia, and the Americas (1890-1914)*. PhD thesis. University of Pittsburgh. [Online] Available from: <http://d-scholarship.pitt.edu/11919> (Accessed: 1st December 2016).

Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society in U.S.A. (1913) *By-Laws of Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society in U.S.A. 1913*. [Online]. Available from: <http://rolandanderson.se/rocmabylaws.php> (Accessed: 17th November 2016).

The New York Times. (1918) Carpathians to organize. 28th June.

Custer, R. D. (2008) *Carpatho-Rusyns in Northern Pennsylvania*. Munhall: Carpatho-Rusyn Society.

Dyrud, K.P. (1992) *The quest for the Rusyn soul: the politics of religion and culture in Eastern Europe and in America, 1890-World War I*. Philadelphia: Balch Institute Press.

The New York Times. (1918) Slavs anxious to fight. 30th June.

Akimov, Yu.G. & Minkova, K.V. (2016) The specificity of Rusin diaspora formation in the United States in the late 19th century]. *Rusin*. 1 (43). pp. 128-144 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/9

Danilets, Yu.V. (2014) To history of Orthodoxy in Ugrian Rus on the eve of WWI (a case study of an American newspaper "Svet"). *Rusin*. 3 (37). pp. 9-21 (In Russian).

Dymova, M.G. (2013) *Izdatel'skaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy missii v SShA i Kanade: istoriya i sovremennost' (1896–2006 gg.)* [Publishing activity of Russian Orthodox mission in the United States and Canada: past and present (1896–2006)]. Abstract of Diss. St. Petersburg.

Medeshi, L. (2007) Ameritski rusnatsi prez svoyu presu [American Rusins through their press]. *Rusin*. 2 (8). pp. 156-182.

Wikipedia. (2016) *Russkoe pravoslavnoe kafolicheskoe obshchestvo vzaimopomoshchi* [Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русское_православное_кафолическое_общество_взаимопомощи (Accessed: 9th October 2016).

Khayrullina, P.A. (2004) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v SShA: poisk putey modernizatsii i deyatel'nost' svyatitelya Tikhona (Bellavina) (poslednyaya tret' XIX - nachalo XX vv.)* [Russian Orthodox Church in the United States: Ways of modernization and activity of St. Tikhon (Bellavin) (the late 19th – early 20th centuries)]. Abstract of Diss. Chelyabinsk.

Shapka, R. (2007) Kratkiy ocherk istorii "tverdykh" rusinov v Kanade [A short essay on the history of the "strong" Rusins in Canada]. *Rusin*. 3 (9). pp. 146-156.

Shapka, R. (2009) Obshchiny, osnovannye "tverdymi" rusinami v Kanade [Communities founded by "strong" Rusins in Canada]. *Rusin*. 1 (15). pp. 53-65.

Глуценко Никита Андреевич – кандидат исторических наук, инженер-исследователь Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (Россия).

Glushchenko Nikita - Tomsk State University (Russia).

E-mail: gloosten124@mail.ru

УДК 94(436+47)»1914/1919»

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/13

НИКОЛАЙ II В ГАЛИЦИИ В 1915 г.: ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ

И.В. Зимин¹, А.Р. Соколов², С.Г. Суляк³

¹Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова

Россия, 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Л. Толстого 6/8

E-mail: 30maler@mail.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: alar60@yandex.ru

³Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

Описывается поездка Николая II в апреле 1915 г. в Галицию. Рассматриваются события в контексте внутривосточной борьбы в Российской империи, во многом определявшей дальнейшую судьбу края: в качестве части русской Польши со значительной автономией от органов центральной власти или интеграцию Галиции в русский мир империи.

Ключевые слова: Николай II, Галиция, Первая мировая война, Львов, Перемышль, русины.

NICHOLAS II IN GALICIA IN 1915: TOGETHER OR APART

I.V. Zimin¹, A.R. Sokolov², S.G. Sulyak³

¹The First Pavlov Saint Petersburg State Medical University

6/8 Leo Tolstoy Str., Saint Petersburg, 197022, Russia

² Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: alar60@yandex.ru

³ Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The article describes Nicholas II's trip to Galicia in April, 1915. The authors consider the events in the context of political struggle in the Russian Empire that was supposed to determine whether the territory should develop as a part of Russian Poland, with considerable autonomy from the central authority bodies, or integrated in the Russian Empire.

Keywords: Nicholas II, Galicia, WWI, Lviv, Przemysl, Rusins.

Всякая война неизбежно поднимает вопросы, связанные с изменением границ государств, в ней участвующих. В результате возникают проблемы, связанные с исторически сложившимися идеологемами, как правило, оформляющими исторические права на те или иные территории.

Так, когда осенью 1914 – весной 1915 г. русские войска удачно провели ряд наступательных операций против австро-венгерских войск в Галиции¹, обозначился вопрос о будущем этих территорий. Новая реальность заставила обратиться к историческому прошлому этих территорий, поскольку там проживало население, сохранявшее на протяжении веков не только православную веру, но и национальную идентичность, назвавшее себя русинами.

Следует иметь в виду, что военные успехи в Галиции активно разыгрывались различными политическими группами на олимпе власти Российской империи. Это проявилось в том числе и в диаметральных подходах в оценке перспектив путей развития территорий, контролировавшихся русской армией. Фактически речь шла о том, войдут ли занятые войсками территории Галиции в состав русской Польши или будут развиваться как часть России.

С одной стороны, Верховный главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич (мл.), на которого делала ставку думская оппозиция, считал, что стержнем развития западных территорий, входивших и вошедших в состав Российской империи, станет их дальнейшая автономизация как некая плата за лояльность в ходе войны. Это касалось как русской Польши, так и территории Галиции.

С другой стороны, Николай II склонялся к мысли продолжить русификаторскую политику Александра III и Николая I, интегрируя территорию Галиции в состав империи. При этом каждая из сторон отчетливо понимала довольно неустойчивый статус вновь обретенных территорий в ситуации «тумана войны», но тем не менее стремилась использовать ее во внутривосточной борьбе, в том числе ее «пиар-потенциал».

В дневниках Николая II динамика развития событий отражена крайне лаконично. 6 февраля 1915 г. он записал: «...на крайнем нашем левом фланге в Буковине и прилегающих Карпатах наши войска тоже отошли под напором подавляющих сил противника. Грустно и неприятно, но, надо думать, все это преходяще» (Дневники 2013: 109)². Спустя месяц, 7 марта 1915 г., Верховный главнокомандующий сообщил императору, что «под Перемышлем австрийцы сделали сильную вылазку, но были отбиты с большими потерями, потеряв одними пленными 4 000 чел. при 105 офицерах и 12 пулеметов» (Дневники 2013: 115).

Этот успех был развит русскими войсками, и 9 марта Николай II, находившийся в Ставке в Барановичах, записал: «После утреннего доклада вернулся к себе и начал письмо Аликс, как вдруг Николаша ворвался ко мне с Янушкевичем³ и Даниловым⁴ и объявил радостную весть о падении Перемышля! После завтрака был отслужен благодарственный молебен при множестве офицеров и лейб-казаках. Отправил Граббе⁵ в 11-ю армию Селиванова с наградами и крестами... Дал Николаше Георгия 2-й степени. Занимался после чая и окончил все. За обедом выпили по стаканчику шампан» (Спиридович 1960: 103; Дневники 2013: 115)⁶.

На следующий день императору доложили детали. В плену оказались «9 генералов, 93 шт. офиц., 2 500 об. оф. и чинов и 11 7000 ниж. чинов. наших войск, осаждавших крепость, было меньше половины» (10 марта 1915 г.) (Дневники 2013: 116). 12 марта 1915 г. император принял в Александровском дворце Царского Села адъютанта великого князя Николая Николаевича, приехавшего «прямо из Перемышля с интересными подробностями о сдаче и занятии крепости нашими войсками» (Дневники 2013: 116).

Судя по всему, именно тогда Николай II стал рассматривать возможность своей поездки в Галицию. Косвенным свидетельством тому было то, что император 15 марта 1915 г. принял во дворце делегацию галичан: «Сегодня за обедней пели галичане – сельские учителя и учительницы очень хорошо» (Дневники 2013: 117). 17 марта он принял генерал-майора свиты А.Н. Граббе «по возвращении из Перемышля» (Дневники 2013: 117).

Понятно, что такие делегации быстро не формируются, да и ехать на поезде из Галиции до Царского Села надо не один день. Вне всякого сомнения, эта делегация была сформирована галицийским генерал-губернатором Г.А. Бобринским⁷ намного раньше, а взятие Перемышля было использовано как повод. Следует иметь в виду, что Николай II, принимая решение об образовании Галицийского генерал-губернаторства в конце августа 1914 г., поставил перед графом Бобринским задачу интегрирования завоеванных территорий в политическое пространство России. Именно с этой целью чиновничество генерал-губернаторства, вплоть до уездного уровня, укомплектовали русскими чиновниками. Обращает на себя внимание и совместное участие галичан и императора в обедне. Несомненно, это была публичная демонстрация религиозного единства.

Наконец, видимо, уже определившись с поездкой в Галицию, 2 апреля 1915 г. Николай II принял в Александровском дворце «гр. Бобринского – воен. ген. губ. Галиции» (Дневники 2013: 120). На следующий день, 3 апреля, император вместе с наследником принял капитана Генерального штаба Полякова, который «привез крепостной флаг Перемышля» (Дневники 2013: 120). А 4 апреля Николай II отправился в свою седьмую поездку на фронт.

Следует подчеркнуть, что о планах императора посетить Галицию практически никто не знал: ни дворцовый комендант В.Н. Воейков, ни ключевое лицо охраны Николая II полковник А.И. Спиридович, ни императрица. Александру Фёдоровну император известил о своих планах только из поезда телеграммой: «Изменил начало программы, сперва еду в Ставку, а затем в оба других места, которые я записал в твоей записной книжке» (Переписка 1925: 144). Видимо, Николай II хорошо представлял реакцию супруги на свои планы, поскольку она считала, что Верховный главнокомандующий Николай Николаевич (мл.) «затеняет» императора⁸ (Письма 1922: 84). Судя по всему, в этой поездке сошлись множество факторов, но, кроме различных явных и подспудных политических раскладов, видимо, имелось обоюдное желание Николая Николаевича и Николая II просто «прикоснуться» к военной победе.

По приезде в Ставку 5 апреля 1915 г. император сообщил супруге, что Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич «предложил мне поскорее съездить во Львов и Перемышль, так как в Галиции потом придется принять некоторые меры. То же самое говорил и Бобринский несколько дней тому назад. Меня будет сопровождать Н., так как это мое первое посещение завоеванного края. Разумеется, оно на этот раз будет очень кратковременным, обе тамшние железные дороги забиты поездами. После того я повидею

Иванова и Алексеева и буду продолжать свою поездку на юг. Я не могу еще установить числа, но, разумеется, буду тебя извещать заблаговременно. Провести таким образом несколько дней довольно интересно и даже как-то выходит из границ обыкновенного»⁹ (Переписка 1925: 148).

Для личной охраны императора его решение о посещении Галиции было совершенно неожиданным. Как раз в то время полковник А.И. Спиридович отрабатывал мероприятия по охране императора на ранее утвержденном маршруте¹⁰. Его срочно вызвали в Ставку и направили в Галицию (Спиридович 1960: 116). По мнению Спиридовича, поездка в Галицию, сравнительно недавно занятую русскими войсками, граничила с безумием, но дворцовый комендант В.Н. Воейков указал, что такова воля императора¹¹ (Спиридович 1960: 116). В тот же день, 5 апреля, определили маршрут поездки. Следует подчеркнуть, что это была первая поездка императора за пределы империи в условиях войны.

Николай II писал супруге 6 апреля перед выездом из Ставки: «Вчера, после долгих обсуждений, решено было, что мы выедем из Ставки в среду вечером¹² и приедем на старую пограничную станцию Броды в четверг утром. Оттуда Н., я и кое-кто из нашей свиты поедем на автомобилях во Львов... Таким образом, мы проследуем дорогой, которую в августе проходила наша 3-я армия, и увидим поля сражения. Ночь проведем во Львове, а утром поедем через Самбор, где находится Брусиллов, к Перемышлю. Здесь проведем ночь и той же дорогой вернемся. Может быть, мне удастся где-нибудь между этими двумя местами захватить 3-й Кавказский корпус, сосредоточивающийся в резерве» (Переписка 1925: 151).

Когда Александра Фёдоровна получила письмо супруга, последовала ожидаемая реакция. Во-первых, императрица опасалась за жизнь мужа¹³ (Письма 1922: 88). Во-вторых, она была против того, чтобы императора в этой поездке сопровождал Верховный главнокомандующий, поскольку настороженно относилась к росту популярности великого князя Николая Николаевича¹⁴ (Письма 1922: 88). Однако она, как могла, «прикрыла» поездку супруга в прифронтовую зону. Через А.А. Вырубову об этой поездке сообщили Г.Е. Распутину, «прогнозы» которого она изложила в письме мужу: «Когда Аня сказала ему по секрету – так как я хотела Его особой молитвы за тебя – Он (это довольно любопытно) сказал то же самое, что я, что в общем Ему не нравится. *Господь пронесет, но безвременно (слишком рано) теперь ехать, никого не заметит, народа своего не увидит, конечно, интересно, но лучше после войны.* Ему не нравится, что Н. с тобой едет. Он находит, что тебе везде лучше быть одному

– и с этим я совершенно согласна» (7 апреля 1915 г. Царское Село) (Письма 1922: 90).

Однако Николай II объяснял супруге свои резоны следующим образом (7 апреля 1915 г., Ставка): «...я не согласен с тобой, что Н. должен остаться здесь, когда я поеду в Галицию. Напротив, именно потому, что я еду во время войны в завоеванную провинцию, главнокомандующий должен сопровождать меня. Я думаю, что все окружающие меня находят это правильным. Он сопровождает меня, а не я нахожусь в его свите...» (Переписка 1925: 153).

Когда Николай II выехал из Ставки в Галицию, график был столь плотным, что он писал жене только короткие записки и телеграммы¹⁵ (Переписка 1925: 157, 163). Естественно, императора в поездке сопровождал губернатор А.Г. Бобринский¹⁶, безусловно, было много впечатлений от Львова («Очень красивый город, немножко напоминает Варшаву, пропасть садов и памятников, полный войск и русских людей! <...> Если хочешь знать, так я спал в кровати старого Франца-Иосифа» (Переписка 1925: 165).

Эмоциональный настрой императора в этой поездке гораздо ярче отражают его дневниковые записи, которые ранее носили стандартно-лапидарный характер. 9 апреля он записал: «Знаменательный для меня день приезда в Галицию! В 10 час. прибыл на ст. Броды. Сейчас же пошел в вагон Николаши, где выслушал доклад штаба и затем полк. Мосягина, описавшего наступление нашей 3-й армии от границы Львова... Завтракали в 12 ч., и затем выехал в моторе с Николашей и Янушкевичем. Чем дальше, тем местность становилась красивее. Вид селений и жителей сильно напоминал Малороссию. Только пыль не-сносная. Остановливался несколько раз на месте сражений в августе м-це; видел поблизости дороги братские могилы наших скромных героев... В 4.30 на спуске с горы был встречен гр. Бобринским и затем выехал в гор. Львов. По улицам стояло много войск шпалерами и народа. У огромного манежа, обращенного в церковь, стоял поч. караул от 23-го марш. батальона. После молебствия, отслуженного архиеп. Евлогием, посетил лазарет Ольги¹⁷, где видел Ксению¹⁸. Около 6.30 прибыл во дворец наместника; поч. кар. сотня лейб-казаков. Город производит очень хорошее впечатление, напоминает в небольшом виде Варшаву, но с русским населением на улицах. Вышел на балкон к крестьянам, пришедшим из окрестностей. После обеда назначил Бобринского генерал-адъютантом» (Дневники 2013: 121–122).

На следующий день, 10 апреля, Николай II посетил Самбор и Хыров («Живописно расположенный в горах») и, наконец, к вечеру приехал в Перемышль («Это маленький городок, с узкими улицами, полный войск и оренбургских казаков... Местечко окружено горами

и вид имеет живописный»). 11 апреля в телеграмме супруге Николай II упомянул, что «осмотрел укрепления» крепости Перемышль и отправился обратно «во Львов через Радымно и Яворов, опять вдоль полей сентябрьских сражений» (Дневники 2013: 121–122).

В дневнике император описывает свои впечатления этого дня следующим образом: «Спал отлично и в 8.30 пил чай. Через час поехал на станцию, где был оперативный доклад. В 10 час. отправился с Николашей и другими по жел. дор. в Самборг. Приехал туда около часа и был встречен Брусиловым и моей чудной ротой 16-го Стрелкового Имп. Александра III полка – под командой ее фельдфебеля¹⁹. Поехал в штаб-кварти. Брусилова, где назначил его генерал-ад. Он нас накормил завтраком, после чего вернулись в поезд и продолжали путь на юг. Первая гряда Карпат была хорошо видна... Около 4 час. прибыл в Хыров, где был собран весь 3-й Кавказский корпус ген. Ирманова. Обошел все части пешком и затем объехал их в моторе и благодарил за боевую службу. Вид полков великолепный. Так был счастлив видеть своих ширванцев. Вернулся в поезд и продолжил путь на Перемышль, куда приехал в 7 час. По улицам стояли шпалерами запасные батальоны и дружины. Заехал в церковь, устроенную в жел. дор. сарае, и затем в дом, приготовленный для Николаши и меня. В 8 час. поехали к обеду в гарнизонное собрание, где было собрано разное вооружение, найденное в австрийских складах... Итак, я попал в Перемышль, по милости Божией, через месяц и два дня после его падения. Масса сильных впечатлений» (Дневники 2013: 122).

11 апреля: «В 10 час. выехал с Николашей по укреплениям Перемышля сперва на Восточный фронт (Седлиская группа), затем на Южный. Проехал по отличной крепостной дороге мимо фортов, укреплений, батарей и редутов и поражался огромному количеству орудий и всяких боевых припасов. Вернулся в наш дом в 12.15 и поехал в гарнизонное собрание. После завтрака в 1.30 выехал во Львов на моторе через Радымно и Яворов опять по местам боев. Прибыл во Львов в 5 час. и проехал через весь город к горе, на кот. вошел пешком. Красивый вид на все окрестности. Привел себя в порядок в доме генерал-губернатора. Ксения и Ольга посидели со мною и обедали. В 9.15. выехал обратно и в 12.30 прибыл в Броды и пересел в свой поезд» (Дневники 2013: 122).

Естественно, Александра Фёдоровна следила за реакцией прессы. Будучи крайне эмоциональной женщиной, в письмах к супругу она обращала его внимание именно на эмоционально-религиозную составляющую этой поездки: «Какая большая историческая минута! Наш Друг в восторге и благословляет тебя... твои несколько слов на балконе²⁰ – как раз то, что надо было сказать. Бог да благословит и

объединит в глубоком историческом и религиозном смысле слова *эти славянские народы с их старой матерью Россией*²¹... Все приходит вовремя, и теперь мы достаточно сильны, чтобы их удержать за собой, прежде мы не могли бы это сделать – тем не менее мы должны “внутри” стать еще сильнее и более объединенными во всех отношениях, так, чтобы управлять крепче и с большим авторитетом» (11 апреля. Царское Село) (Письма 1922: 95). Более того, Александра Фёдоровна связывала эту поездку с историческим прошлым страны: «Как будет радоваться И Н²². Он видит, как его правнук вновь завоевывает эти провинции далекого прошлого, и видит мщение за предательство Австрии по отношению к нему» (Письма 1922: 95). Эти слова императрицы очень важны, поскольку идея освобождения «подъяремной Руси» была традиционной для значительной части русской военно-политической элиты на протяжении всего XIX в.

12 апреля 1915 г., расставаясь с Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем, император вручил ему георгиевскую саблю с бриллиантами, которая была украшена глубоко символической надписью: «За освобождение Червонной Руси». Это был совершенно отчетливый политический посыл, подготовленный императором еще до его отъезда в Галицию, расставлявший все точки в вопросе об административно-политических перспективах Галиции.

Мнения военных и политиков об этой поездке Николая II, нашедшие отражение в мемуарах, очень разные, но по большей части они негативны²³. В этом видится не объективность оценки авторами сложившейся тогда военно-политической ситуации, а скорее стремление постфактум дистанцироваться от той катастрофы, которая постигла русскую армию после прорыва фронта у Горлицы в мае 1915 г. Тем не менее поездка вышла за рамки простой «высочайшей инспекции» на уровень политической акции. Об этом свидетельствуют воспоминания А.И. Спиридовича, который, видя реакцию населения, восторженно встречавшего императора, перестал опасаться за его безопасность. Эта поездка, несомненно, укрепила позиции великого князя Николая Николаевича, на которого делала ставку думская оппозиция в борьбе за формирование правительства «общественного доверия».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В ходе Галицийской битвы (18 августа – 21 сентября 1914 г.) были заняты Галич и Львов. После четырехмесячной осады в марте 1915 г. была взята крепость Перемышль, в результате чего вся Галиция перешла под контроль русской армии.

2. 25 января 1915 г. 8-я и 10-я германские армии перешли в наступление из Восточной Пруссии. Несколько ранее, 9 января, для поддержки немецкого наступления австрийское командование начало наступление в Карпатах.

3. Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918) – на время описываемых событий начальник штаба Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича (июль 1914 – август 1915 г.).

4. Данилов Юрий Никифорович (1866–1937) – на время описываемых событий генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего.

5. Граббе Александр Николаевич (1864–1947) – с января 1914 по март 1917 г. возглавлял собственный конвой императора.

6. Возглавлявший подвижную охрану императора полковник Отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридович, сопровождавший Николая II и ведший дневниковые записи, впоследствии описывал произошедшее следующим образом: «После 11 утра мы, несколько человек, стоявшие у подъезда, увидели быстро шагавшего к императорскому поезду в. кн. Николая Николаевича. Он, видимо, был чем-то взволнован. Не прошло и несколько минут, как разнеслось – Перемышль пал... Общее ликование. Государь послал царице телеграмму. Был назначен молебен. У крыльца церкви государя поджидали великие князья, штаб, много офицеров. При его появлении раздалось радостное ура. Государь был довольный, веселый. Служба была особенно торжественна. Шавельский (очень несимпатичный священник) сказал хорошее слово. Многие лета государю и победоносному воинству неслись особенно радостно и могуче. Когда же была провозглашена вечная память всем, за Веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положившим, – все опустились на колени, и тихие звуки Вечной памяти понеслись туда, к передовым линиям. Государь пожаловал в. кн. Николаю Николаевичу орден Св. Георгия 2 ст. (звезда и крест на шею), а генералу Селиванову – 3 ст. (крест на шею). Вечером за обедом подавали шампанское (Абрау Дюрсо)».

7. Бобринский Георгий Александрович (1863–1928) – граф, генерал-губернатор Галицийского генерал-губернаторства с 25 августа 1914 г. Галицийское (Галицко-Буковинское) генерал-губернаторство – временная административно-территориальная единица (в составе Львовской, Тернопольской (1914) и Перемышльской, Черновицкой губерний (1915)), созданная для управления территориями Австро-Венгрии, занятыми русскими войсками. Была образована в сентябре 1914 г. и просуществовала до июля 1915 г.

8. 4 апреля 1915 г., в день отъезда Николая II в Ставку, императрица писала вдогон, давая супругу «психологическую установку»: «Дорогой мой, будь решительней и уверенней в себе. Ты прекрасно знаешь, что следует делать, и, когда ты не согласен и правда на твоей стороне, открыто выскажи свое мнение и заставь его перевесить чужие... Хотя Н(иколаша) так высоко поставлен, все же ты выше его».

9. В дневнике Николай II несколько раз упоминает о своих частных беседах в Ставке с великим князем Николаем Николаевичем: «После разговора с Николашей пошел к докладу» (5 апреля); «После доклада ходил с Николашей по саду» (6 апреля).

10. «Вернувшись в Барановичи, я получил приказание выехать немедленно со своим отрядом в Галицию, во Львов, явиться генерал-губернатору Бобринскому и принять все нужные меры охраны ввиду приезда в Галицию его величества».

11. А.И. Спиридович утверждает, что «поездка придумана Ставкой» и «предложена государю великим князем. Ставка брала на себя всю организацию поездки и настолько, что из царского гаража брали только один автомобиль лично для государя. Великий князь, Янушкевич и князь Орлов придумали и провели эту поездку. Когда великий князь получил согласие государя на эту поездку, он, выйдя из вагона его величества, с торжествующим видом объявил генералу Воейкову, что государь изволил согласиться на поездку, но чтобы дворцовый комендант не беспокоился, так как штаб уже все предвидел и все подготовил для поездки».

12. Николай II записал в дневнике 8 апреля (среда) «Тронулись в 10.15 в поездку на юг».

13. «...мысль об Л. и П. уже теперь меня тревожит. Не рано ли, так как настроение еще не очень за Россию – в деревне, может быть, да, но в самом Л., боюсь, что нет...».

14. «Не Н-ъ сопровождать тебя. Ты должен быть на первом месте, когда ты в первый раз туда едешь. Ты, наверное, считаешь меня старой душой, но, если другие не хотят думать о таких вещах, приходится мне. Он должен остаться и работать, как всегда – право, не бери его, так как ненависть к нему там должна быть велика – увидеть тебя одного обрадует сердца, несущиеся к тебе навстречу с любовью и благодарностью».

15. «Вот я и здесь, на бывшей австрийской земле... после завтрака уезжаю во Львов в автомобиле» (8 апреля, Броды); «Выезжаю сейчас на юг, нахожусь под самыми светлыми впечатлениями» (8 апреля, Броды).

16. «... на пригорке нас встретил Бобринский, и мы поехали прямо во Львов».

17. Великая княгиня Ольга Александровна (1882–1960) – младшая сестра Николая II, работавшая в годы Первой мировой войны сестрой милосердия.

18. Великая княгиня Ксения Александровна (1875–1960) – младшая сестра Николая II. Активно участвовала в деятельности Российского общества Красного Креста.

19. 1-я рота 16-го стрелкового Императора Александра III полка 4-й стрелковой «Железной» бригады.

20. Эти «несколько слов на балконе», произнесенные Николаем II, действительно прозвучали как политическая декларация воссоединения Галиции с Россией: «Спасибо за сердечный прием, да будет единая, могучая и нераздельная Русь. Ура!».

21. Судя по всему, Александра Фёдоровна прочла в газетах слово архиепископа Евлогия, произнесенное им во Львове от имени местного православного духовенства, в котором он, обращаясь к царю, подчеркивал: «Вы первый ступили на тудревнерусскую землю, вотчину древних русских князей – Романа и Даниила, на которую не ступал ни один русский монарх. Из этой подъяремной, многострадальной Руси, откуда слышались вековые вздохи и стоны, теперь несется к Вам восторженная осанна. Ваши доблестные боевые орлы, сокрушив в своем неудержимом стремлении вражеские твердыни, взлетели на непроходимые, недоступные снежные Карпаты, и там, на самой вершине их, теперь вьет свое гнездо могучий двуглавый российский орел». Кстати, архиепископ Евлогий в 1907 г. был избран членом II Государственной Думы от православного населения Люблинской и Седлецкой губерний, а с 1907 по 1912 г. являлся членом III Государственной Думы.

22. Император Николай I.

23. См. подробнее: Айрапетов О.М. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. М.: Кучково поле. 2014. Т. 2. 1110 с.

ЛИТЕРАТУРА

Дневники 2013 - Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2: 1914–1918. М.: РОССПЭН, 2013. 784 с.

Спиридович 1960 - *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг.: в 3 кн. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1960. Кн. 1. 302 с.

Переписка 1925 - Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1915 гг. М., 1925. Т. III. 562 с.

Письма 1922 - Письма императрицы Александры Фёдоровны к императору Николаю II. Берлин: Слово, 1922. Т. I. 642 с.

REFERENCES

Nicholas II. (2013) *Dnevniky imperatora Nikolaya II (1894–1918)* [Diaries of Emperor Nicholas II (1894–1918)]. Vol.2. Moscow: ROSSPEN.

Spiridovich, A.I. (1960) *Velikaya voyna i Fevral'skaya revolyutsiya 1914–1917 gg.: v 3 kn.* [The Great War and the February Revolution of 1914–1917. In 3 vols]. New York: Vseslavyanskoe izdatel'stvo.

Sergeev, A.A. (ed.) (1925) *Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovykh. 1914–1915 gg.* [Correspondence of Nicholas and Alexandra Romanov]. Vol.3. Moscow: [s.n.].

Empress Alexandra Feodorovna. (1922) *Pis'ma imperatritsy Aleksandry Fedorovny k imperatoru Nikolayu II* [Letters of the Empress Alexandra Feodorovna to Emperor Nicholas II]. Vol. 1. Berlin: Slovo.

Зимин Игорь Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова (Россия).

Zimin Igor - The First Pavlov Saint Petersburg State Medical University (Russia).

E-mail: 30maler@mail.ru

Соколов Александр Ростиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sokolov Aleksandr - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: alar60@yandex.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета (Россия), президент Общественной ассоциации «Русь» (Молдова).

Sulyak Sergey - Tomsk State University (Russia), Association “Rus” (Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94 (477.87):281.9

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/14

ПРАВОСЛАВНА ЦЕРКВА НА ЗАКАРПАТТІ В ПЕРШІ РОКИ РАДЯНСЬКОЇ ВЛАДИ (НА ДОКУМЕНТАХ РОЗСЕКРЕЧЕНИХ ФОНДІВ ДАЗО)

Ю.В. Данилець

Ужгородський національний університет
Україна, 88000, г. Ужгород, пл. Народна, 3
E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Авторське резюме

В статті проаналізовано документи раніше засекречених фондів Державного архіву Закарпатської області. Серед них фонди Р-195, П-1 та П-9. Наповнення цих фондових одиниць має свою специфіку та значно відрізняється від інших фондів. Гриф «таємно» та «цілком таємно» надає джерелам ще більшої важливості та унікальності. Обмежившись лише трьома роками історії Закарпатської області в складі УРСР, нам вдалося прослідкувати специфічні риси державної політики та розвитку православ'я. Вивчені документи згруповані в чотири групи: матеріали, що стосуються державної політики щодо церкви та місцевого уповноваженого у справах РПЦ; документи про зловживання органів влади, скарги представників духовенства та вірників; інформація щодо діяльності єпископа та монастирів; узагальнюючі звіти уповноважених. Виявлені факти дають можливість більш наближено відтворити розвиток православної церкви на Закарпатті та заповнити «білі плями» її історії.

Ключові слова: держава, документи, єпископ, політика, уповноважений, церква.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЗАКАРПАТЬЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ДОКУМЕНТАХ РАССЕКРЕЧЕННЫХ ФОНДОВ ГАЗО)

Ю.В. Данилец

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3
E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Авторское резюме

Проанализированы документы ранее засекреченных фондов Государственного архива Закарпатской области. Среди них фонды Р-195, П-1 и П-9. Наполнение этих фондовых единиц имеет свою специфику и значительно отличается от других фондов. Грифы «секретно» и «совершенно секретно» делают источники еще более важными и уникальными. Ограничившись лишь тремя годами истории Закарпатской области в составе УССР, мы смогли проследить специфические черты государственной политики и развития православной церкви. Исследованные документы можно разделить на следующие группы: материалы, касающиеся государственной политики в отношении церкви и местного уполномоченного по делам РПЦ; документы о злоупотреблениях органов власти; жалобы представителей духовенства и верующих; информация о деятельности епископа и монастырей; обобщающие отчеты уполномоченных. Выявленные факты дают возможность более верно отобразить развитие православной церкви в Закарпатье и заполнить «белые пятна» ее истории.

Ключевые слова: государство, документы, епископ, политика, уполномоченный, церковь.

ORTHODOX CHURCH IN TRANSCARPATHIA IN THE EARLY SOVIET YEARS (ON DOCUMENTS FROM DECLASSIFIED SATR FUND)

Ju.V. Danilets

Uzhgorod National University
3 Narodnaya Square, Uzhgorod, 88000, Ukraine
E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Abstract

The article analyses the documents from the previously secret funds of the State Archives of Transcarpathian region, including those from R-195, P-1 and P-9. These funds have their specificity and differ significantly from other funds. Marked as “Classified” and “Top secret”, they acquire even greater importance and uniqueness. Having analysed the documents for only three years of the history of Transcarpathia as a part of the USSR, we could trace specificity of the state policy and Orthodox Church development. The documents under study can be divided into four groups: materials concerning state policy regarding the church and the local ROC commissioner; documents about abuses of authorities; complaints of the clergy and the parish; information on the activities of the bishop and monasteries; summarizing reports of commissioners. The revealed facts result in a more precise description of the Orthodox Church development in Transcarpathia, thus filling the “white spots” in its history.

Keywords: state, documents, the bishop, policy, commissioner, church.

22 січня 1946 р. Указом Президії Верховної Ради СРСР було затверджено подання Президії Верховної Ради УРСР про утворення Закарпатської області у складі УРСР. Вже за кілька днів після утворення Закарпатської області Президія Верховної Ради УРСР 24 січня 1946 р. прийняла постанову про введення з 25 січня того ж року на території області законодавства Радянської України. Кілька місяців раніше, восени 1945 р., було вирішено питання про перехід православної Мукачівсько-Пряшівської єпархії до складу Руської православної церкви.

Контроль за діяльністю релігійних організацій на території області здійснювали дві структури: Рада у справах Руської православної церкви (далі – РПЦ) (створена постановою РНК СРСР від 14 вересня

1943 р.) та Рада у справах релігійних культів (створена постановою РНК СРСР від 19 травня 1944 р.). На Закарпатті, в період Народної Ради Закарпатської України, 20 квітня 1945 р. було прийнято декрет «Про утворення управління в справах культів» (Данилець, Міщанин 2013b: 46). До компетенції новоствореного управління належали «всі справи церковні та релігійні, включно упорядкування справ про майно церковних (релігійних) общин та вирішення майнових спорів між ними на території Закарпатської України». Уповноваженим у справах культів було призначено Петра Лінтура (Вісник 1945: 114–115).

З утворенням Закарпатської області відбулася уніфікація та реорганізація місцевих органів влади, в тому числі й управління в справах культів. Керівником Ради у справах РПЦ в області й надалі залишився П. Лінтур. Рішенням Закарпатського облвиконкому від 26 березня 1947 р. на посаду уповноваженого було призначено Івана Ромера (ДАЗО 9: 11). Рівно через рік керівником ради був призначений Григорій Панченко, а з липня 1948 р. до 1960 р. уповноваженим працював Антон Шерстюк. Це був досвідчений чиновник, що в 1945–1948 рр. керував Радою у справах РПЦ в Дрогобицькій області. Радою у справах релігійних культів при Закарпатському облвиконкомі в 1946–1947 рр. керував Сергій Лямін-Агафонов, а в 1948–1959 рр. – Михайло Распутько.

У звіті на ім'я уповноваженого Ради у справах РПЦ по УРСР П. Ходченка від 7 лютого 1947 р. обласний уповноважений П. Лінтур вказував, що православні на Закарпатті мають у своєму володінні 182 храми (із них 10 монастирських) та 12 каплиць (із них 9 монастирських). В межах єпархії діяло 18 чернечих громад (4 чоловічих та 3 жіночих монастирів, 5 чоловічих та 6 жіночих скитів) та 135 сільських і міських приходів, які обслуговувало 136 представників духовенства. Загальна кількість православних вірників складала 142 тис. чол. (ДАЗО 8: 1–2).

У переважній більшості наукових публікацій дослідники зверталися до двох фондів Державного архіву Закарпатської області: Р-544 – «Уповноваженого Ради у справах Руської православної церкви при Раді Міністрів СРСР по Закарпатській області» та Р-1490 – «Уповноваженого Ради у справах релігійних культів по Закарпатській області» (Данилець, Міщанин 2013a; Данилець 2015). Нашу увагу привернули архівні фонди, котрі до недавнього часу були секретними. Це, в першу чергу, фонд Р-195 «Виконавчий комітет Закарпатської обласної Ради депутатів трудящих», П-1 «Закарпатський обласний комітет Комуністичної партії України, м. Ужгород» та партійний архів Мукачівського окружного комітету КП(б) (П-9).

Хронологічно дана публікація обмежується 1946–1949 рр.,

що обумовлено утворенням Закарпатської області у складі УРСР та ліквідацією греко-католицької церкви в області. Опрацьовані нами джерела можна умовно розділити на кілька груп: документи, що стосуються державної політики щодо церкви та місцевого уповноваженого у справах РПЦ; зловживання місцевих органів влади, скарги представників духовенства та вірників; матеріали щодо діяльності єпископа та монастирів; узагальнюючі звіти.

Що стосується документів першої групи, то виявлена інформація є достатньо різнобічною. На виконання директиви штабу Прикарпатського військового округу від 27 січня 1947 р. обласних уповноважених Ради у справах РПЦ та релігійних культів просили надати відомості про наявність в Закарпатті релігійних культів, духовенства та інформацію про ставлення священиків до міроприємств радянської влади (ДАЗО 4: 25). Відповідь на дане прохання у фонді не виявлено. 5 липня 1948 р. облвиконком ухвалив важливе рішення «Про використання бувших церковних житлових приміщень». Голів окружних та міських Рад депутатів трудящих було зобов'язано через десять днів забезпечити взяття на баланс комунального фонду житлових будинків та інших споруд, які належали колишнім церковним громадам та релігійним об'єднанням. У разі потреби дозволялося використовувати згадані споруди під приміщення сільрад, школи, клуби, хати-читальні, бібліотеки, лікарні, дитячі садки та ясла, медпункти та інші культурно-соціальні заклади, забезпечивши служителів релігійних культів іншими приміщеннями. Передача приміщень мала проводитися рішенням виконкомів окружних та міських рад (ДАЗО 6: 93).

10 квітня 1949 р. Мукачівський міськвиконком прийняв рішення № 641 «О передаче здания, занимаемого правлением православной епархии, под Дом пионеров». У документі зазначалося, що у зв'язку з крайньою необхідністю в організації міського будинку піонерів потрібно звернутися до облвиконкому з клопотанням про передачу споруди єпархіального управління та парку біля нього (ДАЗО 7: 165). Керівництво облвиконкому спрямувало рішення до уповноваженого ради А. Шерстюка. Останній відзвітував, що приміщення збудоване на кошти православної церкви та в ньому зареєстровано ще й чоловічий монастир. Передачу приміщення він вважав «преждевременным и в данное время политически вредным» (ДАЗО 7: 166). Про цей висновок секретар облвиконкому М. Попович повідомив до Мукачева, наголосивши, що дане клопотання потрібно порушити пізніше, через певний проміжок часу (ДАЗО 7: 164).

Керівництво КП(б)У в центрі та на місцях активно слідкувало за проявами релігійності членів партії. 25 березня 1948 р. секретар

Мукачівського окружного комітету по кадрам Шурчилов повідомляв завідувачу шкільним відділом Закарпатського обкому Гончаренко, що за рішенням бюро за антипартійний проступок – вінчання в храмі – було виключено з партії та відділом освіти звільнено з роботи К. Ващенко (ДАЗО 2: 16).

Обласний уповноважений регулярно отримував письмові інструкції від республіканського та всесоюзного уповноважено Рад у справах РПЦ. Згідно звіту, І. Ромер протягом 1947 р. він також отримував настанови безпосередньо під час зустрічей з керівництвом. З 26 липня по 3 серпня 1947 р. в області перебував член Ради у справах РПЦ при Раді Міністрів СРСР І. Іванов. У січні та в серпні того ж року в Ужгород приїздив уповноважений Ради у справах РПЦ по УРСР П. Ходченко. З ним І. Ромер також три рази зустрічався у Києві. Крім названих осіб, обласний уповноважений мав зустрічі з заступником уповноваженого ради по УРСР Г. Катуніним, членом ради В. Соколовим, уповноваженим ради по УРСР П. Вільховим, заступником уповноваженого М. Сазоновим (ДАЗО 5: 3). Список названих імен свідчить про те, що керівництво зверху приділяло важливе місце становищу церкви в Закарпатській області.

Обласних уповноважених періодично викликали до всесоюзного та республіканського центру для участі в навчальних семінарах, конференціях, інструктажах. Наприклад, з 5 по 21 лютого 1948 р. уповноважений у справах РПЦ по Закарпатській області І. Ромер брав участь у семінарі в Москві. Фінансові витрати на проживання та подорожні компенсувалися чиновнику із бюджету Ради, а транспортні витрати покладалися на обласне керівництво (ДАЗО 4: 73).

16 квітня 1947 р. П. Ходченко вислав закарпатському уповноваженому копію листа Ради у справах РПЦ при Раді Міністрів СРСР за № 209/с (1 квітня 1947 р.). Аналізуючи зміст документу, розуміємо, що воно до Закарпаття не мало ніякого значення та не могло братися «для керівництва». Мова йшла про те, що якщо церковні організації придбали майно до Жовтневої революції, то, згідно декрету від 23 січня 1928 р., воно вважалося націоналізованим. Після революції і до 22 серпня 1945 р. церковні організації не мали права юридичної особи і не могли купляти майно (ДАЗО 4: 40). Таким чином, ні союзний, ні республіканський уповноважені не брали до уваги той факт, що Закарпатська область тільки після Другої світової війни ввійшла до складу СРСР.

У 1948 р. святкування Пасхи припадало на 2 травня. У зв'язку з цим заступник голови Ради у справах РПЦ при Раді Міністрів СРСР С. Белишев розіслав інструктивні листи усім уповноваженим по областям. У документі вказувалося, що треба забезпечити безпе-

решкодний доступ до храмів для проведення релігійних обрядів та поінформувати союзний центр про хід святкування (ДАЗО 5: 44). 8 травня 1948 р. новопризначений уповноважений у справах РПЦ по Закарпатській області Г. Панченко відзвітував за домовленістю до Москви та Києва. У документі вказувалося, що було підготовлено та розіслано, за підписом уповноваженого і голови облвиконкому, листи до голів окружкомів. У окремих чиновників на місцях розпорядження, щодо святкування Пасхи викликало не зовсім правильне враження. У зв'язку з цим уповноваженого викликав для пояснень секретар обкому КП(б)У по пропаганді «и задал вопрос: на основании чего мною были написаны письма председателям окрисполкомов, и когда я сослался на ваше распоряжение, то секретарь обкома КП(б)У остался удовлетворен» (ДАЗО 5: 64). У звіті наводилися приклади святкувань Пасхи в різних храмах. Так, в Ужгороді святкування проходило «хорошо, верующие были в приподнятом настроении, помного святили куличей и пасх». Кореспондентом обласного відділення Радіотелеграфного агентства України було підготовлено передачу для закордону під назвою «Празднование праздника Пасхи православными в Закарпатье» (ДАЗО 5: 65). Текст радіопередачі було відіслано разом зі звітом.

У звіті за 1 квартал 1947 р. детально повідомляється про зловживання місцевих органів влади щодо православної церкви. Уповноважений наводить ряд прикладів у Хустському, Тячівському та інших районах області, коли від священників відбирали земельні ділянки, наділені вже радянською владою. Протягом перших трьох місяців 1947 р. до Ради у справах РПЦ при Закарпатському облвиконкомі представники православної церкви зверталися з наступними питаннями: 1) скарги на невиконання директив облвиконкому відносно наділення земельними ділянками в особисте користування священникам; 2) аналогічні звернення щодо конфіскації земель у монастирів; 3) скарги на незаконні поставки та повинності від чернецтва та білого духовенства; 4) скарги на агітацію з боку греко-католицький священників проти православної церкви (ДАЗО 4: 33). П. Лінтур характеризує повсякденне життя православного духовенства. Вказує, що їх матеріальний рівень незадовільний, прибутки з приходів невеликі, живуть в основному від виконання треб. Органи влади надали священникам змогу купити одяг по державним цінам. Окремо в звіті зустрічаємо інформацію про релігійну обрядність населення краю. Уповноважений зазначав, що в останній час відвідуваність храмів зростала, та пояснював цей факт «религиозной консервативностью», «напряженной борьбой между православной и униатской церквями», «прибытием из восточных областей нового контингента верующих».

Разом з тим збільшилася кількість проведення релігійних обрядів: хрещення, вінчання, похорони (ДАЗО 4: 34).

1 квітня 1949 р. заступник голови Закарпатського облвиконкому М. Куц повідомив голову виконкому Іршавської окружної ради Капітана, що до облвиконкому поступила скарга від православно-го монастиря в с. Дубрівка про конфіскацію 4 га землі. Чиновник нагадував, що, згідно рішення уряду СРСР, за православними монастирями закріплені всі земельні угіддя, якими вони користувалися на той час. У зв'язку з цим обласне начальство вимагало повернути монастирю відібрану землю (ДАЗО 7: 71). Аналогічний лист був відправлений до керівництва Хустського окружної ради щодо вирішення питання з вилученням земельної ділянки Свято-Миколаївського чоловічого монастиря в с. Іза (ДАЗО 7: 112). Через ігнорування вирішення питання 21 липня 1949 г. голова облвиконкому І. Туряниця повторно вимагав надіслати відповідь (ДАЗО 7: 114). Через три місяці І. Туряниця направляє голові Хустського окрвиконкому Д. Тимко третє розпорядження під грифом «таємно». Крім вимоги негайно повідомити про результат з монастирською землею, обласний керівник жорстко критикує підлеглих. «Облсполком обращает Ваше внимание на безответственное Ваше отношение к выполнению наших указаний и распоряжений и предупреждает Вас, что повторение подобных фактов будет рассматриваться как злостное невыполнение директивных указаний облсполкома с вытекающими отсюда последствиями» (ДАЗО 7: 115). Нарешті, 9 листопада 1949 р. Д. Тимко повідомив, що 14 серпня того ж року була створена комісія у складі республіканського уповноваженого у справах РПЦ П. Ходченка, обласного уповноваженого А. Шерстюка та представників Хустського окружкому. Комісія запропонувала виділити для монастиря земельну ділянку навпроти обителі, яка була досить поганої якості. Через це настоятель монастиря архімандрит Матфей (Вакаров) не погодився з пропозицією, а вимагав повернути назад попередні наділи. У документі зазначається, що ділянки, якою володів монастир, передані та знаходяться в масивах колгоспів с. Іза та м. Хуст (ДАЗО 7: 115).

Окремі православні громади, відкрито висловлювали своє незадоволення політикою місцевої влади щодо церкви. 30 березня 1946 р. керівники православної парафії в с. Тереля Тячівського округу звернулися до Народного комісаріату УРСР в Києві з скаргою на діяльність місцевої влади. Селяни зазначали, що прагнули визволення з-під влади іноземних загарбників та виступали за возз'єднання з Радянською Україною. Однак, з встановленням нової влади місцеві сільради «...нас, православных, начали притеснять, отбирают от нас церковную

землю, церковний дом и оставляют нас без всякой помощи, как мы будем существовать дальше. Мы спрашиваем, почему это делают. Они говорят: нам позволяет и приказывает компартия. Вопрос. Почему католикам и греко-католикам этого не приказывают? Ихние сельсоветы не отбирают церковную землю, а не церковные дома» (ДАЗО 3: 1–2). Уповноважений Ради у справах Руської православної церкви при Раді Міністрів УРСР П. Ходченко переслав дане звернення голові Закарпатського облвиконкому І. Туряниці. У супровідному листі він просив прийняти термінові заходи для ретельної перевірки викладених у зверненні селян фактів, та в разі їх підтвердження, до не гайного усунення ненормальної ситуації та «антисоветской практики местных властей по отношению к православной церкви» (ДАЗО 3: 3). 17 червня 1946 р. на лист П. Ходченка відповів обласний уповноважений ради П. Лінтур. Чиновник відзначив, що знайомий з таким положенням речей та приймав багато раз міри для усунення «ненормального положення», але відповідні заходи не завжди знаходили достатню підтримку в компетентних органів (ДАЗО 3: 4). Реакція Києва була досить жорсткою. 18 січня 1947 р. обласний уповноважений отримав інструкцію повідомляти обком партії та голову облвиконкому про всі факти невиконання розпоряджень, позаяк ця діяльність є «прямым нарушением служебной, а в некоторых случаях и партийной дисциплины» (ДАЗО 4: 1).

Зверталися до Києва з протестами і окремі православні священники. 2 жовтня 1946 р. республіканський уповноважений П. Ходченко отримав скаргу від священника з с. Великі Лучки на Мукачівщині І. Семедія. Священнослужитель повідомляв, що сільська рада с. Луково Іршавського округу конфіскувала від нього 3 га землі (ДАЗО 3: 8). Листа переслали для розгляду голові облвиконкому І. Туряниці та секретарю обласного комітету партії Пінчуку. П. Ходченко вказував, що земельну власність від І. Семедія відібрали незаконно. Ділянка була виділена на основі декрету Народної Ради Закарпатської України та перебувала в користуванні на правах власності (ДАЗО 3: 26). Очевидно, аналогічних скарг надходило до столиці УРСР чимало, що змусило Раду у справах РПЦ підготувати окремий лист до керівництва Закарпатської області. 3 жовтня 1946 р. П. Ходченко, намагаючись уникнути подібних випадків з неправильним трактування земельного законодавства, підготував детальну інструкцію. У документі вказувалося, щоб облвиконком і місцеві органи влади застосовували щодо православного духовенства пункт 5 Постанови № 662 Закарпатського облвиконкому від 19 серпня 1946 р. Згідно цього пункту землі, наділені декретами НРЗУ не підлягають конфіскації (ДАЗО 3: 27).

У фонді Р-195 виявлено деякі матеріали, що стосуються діяльності єпископа Нестора (Сидорука). 2 червня 1947 р. республіканський уповноважений у справах РПЦ П. Ходченко просив свого новопризначеного підлеглого на Закарпатті І. Ромера, «в тактовній формі запропонувати Мукачівсько-Ужгородському єпископу Нестору написати в трьох примірниках автобіографію» на предмет його реєстрації. До автобіографії було потрібно додати по одній фотографії «в звичайному архієрейському одязі» (ДАЗО 4: 47). 1 липня 1947 р. колишній уповноважений у справах РПЦ по Закарпатській області П. Лінтур підготував доповідну записку про відносини єпископа Нестора та місцевого духовенства і відправив її на ім'я Г. Карпова до Москви. Він кваліфікував окремі конфлікти між архієреєм та священниками як факт, «могутий принести большой вред нашей стране в смысле политическом» (ДАЗО 4: 55). Перший аспект, за словами П. Лінтура, полягав у користолюбстві і жадібності керуючого єпархією. Чинownik вказував, що владика ліквідував Єпархіальну раду та оточив себе родичами та земляками. «Стал распоряжаться имуществом и средствами епархии самовольно по своей прихоти». У записці наведено ряд фактів, що згруповані у шість позицій: 1) У 1946 р. через фінансові органи області єпископ обміняв угорську валюту на карбованці, в еквіваленті близько 100 тис. крб. Ці кошти були зібрані від духовенства, але після обміну не були їм повернуті та використані для потреб єпархії. 2) Зловживання під час передачі Мукачівського монастиря. 3) Купівля автомобіля в Києві по завищеній ціні. 4) Побори з духовенства та чернецтва. 5) Залишення для власних потреб матеріальної допомоги духовенству. 6) Рукоположення священників за гроші. Підводячи підсумки, колишній уповноважений наголошував, що діяльність єпископа Нестора підриває авторитет радянської влади на Закарпатті та шкодить поверненню греко-католиків до православ'я (ДАЗО 4: 55–57).

Копія цієї ж доповідної записки була відправлена П. Лінтуром на ім'я патріарха Московського Алексія I (ДАЗО 4: 85–86). У супровідному листі він просить першосвятителя допомогти вийти із ситуації, що склалася. Припускаємо, що документ не потрапив до патріарха, а опинився в руках голови Ради у справах РПЦ Г. Карпова. 19 серпня 1947 р. він переслав доповідну записку голові Закарпатського облвиконкому І. Туряниці з проханням «указать тов. Линтуру на недопустимость с его стороны, как члена ВКП(б), вступать в переписку по вопросам православной церкви непосредственно с патриархом» (ДАЗО 4: 83). 26 серпня того ж року голова облвиконкому відзвітував у Москву, що колишній уповноважений зрозумів значення допущеної ним помилки і відкликає листа патріарху (ДАЗО 4: 82).

У підсумковий звіт за 1947 р. І. Ромер надає різко негативну оцінку

єпископу Нестору. Згадуючи скаргу свого попередника П. Лінтура на діяльність архієрея, він зазначає, що вона була написана «с позиції православного веруючого, жалячого видіти в православном єпископе подлинного “святителя”» (ДАЗО 5: 13). За словами уповноваженого, до нього також зверталися неодноразово представники духовенства з подібними звинуваченнями, просячи втрутитися у дану ситуацію. «Єпископ Нестор, скомпрометировавший себе в глазах не только православного, но и униатского духовенства, представляет собою якобы гласное препятствие в деле воссоединения униатов с православными в Закарпатье». І. Ромер рекомендував перевести єпископа Нестора із Мукачівсько-Ужгородської єпархії в інше місце, а на його посаду призначити архієпископа Макарія (Оксіюка) або єпископа Антонія (Пельвецького) (ДАЗО 5: 14).

17 січня 1947 р. Рада у справах РПЦ при Раді Міністрів СРСР санкціонувала виконання рішення Закарпатського облвиконкому від 2 грудня 1946 р. про передачу монастиря на Чернечій горі православної церкві (ДАЗО 4: 24). У звіті за 1 квартал 1947 р. обласний уповноважений П. Лінтур детально розписав сам процес передачі (ДАЗО 4: 31–32). Це загальновідомі факти, не будемо на них детально зупинятися.

Важливий секретний документ щодо організації святкування Успіння Пресвятої Богородиці в Мукачівському монастирі в 1947 р. Його підготував уповноважений Ради у справах РПЦ при Раді Міністрів УРСР П. Ходченко та вислав на розгляд обласному керівництву в Ужгород. Показовою є навіть сама назва документу – «Соображения по вопросу намечающегося православным духовенством проведения традиционного праздника “Успения” на Мукачевской горе в Закарпатской области». П. Ходченко зазначав, що Рада у справах РПЦ вважає проведення святкування за участі шести архієреїв доцільним, використавши цю подію серед інших міроприємств по возз'єднанню греко-католиків з православною церквою. Уповноваженим було розроблено план підготовки святкування та виділено п'ять основних позицій. Зокрема, забезпечення делегації від екзархату України своєчасний виїзд в Мукачево (літаком чи потягом); передачу з Львівського єпархіального управління друкованих видань: «Святой Петро» Г. Костельника, матеріали Львівського собору, журнали «Єпархіальний вісник»; забезпечення в дні святкування показу кінострічки «Львівський собор»; забезпечення охорони правопорядку, медичної допомоги і т. д. (ДАЗО 4: 77–78).

Аналітичні дані містить звіт уповноваженого Ради у справах РПЦ за третій квартал 1947 р. І. Ромер вказував, що кількість православних церков зросла з 210 до 212, за рахунок передачі від греко-ка-

толиків храмів у Старому Давидкові на Мукачівщині та в м. Свалява. Щодо кількості духовенства, то на початок кварталу їх налічувалося 138 священиків і 7 дияконів. Вибуло двоє осіб (один помер, інший виїхав до Чехословаччини внаслідок оптації). Отримали рукоположення із дияконів 2 особи, в диякони також 2 чол., прибуло з інших єпархій і заштату 2 осіб. Таким чином, кількість священства збільшилася до 140 священиків і відповідно 7 дияконів. За 2 та 3 квартал 1947 р. уповноваженим було прийнято 312 відвідувачів. Серед них єпископ Нестор (Сидорук) (10 разів), єпископ Станіславський Антоній (Пельвецький) (3 рази), архієпископ Львівський і Тернопільський Макарій (Оксіук) (1 раз); священики – 210 чол.; члени церковних рад – 20 чол.; мирян – 22 чол.; представників радянських органів – 46 чол. Під час візитів ставилися різні питання. Наприклад, єпископ Нестор піднімав проблему передачі православної церкви приміщення резиденції греко-католицького єпископа в Ужгороді, собору в Мукачеві та храму в Сваляві. Просив надати допомогу в організації і проведенні святкування 28 серпня 1947 р. на Чернечій горі. Уповноважений вказував, що питання щодо передачі майна від греко-католиків знаходяться в стадії вирішення, а інші прохання були своєчасно і позитивно вирішені (ДАЗО 4: 92). Прохання монастирів, церковних рад та духовенства з приводу виділення землі, будівельних матеріалів, палива, корму для худоби, зон для заготівлі сіна в більшості випадків також були позитивно вирішені.

Протягом 2 та 3 кварталів уповноважений зробив 12 виїздів по області з метою вивчення окремих проблем православної церкви. Найбільше візитів він здійснив у Мукачево (10 разів), що було викликано з необхідністю: ознайомлення з становищем та діяльністю церкви на основі даних єпархіального управління та розмов з правлячим архієреєм; вивченням становища Мукачівського монастиря та його бібліотекою; вилученням із монастирської бібліотеки шкідливої літератури; передачі архіву монастиря державному обласному архіву та експонатів для краєзнавчого музею; вивчення фактів, викладений П. Лінтуром у заяві від 1 липня 1947 р. (факти не підтвердилися); виявлення древніх православних храмів, захоплених раніше греко-католиками; проведення на місці міроприємств, пов'язаних з підготовкою свята 28 серпня 1947 р.; надання допомоги в облаштуванні господарства Мукачівського монастиря (ДАЗО 4: 93). Виїзди в села (Домбоки, Ракошино, Руське, Великі Лучки, Горонда) були пов'язані з проведеними в цих населених пунктах відпустами, під час яких на престольне свято збиралося значна кількість вірників з навколишніх сіл. Уповноважений наводить приклади кількості учасників святкувань. Так, у селах Горонда і Руське Мукачівського округу було присутні

2–3 тис. вірників, а відпуст в Липчанському монастирі зібрав до 15 тис. вірників, в тому числі до «50 % униатів» (ДАЗО 4: 94). Особливо відмічалася патріотична діяльність православного духовенства та їх архієрея. У звіті наводиться приклад виступу владики Нестора на зборах слов'янського активу в Ужгороді. Зокрема він завершив виступ наступними словами: «И если начало последней военной бойни наша Родина встречала с сознанием: “Наше дело правое. Победа будет за нами”, то и теперь в правом деле объединения славянских народов мы можем уверенного говорить: это дело правое, и поэтому оно победит» (ДАЗО 4: 95).

Описуючи релігійність населення Закарпаття, І. Ромер наголошував, що відвідуваність храмів збільшуються. До церков ходили не тільки жінки похилого віку, але й молоді жінки та чоловіки, підлітки та діти. Аналізуючи ситуацію в Ужгородському храмі, уповноважений підкреслював, що там чоловіків буває не багато. В селах ситуація відрізнялася, серед вірників «можно видеть много мужчин в работоспособном возрасте и много подростков – учащихся». У храмах можна було бачити лікарів, навіть, в якості церковного старости, вчителів, військових, комсомольців і комуністів. Зростала кількість виконання церковних обрядів: хрещень, вінчань, похорон. Наприклад, директор неповної середньої школи в с. Горінчово Буряк ховав свою померлу дитину по церковному обряду, «заставив при этом своих учеников нести хоругви». І. Ромер зазначав, що вінчаються військові, комсомольці, комуністи, але просять священників проводити обряди таємно. Спостерігалось збільшення кількості хрещення дорослих вірників та підлітків (ДАЗО 4: 97). В с. Горонда Мукачівського округу єпископ Нестор рукоположив у сан диякона Якіма Бабинця, який працював судовим слідчим в Рахівському окрузі. У висновках до звіту знаходимо твердження, що в умовах Закарпатської області повинна бути максимально посилена робота по підвищенню політичного та культурного рівня трудящих і особливо молоді, спрямована на те, «чтобы сделать каждого труженика сознательным строителем коммунизма в нашей стране» (ДАЗО 4: 98).

Квартальні звіти доповнює та узагальнює підсумковий звіт за 1947 р. Він, як і більшість документів даного фонду, позначений грифом «цілком таємно» та має обсяг 21 сторінку. Подамо його коротку характеристику, звертаючи увагу на головні аспекти. Матеріал у звіті розподілено за тематичним принципом та згруповано у шість розділів: фактори, що впливають на роботу уповноваженого; керівництво роботою уповноваженого зверху; виїзди уповноваженого на місце; прийом уповноваженим відвідувачів; становище і діяльність православної церкви в Закарпатській області; стан релігійності

(ДАЗО 5: 2–22). Інформація всіх частин документу носить важливий характер, через свою недоступність у минулому. Розкриваючи нюанси роботи уповноваженого, І. Ромер вказував, що прожитковий мінімум при невисокій зарплатні по посаді забезпечується шляхом читання платних публічних лекцій на політичні та економічні теми. Постачання він отримував на рівні з керівниками головних відділів облвиконкому, був забезпечений просторою квартирою центрі міста. Уповноваженому було надано окремий кабінет в 30 м² та секретаря, що працював у окремій кімнаті. Крім обов'язків уповноваженого, чиновник виконував також партійні зобов'язання, читання лекції, виїзди в якості уповноваженого обкому КП(б)У тощо (ДАЗО 5: 2). Загалом партійна робота за 1947 р. зайняла в уповноваженого близько 30 днів.

Доповнюючи попередні кварталні звіти, уповноважений вказував, що здійснив 36 виїздів по області для вирішення різних питань. Вони стосувалися тих же проблем, котрі вказані вище у кварталному звіті, тільки певним чином була розширена їх географія. Збільшилася і кількість відвідувачів в уповноваженого (480). Доповнюючи попередню інформацію, І. Ромер вказував, що єпископи Антоній і Макарій відвідували його у зв'язку з обговоренням питання возз'єднання греко-католиків з православною церквою (ДАЗО 5: 6).

Найбільш цінний матеріал міститься у п'ятому розділі та стосується діяльності православної церкви. На кінець 1947 р. уповноваженим було зареєстровано 190 приходських храмів та на кожний із них складено облікову картку. Тільки 19 храмів були зведені із цегли, 55 – із каменю чи саманного матеріалу, інші ж 116 були дерев'яними (ДАЗО 5: 7). В області діяло 13 монастирів і скитів, п'ять скитів було зареєстровано уповноваженим як приходські храми (Колесарево, Іза, Приборжавське, Драгово, Горбки). Загальна кількість насельників в обителях складала 293 особи, в тому числі 89 ченців та 204 черниць. Описуючи становище православного духовенства, уповноважений наголосив, що 1 грудня 1947 р. помер «известный в Закарпатье архимандрит Алексей Кабалюк, один из старых деятелей ("столпов") того православного движения в Закарпатье, которое правительством тогдашней Австро-Венгрии рассматривалось как "москвофильство" и как государственная измена» (ДАЗО 5: 12).

У звіті знаходимо аналіз вікового стану православного духовенства. Так, із 140 священників і 7 дияконів тільки 10 % були молодого віку, від 24 до 27 років, та отримали рукоположення в роки війни або в післявоєнні роки, 17 священників (12 %) були за віком за 55 років. Половина священства складала ченці, які працювали на приходах. Критичною була ситуація з освітнім рівнем духовенства. Тільки 29 священників мали середню освіту, 4 чол. – вищу, із них середню

богословську освіту мали 23 чол., а вищу богословську – 2 чол.: прот. Г. Станканинець та ігумен Василій (Пронін). Інше духовенство мало закінчену початкову школу та різні чернечі та пастирські курси, що проводилися на території єпархії (ДАЗО 5: 12).

Критично в звіті оцінено місіонерську роботу православного духовенства, яка, за словами уповноваженого, по суті була відсутньою. Головною причиною такої ситуації була слабкий освітній рівень духовенства. Для підсилення цього напрямку роботи екзархат відправив у розпорядження мукачівського єпископа двох протоієреїв – Дмитра Плахтеєва та Бориса Шулькевича. Досить непередбачувана реакція правлячого архієрея на їх приїзд – «приняты єпископом весьма неприязненно, он поспешил написать в управление экзархии, чтобы их отозвали» (ДАЗО 5: 15). Після приїзду згаданих священників при Мукачівському монастирі були організовані одномісячні місіонерські курси. Провал у місіонерській роботі уповноважений покладав на єпископа: «Епископ Нестор неоднократно высказывался в том смысле, что в ускорении процесса воссоединения униатов с православными решающим фактором является не миссионерская деятельность среди униатов, которая может дать ощутимые результаты через десятки лет, а прямое вмешательство со стороны советской власти» (ДАЗО 5: 15).

Важливі для нас спостереження уповноваженого щодо релігійності населення та проведення обрядів. Доповнюючи попередні звіти, І. Ромер наводить цікавий приклад, що відбувся з ним у с. Троник на Виноградівщині. 19 жовтня 1947 р. уповноважений прибув зранку в село для проведення загальних зборів сільської партійної організації. Однак виявилось, що всі комуністи на чолі з секретарем парторганізації знаходяться в храмі на богослужінні. Таким чином, що розпочати збори, чиновник мусив дочекатися завершення літургії.

Протягом 1947 р. в православних храмах Закарпатської області було здійснено 4 818 хрещень, 1 528 вінчань та 2 610 похоронів. Особливо уповноваженого турбував ріст хрещень. Він наводив наступні цифри: в області природній приріст населення складав від 1,5 до 2 %, то відповідно, число хрещених дітей у 1947 р. мало складати від 1 800 до 2 400 осіб. У зв'язку з тим, що хрещень було на багато більше, відповідно І. Ромер робив висновок, що близько половини хрещених – це діти, що народилися раніше, підлітки та дорослі вірники (ДАЗО 5: 22).

Проаналізований звіт за 1947 р. був заслуханий на засіданні ради у справах РПЦ в Києві. У фонді Р-195 виявлено виписку із протоколу засідання Ради та відповідні рішення. Звіт було ухвалено та прийняті кілька важливих рішень. Зокрема, з метою посилення

процесу воз'єднання греко-католиків з православним в Закарпатті було ухвалено два варіанти міроприємств: 1) Включити в місіонерську роботу, крім єпископа Нестора, також Львівського архієпископа Макарія (періодичні виїзди з метою проповіді, звернення і т.д.). З цією метою єпископ Нестор спільно з архієпископом Макарієм повинні були розробити план місіонерської роботи, із затвердженням митрополита Іоанна. Патріархія ж мала виділити окремий грошовий фонд на місіонерську роботу. Згадані міроприємства повинні були закінчитися до Великого посту. 2) Внаслідок того, що серед певної частини православного духовенства з'явилися несприятливі відносини до єпископа Нестора, пропонувалося його перевести в іншу єпархії (в м. Чернівці), а на його місце тимчасово направити із м. Станіславів єпископа Антонія (Пельвецького), залишивши за ним, як економічну базу також і Станіславську єпархію (ДАЗО 5: 31). Крім того, члени ради пропонували митрополиту Іоанну направити в Закарпаття кількох кваліфікованих, з богословською і середньою богословською освітою священників для місіонерської роботи серед греко-католиків. Окремо йшлося про Львівський «Єпархіальний вісник», котрий передбачалося перетворити на міжєпархіальне видання та використовувати й для потреб місіонерської роботи на Закарпатті (ДАЗО 5: 32).

15 березня 1948 р. уповноважений Ради у справах РПЦ підготував звіт за 1 квартал, вказуючи, що переходить на роботу в іншу область. Аналізуючи роботу місіонерських курсів при єпархіальному управлінні, І. Ромер зазначає, що вони не досягли бажаного результату. Головною причиною цього став неправильний підбір слухачів. Хід місіонерської роботи в області уповноважений оцінював також не дуже схвально. «Православные священники уклоняются от этой деятельности. В этом отношении успешно действуют отнюдь не духовные лица» (ДАЗО 5: 37). Активістами в передачі храмів, згідно звіту, виступали сільські активісти, часто голови і секретарі сільських рад, секретарі парторганізацій. Серед головних подій, які відбулися на початку року, це в першу чергу було переміщення єпископа Нестора на Курську єпархію (ДАЗО 5: 36).

Матеріали фонду Р-195 доповнює інформація, виявлена нами в обласному та окремих окружних партійних фондах. У описі № 1 фонду П-1 виявлено піврічні та річні звіти уповноваженого Ради у справах РПЦ на ім'я голови облвиконкому та секретаря обкому КП(б) У (ДАЗО 1: 15–46). Звіти в цілому дублюють факти, проаналізований нами вище. Однак, іноді знаходимо й нові дані, що розкривають окремі аспекти історії православної церкви. Повідомляючи про рукоположення в священницький сан Я. Бабинця, уповноважений доповнює, що він закінчив 4 класи духовної семінарії в м. Бітоль

у Сербії. Крім Бабинця, в 1947 р. були посвячені у священний сан двоє осіб, котрі працювали на державній роботі. Це Іван Глеба, 1913 р. н., випускник семінарії, працював вчителем, та Олександр Рацин, 1916 р. н., працював фінінспектором в Мукачеві (ДАЗО 1: 38).

Важливі документи зберігається в раніше засекречених фондах Державного архіву Закарпатської області. Серед них фонди Р-194, П-1 та П-9. Наповнення цих фондових одиниць має свою специфіку та значно відрізняється від інших фондів. Гриф «таємно» та «цілком таємно» надає джерелам ще більшої важливості та унікальності. Обмежившись лише трьома роками історії Закарпатської області в складі УРСР, нам вдалося прослідкувати специфічні риси державної політики та розвитку православ'я. Вивчені документи згруповані в чотири групи: матеріали, що стосуються державної політики щодо церкви та місцевого уповноваженого у справах РПЦ; документи про зловживання місцевих органів влади, скарги представників духовенства та вірників; інформація щодо діяльності єпископа та монастирів; узагальнюючі звіти уповноважених. Виявлені факти дають можливість більш наближено відтворити розвиток православної церкви на Закарпатті та заповнити «білі плями» її історії.

ЛІТЕРАТУРА

Вісник 1945 - Вісник Народної Ради Закарпатської України. 1945. 1 травня. С. 114–115.

ДАЗО 1 - Державний архів Закарпатської області (далі – ДАЗО). Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 392. Информации, отчеты уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви, религиозных культов о работе, передаче православным греко-католического собора, наличии религиозных культов области (январь 1947 г. – январь 1948 г.). На 46 арк.

ДАЗО 2 - ДАЗО. Ф. П-9. Мукачевский окружной комитет КП(б)У. Оп. 1. Спр. 47. Справки и отчеты о проведении политико-массовой работы в округе, о ликвидации неграмотности и малограмотности. О колхозном строе сельского хозяйства и другое (2 марта 1948 г. – 3 ноября 1948 г.). На 33 арк.

ДАЗО 3 - ДАЗО. Ф. Р-195. Виконавчий комітет Закарпатської обласної Ради депутатів трудящих. Оп. 1. Спр. 18. Переписка с Советом Министров СССР, УССР по вопросам работы православной церкви (религиозных культов области) (30 марта 1946 г. – 31 декабря 1946 г.). На 72 арк.

ДАЗО 4 - ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 1. Спр. 51. Переписка с уполномоченным Советом по делам православной церкви при Совете Министров Украинской ССР по вопросам работы религиозных культов области (18 января 1947 г. – 26 декабря 1947 г.). На 142 арк.

ДАЗО 5 - ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 1. Спр. 92. Переписка с Советом по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, УССР о работе религиозных культов области (3 января 1948 г. – 28 сентября 1948 г.). На 129 арк.

ДАЗО 6 - ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 1. Спр. 93. Переписка с уполномоченным Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, УССР, с исполкомами городских, окружных Советов депутатов трудящихся о работе религиозных культов в области (20 января 1948 г. – 27 декабря 1948 г.). На 156 арк.

ДАЗО 7 - ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 4. Спр. 29. Переписка с Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и уполномоченным Совета по делам религиозных культов по УССР, с исполкомами окружных и городских Советов депутатов трудящихся о работе религиозных культов. Квартальные статистические и информационные отчеты по этим вопросам (3 января 1949 г. – 19 декабря 1949 г.). На 191 арк.

ДАЗО 8 - ДАЗО. Ф. Р-544. Уповноваженого Ради у справах Руської православної церкви при Раді Міністрів СРСР по Закарпатській області. Оп. 2. Спр. 2. Сведения о количестве православных церквей, православных священников и верующих по Закарпатской области (7.02.1946 г.). На 2 арк.

ДАЗО 9 - ДАЗО. Ф. Р-1490. Уповноваженого Ради у справах релігійних культів по Закарпатській області. Оп. 4 д. Спр. 2. Доповідна записка, звіти про становище православної церкви на Закарпатті, відомості про православні церкви і монастирі за 1947 рік. На 28 арк.

Данилець 2015 - *Данилець Ю.* Трансформації в житті православної церкви на Закарпатті в 1939–1945 гг. // Русин. 2015. № 2 (40). С. 61–79.

Данилець, Міщанин 2013а - *Данилець Ю., Міщанин В.* Православна церква на Закарпатті в умовах становлення радянської влади (1944–1950 рр.) // Русин. 2013. № 4 (34). С. 88–112.

Данилець, Міщанин 2013б - *Данилець Ю., Міщанин В.* Православна церква на Закарпатті в часи «сталінщини» (1946–1953 рр.) // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія / Міністерство освіти і науки, молоді та спорту України; Державний вищий навчальний заклад «Ужгородський національний університет»; [Редкол.: М. Вегеш (голова) та ін.]. Ужгород: Вид-во УжНУ «Говерла», 2013. Вип. 1 (30). С. 46–56.

REFERENCES

Visnyk Narodni' Rady Zakarpats'koi' Ukraïny (1945). 1st May. pp.114-115 (In Ukrainian).

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund P-1. List 1. File 392.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund P-1. List 1. File 392.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund P-9. List 1. File 47.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund R-195. List 1. File 18.
The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund R-195. List 1. File 51.
The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund R-195. List 1. File 92.
The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund R-195. List 1. File 93.
The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund R-195. List 4. File 29.
The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund R-544. List 2. File 2.
The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund R-1490. List 4s. File 2.

Danilets, Yu. (2015) Transformation in the life of Orthodox Church in the Carpathian region in 1939–1945]. *Rusin*. 2 (40). pp. 61-79 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/40/5

Danilets, Yu. & Mishchanyn, V. (2013) The Orthodox Church in Transcarpathia in the conditions of the establishment of Soviet power in 1944–1950. *Rusin*. 4 (34). pp. 88-112 (In Ukrainian).

Danilets, Yu. & Mishchanyn, V. (2013) Pravoslavna tserkva na Zakarpatti v chasi "stalinshchini" (1946–1953 rr.) [The Orthodox Church in Transcarpathia in times of "Stalinism" (1946–1953)]. *Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo universitetu. Seriya: Istoriya*. 1 (30). pp. 46-56.

Данилец Юрий Васильевич – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Державного вищого навчального закладу «Ужгородський національний університет» (Україна).

Данилец Юрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Украина).

Danilets Yuriy - Uzhhorod National University (Ukraine).

E-mail: jurijdanilec@rambler

УДК 327.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/15

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.П. Зиновьев¹, Е.Ф. Троицкий²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: vpz@tsu.ru

²E-mail: eft@rambler.ru

Авторское резюме

Выделяются основные этапы развития евразийской экономической интеграции, рассматриваются ее институциональные формы, определяются ключевые проблемы, препятствующие консолидации Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Рассмотрен в целом негативный опыт 1990-х гг., когда потерпел неудачу целый ряд попыток запустить процесс экономической интеграции на постсоветском пространстве. Отмечается, что в 2000-е гг. российское руководство секьюритизировало проблематику евразийской интеграции, вписав ее в контекст задач по обеспечению национальной безопасности России, что в сочетании с благоприятной экономической конъюнктурой позволило добиться осязаемых результатов – прежде всего, создать реально действующий Таможенный союз России, Казахстана и Белоруссии. С 2015 г. евразийская экономическая интеграция обрела новую форму: был создан Евразийский экономический союз. Однако, несмотря на институциональную перестройку, фактически интеграционный процесс застопорился на стадии Таможенного союза. Основной риск, с которым сталкивается ЕАЭС, – выхолащивание интеграции, трансформация Союза в конструкцию, называемую в неолиберальной теории международных отношений «режим мертвой буквы». Эту категорию международных режимов отличает высокая формализация принципов, норм, правил и процедур принятия решений в сочетании с низкими ожиданиями акторов, что нормы действительно будут соблюдаться. Пока что ожидания участников ЕАЭС от созданной организации скорее расходятся, чем сближаются, что заставляет задуматься о возможном воспроизведении – на новом витке истории – ситуации второй половины 1990-х гг. Угроза упустить шанс на

консолидацию ядра пока еще сохраняющейся постсоветской славяно-тюркской общности более чем реальна.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз, Единое экономическое пространство.

EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION: EVOLUTION, PROBLEMS AND PROSPECTS

V.P. Zinovyev¹, E.F. Troitskiy²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail:vpz@tsu.ru

²E-mail: eft@rambler.ru

Abstract

The paper focuses on the major stages of Eurasian economic integration, its institutional forms and key obstacles on the way to the consolidation of the Eurasian Economic Union. The authors analyse the negative experience of the 1990s when a number of attempts to launch the post-Soviet economic integration failed. They also argue that in the 2000s the Russian leadership securitised the problems of Eurasian integration through considering it among the Russian national security efforts, which, along with favorable economic conditions, brought about some tangible results, in particular the Customs Union of Russia, Belarus, and Kazakhstan. In 2015, the Eurasian Economic Union (EAEU) became a new framework for Eurasian economic integration. However, despite the institutional changes, the integration has not moved beyond the Customs Union. The EAEU may become a so-called “dead-letter regime”, an organizational structure marked with a high degree of formalization of relevant principles, norms, rules and decision-making procedures coupled with the actors’ low expectations that the above-mentioned norms would be observed. The EAEU member states’ expectations for their organization tend to diverge rather than to converge, so far, which makes it possible to conclude that the situation of the late 1990s might be reproduced at the new turn of history. There is a high risk of losing a chance to consolidate the core of the still viable Slavic-Turkic community.

Keywords: Eurasian Economic Union, Eurasian Economic Community, Customs Union, Joint Economic Space.

Становление многополярной системы международных отношений, являющееся основной тенденцией современного этапа мирового развития, вступило в решающую стадию, на которой определяется геополитическая, геоэкономическая и культурно-цивилизационная структуры нового мироустройства. В ближайшие годы определится, какие государства и межгосударственные объединения закрепят за собой статус полюсов международной системы, и какое соотношение сил сложится между ними. Соответственно, для современного состояния международных отношений характерны резкое обострение геополитической борьбы, усугубление геоэкономического и социального неравенства, появление новых зон культурно-цивилизационных противоречий, рост международной и внутригосударственной конфликтности.

Основная задача внешней политики Российской Федерации в этих условиях состоит в закреплении за Россией положения одного из полюсов нового международного политического и экономического порядка, альтернативой которому является превращение страны в политическую, экономическую и цивилизационную периферию. Фактически речь идет о сохранении за Россией статуса великой державы и ее культурно-цивилизационной самобытности. Решение этой задачи требует как формирования альянсов и коалиций с другими центрами (Китаем, Индией, Бразилией, Ираном), чем неустанно, хотя и с переменным успехом занимается российская дипломатия, так и создания вокруг России пояса дружественных, стабильных государств, учитывающих во внешней и внутренней политике интересы Российской Федерации.

Консолидация и развитие Евразийского экономического союза (ЕАЭС), созданного в 2015 г. объединением России, Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии, являются в этой связи приоритетом внешней политики России, имеющим в равной мере геополитическое и экономическое значение (Концепция 2013). Цель настоящей статьи – раскрыть факторы формирования ЕАЭС, выделить основные этапы развития евразийской экономической интеграции, определить ключевые проблемы, препятствующие консолидации ЕАЭС.

В начале 1990-х гг. отправной точкой российской политики в отношении стран СНГ стало стремление сократить экономические обязательства на постсоветском пространстве. Внешняя политика России в 1992–1993 гг. была сфокусирована на отношениях с США и странами Западной Европы: так, министр иностранных дел А.В. Козырев видел в странах Запада «естественных союзников России» (Козырев 1992), а вхождение «в семью наиболее развитых демократических государств», соответственно, рассматривал как основной приоритет

российской внешней политики (Russia 1997: 78). Известно, что еще в декабре 1991 г., накануне встречи в Беловежской Пуще, советники рекомендовали Б.Н. Ельцину «отцепить вагоны» – «освободиться» от союзных республик (Бурлацкий 1993). Ежегодный объем субсидирования республик из российского бюджета составлял в конце 1980-х гг. более 50 млрд долларов (Хрусталева 1994: 5).

В условиях экономического кризиса и начала рыночных реформ в России сокращение бремени экономического донорства было, несомненно, необходимым. Однако у российского руководства отсутствовали сколько-нибудь четкие представления о том, каким образом должно было происходить становление новых хозяйственных связей со странами СНГ и как российские военно-политические интересы на постсоветском пространстве соотносятся с экономическими. Надежды возлагались на становление между странами СНГ естественных связей, которые будут «гораздо прочнее, чем оковы тоталитарной системы» (Козырев 1992).

Безусловно, российское руководство, столкнувшись с необходимостью выстраивания отношений с бывшими союзными республиками, вынуждено было действовать в очень сложных условиях. Оно не могло опереться на внешнеполитическую традицию, готовые концептуальные наработки и подготовленные дипломатические кадры. Однако отсутствовало осознание фундаментальной важности связей с бывшими союзными республиками и необходимости выработки стратегических ориентиров политики на постсоветском пространстве. Хотя в публичных заявлениях А.В. Козырев подчеркивал приоритетность СНГ для российской внешней политики, этот тезис находился в явном несоответствии с политической практикой.

Действия, предпринимавшиеся Россией в отношении стран Центральной Азии, отражали общее восприятие ближнего зарубежья и неупорядоченные попытки одновременно наладить многостороннее сотрудничество в рамках СНГ и избавиться от излишнего экономического и военно-политического бремени. Ряд многосторонних соглашений, заключенных в 1992–1993 гг., предусматривал существование единой денежной системы («рублевой зоны нового типа») и проведение согласованной экономической политики (Шишков 2001: 392–394). Все страны СНГ, кроме Украины, присоединились к Договору о создании Экономического союза, подписанному в сентябре 1993 г., который предполагал поэтапную интеграцию стран-участниц: образование зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка и валютного союза (Договор 1993). Однако в российском руководстве возобладала точка зрения сторонников полного обособления российской финансовой системы, сосредоточенных в министерствах

финансов, экономики и внешних экономических связей и поддержанных Международным валютным фондом. Казахстану и Узбекистану, крупнейшим странам, которые к осени 1993 г. продолжали использовать советский рубль, были предложены неприемлемо жесткие условия пребывания в «рублевой зоне нового типа» и предоставления российских рублей. Одновременное введение в ноябре 1993 г. Казахстаном и Узбекистаном национальных валют ознаменовало крах попыток сохранения единой денежной системы в рамках СНГ.

К 1994 г. наметились хрупкие предпосылки для активизации политики России на постсоветском пространстве. Успех Либерально-демократической партии на первых выборах в Государственную Думу показал, что значительная часть избирателей настроена в поддержку более наступательной и независимой внешней политики. В российской политической элите накопились разочарование и недовольство политикой США и ведущих стран Запада в отношении России – прежде всего, объемами и условиями предоставления экономической помощи, сохранением торговых ограничений, курсом на расширение НАТО и критикой российских миротворческих операций в странах СНГ. Российское руководство стало более трезво оценивать соотношение интересов России и США на постсоветском пространстве: если в 1993 г. провозглашалось, что «ведущие демократические государства мира заинтересованы в обеспечении стабильности на геополитическом пространстве бывшего СССР и признают роль России и ее политики в поддержании такой стабильности» (Концепция 1993: 26), то уже в апреле 1994 г. президент Б.Н. Ельцин констатировал, что «Запад искусственно обостряет» отношения России со странами СНГ (Ельцин 1994). В сентябре 1994 г. был опубликован открытый доклад Службы внешней разведки России, содержавший развернутое обоснование необходимости реинтеграции в СНГ и критику политики стран Запада, направленной на консервацию фрагментированного состояния постсоветского пространства (Примаков 1994).

В то же время продолжавшийся экономический спад ослаблял позиции России в мире и существенно ограничивал ее внешнеполитические возможности. Война в Чечне, начавшаяся в декабре 1994 г., продемонстрировала невысокую способность России к эффективному применению военной силы и кризисное состояние ее вооруженных сил. Действия российских ведомств в ближнем зарубежье оставались слабо скоординированными: Министерство иностранных дел (МИД), Министерство обороны, ставшая самостоятельной структурой Федеральная пограничная служба (ФПС) и Министерство по сотрудничеству с государствами – участниками СНГ, созданное на базе соответствующего госкомитета в январе 1994 г., зачастую конкурировали

друг с другом. Возросло влияние на внешнюю политику «Газпрома» и ведущих нефтяных компаний.

Попытки экономической интеграции в рамках СНГ были продолжены подписанием в апреле 1994 г. Соглашения о создании зоны свободной торговли и образованием в сентябре 1994 г. Межгосударственного экономического комитета (МЭК), ставшего первым органом СНГ, в котором решения принимались не единогласно, а большинством голосов на основе взвешенного голосования (Соглашение 1994). Однако формирование зоны свободной торговли затянулось на неопределенный срок, а полномочия МЭК оказались столь узкими, что его наднациональный статус обратился в фикцию.

В январе 1995 г. было заключено российско-белорусское соглашение о таможенном союзе, к которому в том же месяце присоединился Казахстан (Соглашение 1995). Москва и Алма-Ата заключили Протокол о введении режима свободной торговли и Соглашение о едином порядке регулирования внешнеэкономической деятельности. Хотя на практике подписанные документы, требовавшие для своей реализации заключения множества конкретных договоренностей и принятия соответствующих национальных правовых актов, не действовали, ими фиксировались политические приоритеты и обеспечивалась интенсификация межправительственных и межведомственных взаимодействий между сторонами.

В конце 1995 – первой половине 1996 г. на российской политике в ближнем зарубежье стал сказываться фактор приближавшихся президентских выборов. Усилилось внимание к странам СНГ высшего политического руководства России, стремившегося ослабить позиции Коммунистической партии, традиционно выступавшей за реинтеграцию постсоветского пространства и обвинявшей Б.Н. Ельцина в разрушении Советского Союза и неспособности обуздать центробежные тенденции в СНГ. В сентябре 1995 г. указом президента была впервые утверждена концепция политики РФ на постсоветском пространстве – «Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств». В документе провозглашалось, что в отношениях со странами СНГ Россия будет стремиться к «созданию интегрированного экономического и политического объединения государств», но предусматривалось «оптимальное сочетание» многосторонних и двусторонних форм отношений и опора на модель «разноскоростной интеграции», открывающей возможность для проведения более гибкой и учитывающей специфику регионов и стран СНГ политики (Стратегический курс 1995). Подтверждалась координирующая роль МИД в осуществлении политики в ближнем зарубежье. В январе 1996 г. министром иностранных дел РФ был

назначен Е.М. Примаков, имевший ясное понимание первостепенной важности отношений со странами СНГ для России. Новый министр полагал, что укрепление позиций России на постсоветском пространстве является необходимым условием утверждения ее в качестве великой державы и одного из полюсов формирующегося «многополярного мира» (Примаков 1996).

Приближение президентских выборов, сопровождавшееся консолидацией российской политической и экономической элиты вокруг задачи переизбрания Б.Н. Ельцина на второй срок, и назначение главой МИД Е.М. Примакова, пользовавшегося авторитетом в стране и за рубежом, дали новый импульс российской политике в ближнем зарубежье. В марте 1996 г. Киргизия присоединилась к Таможенному союзу России, Белоруссии и Казахстана, после чего четыре страны-участницы подписали новый договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, предусматривавший завершение создания единой таможенной территории в течение 1996 г. и реализацию широкого круга амбициозных интеграционных задач, в том числе перехода к проведению согласованной структурной, денежно-кредитной и социальной политики (Договор 1996).

Однако импульс, данный российской политике в ближнем зарубежье благоприятным стечением обстоятельств в 1996 г., не удалось трансформировать в тенденцию. Страны СНГ оставались полем деятельности различных российских ведомств, зачастую игнорировавших необходимость координации своих действий с МИД. За переизбранием Б.Н. Ельцина на второй президентский срок последовали усиление влияния на внутреннюю и внешнюю политику крупнейших финансово-промышленных групп и новый виток борьбы за власть в российской политической элите. Фактически самостоятельную линию проводило руководство «Газпрома». Администрация президента стала одновременно основным проводником воздействия финансовых и бюрократических группировок на руководство страны и альтернативным МИД источником формирования внешней политики. Президентский контроль над внешней политикой, который и ранее не осуществлялся постоянным и системным образом, превратился в ряд спонтанных и sporadических вмешательств.

В результате многосторонние структуры, объединявшие Россию и страны СНГ, оставались во второй половине 1990-х бездейственными. Призрачное существование влачил Таможенный союз, в котором к концу 1990-х гг. не произошло ни стандартизации тарифов, ни введения единой таможенной декларации, ни достижения согласия по ключевому вопросу о взимании налога на добавленную стоимость по месту производства или назначения товаров (Шишков 2001: 430–437).

Финансово-экономический кризис, поразивший Россию в августе 1998 г., нанес серьезный удар по экономике стран СНГ и российским позициям на постсоветском пространстве. Падение производства и кризис банковской системы в России и странах СНГ привели к снижению объемов взаимной торговли и трудностям в обеспечении платежей. В условиях девальвации рубля ряд стран прибег к жестким административным мерам защиты внутренних рынков от потерявшего в цене российского экспорта; так, Казахстан ввел с начала 1999 г. ограничения на импорт из РФ целого ряда пищевых продуктов. Поскольку рубль претерпел более глубокую девальвацию, чем валюты большинства стран СНГ, было подорвано его значение как общего средства взаиморасчетов.

Кризис 1998 г. высветил высокую степень зависимости России от конъюнктуры мировых цен на нефть и уязвимость ее позиций на международной арене. В условиях охватившего постсоветское пространство экономического спада возглавляемые Россией структуры СНГ и Таможенного союза в очередной раз продемонстрировали недееспособность. В странах СНГ упал авторитет России и усилились сомнения в ее способности обеспечивать выполнение своих военно-политических обязательств. Ситуация усугублялась политической нестабильностью в России, связанной с приближающимся концом президентского срока Б.Н. Ельцина и обострением борьбы бюрократических и финансово-олигархических группировок за влияние на окружение президента, выбор его преемника и определение условий передачи власти. Кадровая чехарда и реорганизация Министерства по делам сотрудничества с государствами – участниками СНГ, упраздненного в апреле 1998 г. и воссозданного полгода спустя, неблагоприятно сказались на российской политике в ближнем зарубежье. На свойственный ей невысокий уровень межведомственной координации наложились соперничество и взаимная неприязнь Е.М. Примакова, назначенного в августе 1998 г. главой правительства, и исполнительного секретаря СНГ Б.А. Березовского, который, пользуясь значительным влиянием в окружении президента, пытался проводить в отношениях со странами СНГ самостоятельную политическую линию.

Лишь с конца 1999–2000 г. внутренние условия формирования и осуществления российской внешней политики стали меняться в благоприятную сторону. С назначением В.В. Путина председателем правительства и последующим избранием его президентом начались укрепление исполнительной власти и последовательное усиление влияния государственного аппарата на крупный бизнес. Противоборство бюрократических и финансово-олигархических группировок

стало в возрастающей степени регулироваться высшим политическим руководством и значительно меньше затрагивать сферу внешней политики, контроль над которой реально сосредоточился в руках главы государства. Экономический рост и повышение мировых цен на нефть расширяли ресурсную базу российской внешней политики.

Новое руководство страны поставило проблематику безопасности в центр политики в ближнем зарубежье. «Обеспечение соответствия многостороннего и двустороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ задачам национальной безопасности страны» было признано одним из приоритетов внешней политики России (Концепция внешней политики 2000: 116), а «ослабление интеграционных процессов в СНГ» отнесено к основным внешним угрозам российской безопасности (Концепция национальной безопасности 2000: 79). Проблематика экономической интеграции была секьюритизирована: она стала рассматриваться в свете обеспечения национальной безопасности.

Российским руководством были приложены усилия к реанимации многостороннего экономического сотрудничества. В мае 2000 г. на встрече глав государств таможенного союза было принято решение о создании на базе договоров, заключенных в рамках этого объединения, международной организации. В октябре 2000 г. Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан подписали Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Документ, подтверждая поставленные в договорах и соглашениях 1990-х гг. цели, ввел в Интеграционном комитете новую систему принятия решений: квалифицированным большинством при взвешенном голосовании (Договор 2000).

В первой половине 2000-х гг. в экономической сфере российское руководство пыталось параллельно осуществлять два интеграционных проекта. В ЕврАзЭС была в целом сформирована зона свободной торговли и предоставлен многосторонний безвизовый режим поездок граждан. В апреле 2003 г. была принята амбициозная программа развития ЕврАзЭС, предусматривавшая создание таможенного союза, формирование единого энергетического рынка, общего рынка капиталов и транспортного союза, проведение скоординированной аграрной политики. Предполагалось полностью унифицировать ставки таможенных тарифов стран ЕврАзЭС и разработать согласованные условия их вступления в ВТО; в отдаленной перспективе намечалось даже введение единой валюты (Приоритетные направления 2003). В то же время российское руководство сознавало, что «многие аспекты деятельности ЕврАзЭС еще не имеют под собой необходимого фундамента» (Путин 2003), и реальных результатов

деятельности сообщества, учитывая разрыв в уровне и характере экономического развития между Россией, Беларуссией и Казахстаном, с одной стороны, и Киргизией и Таджикистаном – с другой, придется дожидаться долгое время. В 2003–2004 гг. усилия России сосредоточились на попытке создания Единого экономического пространства (ЕЭП) с Украиной, Беларуссией и Казахстаном, в рамках которого предусматривались ускоренное объединение стран в таможенный союз, реализация принципа свободного передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и проведение скоординированной макроэкономической политики.

Уже к середине 2000-х гг. деятельность ЕврАзЭС столкнулась с объективными трудностями экономической интеграции в рамках сообщества, объединявшего страны с различными уровнями экономического и социального развития и структурами национальных хозяйств. Формат ЕврАзЭС не справился с решением поставленной в 2003 г. задачи разработки в течение двух-трех лет нормативно-правовой базы для формирования таможенного союза. Неудача постигла и попытку создать в рамках ЕврАзЭС водно-энергетический консорциум – инструмент согласования интересов и политики центральноазиатских стран-участниц в сферах водопользования и обмена энергоресурсами.

После «оранжевой революции» на Украине новые украинские власти поставили крест на проекте создания ЕЭП с участием Киева, и приоритеты российской политики в сфере экономической интеграции на постсоветском пространстве сместились в сторону формирования таможенного союза с Беларуссией и Казахстаном. В августе 2006 г. на встрече глав государств ЕврАзЭС было принято решение, предусматривавшее, что первоначально в сообществе будет образован российско-белорусско-казахстанский Таможенный союз, а впоследствии, по мере готовности, произойдет присоединение к интеграционному «ядру» остальных стран. Формально обозначив, что Таможенный союз создается в рамках ЕврАзЭС, это решение на практике означало размежевание между экономически и социально более развитыми Россией, Беларуссией и Казахстаном и значительно уступающими им в этом плане Киргизией и Таджикистаном (Узбекистан, будучи в 2006–2008 гг. членом ЕврАзЭС, принимал в деятельности организации крайне ограниченное участие). В 2007–2009 гг. были согласованы и подписаны многочисленные документы, составлявшие договорно-правовую базу трехстороннего Таможенного союза, в феврале 2009 г. приступил к работе наднациональный исполнительный орган – Комиссия Таможенного союза (Договор 2007). С 1 января 2010 г., со вступлением в силу единого таможенного тарифа,

началось реальное функционирование союза, хотя и с многочисленными исключениями и изъятиями. Заключительным шагом в создании единой таможенной территории стало упразднение с 1 июля 2011 г. таможенного контроля на российско-казахстанской границе.

В декабре 2009 г. президенты России, Казахстана и Белоруссии приняли заявление о создании Единого экономического пространства трех стран и согласовали соответствующий план действий (План 2009). В 2010–2011 гг. был разработан и подписан ряд межгосударственных соглашений, в том числе о согласованной макроэкономической политике, единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий, единых правилах поддержки промышленности и сельского хозяйства. Единое экономическое пространство трех государств начало действовать с 1 января 2012 г., а функции управления Таможенным союзом были переданы новому наднациональному органу – Евразийской экономической комиссии.

С 1 января 2015 г. евразийская экономическая интеграция в очередной раз обрела новую форму: был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС), к которому присоединились, помимо трех государств-учредителей, Армения и Киргизия (Договор 2014). Одновременно было упразднено ЕврАзЭС.

Однако, несмотря на институциональную перестройку, фактически интеграционный процесс в 2014–2016 гг. застопорился, а основным реальным свидетельством функционирования ЕАЭС остается созданный в начале 2010-х гг. Таможенный союз. Создание и начало деятельности ЕАЭС совпали с резким ростом международной напряженности, проявившимся прежде всего в «санкционной войне» между США и ЕС и Россией, и падением цен на нефть, приведшим к экономическому спаду в странах ЕАЭС и девальвации их валют. Одновременно давление на ЕАЭС начала оказывать китайская инициатива создания Экономического пояса Шелкового пути, совместимость которой с интеграцией в рамках ЕАЭС вызывает, несмотря на громкие официальные заявления о сопряжении двух проектов, немало сомнений.

Ведущие партнеры РФ по ЕАЭС, Белоруссия и Казахстан, не поддерживали Москву по ключевым для России проблемам Крыма, Восточной Украины, отношений с США, ЕС и НАТО. Только Армения поддержала Москву во время кризиса в российско-турецких отношениях, разразившегося в ноябре 2015 г. Яркой демонстрацией разобщенности стран ЕАЭС стал отказ Астаны, Бишкека и Минска проводить плановую встречу глав правительств ЕАЭС в Ереване в связи со вспышкой конфликта в Нагорном Карабахе в апреле 2016 г., чтобы избежать даже намек на солидарность с Арменией.

Страны ЕАЭС разделяют не только несовпадающие подходы к острейшим проблемам мировой и региональной политики. Сферой противоречий являются перспективы создания общего рынка нефти и газа и равного доступа к транзитным трубопроводам: Белоруссия и Казахстан настаивают на ускорении этого процесса, а Россия склонна затянуть его до начала 2020-х гг. Казахстан противится распространению интеграции на гуманитарную сферу, настаивая на более узкой и буквальной интерпретации Договора о ЕАЭС. Отказ переживающей финансовые трудности России инвестировать в строительство Камбаратинских ГЭС вызвал острое разочарование в Бишкеке, не получившем от членства в ЕАЭС ожидаемых финансовых дивидендов.

Основной риск, с которым сталкивается ЕАЭС, – выхолащивание интеграции, трансформация Союза в конструкцию, называемую в неолиберальной теории международных отношений режимом мертвой буквы. Эту категорию международных режимов отличает высокая формализация принципов, норм, правил и процедур принятия решений в сочетании с низкими ожиданиями акторов, что нормы действительно будут соблюдаться (Regime Consequences 2004: 195). Пока что ожидания участников ЕАЭС от созданной организации скорее расходятся, чем сближаются, что заставляет задуматься о возможном воспроизведении – на новом витке истории – ситуации второй половины 1990-х гг. Угроза упустить очередной шанс на консолидацию ядра пока еще сохраняющейся постсоветской славяно-тюркской общности более чем реальна.

ЛИТЕРАТУРА

Бурлацкий 1993 - *Бурлацкий Ф.М.* Евразийский дом без Казахстана? // Независимая газета. 1993. 22 июля.

Договор 1993 - Договор о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 г. / В.П. Зиновьев, Е.Ф. Троицкий // Страны СНГ и Балтии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 313–322.

Договор 1996 - Договор между Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. URL: <http://pravo.kulichki.com/zak/megd/megd02806.htm> (дата обращения: 15.07.2016).

Договор 2000 - Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. // Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2003. Т. 4: Документы. 1945–2003. М.: НОФМО, 2004. С. 551–554.

Договор 2007 - Договор о Комиссии таможенного союза от 6 октября 2007 г. URL: <http://tsouz.ru/AboutKTS/Pages/37.aspx> (дата обращения: 15.07.2016).

Договор 2014 - Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 15.07.2016).

Ельцин 1994 - *Ельцин Б.Н.* Выступление на встрече с руководством и сотрудниками Федеральной службы внешней разведки // Российская газета. 1994. 29 апр.

Козырев 1992 - *Козырев А.В.* Преображенная Россия в новом мире // Известия. 1992. 2 янв.

Концепция 1993 - Концепция внешней политики Российской Федерации. Апрель 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Т. 4: Документы. М.: МГИМО (У) МИД России, РАМИ, ИНО-Центр, 2002. С. 19–50.

Концепция 2013 - Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 15.07.2016).

Концепция внешней политики 2000 - Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Т. 4: Документы. М.: МГИМО (У) МИД России, РАМИ, ИНО-Центр, 2002. С. 109–122.

Концепция национальной безопасности 2000 - Концепция национальной безопасности Российской Федерации от 10 января 2000 г. Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Т. 4: Документы. М.: МГИМО (У) МИД России, РАМИ, ИНО-Центр, 2002. С. 75–90.

План 2009 - План действий по формированию единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации на 2010–2011 гг. URL: http://www.tsouz.ru/MGS/MGS_Extra/Pages/reshenie_extra_plan.aspx (дата обращения: 15.07.2016).

Примаков 1994 - *Примаков Е.М.* Россия – СНГ: нуждается ли в корректировке позиция Запада? // Российская газета. 1994. 22 сент.

Примаков 1996 - *Примаков Е.М.* Россия ищет новое место в мире // Известия. 1996. 6 марта.

Приоритетные направления 2003 - Приоритетные направления развития ЕврАзЭС на 2003–2006 гг. // Информационный бюллетень ЕврАзЭС. 2003. № 5. С. 102–107.

Путин 2003 - *Путин В.В.* Выступление на заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС, 27 апреля 2003 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21980> (дата обращения: 15.07. 2016).

Соглашение 1994 - Соглашение о создании Межгосударственного экономического комитета Экономического союза от 21 октября 1994 г.

URL: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemi/dok_pertai.htm (дата обращения: 15.07.2016).

Соглашение 1995 - Соглашение о Таможенном союзе от 20 января 1995 года. URL: http://www.tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/Dogovor_20011995.aspx (дата обращения: 15.07.2016).

Стратегический курс 1995 - Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6Z29/content/id/427752 (дата обращения: 15.07.2016).

Хрусталеv 1994 - *Хрусталеv М.А.* Центральная Азия во внешней политике России. М.: МГИМО, 1994.

Шишков 2001 - *Шишков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: НП «III тысячелетие», 2001.

Regime Consequences 2004 - *Regime Consequences: Methodological Challenges and Research Strategies.* Dordrecht: Kluwer, 2004.

Russia 1997 - *Russia and the Commonwealth of Independent States: Documents, Data, and Analysis.* Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1997.

REFERENCES

Burlatskiy, F.M. (1993) *Evaziyskiy dom bez Kazakhstana?* [A Eurasian House without Kazakhstan?]. *Nezavisimaya gazeta*. 22nd Jul.

Zinovyev, V.P. & Troitskiy, E.F. (2009) *Strany SNG i Baltii* [Countries of the CIS and the Baltics]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 313-322.

Belarus. (1996) *Dogovor mezhdu Rossiyskoy Federatsiey, Respublikoy Belarus', Respublikoy Kazakhstan i Kirgizskoy Respublikoy ob uglublenii integrtsii v ekonomicheskoy i gumanitarnoy oblastiakh ot 29 marta 1996 goda* [Treaty among the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic of March 29, 1996 on further integration in economic and humanitarian spheres]. [Online]. Available from: <http://pravo.kulichki.com/zak/megd/meg02806.htm> (Accessed: 15th July 2016).

Bogaturov, A.D. (ed.) (2004) *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v chetyrekh tomakh. Sobytiya i dokumenty. 1918-2003* [Systems History of International Relations. In 4 vols. Events and Documents. 1918–2003]. Vol. 4. Moscow: NOFMO. pp. 551-554.

The Customs Union. (2007) *Dogovor o Komissii tamozhennogo soyuza ot 6 oktyabrya 2007 goda* [Treaty on the Commission of the Customs Union of October 6, 2007]. [Online]. Available from: <http://tsouz.ru/AboutKTS/Pages/37.aspx> (Accessed: 15th July 2016).

The EAEU. (2014) *Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze ot 29 maya 2014 goda* [Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014]. [Online].

Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (Accessed: 15th July 2016).

Eltsin, B.N. (1994) *Vystuplenie na vstreche s rukovodstvom i sotrudnikami Federal'noy sluzhby vneshney razvedki* [Statement at the meeting with the Administration and Staff of the Federal Foreign Intelligence Service]. *Rossiyskaya gazeta*. 29th April.

Kozyrev, A.V. (1992) *Preobrazhyonnaya Rossiya v novom mire* [A Transformed Russia in a New World]. *Izvestiya*. 3rd January.

Torkuniv, A.V. (ed.) (2002a) *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii, 1991 – 2002* [Contemporary Russian Foreign Policy and Security, 1991 – 2002]. Vol. 4. Moscow: Moscow State Institute of International Relations, RISA, ISE-Center. pp. 19-50.

Ministry of Foreign Affairs. (2013) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [Foreign Policy Concept of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/122186 (Accessed: 15th July 2016).

Torkuniv, A.V. (ed.) (2002b) *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii, 1991 – 2002* [Contemporary Russian Foreign Policy and Security, 1991 – 2002]. Vol. 4. Moscow: Moscow State Institute of International Relations, RISA, ISE-Center. pp. 109-122.

Torkuniv, A.V. (ed.) (2002c) *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii, 1991 – 2002* [Contemporary Russian Foreign Policy and Security, 1991 – 2002]. Vol. 4. Moscow: Moscow State Institute of International Relations, RISA, ISE-Center. pp. 75-90.

The Customs Union. (2009) *Plan deystviy po formirovaniyu edinogo ekonomicheskogo prostranstva Respubliki Belarus', Respubliki Kazakhstan i Rossiyskoy Federatsii na 2010 – 2011 gody* [Action Plan for Building the Joint Economic Space of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation for 2010–2011]. [Online] Available from: http://www.tsouz.ru/MGS/MGS_Extra/Pages/reshenie_extra_plan.aspx (Accessed: 15th July 2016).

Primakov, E.M. (1994) *Rossiya – SNG: nuzhdaetsya li v korrektyrovke pozitsiya Zapada?* [Russia and the CIS: Does the Position of the West Need Correcting?]. *Rossiyskaya gazeta*. 22nd September.

Primakov, E.M. (1996) *Rossiya ishchet novoe mesto v mire* [Russia Looks for a New Place in the World]. *Izvestiya*. 6th March.

EAEC. (2003) *Prioritetnye napravleniya razvitiya EvrAzES na 2003 – 2006 gg.* [Priorities of EurAsEC Development for 2003–2006]. *Informatsionnyi byulleten' EvrAzES*. 5. pp.102-107.

Putin, V.V. (2003) *Vystuplenie na zasedanii Mezhgosudarstvennogo soveta EvrAzES, 27 aprelya 2003 goda* [Remarks at the EurAsEC Summit, April 27, 2003]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21980> (Accessed: 15th July 2016).

The Republic of Kazakhstan. (1994) *Soglashenie o sozdanii Mezhgosudarstvennogo ekonomicheskogo Komiteta Ekonomicheskogo soyuza ot 21 oktyabrya 1994 goda* [Agreement on Establishment of the Inter-State Economic Committee of the Economic Union of October 21, 1994]. [Online] Available from: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemi/dok_pertai.htm (Accessed: 15th July 2016).

Customs Union. (1995) *Soglashenie o Tamozhennom soyuze ot 20 yanvarya 1995 goda* [Agreement on the Customs Union of January 20, 1995]. [Online] Available from: http://www.tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/Dogovor_20011995.aspx (Accessed: 15th July 2016).

Ministry of Foreign Affairs. (1995) *Strategicheskii kurs Rossii s gosudarstvennymi uchastnikami Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv* [Russia's Strategy towards the Commonwealth of Independent States]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/427752 (Accessed: 15th July 2016).

Khrustalyov, M.A. (1994) *Tsentrāl'naya Aziya vo vneshney politike Rossii* [Central Asia in Russian Foreign Policy]. Moscow: MSIR.

Shishkov, Yu.V. (2001) *Integratsionnye protsessy na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruyutsya strany SNG* [Integration Processes on the Threshold of the 21st Century. Why the CIS integration does not happen]. Moscow: III Tsyacheletie.

Underdal, A. & Young, O.R. (eds) (2004) *Regime Consequences: Methodological Challenges and Research Strategies*. Dordrecht: Kluwer.

Sharpe, M.E. (1997) *Russia and the Commonwealth of Independent States: Documents, Data, and Analysis*. Armonk: M.E. Sharpe.

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Томского государственного университета.

Zinovyev Vasilii - Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Троицкий Евгений Флорентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета.

Troitskiy Evgeny - Tomsk State University (Russia).

E-mail: eft@rambler.ru

УДК 81'272

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/16

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ СЕРБИЯ*

Д.А. Катунин

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, проспект Ленина, 36
E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Авторское резюме

Анализируются законодательные акты Республики Сербия всех уровней власти (государственного, регионального и муниципального), регламентирующие использование и функционирование болгарского языка в Сербии. На основании результатов переписей населения Сербии 1948–2011 гг. приводятся данные о динамике абсолютной и относительной численности болгар, а также о численности тех, кто указал болгарский язык в качестве родного. Делаются выводы о том, что языковые права болгарского национального меньшинства находят свое максимально широкое отражение в законодательстве Сербии. Данные юридические акты фиксируют обязательства государства по публичному использованию болгарского языка на территории проживания его носителей в сферах образования, судопроизводства, административной и государственной деятельности, средств массовой информации, культуры, экономической и общественной жизни, топонимики и т. д.

Ключевые слова: болгары, болгарский язык, официальный язык, языковая политика, национальные меньшинства, Сербия.

* Работа выполнена в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

THE BULGARIAN LANGUAGE IN THE CURRENT LAWS OF SERBIA*

D.A. Katunin

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Abstract

The article analyses the state, regional and municipal legislative acts of the Republic of Serbia that regulate the use and operation of the Bulgarian language in Serbia. Based on the results of 1948–2011 censuses in Serbia, the author provides data on the dynamics of the absolute and relative number of Bulgarians, as well as the number of those who indicated Bulgarian as their mother tongue. It is concluded that the language rights of the Bulgarian national minority are most broadly represented in the legislation of Serbia. The legislative acts enshrine the state's obligation to publicly use the Bulgarian language on the territory of its speakers' residence in education, justice, administrative and public activities, media, culture, economic and social life, place names, etc.

Keywords: Bulgaria, Bulgarian language, official language, language policy, national minorities, Serbia.

Цель исследования – определение языковых прав болгарского национального меньшинства, а также статуса болгарского языка в законодательстве Республики Сербия. В качестве материала используются статистические данные переписи населения, государственные, региональные и муниципальные законы.

Согласно последней переписи населения 2011 г., в Сербии проживают 18 543 болгарина, или 0,26 % от всего населения государства. Данные предыдущих переписей также свидетельствуют о незначительном количестве болгарского населения и о неуклонном снижении его численности (табл. 1), что обусловлено ассимиляционными и миграционными процессами. Ассимиляции способствует то, что болгары и сербы являются близкородственными народами, у которых преимущественно одна религия – православие, схожие историко-культурные традиции и родственные языки; внешней миграции – то,

* This research is supported by Tomsk State University Academic Excellence Program.

что сербские болгары в основном проживают в районах, граничащих со своей метрополией – Республикой Болгария.

Таблица 1

**Численность болгар по данным переписей населения Сербии
1948–2011 гг. (Попис)**

Год переписи	1948	1953	1961	1971	1981	1991	2002	2011
Численность, чел.	59 472	60 146	58 494	53 800	33 455	26 698	20 497	18 543
%	0,91	0,86	0,77	0,64	0,36	0,34	0,27	0,26

Таблица 2

**Носители болгарского языка как родного по данным переписей населения
Сербии (Попис)**

Год переписи	1953	1971	1981	1991	2002	2011
Численность, чел.	59 166	49 942	35 269	25 408	16 459	13 337
%	0,85	0,59	0,38	0,33	0,22	0,19

Примечание. В опросных листах переписей 1948 и 1961 гг. не содержалось пункта о родном языке.

Еще меньшее количество респондентов указало в качестве своего родного (материнского) языка болгарский (см. табл. 2). По данным переписи 2011 г., их насчитывается 13 337 человек, или 0,19 %.

Несмотря на столь незначительное количество носителей болгарского языка, в законодательстве Сербии закреплено право на его использование в местах проживания болгарского меньшинства во всех сферах коммуникации: образовании, судопроизводстве, административной и государственной деятельности, средствах массовой информации, культуре, экономической и общественной жизни. Эти обязательства утверждены в 2005 г. Законом о ратификации Государственным объединением Сербия и Черногория Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств Совета Европы (подробнее см.: Закон о ратификации; Катунин 2015а).

Кроме того, такие права закреплены и конкретизированы в законе Союзной Республики Югославия 2002 г. «О защите прав и свобод национальных меньшинств» (он действует и в настоящее время на территории как Сербии, так и Черногории, составлявших СР Югосла-

вия), согласно которому единицы местного самоуправления – города и общины – обязаны ввести язык и алфавит того национального меньшинства, которое составляет не менее 15 % от общего числа населения муниципалитета по результатам последней переписи (Закон о защите права).

В отношении болгарского населения в Республике Сербия указанные положения данного закона применяются в двух муниципалитетах, расположенных в юго-восточной части государства на границе с Болгарией: Босилеграде и Димитровграде (Цариброде). Эти территории, рассматриваемые в Болгарии как часть отторгнутых от нее «Западных окраин», были включены в состав Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев по итогам Первой мировой войны, согласно положениям Неййского мирного договора между побежденной Болгарией и странами Антанты и ее союзниками. В двух указанных общинах проживает больше половины болгарского населения Сербии – 11 252 человека, или 60,68 %.

Основными законами муниципалитетов в Сербии, как и в остальных странах бывшей Югославии, являются статуты (аналог устава в российском законодательстве). Эти документы, хотя и имеют различия, в целом оформляются по единому стандарту. Так, все они содержат раздел об обязанностях муниципалитета, установленных Конституцией страны и другими законами, в числе которых фиксируется утверждение языка и алфавита национальных меньшинств, находящихся в официальном употреблении на территории общины, и конкретизированы сферы их равноправного – по отношению к сербским языку и алфавиту – использования: при общении в органах муниципальной власти, организациях и на предприятиях, основанных муниципалитетом, а также при установке топонимических знаков с названиями населенных пунктов, рек, озер, улиц, площадей и т. д. Кроме того, закрепляются обязательства по информированию граждан на языках и алфавитах национальных меньшинств, которые используются на территории общины, а также по созданию теле- и радиостанций для вещания на языках национальных меньшинств, как находящихся в официальном использовании, так и не обладающих таким статусом (в том случае, когда информация каким-либо образом касается прав меньшинств). В качестве примера приведем фрагмент данного раздела из статута общины Димитровграда (сходные положения содержатся и в статутах всех трех рассматриваемых в работе муниципалитетов):

Чл. 15. Надлежности утврђене Уставом и законом.

Општина, у вршењу своје надлежности, преко својих органа, у складу са Уставом и законом:

34) утврђује **језике и писма националне мањине који су у службеној употреби на територији Општине и обезбеђује њихово равноправно коришћење у поступцима пред органима Општине, јавним предузећима, установама и организацијама и службама чији је оснивач Општина; обезбеђује исписивање назива места, река, језера и других географских назива, назива улица и тргова, назива органа Општине, саобраћајних знакова, обавештења и упозорења за јавност, и других јавних натписа на језику и писму националне мањине који је у службеној употреби у Општини према њеној традицији;**

35) стара се о јавном информисању од локалног значаја и обезбеђује услове за јавно информисање **на српском језику и језику националне мањине који се користе на територији Општине, оснива телевизијске и радио-станице ради извештавања на језику националне мањине који је у Општини у службеној употреби, као и ради извештавања на језику националне мањине који није у службеној употреби, када тако извештавање представља достигнути ниво мањинских права...** (Статут општине Димитровград).

В Босилеграде, по даним переписи 2011 г., насчитувається 8 129 человек, из которых 5 839 (71,83 %) определили себя болгарами, 895 (11,01 %) – сербами, а 1 110 (13,65 %) респондентов затруднились указать свою национальность. В качестве родного языка 6 599 (81,18 %) жителей общины указали болгарский язык и 1 307 (16,08 %) – сербский. То есть число респондентов, для которых болгарский язык является родным, почти на 10 % превышает число тех, кто назвал себя болгарами.

В статуте муниципалитета языками и алфавитами, находящимися в официальном использовании, указаны сербский и болгарский со своими графическими системами на основе кириллицы. На этих же языках и алфавитах составлен и текст печати муниципалитета:

Чл. 5. На територији Општине у службеној употреби је српски језик и ћирилично писмо и бугарски језик и ћирилично писмо.

Чл. 8. Органи општине у вршењу послова из своје надлежности користе печат. Печат је округлог облика са исписаним текстом: Република Србија, општина Босилеград и назив органа исписан на српском језику и ћириличним писмом и бугарском језику и ћириличним писмом и грбом Републике Србије... (Статут општине Босилеград).

Отдельно устанавливается, что поскольку на территории общины в официальном использовании находится язык национального меньшинства, то изменение названий улиц, площадей и прочих топонимов возможно только с учетом мнения совета национального меньшинства:

Чл. 11. Општина утврђује називе улица, тргова, градских четврти, заселака и других делова насељених места на својој територији посебном одлуком Скупштине општине, уз претходну сагласност министарства надлежног за послове локалне самоуправе.

Ако је на територији општине **у службеној употреби језик националне мањине**, у поступку промене назива улица, тргова, градских четврти, заселака и других делова насељених места прибавља се мишљење националног савета националне мањине (Статут општине Босилеград).

В представителном органе власти – скупшине (парламенте) муниципалитета – депутати имају право выступати на любом из језиков, налазјућихся в официјалном употреблению:

Чл. 35. <...> Одборник Скупштине општине има право да се обраћа Скупштини на било ком **језику који је у службеној употреби** на територији Општине (Статут општине Босилеград).

Данне положенја закреплене и в регламенте скупшине, согласно которому в ее работе в официјалном использовании налазятся сербски и болгарски језици с их кириллическими алфавитима:

Чл. 3. У раду Скупштине **у службеној употреби је српски језик и ћирилично писмо и бугарски језик и ћирилично писмо** (Пословник Скупштине општине Босилеград).

Такоже в статуте Босилеграда фиксирујуцца објављенја по информированию грађдан на језицима и алфавитима националних мањинств, налазјућихся в официјалном использовании:

Чл. 12. <...> Општина своје информације и обавештења објављује и на **језицима и писмима националних мањина који су у службеној употреби** у општини (Статут општине Босилеград).

О важности језиковог вопроса свидетелствује и герб Босилеграда: в центре него изображены буквы из алфавитов сербског и болгарског језиков, которые отсутствуют в болгарском и сербском соответственно (рис. 1). В тексте статута общины наличие этого элемента в геральдики муниципалитета обосновывается тем, что таким образом «недвусмысленно указывается на изучение болгарским национальным меньшинством, кроме сербской азбуки, и болгарской азбуки как <графической системы> родного языка»:

Чл. 6. Општина има грб и заставу. Блазон Грба Општине: два симетрична лава (као симболи снаге и моћи) који садржи српски средњовековни штит... У горњем делу на самом штиту приказана је књига са карактеристичним **словима српске азбуке** (ћ, ј, љ, њ, њ, џ, џ), а са друге стране карактеристична **слова бугарске азбуке** (ъ, я, ѝ, ю, њ, щ) што недвосмысленно показује да бугарска национална мањина у Србији **поред српске азбуке** изучава и **бугарску азбуку као матерњи језик**... (Статут општине Босилеград).

Рис. 1. Герб общины Босилеград.

В общине Димитровград, по переписи 2011 г., насчитывается 10 118 жителей, из которых 5 413 (53,50 %) болгар, 2 819 (27,86 %) сербов и 1 533 (15,15 %) не определивших свою национальность; 3 437 (33,97 %) указали в качестве родного языка болгарский и 5 251 (52,51 %) – сербский. Здесь наблюдается ситуация, противоположная вышерассмотренной в Босилеграде: носителей болгарского языка отмечено меньше, нежели указавших себя болгарами.

Статутом на территории муниципалитета закреплено официальное использование сербского и болгарского языков и их кириллических алфавитов; на этих же языках и алфавитах составлен и текст печати общины:

Чл. 5. Језик и писмо. На територији Општине у службеној употреби је српски језик и ћирилично писмо и бугарски језик и ћирилично писмо.

Чл. 8. Печат. Органи Општине имају печат.

Печат је округлог облика са исписаним текстом: Република Србија, Општина Димитровград, назив органа исписан на српском језику и ћириличним писмом и бугарском језику и ћириличним писмом и грбом Републике Србије у средини (Статут општине Димитровград).

Особо отмечається, що всі рішення муниципальних органів влади повинні публікуватися і на мові і алфавітах національних меншинств, що знаходяться в офіційному використанні (т. е. в розгляданому випадку – на болгарському):

Чл. 12. Јавност рада. <...> Општина своје информације и обавештења објављује и на језицима и писмима националне мањине коју су у службеној употреби.

Чл. 135. Објављивање и ступање на снагу општинских аката.

Општински акти органа Општине објављују се у „Службеном листу града Ниша“.

Акти из става 1. овог члана ступају на снагу осмог дана од дана објављивања, осим ако доносилац у поступку доношења не утврди да постоје оправдани разлози да исти ступи на снагу и раније.

Остали акти Општине објављују се на огласној табли Скупштине општине Димитровград.

*Акти из ст. 1. и 3. овог члана равноправно се објављују и **на језицима и писмима који су у службеној употреби** на територији Општине (Статут општине Димитровград).*

Относительно рабочих языков скупщины Димитровграда в различных документах муниципалитета содержится противоречивая информация. В статуте указано, что депутаты могут выступать на любом языке, находящемся в официальном использовании, однако в регламенте представительного органа власти такой статус закреплен только за сербским языком и алфавитом:

*Чл. 39. Права и дужности одборника. <...> Одборник Скупштине општине има право да се обраћа Скупштини на било ком **језику који је у службеној употреби** на територији Општине (Статут општине Димитровград).*

*Чл. 3. У Скупштини је у **службеној употреби српски језик и ћирилично писмо** (Пословник Скупштине општине Димитровград).*

Незначительная часть болгар (1 489 человек) проживает на севере Сербии в Автономном крае Воеводина. Они выделяются как субэтнос болгарского народа и именуется «банатские болгары» (по названию исторической области Банат, расположенной на стыке границ Сербии, Румынии и Венгрии). В отличие от большинства болгар, они являются католиками, говорят на особом островном диалекте, сформировавшимся под влиянием иноязычного окружения, и используют латинскую графику. Банатские болгары являются потомками переселенцев из Болгарии, бежавшими от преследования турецких властей после подавления антиосманских восстаний в XVII–XVIII вв. (о банатско-болгарском микроязыке подробнее см.: Дуличенко 2014а; Дуличенко 2014б).

Одним из мест проживания банатских болгар является муниципалитет Панчево, расположенный на юго-востоке Воеводины. С 2008 г. в статуте Панчева болгарский язык указывается в качестве официального на территории населенного пункта Иваново. Здесь следует отметить, что лингвистическое законодательство мультиэтнического края Воеводины еще более либерально, нежели таковое в Сербии в целом. Так, если в каком-либо муниципалитете представителей национальных

меньшинств насчитывается менее 15 %, то языки меньшинств могут вводиться в официальное использование на территории отдельных населенных пунктов при условии, что численность национального меньшинства составляет не менее 25 % от числа всех жителей такого поселения. Данные положения зафиксированы в краевом решении 2003 г. «О детальном урегулировании отдельных вопросов официального использования языков и алфавитов национальных меньшинств на территории Автономного края Воеводина» (подробнее см.: Одлука; Катунин 2015b).

И если в целом в муниципалитете Панчево, по данным предшествовавшей принятию указанного решения переписи 2002 г., болгары составляли всего 0,44 % (563 чел.), то в Иванове болгар было уже 27,14 % (307 чел.). И, таким образом, при принятии новой редакции основного закона Панчева в 2008 г. болгарский язык наряду с сербским и венгерским впервые получил официальный статус в этом населенном пункте:

Чл. 3. На територији Града у службеној употреби је српски језик и ћирилично писмо.

Поред српског језика и ћириличног писма, на територији насељених места у службеној употреби су и језици и писма националних мањина, и то:

– на територији насељеног места Иваново у службеној употреби су и бугарски језик и писмо и мађарски језик и писмо... (Статут града Панчева).

Относительно печати муниципалитета указывается, что ее текст составляется на сербском языке кириллицей, и в таком случае диаметр печати должен быть 32 мм, а в населенных пунктах, где в официальном использовании языки и алфавиты национальных меньшинств (таких в Панчеве, помимо венгерского и болгарского, еще два: румынский и македонский), – и на языках и алфавитов этих меньшинств, а диаметр печати по этой причине увеличивается до 40–60 мм:

Чл. 4. <...> Органи Града имају печат округлог облика, са текстом исписаним на српском језику ћириличким писмом „Република Србија, Аутономна Покрајина Војводина и назив органа Града“, а у средишњем делу је грб Републике Србије испод кога пише „Панчево“, што представља означање седишта Града.

На територији насељених места у којима су у службеној употреби и језици и писма националних мањина текст печата исписује се и на језицима и писмима националних мањина.

Пречник печата који се исписује на српском језику ћириличким писмом износи 32 мм, а пречник печата који се исписује на српском

језику ћириличким писмом и на језику и писму припадника националних мањина износи од 40 мм до 60 мм (Статут града Панчева).

В заключение представляется возможным подытожить, что в законодательстве Сербии языковые права болгарского меньшинства, несмотря на его крайне незначительную долю в населении страны, обеспечиваются максимально полно во всех сферах коммуникации. Данные положения содержатся в законах всех уровней власти: от государственного и регионального до муниципального. Для оценки же реального состояния рассматриваемой проблемы можно использовать статистические данные. Так, приведенная в начале статьи динамика численности болгарского населения в Сербии демонстрирует неуклонное уменьшение числа как сербских болгар, так и тех, кто указал болгарский язык в качестве родного. Возможно предположить, что либо законодательно утвержденных мер недостаточно для стабильного существования болгарского меньшинства, либо же комплекс мероприятий, предусмотренных данными законами, не соблюдается в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

Дуличенко 2014а - Дуличенко А.Д. Введение в славянскую филологию. М.: Флинта, 2014.

Дуличенко 2014б - Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки в лингвокультурном пространстве Европы // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. Кн. I. С. 180–218.

Закон о заштити права - Закон о заштити права и слобода националних мањина // Службени лист Савезне Републике Југославије. 2002. № 11.

Закон о ратификацији - Закон о ратификацији Европске повеље о регионалним или мањинским језицима // Службени лист Србије и Црне Горе – Међународни уговори. 2005. № 18.

Катунин 2015а - Катунин Д.А. Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Сербия // Русин. 2015. № 1 (39). С. 229–238. DOI: 10.17223/18572685/39/15

Катунин 2015б - Катунин Д.А. Русинский язык и языки других национальных меньшинств в законодательстве Воеводины. Статья 1 // Русин. 2015. № 4. С. 235–250. DOI: 10.17223/18572685/42/16

Одлука - Одлука о ближем уређивању појединих питања службене употребе језика и писама националних мањина на територији Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Аутономне Покрајине Војводине. 2003. № 8.

Попис - Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Београд: Републички завод за статистику, 2013.

Пословник Скупштине општине Босилеград - Пословник Скупштине општине Босилеград // Службени гласник града Врања. 2013. № 17.

Пословник Скупштине општине Димитровград - Пословник Скупштине општине Димитровград. URL: <http://arhiva.dimitrovgrad.rs/docs> (дата обраћања: 23.09.2016).

Статут града Панчева - Статут града Панчева // Службени лист града Панчева. 2008. № 8.

Статут општине Босилеград - Статут општине Босилеград // Службени гласник Пчињског округа. 2008. № 16.

Статут општине Димитровград - Статут општине Димитровград // Службени лист Града Ниша. 2008. № 79.

REFERENCES

Dulichenko, A.D. (2014a) *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu* [Introduction to Slavic philology]. Moscow: Flinta.

Dulichenko, A.D. (2014b) Slavyanskije literaturnye mikroyazyki v lingvokul'turnom prostranstve Evropy [Slavic literary microlanguages in the linguocultural space of Europe]. In: Neshchimenko, G.P. (ed.) *Aktual'nye etnolinguisticheskie i etnokul'turnye problemy sovremennosti* [Topical ethno-linguistic and ethno-cultural problems of modernity]. Vol. 1. Moscow: Fund of Fundamental Linguistic Research Development. pp. 180-218.

The Federal Republic of Yugoslavia. (2002) *Zakon o zashtiti prava i sloboda natsionalnih maњina* [Law on Protection of Rights and Freedoms of National Minorities]. *Sluzhbeni list Savezne Republike Jugoslavije*. 11.

Serbia and Montenegro. (2005) *Zakon o ratifikatsiji Evropske povelje o regionalnim ili maњinskim jezitsima* [Law on Ratification of the European Charter for Regional or Minority Languages]. *Sluzhbeni list Srbije i Crne Gore – Meђunarodni ugovori*. 18.

Katunin, D.A. (2015a) The Rusinian and Ukrainian languages in the current laws of Serbia. *Rusin*. 1 (39). pp. 229-238 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/15

Katunin, D.A. (2015b) The Rusin language and languages of other national minorities in the legislation of Vojvodina. Article 1. Stat'ya 1. *Rusin*. 4 (42). pp. 235-250. DOI: 10.17223/18572685/42/16

Autonomous Province of Vojvodina. (2003) *Odluka o blizhem ureђivanju pojedinih pitanja sluzhbene upotrebe jezika i pisama natsionalnih maњina na teritoriji Autonomne Pokrajine Vojvodine* [The decision on stricter regulation of certain issues concerning the official use of languages and alphabets of national minorities on the territory of the Autonomous Province of Vojvodina]. *Sluzhbeni list Autonomne Pokrajine Vojvodine*. 8.

The Republic of Serbia. (2013) *Popis stanovnistva, domahinstava i stanova*

2011. u Republitsi Srbiji [Census of population, households and apartments in 2011 in the Republic of Serbia]. Belgrade: Republichki zavod za statistiku.

Vranje. (2013) Poslovnik Skupshtine opshtine Bosilegrad [Rules of Procedure of the Municipal Assembly of Bosilegrad]. *Sluzhbeni glasnik grada Vranja*. 17.

Dimitrovgrad. (n.d.) *Poslovnik Skupshtine opshtine Dimitrovgrad - Poslovnik Skupshtine opshtine Dimitrovgrad* [Rules of Procedure of the Municipal Assembly of Dimitrovgrad]. [Online] Available from: <http://arhiva.dimitrovgrad.rs/docs> (Accessed: 23th September 2016).

Panchev. (2008) Statut grada Panceva [The City of Pancevo Statute]. *Sluzhbeni list grada Panceva*. 8.

Bosilegrad. (2008) Statut opshtine Bosilegrad [The Statute of the Bosilegrad municipality]. *Sluzhbeni glasnik Pčinьskog okruga*. 16.

Nis. (2008) Statut opshtine Dimitrovgrad [The Dimitrovgrad Municipal Statute]. *Sluzhbeni list Grada Nisha*. 79.

Катунин Дмитрий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Katunin Dmitry - Tomsk State University (Russia).

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

УДК 32.019.51:329.7

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/17

СЛАВЯНИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕСТВ «ВКОНТАКТЕ»)

А.Ю. Краснопёров

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена вопросу представленности концепта «славянизм» в Интернете и являет собой критический анализ результатов исследования социальной сети «ВКонтакте». Отталкиваясь от гипотезы, что в информационную эпоху многие социальные взаимодействия и идейные общности получают развитие в интернет-среде, в статье рассматриваются текущее состояние славянской тематики и ее представленность в социальных сетях. Затем поднимается вопрос о том, является ли описанное положение дел достаточным основанием для того, чтобы говорить о появлении виртуальной славянской общности. На основе анализа формы, содержания и структуры коммуникации крупнейших сообществ славянской тематики автор приходит к выводу, что соцсети в современном виде не способны стать площадкой для коммуникации и формирования единой славянской общности, так как последняя представлена в виде разрозненных медиаисточников с доминированием вертикальной коммуникации в ущерб горизонтальной, а образ славянизма в рамках таких сообществ искусственно конструируется (зачастую перцептивно, а не концептуально) администраторами в рамках самого Интернета. Но именно эти неконцептуализированные и изменчивые образы выступают центром славянской идентичности в эпоху Всемирной паутины.

Ключевые слова: славянизм, славянский мир, Интернет, социальные сети, сообщество.

SLAVISM IN SOCIAL NETWORKS (A CASE STUDY OF “VKONTAKTE”)

A.Yu. Krasnoperov

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com

Abstract

The article focuses on the concept of “Slavism” in the Internet. Using the social network “VKontakte” as a case study and basing on the hypothesis that many social interactions and ideological communities in the information age develop in the Internet, the author examines the current state of the Slavic theme and its representation. The author then discusses the question whether there is a sufficient reason to speak of a virtual Slavic community. Analysing the form, content and communication structure of the largest Slavic online communities, the author concludes that social networks in their present form cannot become a platform for communication and formation of a united Slavic community, the latter being represented by isolated media sources with dominating vertical, not horizontal, communications. Another reason is that the Slavism image within such communities is constructed artificially (often perceptually rather than conceptually) by Internet administrators. However, it is these non-conceptual and variable images that have become crucial for the Slavic identity in the age of the World Wide Web.

Keywords: Slavism, Slavic world, Internet, social networks, community.

В информационную эпоху с прогрессирующим развитием технологий к новым медиа все чаще обращаются как к инструменту групповой коммуникации и функционирования сообществ. Интернет сегодня не просто является связующим звеном между членами сообществ различной направленности, что упрощает процесс коммуникации, но сам становится неотъемлемым элементом, без которого ряд виртуальных объединений не мог бы ни существовать, ни даже образовываться. Примером тому являются многочисленные быстрорастущие виртуальные сообщества на базе социальных сетей, таких, как «ВКонтакте», «Facebook», «Одноклассники» и др.

В этой связи особенно актуальным становится вопрос организации, коммуникации и функционирования таких объединений, которые в силу своей специфики детерминированы географическими

(большая площадь территории проживания членов) и политическими (межгосударственные границы) факторами. Одними из представителей таких объединений являются сообщества славянской тематики. В статье «Славянский мир как политический конструкт» А.И. и Н.Г. Щербинины, анализируя вектор развития славянской общности и идейности, приходят к заключению, что в современности «славянский мир реализуется в качестве виртуального конструкта в социальных сетях Интернета» (Щербинин, Щербинина 2015: 37). Если это утверждение верно, то изучение социальных сетей в контексте осмысления концепта «славянский мир» в эпоху, когда только в России пользователями Интернета являются 70,5 % населения¹, не может быть вынесено за скобки научного подхода и должно стать неотъемлемой частью формирования целостной картины, а также одним из направлений поиска путей объединения славянского мира.

Действительно, чтобы не оставаться голословным при переходе к основному вопросу данной статьи, можно наглядно, с помощью количественных методов оценки, показать, насколько популярна славянская тематика сегодня в Интернете. Для этих целей обратимся к одной из крупнейших виртуальных коммуникативных площадок в таких странах, как Белоруссия, Россия, Украина, Молдавия, – социальной сети «ВКонтакте»². Если в конце 2014 г., согласно названной выше статье, во «ВКонтакте» общее количество членов сообществ со славянской тематикой достигало порядка 400 тыс. (Щербинин, Щербинина 2015: 48), то по состоянию на август 2016 г. только первые три по численности сообщества превзойдут эту цифру (общее количество сообществ – свыше 10 тыс.). Для дальнейшего исследования отобраны крупнейшие объединения, численность членов в которых превышает 10 тыс. чел., всего 77 сообществ (тотальная выборка). Поиск сообществ осуществлялся с помощью поисковой системы социальной сети «ВКонтакте» с тегом «славян», учитываемым и как самостоятельное слово, и как составная часть других слов. Численность сообществ во многом коррелирует с интересом к нему со стороны пользователей соцсети.

Таким образом, здесь и в дальнейшем речь пойдет не о славянской тематике во всем ее многообразии, а о наиболее востребованном на сегодняшний день ее проявлении. И только в обозначенной выборке уникальное число подписчиков на период проведения исследования (август 2016 г.) – 1 477 693 чел. Уникальных – значит без повторов, т. е. если пользователь состоит в более чем одном сообществе, то при подсчете он учитывался лишь один раз. При этом официальная статистика для сообществ, в которых она доступна, показывает

стабильный рост численности с каждым месяцем (42 154 подписчика на всю выборку в течение августа 2016 г.³).

Интересно, что это не просто полтора миллиона случайных людей. Практически для каждого сообщества, особенно общей и общественно-политической тематики (о тематике сообществ будет сказано ниже), характерно преобладание участников в возрасте 30–45 лет (общая доля – больше 30 % от общего количества подписчиков), реже – 24–27 или 27–30 лет (рис. 1). Это заметно выше среднего возраста пользователей социальной сети в целом. Характерно, что с понижением возраста, начиная от пикового показателя, уменьшается доля каждого следующего возрастного сегмента среди подписчиков. Также отмечается, что по половому признаку доля мужчин и женщин либо примерно одинакова, либо мужчины преобладают (например, для крупнейших сообществ общей тематики с количеством участников свыше 100 тыс. чел. в каждом – «Славянский путь. Русь. Мифология. История», «Славяне», «Славяне. Язычество. Русь» – доля мужчин не ниже 74,11 %). Эти данные говорят о том, что у славянской тематики целевая аудитория довольно определенная, не аморфная и не случайная.

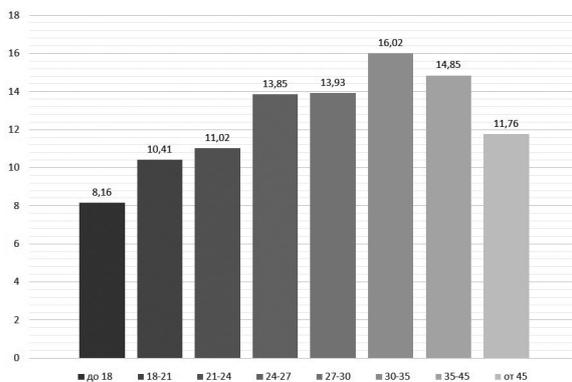

Рис. 1. Распределение подписчиков сообществ выборки по возрастным группам (в процентах от общей численности)⁴.

Мы также можем предположить, что за счет репостов, ссылок и рекламы на других площадках социальной сети контент этих сообществ охватывает гораздо больше пользователей, чем количество подписчиков. Лишь по приблизительным подсчетам на основе открытой статистики «ВКонтакте», в августе 2016 г. хотя бы одну запись из сообществ выборки посмотрели около 6 млн пользователей данной социальной сети.

Однако ведет ли виртуальный конструкт славянизма к появлению некой виртуальной славянской общности? Другими словами, действительно ли новые медиа предлагают нам новую форму организации и существования славянского мира? Для ответа на этот вопрос потребуется более глубокий анализ. В результате он акцентирует как минимум четыре аспекта, которые в совокупности не позволяют прийти к однозначным положительным выводам по отношению к поставленному вопросу.

Во-первых, рассмотрим специализацию сообществ. Для этого учтем в порядке убывания значимости следующие параметры: тематику публикаций за последние три месяца, самопозиционирование, классификацию в настройках сообщества. В итоге оказывается возможным выделить восемь тематических блоков:

1) сообщества общей (широкой) тематики, в которых не прослеживается специализация на каком-либо типе контента, – 23 сообщества;

2) коммерческие товары и услуги – 21 сообщество;

3) общественно-политический блок: движения, объединения с собственными целями, союзы – 14 сообществ;

4) эстетика, фотография и музыка – 6 сообществ;

5) 6 сообществ, попавших в выборку в связи с созвучным названием населенного пункта (Славянск и другие);

6) СМИ или сообщества, специализирующиеся на агрегации или производстве новостей, – 3 сообщества;

7) народная медицина – 3 сообщества;

8) игры и приложения – 1 сообщество.

Первое, что обращает на себя внимание в этом списке, – четверть всех сообществ являются коммерческими, т. е. специализируются на продаже различной атрибутики, одежды, татуировок и проч. Не следует забывать, что в данной статье рассматриваются сообщества – лидеры в своей категории. А потому нахождение среди них открытых коммерческих площадок сигнализирует о достаточно высоком спросе и коммерциализации славянской тематики. В сообществах такого типа, как и в сообществах тематических блоков 4, 5, 7, 8, не прослеживается славянская идея или концепт, на первый план выходят коммерческие или атрибутивные, а не содержательные моменты. Последнему критерию соответствуют лишь три оставшихся блока: общей тематики, общественно-политической и СМИ. Именно они в той или иной степени презентуют славянский мир как концепт. Но если брать их за основу предполагаемого виртуального славянского мира, то только количество уникальных членов сокращается почти вдвое, до 825 тыс. участников. Это все еще

достаточно много по сравнению с данными, полученными полтора года назад, но рассмотрим оставшиеся аспекты.

Итак, во-вторых, все рассматриваемые сообщества из трех отобранных тематических блоков ограничивают пользователей в возможности публикаций. Так, стена во всех без исключения сообществах оказывается закрытой, публиковать записи на ней могут только администраторы. При этом именно стена является основной площадкой для коммуникации групповых аудиторий, записи на ней считывают в первую очередь, и они доступны в личных лентах пользователей. Почему доступ к управлению публикациями на главной коммуникативной площадке оказывается закрыт? Такому положению дел есть вполне логичное объяснение.

Дело в том, что любое сообщество стремится расти и набирать сторонников, но в процессе роста оно просто вынуждено закрывать стену. В противном случае сообщения на ней становятся избыточными, не всегда содержательными, иногда личными и не соответствующими тематике группы или даже оскорбительными. Этому содействуют как сами подписчики, так и спамеры, рекламщики, так называемые интернет-тролли. Поэтому рано или поздно перед администрацией сообщества встает выбор: либо взять контроль над стеной, либо позволить коммуникации быть хаотичной и неуправляемой. Контроль – это способ выживания сообщества и залог его дальнейшего роста. Но как только это происходит, возможности горизонтальной коммуникации резко ограничиваются, а администратор становится хозяином положения и начинает контролировать повестку дня. С этого момента члены сообщества превращаются в публику, а администратор – в медиаисточник.

Таким образом, само устройство социальной сети задает некоторую оптимальную границу численности групповых объединений, при преодолении которой меняется вся структура коммуникации. Парадокс в том, что чем успешнее коммуникация в сообществе, тем больше шансов, что оно превратится в медиа и умрет как форум. Это мы и наблюдаем на примере выборки. На практике же каждое третье сообщество принимает крайние меры. Они не только ограничивают стену, но закрывают комментарии к записям, что можно расценивать как публичный отказ от получения содержательной обратной связи. Оценки «мне нравятся» и репосты оказываются единственными доступными показателями восприятия контента, но представляют собой сугубо статистическую, неперсонализированную и бессодержательную форму.

Третий аспект подтверждает актуальные сегодня исследования в русле набирающего обороты визуального типа коммуникации. Вопрос

об избыточности образности и ее роли в обществе не раз поднимался еще в работах Г. Бема или М. Маклюэна. Сегодня многие склонны даже говорить о так называемом иконическом повороте, который профессор В.В. Савчук определяет как "сдвиг" в социокультурной ситуации, при котором онтологическая проблематика переводится в план анализа визуальных образов. Он следует за онтологическим, лингвистическим поворотами и фиксирует отход в средствах коммуникации от вербального способа к визуальному» (Савчук 2005: 10). Некоторые исследователи, например профессор Н.Г. Щербинина, считают, что визуальные образы, представляя собой полноценное сообщение, передают «политико-культурные модели мышления и поведения» (Щербинина 2013: 68), тем самым эффективно заменяя собой гораздо более сложные по степени восприятия текстовые сообщения.

Для новых медиа обращение к визуальному ряду стало обыденным явлением. И сообщества исследуемой выборки здесь не исключение, так как в них отчетливо прослеживается преобладание визуальной формы коммуникации над текстовой. Во-первых, это является показателем высокой значимости перцептивного восприятия информации, в то время как ссылок на научные исследования и уже классиков – Данилевского, Флоринского, Леонтьева – на передовой повестке дня как не было (Щербинин, Щербинина 2015: 49), так и нет. С другой стороны, как это свойственно Интернету, образ славянского мира конструируется в рамках одной виртуальной площадки, и конструкт, который получается в итоге, далеко не однозначен, но, будучи искусственным, по-разному проявляется в разных сообществах, что приводит к ситуации одновременного сосуществования альтернативных образов. Во многом это является следствием следующего, четвертого аспекта.

Четвертый аспект вырисовывается при попытке проследить взаимосвязи между сообществами. Такие связи могут устанавливаться различными способами. Так, это могут быть постоянные ссылки в специализированном разделе, расположенном обычно с правой стороны веб-страницы, либо записи на стене, которые единожды (иногда чаще) появляются в новостных лентах пользователей, после чего становятся неактуальными в силу вытеснения их в «архив» новостной ленты другими публикациями. Устойчивые ссылки более интересны в этом отношении, так как позволяют увидеть спектр объединений, к которым у исследуемого сообщества позитивное отношение. Показательно, что для сообществ выборки широкой общественно-политической тематики и СМИ наблюдается ситуация крайне редких связей между собой (особенно в рамках одного блока). Например, только 6 сообществ общей тематики имеют ссылки

от других таких же групп. Но это не означает, что они склонны ни на кого не ссылаться. Наоборот, каждое из крупных сообществ связано с большим количеством относительно малочисленных (в некоторых случаях их может быть несколько десятков), в том числе коммерческих.

Таким образом, крупнейшие сообщества не образуют единого информационного пространства, но каждое из них интегрировано в собственную сеть объединений. Интересно такое положение дел тем, что мы рассматриваем сообщества-лидеров, и слабые контакты между ними при склонности к установлению связей с другими, более малочисленными групповыми объединениями напоминают ситуацию конкуренции и раздела сфер влияния. В основу такого раздела можно было бы положить два мотива.

Первый – идеологический. Но анализ публикаций на стене сообществ не позволяет выявить не только существенных различий в идеологических позициях разных объединений (хотя иногда они, безусловно, встречаются), но даже единства внутри одной группы. Например, при анализе большого количества публикаций одного сообщества зачастую трудно идентифицировать даже доминирующий духовный базис: язычество или христианство? Иногда первое, иногда второе, а иногда можно наблюдать причудливый симбиоз, который можно охарактеризовать так же, как в свое время В. Соловьев описал средневековое мирозерцание: «двойственный полуязыческий и полухристианский строй понятий» (Соловьев 1891: 339). Причина этому – принцип образования сообщества в Интернете, когда более весомым фактором присоединения выступает не идентичность с группой, а интерес к теме в целом. Есть в таком положении дел положительная сторона – снижение риска поляризации мнений и ассоциациональной фрагментации, свойственных, по мнению Р. Уочбройта, для интернет-объединений (Уочбройт 2006: 48–51). Но в то же время это несколько не свидетельствует в пользу единства славянской общности, так как является следствием отсутствия определенной концепции (правильнее даже говорить не о концепции вообще, а о ее непротиворечивом, целостном выражении).

Весьма вероятен коммерческий мотив, тем более, как уже было показано выше, при высоком потребительском спросе на товары и услуги славянской атрибутики. Не стоит также списывать со счетов, что современные социальные сети все больше коммерциализируются как рекламные площадки. Большие сообщества представляют особый интерес для предпринимателей, так как на их базе можно рекламировать собственные услуги и продукцию, при этом довольно точно на нужную целевую аудиторию. Существует даже биржа «ВКонтакте», где можно подобрать сообщество и узнать стоимость

рекламной публикации в нем. Все это определяет конкуренцию за аудиторию и за рекламодателя соответственно, что становится средством заработка для администраторов. Другая большая группа схожей тематики – это конкурент. Поэтому ссылаться на него, тем самым отдавая часть своих подписчиков, нерационально даже с экономической точки зрения.

Сложим рассмотренные четыре аспекта вместе и получим несколько крупных медиаплощадок (термин «сообщество» здесь уходит на второй план), не образующих единого коммуникативного пространства, с различным видением славянского мира, которые (видения, образы, конструкты) в силу их визуальной, неконцептуальной основы формирования вряд ли можно считать устойчивыми, тем более что пользователи ограничены в возможностях горизонтальной коммуникации и вынуждены ориентироваться на позицию администратора – конструктора повестки дня и образа славянского мира в рамках контролируемого «сообщества».

В этой ситуации сложно полагать, что Интернет, социальные сети в частности, могут стать той площадкой, где возможно создание виртуальной славянской общности. И тенденция, которая прослеживается даже на основе фактов, изложенных в настоящей статье, показывает, что социальные сети, несмотря на возлагаемые на них многочисленные оптимистические ожидания, и в будущем не способны такой площадкой стать. По крайней мере, в ближайшей перспективе. Интернет неплохо выполняет функцию социального зеркала, формирования ментальной общности (т. е. чувства идентичности с некоторым абстрактным образом, который разными людьми может пониматься по-разному), но слаб в отношении развития идейной общности, связанной с социально-политической активностью. Последнее справедливо не для политической коммуникации в Интернете в целом, как считают некоторые, в их числе О. Яррен (Яррен 2002: 64–65), но лишь (в нашем случае) в отношении славянизма с присущими ему особенностями. Потому что, скажем, для идеи русского национализма ситуация обстоит несколько иначе.

Так, русские (в данном контексте та часть нации, у которой есть российское гражданство) имеют дело с одним государством, одной политической системой, они могут планировать свою деятельность и координировать ее. Славяне же, разделенные политическими, экономическими и культурными границами, такой возможности лишены. Поэтому часто попытка с их стороны сделать шаг к политическому действию приводит к «перетягиванию одеяла» на сторону одного из народов и связанной с ним общественно-

политической системы, на базе которой и будет осуществляться политическая активность. Такие выводы могут показаться чересчур поспешными, но они небезосновательны. Ряд сообществ нашей выборки, отнесенных к общественно-политической тематике, часто даже в названиях идентифицируют себя одновременно как общеславянские, но в то же время и русские: «Русские патриоты. Союз славян», «Я русский. Славяне. АнтиИГИЛ. Антимайдан», «Славянское возрождение – Россия». Присутствуют многочисленные ссылки на сообщества с русской национальной тематикой, где политическая составляющая выражена гораздо сильнее. Но чаще акцент на русских как представителей славян, противостоящих давлению западной цивилизации, делается внутри сообщества в рамках публикуемого контента и привязанных к нему комментариев. Официальная статистика «ВКонтакте», где она открыта, подтверждает наши выводы. От 80 до 90 % подписчиков любого сообщества – из России, что непропорционально народонаселению славянских государств. Можно ли считать славянизм одной из форм проявления русского национализма, объединения по принципу «свой–чужой» в связи с непростыми международными отношениями России в мире? Вопрос спорный и требующий отдельного изучения.

Итак, авторская позиция такова: несмотря на рост интереса к славянской тематике среди пользователей социальных сетей, не приходится рассчитывать на возможность стихийной организации и консолидации славянского мира силами одного Интернета. Как мы увидели, политический дискурс здесь склонен заменяться культурно-развлекательным (на уровне контента), даже коммерческим, рассчитанным на потребителя, а не активиста или носителя идейной программы. Да и сама идея славянского мира представлена не одним виртуальным конструктом, а совокупностью виртуальных (к том же неконсолидированных) альтернативных конструктов, что не только не способствует появлению виртуальной славянской общности, но и размывает ее, однако продолжает оставаться, как справедливо отмечено еще в начале статьи, важной и крупной площадкой для реализации славянской идеи, в каком бы виде она ни была представлена. Поэтому стоит согласиться с выводами авторов статьи «Славянский мир как политический конструкт», с тезиса которых началась данная работа, и с учетом сделанных добавлений заключить, что современная ситуация требует поиска новых подходов к изучению путей и способов сохранения, а тем более развития славянского мира в информационную эпоху с учетом влияния новых медиа на восприятие и поведение пользователей информационных технологий, особенно Интернета.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данные портала Internet World Stat по состоянию на ноябрь 2015 г. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm> (дата обращения: 10.09.2016).

2. Согласно статистике портала Alexa (URL: <http://www.alexa.com/siteinfo>), по состоянию на август 2016 г. социальная сеть «ВКонтакте» занимала 16-е место в мире по посещаемости и просмотрам страниц, в Белоруссии – 1-е, в России – 1-е, на Украине – 2-е, в Молдавии – 4-е место.

3. Данные получены с помощью сервиса AllSocial (URL: <http://allsocial.ru/communities>).

4. Для составления диаграммы использовалась открытая статистика социальной сети «ВКонтакте»; интервал возрастных групп задан параметрами данной статистики.

ЛИТЕРАТУРА

Савчук 2015 - Савчук В.В. Философия фотографии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 256 с.

Соловьев 1891 - Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. / Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.

Учобройт 2006 - Учобройт Р. Надежность и достоверность: проблема информации в Интернете // Интернет в общественной жизни. М.: Идея-Пресс, 2006. С. 39–54.

Щербинин, Щербинина 2015 - Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Славянский мир как политический конструкт // Русин. 2015. № 4 (42). С. 37–52.

Щербинина 2013 - Щербинина Н.Г. Визуальный образ и оптический политический режим // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23). С. 67–69.

Яррен 2002 - Яррен О. Интернет – новые шансы для политической коммуникации? / Пер. Т.Г. Качаловой // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. ст. и рефератов. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 63–66.

REFERENCES

Savchuk, V.V. (2005) *Filosofiya fotografii* [Philosophy of photography]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University.

Soloviev, V.S. (1988) *Sochineniya: V 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

Watchbroit, R. (2006) *Nadezhnost' i dostovernost': problema informatsii v Internete* [A reliability and a validity: the problem of information in the Internet].

In: Gehring, V. (ed.) *Internet v obshchestvennoy zhizni* [The Internet in Public Life]. Translated by A. Smirnov. Moscow: Ideya-Press. pp. 39-54.

Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015) The Slavic world as a political construct. *Rusin*. 4 (42). pp. 37-52. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/4

Shcherbinina, N.G. (2013) The visual image and optical political regime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Studies*. 3 (23). pp. 67-69 (In Russian).

Jarren, O. (2002) Internet – novye shansy dlya politicheskoy kommunikatsii? [The Internet - new opportunities for political communication]. Translated by T.G. Kachalova. In: Kondratieva, T.S. & Lyubin, V.P. (eds) *Aktual'nye problemy Evropy. Sredstva massovoy informatsii i demokratiya v sovremennom mire* [Topical problems of Europe. Media and democracy in the modern world]. Moscow: INION RAS. pp. 63-66.

Краснопёров Антон Юрьевич – аспирант кафедры политологии Томского государственного университета (Россия).

Krasnoperov Anton - Tomsk State University (Russia).

E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com

УДК 81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/18

КОНЦЕПТ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК» В ЗЕРКАЛЕ БЕЛОРУССКИХ СМИ*

И.В. Тубалова¹, Ю.А. Эмер²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: julika71@mail.ru

Авторское резюме

Исследуются результаты интерпретации понятия «национальный язык» (конкретно – «белорусский национальный язык») центральными и региональными новостными СМИ Белоруссии (период публикации новостных сообщений – с марта по октябрь 2016 г.). Результаты формирования концептуального содержания определяются 1) спецификой дискурса СМИ, функционально являющегося глобальным ретранслятором социальных модусов, задаваемых различными социальными силами, и активным участником формирования этих модусов в сознании читателей; 2) жанровой спецификой новостных сообщений, ориентированных на объективно-фактологическую подачу информации; 3) особой общекультурной значимостью концепта «национальный язык»; 4) историко-культурными и политическими особенностями современного белорусского социума. Концепт «национальный язык» в белорусских новостных сообщениях предстает в двух ценностно ориентированных образных вариантах: 1) белорусский язык как значимая составляющая национальной идентичности; 2) белорусский язык как оплот белорусской государственности. В силу жанровых особенностей новостных сообщений ценностная составляющая рассматриваемого концепта – при любом варианте его реализации – оформляется через обращение к событиям, связанным с решением проблемы национальной идентичности и государственного суверенитета, при описании которых СМИ особым образом конфигурируют содержание приводимых цитат. Различия в интерпретации образных вариантов заключаются в следующем: 1) уровень институциональности в процессе представления белорусского языка как составляющей государственного суверени-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ / РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 15-14-70004.

тета оказывается значительно выше, чем его представления как знака национальной идентификации; 2) специфика социально-политической ситуации определяет практически бесконфликтную реализацию образа белорусского языка как маркера национальной идентичности. Конкурентные отношения белорусского и русского языков эксплицируются в процессе формирования образа белорусского национального языка при обращении к проблеме государственного суверенитета, но их конфликтность проявляется слабо: русский язык в новостных сообщениях белорусских СМИ как противник белорусского не обсуждается, перспектива понижения статуса русского языка за счет повышения статуса белорусского не вербализуется.

Ключевые слова: дискурс белорусских СМИ, концепт «национальный язык», социально заданные модусы.

THE CONCEPT “NATIONAL LANGUAGE” IN BELARUSIAN MASS MEDIA*

I.V. Tubalova¹, Y.A. Emer²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: julika71@mail.ru

Abstract

The article discusses the results of the interpretation of the concept “national language” (namely, “Belarusian national language”) by the central and regional news media in Belarus (March – October, 2016). The formation of the conceptual content is determined by (1) the specificity of the media discourse, which functionally is a global re-translator of social modes set by different social forces and an active participant in the formation of these modes in readers’ minds; (2) the specificity of the genre of news reports focused on the objective and factual presentation of information; (3) a special cultural significance of the concept “national language”; (4) historical, cultural and political specificity of the modern Belarusian society. The concept “national language” in Belarusian news reports is represented in two axiological figurative versions: (1) the Belarusian language as a significant component of the national identity and (2) the Belarusian language as the mainstay of the Belarusian statehood. Due to the genre features, the axiological component of the concept – in any

* The study was sponsored by RSSF / RFBR and the Administration of Tomsk Region as part of Research Project Nr 15-14-70004.

form – is verbalised though an appeal to events connected with the problem of national identity and national sovereignty. Describing such events, the media specially transform the content of the cited quotes. The differences in interpretation of the figurative variants are as follows: (1) the level of institutionality in the presentation of the Belarusian language as a component of state sovereignty is much higher than when it is presented as a sign of national identity; (2) the specificity of the socio-political situation determines a conflict-free image of the Belarusian language as a marker of national identity. The competitive relations of the Belarusian and Russian languages are explicated in the formation of the image of the Belarusian national language when referring to the issue of national sovereignty, yet this conflict is weak: the Russian language in news reports of Belarusian media is not discussed as an opponent to Belarusian; the prospect of lower status of the Russian language by increasing that of Belarusian is not verbalised.

Keywords: Belarusian Mass Media discourse, the concept “national language”, social modes.

Цель данной статьи – проанализировать содержание и способы представления концепта «национальный язык» в белорусских новостных СМИ как медийной социальной сфере государства.

В качестве материала привлечены тексты 83 новостных сообщений, размещенных в интернет-пространстве центральных (Салідарнасць (<http://www.gazetaby.com/index.php>), Белновости (<http://www.belnovosti.by/>), Новости TUT.BY (<http://news.tut.by/>), Naviny (<http://naviny.by/>) и др.) и региональных (Сильные Новости (<http://gomel.today/>) и др.) белорусских СМИ, опубликованных в период с марта по октябрь 2016 г. Проанализированные тексты представлены на порталах, интерфейс которых предполагает наличие трехязычной (русский, белорусский, английский языки), двуязычной (русский и белорусский языки) и только русскоязычной (единично) версий.

СМИ в современном информационном пространстве являются одним из глобальных социальных институтов, практики которого основаны на текстовом миромоделировании. Дискурс СМИ представляет социально значимые концепты в особом – манипулятивно обусловленном – модусном ракурсе. При этом специфика дискурса СМИ заключается в его посреднической функции. С одной стороны, он функционально является глобальным ретранслятором социальных модусов, задаваемых различными социальными силами, а с другой – активным участником формирования этих модусов в сознании читателей.

Указанная функция дискурса СМИ проявляется при его обращении к общекультурному концепту «язык», который в рассматриваемой

коммуникативной сфере реализуется в варианте «национальный язык», что соответствует одному из элементов сложной структуры данного концепта – его «социальной» оболочке (Степанов 1997: 714).

Отметим, что в разных коммуникативных сферах концепт «язык» предстает в различных содержательных вариантах. Так, в отдельных коммуникативных сферах его содержание не включает компонент «национальный язык»: в научной лингвистической сфере он рассматривается как «ключевой концепт языкознания» (Ромашко 1991: 161), в фольклоре – как один из дискурсоприобретенных концептов (Эмер 2011) и т. п. Рассматриваемый содержательный вариант общекультурный концепт «язык» приобретает, например, в обыденной сфере – «национальный язык» выделяется исследователями как один из понятийных компонентов соответствующего этнокультурного концепта (Павлюк 2009).

В данной работе мы рассматриваем концепт «национальный язык» как составляющую общекультурного концепта «язык», реализующуюся в качестве самостоятельного элемента концептосферы (концепт «национальный язык») в особом дискурсе – дискурсе СМИ, в силу своей направленности на обыденного адресата совпадающем с обыденной сферой по многим содержательным компонентам.

Концепт «национальный язык» обладает особой общекультурной значимостью. Для каждой нации он оформляется как результат концептуализации конкретного национального языка («русский национальный язык», «украинский национальный язык», «белорусский национальный язык» и др.) и как составляющая концепта «язык», обладает этнокультурной значимостью в рамках национальной концептосферы наряду с такими концептами, как «родина», «природа», концептами, связанными с героическими событиями в истории нации, и т. д. Его ценностная значимость сохраняется при реализации в любой коммуникативной сфере.

При этом общекультурное ценностное содержание может эксплуатироваться по-разному в конкретных социально-коммуникативных сферах (дискурсах) и в зависимости от целей дискурсов представлять в особой модусной конфигурации.

В фокусе нашего внимания – результаты интерпретации концепта «национальный язык» в дискурсе белорусских новостных СМИ. Специфика реализации в нем рассматриваемого концепта определяется не только дискурсивно обусловленным содержательным пересечением с обыденной коммуникативной сферой, но и активностью реагирования данного дискурса на социальные вызовы.

Концепт «национальный язык» в новостном медийном дискурсе реализуется на основании двух наиболее значимых социальных

модусов «этническая значимость» и «государственная значимость». Формируемые образы национального языка являются результатом воплощения этих модусов.

Безусловно, любая нация как «большая социальная группа, высший этап развития этноса, представляющий собой определенную чрезвычайно сплоченную общность людей, характеризующуюся единством территории, языка, культуры, черт национальной психики, а также очень тесными экономическими связями» (Крысько 2002), позиционирует свой язык как одно из значимых проявлений национально-культурного единства и форму национальной идентификации. Реализация данных модусов обладает для каждого социума определенной спецификой, что получает отражение в СМИ. Образ национального языка является индикатором актуализации социальной потребности в этнической и государственной идентификации. В результате новостные СМИ находят разные способы реализации.

Специфика формируемого в белорусских новостных СМИ образа национального языка определяется социально-политическими предпосылками. В Белоруссии обоснование потребности в этнической идентификации определяется особым историческим прошлым государства, связанным, в частности, с пребыванием в составе Российской империи и СССР, со спецификой развития государственной самостоятельности и условиями формирования белорусского национального языка.

Территория современной Белоруссии вошла в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. В 1922 г. Белоруссия стала одной из республик, подписавших Договор об образовании СССР. В 1991 г. она получила самостоятельность и вошла в состав СНГ, членом которого является по настоящее время. В 1990 г. белорусскому языку был придан статус единственного государственного языка. По результатам референдумов 1995–1996 гг. статус государственного получил наряду с белорусским русский язык – как преобладающий в использовании жителями государства. По данным переписи населения Белоруссии 2009 г. (Белстат 2010), из всех жителей республики (все население – 9 503 807 чел.) родным считают белорусский язык 53,2 % респондентов (5 058 402 чел.), русский язык – 41,5 % (3 948 074 чел.); при этом в качестве «языка, на котором обычно разговаривают дома» белорусский называют 23,4 % опрошенных (227 175 чел.), русский – 70,2 % (6 672 964 чел.) (Белстат: 25).

Еще одним свидетельством бытового неравноправия указанных языков является то, что, несмотря на возрастание количества СМИ и

печатных изданий на белорусском языке в последние годы, оно остается достаточно небольшим в сравнении с их количеством на русском языке (Мечковская 2011; Андреев 2016 и др.).

Взаимодействие (как конкурентное, так и равноправное) с русским языком как следствие историко-культурной ситуации их долговременного сосуществования предполагает этносоциокультурно заданное осознание белорусского языка в контексте его взаимоотношений с русским языком. Соответственно, и в дискурсе белорусских новостных СМИ моделирование образа белорусского языка осуществляется в его постоянном сопоставлении с русским языком. При этом установки, транслируемые от имени государственных структур (государственное признание межязыкового равноправия) и исходящие от потребителей новостных сообщений (активно использующих русский язык во всех сферах деятельности, но нуждающихся в сублимации национальной идентичности), не предполагают конфликтности.

Белорусские новостные СМИ преимущественно направлены на выявление функциональной специфики белорусского языка и в меньшей степени – на обсуждение проблемы формирования его социального приоритета, что, вероятнее всего, обусловлено активностью использования русского языка в Белоруссии, его поддержкой на государственном уровне.

Образ национального языка в белорусских новостных СМИ формируется в корреляции с этими особенностями. С одной стороны, СМИ отражают реальные факты актуализации социальной потребности в использовании, развитии и укреплении социального статуса национального языка, с другой – интерпретируют эти факты в особой модусной конфигурации.

Модусная ориентация образа национального языка проявляется уже в отборе информации, связанной с использованием национального языка. Белорусская пресса в новостях, жанрово ориентированных на объективное отражение событий, активно фиксирует различные социальные акции, направленные на развитие в сознании жителей Белоруссии идеи значимости использования белорусского языка. Приведем примеры заголовков новостных сообщений, отражающих характер информационных поводов: *Новый набор открыток «Не маўчы па-беларуску!» – от названий растений до продуктов питания и школьных принадлежностей // Коммунистическая партия Беларуси проводит дни белорусского языка // У Магілёве беларуская мова загучала ў прыгарадных цягніках* и т.д. Заголовки отражают особое внимание к национальному языку как составляющей национальной идентичности, социальную актуальность его использования, но не ориентируют на восприятие его отношений с русским языком как конкурентом (ср.,

напр., с заголовками украинских СМИ, ориентирующими на социально конфликтное использование языков: *Російська мова – це той кит, на якому тримається уся російська агресія* (Російська мова); *«Чужа мова несе чужі проблеми»*, – *Оксана Левкова* (Чужа мова); *Порошенко: частка української мови на телеканалах неприпустимо мала* (Порошенко); *Менше 5 відсотків пісень українською звучить в ефірі радіостанцій* (Менше 5 відсотків пісень) и др.).

Образ национального языка формируется в новостных СМИ через интерпретацию фактов социальной активности, направленной на обращение к национальному языку, и реализуется в двух аспектах.

Рассмотрим аспекты такой модусной интерпретации.

1. Белорусский язык как маркер национальной идентичности. Национальный язык в Белоруссии, по данным новостных СМИ, наряду с русским встраивается в систему функционального распределения социальных ролей языка. В целом ряде новостных сообщений приводятся факты, указывающие на формирование внешней востребованности белорусского языка в мире бизнеса, подтверждающие мысль исследователей о том, что «в целом на рубеже XX–XXI веков в жизни литературного белорусского языка первенствует не естественная коммуникация, но его профессиональное символическое и идеологическое употребление» (Мечковская 2011: 19).

В новостных сообщениях такое положение языка фиксируется в приводимых журналистами высказываниях участников освещаемого события. Отметим, что большинство из проанализированных нами новостных материалов, реализующих рассматриваемый модус, связаны с освещением профессиональной деятельности в основном в сфере бизнеса и рекламы.

Например, в одной из публикаций приводится высказывание предпринимателя-продавца, указывающее на желание его клиентов использовать белорусский язык даже при наличии коммуникативных ограничений: *«Бывает, что я вижу, что люди плохо понимают по-белорусски, но когда я предлагаю с ними говорить по-русски, они отказываются, говорят, что им нравится белорусский язык»* (19-летний минчанин). Автор цитаты акцентирует внимание на бытовой позитивной оценке белорусского языка, направленной, в первую очередь, на его форму (внешняя, «эстетическая» оценка), значимую даже при ограниченном функционале. При этом автор оценочно нейтрально представляет информацию о слабом владении клиентами бизнес-отношений белорусским языком, обнаруживая свойственную данному дискурсу ориентированность на клиента.

Значимым информационным поводом для целого ряда новостных сообщений в белорусских СМИ стал ребрендинг компании «Лидское

пиво», направленный на возвращение в бренд белорусского языка. В экспертных комментариях представителей компании особо отмечается ориентированность на клиента: *Количество людей, заинтересованных в том, чтобы белорусский язык использовался в рекламе, намного больше, чем нам представлялось ранее, спрос на него определенно есть. Мы услышали наших потребителей и обещаем рассмотреть вопрос о появлении белорусского языка в продвижении нашей продукции* (Два вывода).

Помимо фактов, указывающих на клиентские потребности в использовании белорусского языка в бизнес-сфере, пресса фиксирует факты проявления установки агентов этой сферы на институционализацию его статуса как маркера профессионального бизнес-пространства. Высказывания представителей рекламного бизнеса, отражаемые в новостных сообщениях, прямо заявляют о профессиональной функции белорусского языка. Например, эта мысль последовательно отражается в материалах о фестивале белорусскоязычной рекламы, приводимых самыми различными белорусскими новостными СМИ, например белорусской службой новостей «Белновости» (Белновости), гомельским новостным порталом «Сильные новости» (Сильные новости) и др.: *закрепить белорусский язык в сфере бизнеса как полноценное отличительное средство коммуникации* (В Беларуси) // *сегодня, когда мы говорим про белорусскоязычную и белорусскоориентированную рекламу, на первый план выходят эффективность проектов и бизнес-результаты, которые мы наблюдаем в этом сегменте в современных экономических условиях* (В Беларуси).

При этом интерпретация перечисленных фактов в новостных сообщениях белорусских СМИ реализует особый – относительно последовательно реализуемый – модусный смысл, оформляющий отношение к белорусскому языку как форме национальной идентификации.

Такая модусная реализация осуществляется за счет погружения примеров, указывающих на значимость белорусского языка для клиентов бизнес-коммуникации, в широкий контекст, распространяющий эту значимость на общество в целом. В соответствии с жанровой направленностью новостей на изложение фактов, в первую очередь, такое «контекстуальное расширение» содержания оказывается возможным в результате использования особых заголовков: *Два вывода по случаю неожиданной белорусизации «Лидского пива» // Бизнес признал, что белорусскость в моде // 19-летний минчанин открыл магазин с вещами в национальном стиле*. Кроме того, это проявляется и в формулируемых журналистом минимальных интерпретационных зонах новостных сообщений: *Остается надеяться, что это, наконец,*

дойдет и до чиновников, которые во многих случаях продолжают игнорировать пожелания граждан и т. п.

Контекстуальному обобщению, обеспечивающему особую модусную интерпретацию, подвергаются и факты институционализации статуса белорусского языка в бизнес-сферах. Так, в одном из комментариев журналистов по поводу названного выше фестиваля белорусскоязычной рекламы такое расширение обнаруживается в одном абзаце с цитатой организатора фестиваля, фиксирующей профессиональную функцию белорусского языка: *Основные цели фестиваля – расширение использования белорусского языка, чтобы белорусскоориентированных продуктов было больше. Об этом рассказала координатор кампании «Будзьма беларусамі», которая занимается организацией фестиваля, Елена Маковская: «Хочу напомнить об основных целях. Это расширение белорусского языка в рекламе, чтобы белорусскоориентированных проектов было больше...»* (Названы победители). Редуцируя наименование сферы использования белорусского языка (в рекламе), журналист представляет его как социально значимый объект общенационального внимания.

Еще один пример, обнаруживающий значимость использования национального языка в профессиональной сфере Белоруссии, освещаемый в новостных сообщениях, – новость о переносе суда, в тексте которой приводится следующий комментарий подсудимого: *Я потребовал у судьи, чтобы она обращалась ко мне по-белорусски. Она спросила: «Вам переводчик нужен?». Я ответил: «Нет». Она отложила суд до 13 числа в связи с тем, что будет искать переводчика* (В Барановичах). Далее журналист фиксирует мнение подсудимого о том, что из этого следует, что судья не знает родного языка, хотя *«по Конституции /.../ чиновники обязаны знать два государственных языка»* (В Барановичах). Подобная тенденциозная подача фактического материала, сопровождаемая модусно ориентированным заголовком *(В Барановичах перенесли суд, так как судья не знает белорусский язык)*, показывает не только привлекательность обсуждаемой проблемы для читателей, но и интерпретацию частной профессиональной проблемы как национально значимой.

Итак, социальная потребность некоторых институтов Белоруссии и их клиентов в профессиональном использовании национального языка, отражаясь в белорусских новостных СМИ, интерпретируется как общенациональная потребность в национально-культурной идентификации через язык. Конкурентные отношения с русским языком при реализации данного модуса хотя и, безусловно, осознаются, но эксплицируются слабо.

Корреляция между нацией и национальным языком является естественной, не противоречащей социальной сущности национального языка, хотя эта корреляция не всегда является прямой (так, человек, идентифицируя себя как представителя нации, не обязательно указывает в качестве родного не соответствующий этой нации язык и проч.). В результате обращение к обсуждению обозначенной проблемы не обладает высоким уровнем конфликтности, что и проявляется в новостных сообщениях. В силу специфики социально-политической ситуации образ белорусского языка как маркера национальной идентичности реализуется практически бесконфликтно.

2. Повышение статуса национального языка как составляющая процесса укрепления государственного суверенитета. С момента получения Белоруссией самостоятельного государственного статуса в ее идеологических структурах появилась естественная установка на государственный суверенитет. Использование национального языка становится в связи с этим для белорусского общества одним из проявлений этой установки, и в риторических моделях новостных сообщений она оформляется как один из активно транслируемых модусов. Этот модус отражает бытовые установки на оформление белорусской государственности, не соответствующие официально-юридическим. Согласно последним, включение государственного языка в перечень признаков государства недопустимо: «государственный язык – теоретико-практически, политико-юридически важное, значительное, но самостоятельное понятие» (Кененов 2004 и др.).

Как и при обращении к модусу национальной идентичности, реализация модусной интерпретации национального языка как составляющей государственного суверенитета осуществляется, в первую очередь, через высказывания участников новостного события. Для реализации данного модусного смысла СМИ привлекают комментаторов принципиально другого типа – обладающих более высоким уровнем официального авторитета, экспертным статусом, что предполагает восприятие их позиции как институциональной. Институциональный статус цитируемых экспертов активнее, чем при реализации рассмотренного выше модуса, эксплицируется журналистами. Одна из причин этого – более высокая значимость фактора институциональности при решении проблемы укрепления государственного суверенитета, чем при решении проблемы национальной идентификации.

Модус использования национального языка как составляющей процесса укрепления государственного суверенитета реализуется в новостных сообщениях в значительно более конфликтном ракурсе, чем модус обращения к языку как маркеру национальной

идентичности. В результате при ее актуализации значительно чаще эксплицируются конкурентные отношения белорусского и русского языков, представляемые как знаки социально-политической оппозиционности: *Упрекать Беларусь в «антирусификации» – это подло и кощунственно, заявил министр иностранных дел Владимир Макей 8 апреля на пресс-конференции в Москве в ответ на просьбу прокомментировать высказывания ряда российских экспертов о том, что в Беларуси растут националистические и антироссийские настроения. <...>...в Беларуси два государственных языка, и они равноправны. «Белорусский язык – это язык нашей нации, и мы не только не должны его забывать, его необходимо развивать», – заявил дипломат (Макей).* Реализация рассматриваемого модуса оформляется в новостных сообщениях, как уже отмечалось, через актуализацию конкурентных отношений белорусского и русского языков. Но дискуссионный фокус с вопроса о повышении статуса белорусского языка смещается на вопрос о том, не приведет ли это к вытеснению русского языка, а через него приобретает социально-политически конфликтный ракурс.

Приведем еще один пример. По окончании I Международного научного конгресса белорусской культуры (май 2016 г.), прошедшего в Национальной академии наук, в материалах прессы (даже не направленных непосредственно на его освещение) активно обсуждалось выступление профессора кафедры белорусского и иностранных языков Академии МВД (высокий экспертный статус на основании профессиональной роли). В этом выступлении прозвучала идея о том, что статус белорусского национального языка необходимо повысить. Целый ряд электронных СМИ-изданий – Новости TUT.BY (TUT.BY), информагентство Regnum (Regnum), Naviny: белорусские новости (Naviny) и др. – процитировали фрагменты этого выступления: *сегодня «во всех сферах, в том числе в силовых структурах, белорусский язык рассматривается как фактор защиты и обеспечения национального суверенитета», «наступило время принятия государственной программы поддержки белорусского языка, а также изменений в законодательство и Конституцию, предписывающих использование данного языка в Белоруссии» (Naviny).* Минимальные интерпретирующие дополнения к цитатам в новостях сводились к расстановке внешних смысловых акцентов по поводу наиболее важных, с точки зрения эксперта, моментов выступления (*подчеркнула, что*). В основном же новостные СМИ в своих комментариях к цитатам проявляли дистанцированность от оценки их содержания (...*напомнила; отметила; добавила; сказала* и т. д.). Информативно-нейтральными, при этом незначительными по объему в сравнении с цитатным пространством, являются и собственные дополняющие

цитаты комментарии журналистов: *С начала 1990-х годов в государстве предпринимались различные меры по регулированию языкового вопроса, начиная от объявления белорусского языка единственным государственным, до референдума, который придал русскому языку равный статус с белорусским, и ряда поправок в языковое законодательство (TUT.BY) и т. п.*

Несмотря на оценочно нейтральный характер цитирования, важно, что указанное выступление нашло отклик в целом ряде новостных сообщений (14 из зафиксированных нами), что свидетельствует не только о значимости информационного повода, но и о наличии социальной потребности в актуализации заложенной в его содержании проблемы.

Отметим, что в новостных сообщениях в силу разных факторов (в частности, жанровой специфики, определяющей нейтральное представление информации), во-первых, проблема повышения официального статуса белорусского языка текстологически оформляется только через цитирование экспертов, во-вторых, ее оценка реализуется только как отрицание установки на антирусификацию (см. первый пример реализации рассматриваемого модуля).

В аналитических статьях белорусских СМИ имеет место и другое – предъявленное от имени журналиста и при этом высококонфликтное – оценочное развертывание обсуждаемой проблемы. Так, один из авторов пишет: *Если подвести итог, то очевидно, что естественным путем вытеснить русский язык белорусским не получится. Белорусы при прочих равных условиях выбирают русский язык. Однако власти исходят не из этого факта, а из политической задачи «укрепления суверенитета», тогда как зарубежные «доброжелатели», вдохновляясь примером Украины, стремятся раздуть искры белорусизации в пламя русофобии и национализма* (Андреев 2016). Оценочная позиция представлена эксплицитно. Используя яркие риторические оценочные образы (*зарубежные «доброжелатели», раздуть искры белорусизации в пламя русофобии и национализма* и др.), автор моделирует образ национального языка как орудия агрессии, выстраивая оппозицию между «белорусским народом» и «властью» и представляя белорусский язык как язык власти, но не народа (*Белорусы при прочих равных условиях выбирают русский язык*). Жесткий негатив по отношению к автору цитаты проявился, например, в использовании иронических риторических конструкций (как проявления общей иронической стилистической доминанты): *...сколько ностальгии звучит в высказываниях почтенного педагога из МВД по тем замечательным временам, когда в 1990 году перепуганные перестройкой коммунисты и кучка националистов-демагогов из БНФ приняли в Верховном Совете закон «О языках в Белорусской*

ССР»... // *И вот тут память начинает подводить почтенного педагога...* и др.

Итак, уровень институциональности при реализации модуса, представляющего белорусский язык как составляющую государственного суверенитета, в новостных СМИ оказывается значительно выше, чем при реализации модуса, представляющего его как знак национальной идентификации.

В силу того что решение проблемы повышения статуса национального языка как составляющей процесса укрепления государственного суверенитета осознается в сфере полномочий официальных государственных структур, а СМИ (независимо от позиции) оформляют свою точку зрения как внешнюю по отношению к ним, при реализации данного модуса экспертная позиция и институциональный статус экспертов приобретают особую роль.

Несмотря на конфликтность экспликации конкурентных отношений белорусского и русского языков в связи с решением проблемы государственного суверенитета, русский язык в новостных сообщениях белорусских СМИ как противник белорусского не обсуждается, перспектива понижения статуса русского языка за счет повышения статуса белорусского не вербализуется.

Таким образом, концепт «национальный язык» в белорусских новостных сообщениях предстает в двух ценностно ориентированных образных вариантах: белорусский язык как значимая составляющая национальной идентичности и белорусский язык как оплот белорусской государственности.

В силу жанровых особенностей новостных сообщений ценностная составляющая рассматриваемого концепта при любом варианте его реализации оформляется через обращение к событиям, связанным с решением проблемы национальной идентичности и государственного суверенитета, при описании которых СМИ особым образом конфигурируют содержание приводимых цитат.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев 2016 - *Андреев И.* О положении русского языка в Белоруссии // Новостной фронт: информационное агентство. 18.04.2016. URL: <http://news-front.info/2016/04/18/o-polozhenii-russkogo-yazyka-v-belorussii-ivan-andreev> (дата обращения: 09.05.2016).

Белновости - Белновости: Белорусская служба новостей. URL: <http://www.belnovosti.by/society/47083-200520161205.html> (дата обращения: 10.05.2016).

Белстат 2010 - Итоги переписи населения 2009. Общая численность населения, его состав по возрасту, полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку и источникам средств к существованию: Статистический бюллетень Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстат). Рег. номер 26/5-р. Минск, 1 сентября 2010 г. 28 с. URL: http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-byulleteni/index_544 (дата обращения: 11.06.2016).

В Барановичах - В Барановичах перенесли суд, так как судья не знает белорусский язык. URL: <http://euroradio.fm/ru/v-baranovichah-perenesli-sud-tak-kak-sudya-ne-znaet-beloruskiy-yazyk> (дата обращения: 10.10.2016).

В Беларуси - В Беларуси стартовал 7-й фестиваль белорусскоязычной рекламы и коммуникации aDNAK! URL: <http://gomel.today/rus/news/belarus-1678> (дата обращения: 16.05.2016).

Два вывода - Два вывода по случаю неожиданной белорусизации «Лидского пива». URL: http://www.gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=113118 (дата обращения: 16.05.2016).

Кененов 2004 - *Кененов А.А.* Теория государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 2004. 464 с. URL: <http://lawtoday.ru/razdel/biblio/tgp/014.php> (дата обращения: 01.10.2016).

Крысько 2002 - *Крысько В.Г.* Этническая психология: Учеб. пособие. М.: Академия, 2002. 320 с.

Макей - Макей: нам необходимо развивать белорусский язык. URL: http://new.naviny.by/rubrics/society/2016/04/08/ic_news_116_473192 (дата обращения: 10.10.2016).

Менше 5 відсотків пісень - Менше 5 відсотків пісень українською звучить в ефірі радіостанцій. URL: <http://ua.racurs.ua/1272-putinske-nou-hau-abo-vidchogo-zalezjt-indeks-rezultatyvnosti-rosijskoyi-propagandy> (дата обращения: 01.05.2016).

Мечковская 2011 - *Мечковская Н.Б.* Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). С. 207–224.

Названы победители - Названы победители 7-го фестиваля белорусскоязычной рекламы и коммуникации aDNAK. URL: <http://euroradio.fm/ru/nazvany-pobediteli-7-go-festivalya-beloruskoyazychnoy-reklamy-i-kommunikacii-adnak> (дата обращения: 10.10.2016).

Павлюк 2009 - *Павлюк Л.В.* Концепт язык в обыденном языковом сознании // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 2. С. 86–88.

Порошенко - Порошенко: частка української мови на телеканалах неприпустимо мала. URL: <http://www.unian.ua/politics/1482001-poroshenko-chastka-ukrajinskoji-movi-na-telekanalah-nepripustimo-mala.html> (дата обращения: 01.05.2016).

Ромашко 1991 - Ромашко С.А. «Язык»: структура концепта и возможности развертывания лингвистических концепций // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 161 – 163.

Російська мова - Російська мова – це той кит, на якому тримається вся російська аргесія. URL: <http://tsn.ua/blogi/themes/politics/yazyk-obscheniya-russkiy-729407.html><http://tsn.ua/blogi/themes/politics/yazyk-obscheniya-russkiy-729407.html> (дата обращения: 01.10.2016).

Сильные новости - Сильные новости: новостной портал. URL: <http://gomel.today/rus/news/belarus-1678/> (дата обращения: 16.05.2016).

Степанов 1997 - Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Чужа мова - «Чужа мова несе чужі проблеми», – Оксана Левкова. URL: http://gazeta.ua/articles/sogodennya/_cuzha-mova-nese-chuzhi-problemi-oksana-levkova/693152 (дата обращения: 01.05.2016).

Эмер 2011 - Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор. Когниции и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.

19-летний минчанин - 19-летний минчанин открыл магазин с вещами в национальном стиле. URL: <https://charter97.org/ru/news/2016/5/2/202465/> (дата обращения: 10.05.2016).

Naviny - Naviny: белорусские новости. URL: http://naviny.by/rubrics/culture/2016/05/06/ic_news_117_474637 (дата обращения: 10.10.2016).

Regnum - Regnum: информагентство. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2129349.html> (дата обращения: 10.10.2016).

TUT.BY - Новости TUT.BY. URL: <http://news.tut.by/society/495596.html> (дата обращения: 10.10.2016).

REFERENCES

Andreev, I. (2016) *O polozhenii russkogo yazyka v Belorussii* [About the status of the Russian language in Belarus]. [Online] Available from: <http://news-front.info/2016/04/18/o-polozhenii-russkogo-yazyka-v-belorussii-ivan-andreev> (Accessed: 9th May 2016).

Belnovosti. (2016) *Belnovosti: Belorusskaya sluzhba novostey* [Belnovosti: Belarusian news service]. [Online] Available from: <http://www.belnovosti.by/society/47083-200520161205.html> (Accessed: 10th May 2016).

The National Statistics Committee of Belarus. (2010) *Itogi perepisi naseleniya 2009. Obshchaya chislennost' naseleniya, ego sostav po vozrastu, polu, sostoyaniyu v brake, urovnyu obrazovaniya, natsional'nostyam, yazyku i istochnikam sredstv k sushchestvovaniyu* [The results of the 2009 Population Census. Total population, its composition by age, sex, marital status, education level, ethnicity, language, and livelihoods]. [Online] Available from: <http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya->

2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-byulleteni/index_544 (Accessed: 11th June 2016).

Euroradio.fm. (2016) *V Baranovichakh perenesli sud, tak kak sud'ya ne znaet belorusskiy yazyk* [The trial in Baranavichy was postponed because the judge does not speak Belarusian]. [Online] Available from: <http://euroradio.fm/ru/v-baranovichah-perenesli-sud-tak-kak-sudya-ne-znaet-belorusskiy-yazyk> (Accessed: 10th October 2016).

Gomel.today. (2016) *V Belarusi startoval 7-y festival' belorusskoyazychnoy reklamy i kommuni-katsii aDNaK!* [The 7th aDNaK festival of advertizing and communication in Belarusian started!]. [Online] Available from: <http://gomel.today/rus/news/belarus-1678> (Accessed: 16th May 2016).

Pokholchik, K. (2016) *Dva vyvoda po sluchayu neozhidannoy belorusizatsii "Lidskogo piva"* [Two conclusions about the unexpected belorusization of "Lida Beer"]. [Online] Available from: http://www.gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=113118 (Accessed: 16th May 2016).

Kenenov, A.A. (2004) *Teoriya gosudarstva i prava* [The Theory of State and Law]. Moscow: Zertsalo. [Online] Available from: <http://lawtoday.ru/razdel/biblio/tgp/014.php> (Accessed: 1st October 2016).

Krysko, V.G. (2002) *Etnicheskaya psikhologiya* [Ethnic psychology]. Moscow: Akademiya.

Makey, V. (2016) *Makey: nam neobkhodimo razvivat' belorusskiy yazyk* [Mackay: we need to develop the Belarusian language]. [Online] Available from: http://new.naviny.by/rubrics/society/2016/04/08/ic_news_116_473192 (Accessed: 10th October 2016).

KoroL, V. (2016) *Menshe 5 vidsotkiv pisen' ukrains'koyu zvuchit' v efiri radiostantsiy* [Less than 5 percent of the songs in the Ukrainian language are broadcast on the radio]. [Online] Available from: <http://ua.racurs.ua/1272-putinske-nou-hau-abo-vid-chogo-zalejyt-indeks-rezultatyvnosti-rosiyskoyi-propagandy> (Accessed: 1st May 2016).

Mechkovskaya, N.B. (2011) *Pochemu v postsovetskoy Belarusi vse men'she govoryat na belorusskom yazyke* [Why in the post-Soviet Belarus fewer and fewer people speak the Belarusian language]. *Neprikosnovennyi zapas*. 6 (80). pp. 207-224.

Euroradio.fm. (2016) *Nazvany pobediteli 7-go festivalya belorusskoyazychnoy reklamy i kommunikatsii aDNaK* [The winners of the 7th Festival of Belarusian advertising and communications aDNaK made public]. [Online] Available from: <http://euroradio.fm/ru/nazvany-pobediteli-7-go-festivalya-belorusskoyazychnoy-reklamy-i-kommunikacii-adnak> (Accessed: 10th October 2016).

Pavlyuk, L.V. (2009) *Kontsept yazyk v obydennom yazykovom soznanii* [The concept "language" in everyday language consciousness]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*. 2. pp. 86-88.

Poroshenko, P. (2016) *Chastka ukrains'koї movi na telekanalakh nepripustimo mala* [The share of the Ukrainian language on TV channels is unacceptably low]. [Online] Available from: <http://www.unian.ua/politics/1482001-poroshenko-chastka-ukrajinskoji-movi-na-telekanalah-nepripustimo-mala.html> (Accessed: 1st May 2016).

Romashko, S.A. (1991) “Yazyk”: struktura kontsepta i vozmozhnosti razvertyvaniya lingvisticheskikh kontseptsiy [“Language”: the concept structure and the unfolding potential of linguistic concepts]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow: Nauka. pp. 161-163.

TSN. (n.d.) *Rosiys'ka mova – tse toy kit, na yakomu trimaet'sya vsya rosiys'ka agresiya* [Russian language is the whale, on which all Russian aggression is based]. [Online] Available from: <http://tsn.ua/blogi/themes/politics/yazyk-obscheniya-russkiy-729407.html> (Accessed: 1st October 2016).

Gomel.today. (2016) *Sil'nye novosti: novostnoy portal* [Strong news: news portal]. [Online] Available from: <http://gomel.today/rus/news/belarus-1678> (Accessed: 16th May 2016).

Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: A Dictionary of Russian culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Levkova, O. (2016) *Chuzha mova nese chuzhi problem* [Foreign language brings other people's problems]. [Online] Available from: http://gazeta.ua/articles/sogodennya/_chuzha-mova-nese-chuzhi-problemi-oksana-levkova/693152 (Accessed: 1st May 2016).

Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesenny fol'klor. Kognitsii i diskursy* [Modern song folklore. Cognitions and discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Charter97.org. (2016) *19-letniy minchanin otkryl magazin s veshchami v natsional'nom stile* [A 19-year-old citizen of Minsk opened a shop with things in national style]. [Online] Available from: <https://charter97.org/ru/news/2016/5/2/202465> (Accessed: 10th May 2016).

Naviny.by. (2016) *Naviny: belorusskie novosti* [Naviny: Belarus News]. [Online] Available from: http://naviny.by/rubrics/culture/2016/05/06/ic_news_117_474637 (Accessed: 10th October 2016).

Regnum. (2016) *Regnum: informagentstvo* [Regnum: Information Agency]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/2129349.html> (Accessed: 10th October 2016).

Shchbakov, Z. (2016) *Professor Akademii MVD: v Belarusi neobkhodimo prinyat' gosprogrammuy podderzhki belorusskogo yazyka* [Professor of Academy of Internal Affairs: Belarus must accept the program of state support of the Belarusian language]. [Online] Available from: <http://news.tut.by/society/495596.html> (Accessed: 10th October 2016).

Тубалова Инна Витальевна – доктор филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Tubalova Inna - Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Эмер Юлия Антоновна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Emer Julia - Tomsk State University (Russia).

E-mail: julika71@mail.ru

Памяти Владимира Ивановича Царанова – ученого и общественного деятеля

31 октября 2016 г. ушел из жизни видный ученый и организатор науки, член-корреспондент Академии наук Молдовы, доктор исторических наук, профессор Владимир Иванович Царанов.

Владимир Иванович родился 31 марта 1932 г. на Украине, в городе Горловка Донецкой области. В 1950 г. поступил в Кишиневский государственный университет на исторический факультет, который с отличием окончил в 1955 г. После был рекомендован для поступления в аспирантуру и направлен Молдавским филиалом Академии наук СССР в Москву, в Институт истории АН СССР. После успешной сдачи вступительных экзаменов

В.И. Царанов был зачислен в аспирантуру. В 1960 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1976 г. – докторскую.

В.И. Царанов известен своими исследованиями в области истории индустриального развития, аграрных отношений, национально-государственного строительства и изданием исторических документов. Он является автором более 300 научных публикаций, в том числе более 20 монографий, среди которых – «По пути индустриализации», «Индустриальный прогресс Советской Молдавии», «Операция “Юг” (о судьбе зажиточного крестьянства Молдавии)», «Очерки социально-экономического развития Молдовы (1940–1960 гг.)», «Очерки советской цивилизации» и др.

Как опытный специалист участвовал в организации, написании и редактировании обобщающих трудов: «История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней», «История народного хозяйства МССР. 1917–1959 гг.», «История национально-государственного строительства в СССР» (в двух томах), «История Европы» (в восьми томах), т. I–II, «История МССР» (в шести томах), т. I, «Молдавский исто-

рический журнал» и др. В его научных изысканиях отражены новые знания, тщательно документированы выводы, которые автор последовательно отстаивал. Результаты исследований, прочно вошедшие в научный оборот, неоднократно докладывались на различных научных форумах, в том числе в Бухаресте (1970), Москве (1979), Штутгарте (1985), Мадриде (1990) и др.

В 1977–1991 г. Владимир Иванович возглавлял Институт истории АН Молдовы. Организатор научного процесса, он выступал и как руководитель различных научных проблемных советов, являлся членом Национального комитета историков СССР. Подготовил 20 кандидатов наук, на протяжении ряда лет руководил специализированным советом по защите диссертаций, был членом комиссии по аттестации научных и научно-педагогических кадров Национального совета по аккредитации и аттестации Республики Молдова. Как депутат Парламента РМ активно участвовал в разработке законов о науке.

В.И. Царанов был лауреатом Государственных премий Молдавской и Украинской ССР, специальных премий Президиума АН Молдовы.

С 1996 г. Владимир Иванович возглавлял Ассоциацию ученых Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару, которая на общественных началах объединяет более 100 различных ученых. Ее основной задачей является консолидация их творческих усилий в исследовании проблем, возникающих от потребностей познания, и отстаивании прогрессивных концепций и взглядов. За 20 лет своей деятельности ассоциация провела более 100 научных конференций и круглых столов, на которых обсуждались результаты научных исследований, проводимых под ее началом. Они были посвящены проблемам методологии познания, истории и этнографии, экономики развития страны, ее культуры и культурного наследия, становления человека как личности, развития среды его обитания, состояния современного общества в Молдове и т.д. Материалы научных форумов под эгидой ассоциации были опубликованы в ряде научных сборников и журналов и стали достоянием научной и широкой общественности.

В.И. Царанов активно сотрудничал с журналом «Русин», публикуя в нем свои статьи, участвовал в конференциях, проводимых по тематике этого издания, оказывал консультативную помощь членам редколлегии.

Светлая память о видном ученом, принципиальном, честном и неравнодушном человеке, настоящем патриоте навсегда останется в сердцах тех, кто с ним работал и знал его.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

ОСНОВАН В 2003 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2016, №4 (46)

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 296 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 24.12.2016. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 400 экз.
Заказ 179.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

**В 2016 году международный исторический журнал
«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

РОДНОЙ ЯЗЫК

В.Я. БРЮСОВ (1873-1924)

Мой верный друг! Мой враг коварный!
Мой царь! Мой раб! Родной язык!
Мои стихи – как дым алтарный!
Как вызов яростный – мой крик!

Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил.
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.

Как часто в тайне звуков странных
И в потаённом смысле слов
Я обретал напев неожиданных,
Овладевавших мной стихов!

Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоён тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей - отзвук твой!

Ты ждёшь, подобен великану.
Я пред тобой склонен лицом.
И всё ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством!

Нет грани моему упорству.
Ты - в вечности, я - в кратких днях,
Но всё ж, как магу, мне покорствуй,
Иль обрати безумца в прах!

Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю, ты ответствуй,
Иду, - ты будь готов к борьбе!

Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты – мститель мой, ты – мой спаситель,
Твой мир – навек моя обитель,
Твой голос – небо надо мной!

31 декабря 1911 г.

Источник: Валерий Брюсов. Стихотворения. М.: Детская литература, 1971.

